

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
д.филол.н., проф.
Е.И. КОРКИНОЙ

ЕВДОКИЯ ИННОКЕНТЬЕВНА КОРКИНА:

БИОГРАФИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАУЧНОГО И ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Якутск 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

**ЕВДОКИЯ ИННОКЕНТЬЕВНА КОРКИНА:
БИОГРАФИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
НАУЧНОГО И ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ**

Сборник научных статей

Якутск-2018

УДК 811.512.157(082)

ББК 81.2Як

Редакционная коллегия:

д.филол.н. *Данилова Н.И.*, к.филол.н. *Попова Н.И.*, к.филол.н. *Самсонова Е.М.*

Рецензенты:

к.филол.н. *Романова Л.Н.*, к.филол.н. *Семенова Е.В.*, к.филол.н. *Сорова И.Н.*

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация
К66 научного и творческого наследия. Сборник научных статей. – Якутск:
Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2018. – 281 с.

Сборник составлен из материалов Всероссийских научных чтений «Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия», посвященных 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, директора Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР в 1963-1984 гг. Е.И. Коркиной. Материал сборника посвящен проблемам изучения лингвистического и этнокультурного ландшафта Сибири в контексте основных направлений богатого профессионального наследия Е.И. Коркиной.

Издание адресовано широкому кругу специалистов по филологическим и историческим дисциплинам.

ISBN 978-5-902198-37-6

© ИГИ и ПМНС СО РАН, 2018

*Евдокия Иннокентьевна Коркина –
доктор филологических наук, профессор,
директор Института языка, литературы и истории
Якутского филиала СО АН СССР в 1963-1984 гг.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Научная интерпретация профессионального наследия Е.И. Коркиной	
Слепцов П.А.	
Е.И. Коркина – руководитель, ученый	10
Филиппов Г.Г.	
О методологии исследования Е.И. Коркиной “Наклонения глагола в якутском языке”	13
Ефремов Н.Н.	
Функциональные формы глагола в исследовании Е.И. Коркиной (в аспекте сложного предложения и функционально-семантических категорий)	22
Сивцева Н.А.	
Сложное синтаксическое целое с бытийным глаголом в монографии Е.И. Коркиной “Наклонения глагола в якутском языке”	27
Харабаева В.И.	
Е.И. Коркина о глагольных лично-отнесенных модальных конструкциях в якутском языке	31
Васильева Н.Н.	
Сыһыат туохтуур сыһыаттыыбыта (Е.И. Коркина матырыйаалыгар эбии булуу) ..	35
Чиркочева Д.И.	
Е.И. Коркина туохтуур сорууйар кизэбин үөрэтиитэ	39
Алексеев И.Е.	
Е.И. Коркина: Хотугулуу-илинни түөлбэбэ сахалыы санаба дорҕооннор уратылара	42
Дьячковский Ф.Н.	
Семантическое своеобразие колымского говора якутского языка (на материале научных исследований Е.И. Коркиной)	47
Николаева А.М.	
Монгольские заимствования в лексике, характеризующей человека, в северо-восточных говорах якутского языка (по материалам словаря в книге Е.И. Коркиной “Северо-восточная диалектная зона якутского языка” (1992)	52
Николаев Е.Р.	
Анал ааттары ырытыыга түөлбэ тылын туһаныы туһунан (Е.И. Коркина “Северо-восточная диалектная зона якутского языка” үлэтинэн)	56
Оконешников Е.И.	
Е.И. Коркина – М.Н. Андросова-Ионова олобун, айар үлэтин бастакы чинчийээччи	59
Курилов Г.Н.	
Е.И. Коркина – основоположник научного центра коренных малочисленных народов Севера в Якутии	63
Степанова Л.Б.	
Интервью с фотографией: обзор научно-организационных мероприятий ИЯЛИ 1960-1970-е гг.	65
Петров П.П.	
Е.И. Коркина и ИЯЛИ в 1970–1980-е годы	71
Чарина О.И.	
Роль Е.И. Коркиной в сохранении документов Д.И. Меликова	78

**Актуальные проблемы языков народов России
в контексте научного наследия Е.И. Коркиной**

Широбокова Н.Н. Усложнение языковых подсистем якутского языка как результат языковых контактов	83
Шамина Л.А. Акциональные модификации со вспомогательными глаголами в тувинском языке ..	88
Попова Н.И. Особенности семантики аналитической конструкции с глаголом-модификатором <i>тур-</i> в якутском языке	91
Винокурова Н.И. Императив в ряду функциональных проекций	99
Ооржак Б.Ч. Семантика императива 1-го лица в тувинском языке	102
Озонова А.А. Деепричастные формы алтайского языка (в сопоставлении с якутским)	106
Дубровина М.Э. О глагольных именах в якутском и турецком языках. Опыт сравнительного анализа	109
Данилова Н.И. Семантические типы каузативных глаголов в якутском языке	115
Самсонова Е.М. Функционирование предельных глаголов передачи объекта в якутском языке	122
Иванова И.Б. Частицы как средство выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке	125
Салчак А.Я., Ондар В.С., Кужугет Ш.Ю. Создание электронных корпусов тувинского языка	130
Шарина С.И. Лексикографическое исследование эвенского языка: к постановке проблемы ..	134
Кузьмина А.А. Некоторые названия насекомых в якутском литературном языке и его диалектах (сравнительный аспект)	138
Хусаинова Л.М. Кодификация правописания сложных слов с компонентом “ак (белый)” в башкирском языке	141
Васильева Н.М. Сахалыы таба суруйуу: анкыата түмүгэ	144
Борисова Ю.М. Принципы терминотворчества в словарях Г.В. Баишева-Алтан Сарына и П.А. Ойунского	148
Акимова А.С. Приемы подачи заимствованных слов-терминов в «Кратком терминологическом словаре якутского языка» П.П. Барашкова	153

**Проблемы формирования и эволюции культурного
и лингвистического ландшафта тюркоязычных народов России**

Насилов Д.М., Бурыкин А.А. Роль индивидуализированного лексического материала тюркских языков для сравнительно-исторического изучения алтайских языков	157
Шайхулов А.Г. Этнокультурные и этнолингвистические контакты народов Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Северо-Востока Российской Федерации: евразийский аспект интерпретации	162
Васильева Р.И. Лексические заимствования из якутского языка в устной русской речи как фактор исторического развития якутско-русских языковых контактов в Республике Саха (Якутия) (на материале Приленья)	166
Захарова Н.Е. Сопоставительный анализ содержания образа людей разных национальностей в языковом сознании эвенков, якутов и русских	172
Ушницкий В.В. Изучение проблемы этногенеза саха в ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР	175
Васильев В.Е. Этимология термина <i>кэрэх</i> и его этнографические интерпретации (постановка проблемы)	180
Попов В.Г. К этимологии названий якутского традиционного длинноклинкового вида холодного оружия типа ятаган	183
Иванов С.А. Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к коневодству	187
Ларионова А.С. Специфика отражения верхоянского говора в традиционной пении якутов в контексте диалектологических исследований якутского языка	195
Мухоплева С.Д., Павлова Н.В. Локальный якутский фольклор в записях Оленекской диалектологической экспедиции 1959 г.	199
Бурцева Ж.В. Литература малочисленных народов Севера Якутии: концепт КОЧЕВЬЕ	215
Мыреева А.Н. Жизнь и судьба писателя в историко-автобиографическом романе Е.П. Неймохова «Алампа»	220

Гуманитарное знание и преемственность научных традиций

Кычкина Л.И. Филологической наука доктора, профессор Е.И. Коркинаҕа анаммыт библиографической ыйынныктары ырытыгы	226
Лугинова О.А. Термины женских украшений якутов: ытарҕа ‘серьги’ (по материалам “Словаря якутского языка” Э.К. Пекарского)	229
Аммосова О.Н. Гиперо-гипонимический анализ лексемы “мас” в современном якутском языке	234
Божедонова А.Е. Имена прилагательные, описывающие масти лошади в якутском и монгольском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно- тюркскими языками (лексико-семантические и фоноструктурные особенности)	237
Прокопьева А.К., Захарова А.М. Образные прилагательные с имплицитным сравнением в составе словосочетаний (на материале олонхо “Дьулуруйар Ньургун Боотур” П.А. Ойунского)	240
Сидорова Т.А. Способы образования звукоподражательных глаголов в якутском языке (в сопоставлении с монгольским языком)	243
Васильев И.Ю., Кириллина К.Т. Фоно-структурные параллели якутско-турецких соответствий в названиях растительного мира	248
Бурцева Е.М. Саха уонна тыыба тылларыгар икки сүһүөхтээх даҕааһын ааттарга аһаҕас дорҕоон иһиллэр уратыта	253
Егорова Я.А. Саха тылыгар араас иэйиилээх тылларга аһаҕас уонна бүтэй дорҕоон дэгэт суолталаах көрүн уларыыыта	257
Портнягина Л.В. Словесное ударение в якутском и хакасском языках (сравнительно- сопоставительный аспект)	261
Гуляева Н.В. “Тойон Дьаҕарыма” олонхоҕо ханыы тыл туттуллуута	266
Данилова О.С. Драматической айымныга парцелляция туттуллуута (С.Ермолаев-Сиэн Өкөр “Алаас ортотугар соҕотох бэс” дырааматынан)	269
Кларова С.Б. Особенности перевода на русский язык звукоподражательных слов якутского языка (на материале текста “Олонхо” в самозаписи А.Я. Уваровского)	272
Харайданова С.А. Особенности перевода сложноподчиненных предложений времени якутского языка на русский язык (на материале повести В.С. Яковлева–Далана “Глухой Виллюй”)	276

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник составлен из материалов Всероссийских научных чтений «Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия», посвященных 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, директора Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР в 1963-1984 гг. Е.И. Коркиной.

Конференция была организована Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН при финансовой поддержке Министерства образования и науки РС(Я) и прошла 14-15 декабря 2017 года в г. Якутске. Участие в работе конференции приняли ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Улан-Удэ, Республик Алтай и Тува, Якутска.

Е.И. Коркина – автор фундаментальных исследований по грамматике, лексике и диалектологии якутского языка, исследователь и пропагандист научного и культурного наследия выдающихся представителей якутской интеллигенции начала XX столетия, общественный деятель и организатор науки, внесший крупный вклад в развитие интеллектуальных традиций и гуманитарной мысли в Республике Саха (Якутия).

Материал сборника в целом посвящен проблемам изучения лингвистического и этнокультурного ландшафта Сибири в контексте основных направлений богатого профессионального наследия Е.И. Коркиной.

Сборник предваряет раздел «Научная интерпретация профессионального наследия Е.И. Коркиной», который составили статьи, посвященные современному осмыслению теоретико-методологических положений, обоснованных в исследованиях ученого. В разделе представлен анализ фундаментальных работ Е.И. Коркиной по якутскому языку, дана оценка ее деятельности по организации гуманитарной науки в республике. Авторы статей солидарны в том, что ее научные идеи и достижения до сих пор продолжают оказывать огромное влияние на развитие научных традиций и требуют дальнейшего изучения в аспектах, представляющих актуальность для современной науки.

Раздел «Актуальные проблемы языков народов России в контексте научного наследия Е.И. Коркиной» включает статьи по теоретическим и прикладным аспектам языков народов России. Они посвящены проблемам исторического развития, современной грамматической и лексической системы, а также вопросам разработки прикладных аспектов: терминологии, нормализации, создания электронных корпусов – языков народов Сибири. Статьи раздела выполнены в русле лингвистической деятельности Е.И. Коркиной.

Проблематику раздела «Проблемы формирования и эволюции культурного и лингвистического ландшафта народов России» составило культурное и культурно-языковое своеобразие различных групп тюркоязычных этносов. В научных статьях раздела поставлены вопросы сравнительно-исторических, этнокультурных, этнолингвистических аспектов исследования языка и литературы народов России. Материалы раздела можно рассматривать как продолжение творческого достояния Е.И. Коркиной.

Статьи молодых исследователей, посвященные вопросам фонетики, грамматики, лексики якутского языка представленные в отдельном разделе, призваны продемонстрировать преемственность научных традиций, заложенных Е.И. Коркиной.

Редколлегия

НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ Е.И. КОРКИНОЙ

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_001

П.А. Слепцов,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Е.И. КОРКИНА – РУКОВОДИТЕЛЬ, УЧЁНЫЙ

Евдокия Иннокентьевна Коркина – замечательная дочь якутского народа, оставившая своё светлое имя в памяти народа, в культуре и науке. Мы, работая бок о бок в течение десятилетий, всегда восхищались обаянием её человеческой личности, обожали как руководителя и как учёного. И то, что она была руководителем нашего Института в течение более двадцати лет - наша большая удача и огромное везение. Об этом мы можем говорить, имея опыт повседневного общения с ней и хорошо зная изнутри наши институтские проблемы, которые с ее помощью со временем были преодолены.

Если говорить об основных особенностях научно-организационной деятельности Евдокии Иннокентьевны как руководителя научно-исследовательского института и как учёного-языковеда, то можно в обобщённом виде отметить следующие моменты.

За время руководства Евдокии Иннокентьевны научно-исследовательский институт дал фундаментальные труды почти по всем отраслям гуманитарных наук. Так, в области якутского языкознания выпущены двухтомная фундаментальная академическая грамматика якутского языка, русско-якутский, якутско-русский словари – настольные пособия для всех занимающихся якутским языком, диалектологический словарь в двух выпусках. Выпущены капитальные труды профессоров Н.Е. Петрова, М.С. Воронкина, П.С. Афанасьева и других. При поддержке директора была создана двухмиллионная картотека якутского языка. Завершается издание многотомного академического Большого толкового словаря якутского языка на

двух языках. При ней был создан отдел северной филологии, который затем стал Институтом проблем малочисленных народов Севера, где трудились выдающиеся учёные-северяне, такие как лауреат Госпремии России А.Н. Мыреева, В.А. Роббек, Г.Н. Курилов, Г.И. Варламова, Т.Е. Андреева и многие другие.

За время руководства ИЯЛИ Е.И. Коркиной количество сотрудников значительно возросло (от 44-х до 110, в том числе 5 докторов, 45 кандидатов наук, а было: 1 доктор, 10 кандидатов наук). Созданная по ее инициативе структура Института из девяти секторов – северной филологии, грамматики и диалектологии, лексикологии и лексикографии, литературы и искусствоведения, фольклора, истории досоветского периода, истории советского периода и двух лабораторий: археологии и этносоциологии – позволила достичь крупных достижений по актуальным направлениям гуманитарной науки Якутии.

Е.И. Коркина на научном поприще выступила прежде всего как грамматист, диалектолог, историк науки и культуры. Если коснуться диалектологических работ, то здесь отражается её личность как человека очень решительного, не боящегося никаких трудностей в достижении поставленной цели. Она в самых скверных дорожных условиях (практически по бездорожью) объездила весь северо-восток Якутии (Оленёкский, Булунский, Момский, Оймяконский, три Колымских, два Янских, Усть-Янский и Верхоянский улусы, Сусуманский район Магаданской области). По всем этим районам она собрала огромный материал, написала научные статьи, большую монографию «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (Новосибирск: Наука, 1985).

Наиболее важным исследованием Е.И. Коркиной является фундаментальная монография «Наклонения глагола в якутском языке» (М., 1970), защищённая в качестве докторской диссертации и получившая многочисленные восторженные рецензии в бывшем Советском Союзе и за рубежом. Здесь выявлен едва ли не весь состав якутских регулярных глагольных парадигм и предложена их полная и строгая грамматическая классификация, основанная на достижениях тюркского языкознания.

Вопреки сложившейся традиции, Евдокия Иннокентьевна строго разграничивает формы, устоявшиеся в современном литературном языке как нормативные, и некоторые диалектные, а также явно устаревшие формы. Многие формы чётко охарактеризованы с точки зрения сферы их применения, относительно употребительности, а также их собственно стилистических особенностей. Привлекается богатый фактический материал, отражающий основные жанры и стили современного якутского языка.

По мнению известного российского тюрколога А.А. Юлдашева, монография Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» отличается

не только полнотой охвата объекта исследования, но и чёткостью его описания и «вносит весомый вклад в разработку актуальных проблем глагольных категорий не только якутского, но и других тюркских языков».

В монографии наклонение трактуется как морфологическая модальная категория, чего не было до этого в грамматических исследованиях по якутскому языку. До исследования Евдокии Иннокентьевны в изучении наклонения глагола в якутоведении не было увязки его с категорией модальности, т.е. оно изучалось в отрыве от той базы, которая составляет основное грамматическое содержание категории наклонения. Вообще, и термин модальность, и само ее понятие были впервые введены именно в исследованиях Е.И. Коркиной. Таким образом, Е.И. Коркина успешно разработала один из основных разрядов якутского глагола с позиции современных взглядов на модальность глагольного слова.

Деепричастие в якутском языке – малоизученная область якутской грамматики. Евдокия Иннокентьевна специально разработала эту тему и издала одноименную монографию (Новосибирск, 1985). Работа представляет собой первое исследование якутских деепричастий в морфологическом и синтаксическом планах. Тема разработана на материале современного литературного языка (художественной литературы, периодической печати) с широким привлечением данных из родственных тюркских языков. Автор находит и описывает девять деепричастных форм, в то время как до нее в якутском языке находили от четырех до шести форм.

Евдокия Иннокентьевна установила, что наряду со сходством, общими чертами с деепричастными формами в других тюркских языках, деепричастия в якутском языке имеют и отличие от них. Самой отличительной их чертой является способность почти всех якутских деепричастий присоединять к себе личные аффиксы. Поэтому, по ее мнению, нет оснований считать якутские деепричастия формами неизменяемыми, не принимающими никаких морфологических показателей.

Якутские деепричастные формы могут употребляться в наречном значении, в качестве послелогов, частиц, союзов или входить в состав вводных сочетаний слов. Выявлены также формы, окончательно перешедшие в разряд служебных частей речи с полной изоляцией от первоначального деепричастного значения. Таким образом, Е.И. Коркиной установлены существенные отличия якутских деепричастий от деепричастий других тюркских языков.

Е.И. Коркина внесла значительный вклад в историю якутской науки и культуры. Она разобрала архив создателя первой массовой якутской письменности С.А. Новгородова, который бережно был сохранён после его смерти (1924 г.) супругой М.П. Новгородовой. Евдокия Иннокентьевна смогла

уговорить М.П. Новгородову сдать эти документы Семёна Андреевича в архив Якутского филиала СО АН СССР. Ей удалось подготовить к печати и издать две книги, составленные из оставленных С.А. Новгородовым работ, статей, его переписки с современниками и других материалов: «Первые шаги якутской письменности» (1978), «Во имя просвещения родного народа» (1991). По её инициативе была проведена Всероссийская конференция, посвящённая жизни и научной деятельности С.А. Новгородова (1992). Материалы конференции были изданы.

Е.И. Коркина изучила жизнь и деятельность М.Н. Андросовой-Ионовой, первой женщины-якутки, приобщившейся до революции к научной деятельности и награждённой золотой медалью Императорского географического общества. Собрав все её наследие по фольклору и другие записи, Евдокия Иннокентьевна издала большую книгу.

Таким образом, Е.И. Коркина навсегда оставила своё светлое имя в памяти народа как крупный организатор науки и талантливый исследователь.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_002

Г.Г. Филиппов,

ИЯКН СВ РФ СВФУ им. Аммосова, г. Якутск

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ Е.И. КОРКИНОЙ «НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ»

Монография Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке», на мой взгляд, является очень своеобразной работой: как по содержанию, так и по методологии. Особенности содержания, в первую очередь, связаны с особенностями морфологии якутского языка и тюркских языков в целом, а методология отличается умеренным использованием теории и, самое главное, обилием исходного и сравнительного материала. Хотя Евдокия Иннокентьевна говорит, что она руководствуется теорией модальности академика В.В. Виноградова, положения монографии выходят далеко за рамки этой теории. Об этом свидетельствуют выводы исследования, которые сделаны не в соответствии с теорией, а согласно итогам анализа реального, объективного материала.

Структура теоретической части отличается от других научных работ тем, что она начинается не с истории и теории модальности, а с анализа работ исследователей: сперва описываются работы по наклонениям якутского (1 табл.), затем тюркских (2 табл.) языков, далее автор сравнивает определения понятия наклонения, данные тюркологами. И только после этого автор

знакомит с теорией модальности В.В. Виноградова и излагает свои взгляды и результаты собственного исследования (3, 4, 5 табл).

Заметим, что Коркина Е.И. пользуется двумя основными положениями академика В.В. Виноградова. Первое положение гласит: “*Модальность – это категория, выражающая отношение сообщения к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего лица*”. При этом, данное определение уточняется Е.И. Коркиной: человек при высказывании об окружающей действительности не только сообщает об опознанном или не опознанном, он также выражает свое отношение к этому явлению. Она говорит: “*Это отношение человека к фактам и явлениям реальной действительности, грамматически выражаемое через говорящее лицо, может быть самым разнообразным*” [1, с. 23].

Говорящее лицо выражает, как он воспринимает или понимает действительность. Об этом Е.И. Коркина говорит следующее: «Человек – говорящее грамматическое лицо, может *воспринимать* сообщаемое как достоверный, объективный факт действительности, может *оценивать* его как возможное, предположительное, вероятностное или подавать его как желательное, необходимостное, долженствовательное явление и т.д.» [1, с. 23]. Из этого следует, что модальность предложения показывает не отношение, а оценку действительности самим говорящим. Затем, после уточнения вопроса о понятиях «отношение» и «оценка», Е.И. Коркина дает иное толкование категории модальности, чем академик В.В. Виноградов.

Второе положение академика В.В. Виноградова гласит: “*Наклонение – это грамматическая категория в системе глагола, представляющая модальность действия, обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом*” [1, с. 27]. Руководствуясь данным положением, Е.И. Коркина установила в якутском языке 10 наклонений (*кэпсиир* – изъявительное, *соруйар* – повелительное, *сэрэйэр* – предположительное, *сэрэтэр* – возможное, *бигэргэтэр* – утвердительное, *болдьуур* – условное, *буолуохтаах* – долженствовательное, *буолуон сөптөөх хайааһын* – сослагательное, *буола илик хайааһын* – несовершенное действие, *үгэс* – обычно совершаемое действие) [1, с. 28]. Отметим, что, основываясь на теории В.В. Виноградова о содержании наклонения, тюрколог Н.Г. Агазаде утверждает: “Категория модальности является одним из компонентов ... предикативности, она уже по своему функциональному объему подчиняется ей” [1, с. 24]. Соглашаясь с этим положением, Е.И. Коркина пишет: “Категория предикативности расчленяется и находит свою конкретную реализацию, наряду с категорией модальности, в категориях времени и лица”. В этих высказываниях проявляется противопоставление категорий времени и наклонения. На самом деле, временное значение представлено в содержании

изъявительного наклонения. Известно, что из всех функциональных форм глагола только личная форма глагола, которая спрягается по формам наклонения, времени, числа и лица [5, с. 194], выражает модальное значение. Абстрактное значение оценки действия со стороны говорящего выражается через эти формы спряжения, поэтому нет основания сопоставлять категории предикативности и наклонения (времени): предикативность – категория синтаксиса, а наклонение – морфологии.

Обратимся далее к определениям наклонения глагола, приведенным Е. И. Коркиной. Некоторые исследователи определяют его в соответствии с теорией модальности академика В.В. Виноградова, другие указывают, что наклонение есть личный глагол, третьи рассматривают наклонение как форму, выражающую отношение субъекта к действию, а четвертые – как предикативную форму глагола. Рассмотрим их:

А.Н. Кононов: “Наклонение выражает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим”.

Л.А. Покровская: “Наклонение передает отношение субъекта к действию, обозначенному глаголом”.

Н.К. Дмитриев: “Наклонение эта такая глагольная категория, которая показывает отношение говорящего к действию с точки зрения реальности или нереальности последнего”.

Ш.Ч. Сат: “Предикативные формы глагола, употребляющиеся для выражения понятия действия или состояния, называются наклонениями или собственно глагольными формами”.

К. Ищанов: “Наклонением называется особенность глагольной формы, выражающая позицию говорящего по отношению к процессу действия, т.е. манеру преподнесения действия говорящим лицом”.

Н.К. Дмитриев, А.А. Юлдашев, Л.А. Покровская и др. считают наклонение словоизменительной категорией, а Н.А. Баскаков – словообразовательной [1, с. 18-19].

Еще раз посмотрим, как определяет понятие модальности В.В. Виноградов: “Категория, выражающая отношение сообщения к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего лица” [1, с. 23]. Исходя из этого, он дает следующее определение наклонения глагола: *“Наклонение представляет грамматическую категорию в системе глагола, определяющую модальность действия, т.е. обозначающую отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом”* [1, с. 27]. Е. И. Коркина дает свое определение, соотносимое с точкой зрения В.В. Виноградова: *«Наклонение выражает отношение глагольного действия к действительности с точки зрения говорящего лица»*.

Далее рассмотрим, как определяет соотношение категорий времени и модальности глагола Е.И. Коркина: “Посредством изъявительного наклонения выражается модальность достоверности высказывания. Высказывание *оценивается или воспринимается* говорящим лицом как полностью соответствующее действительности, как точно отражающее истинные связи и явления окружающей объективной реальности” [1, с. 32].

Эти представляющиеся как реальные действия в системе изъявительного наклонения (модальности – Г.Ф.) развертываются в трех временных плоскостях (настоящее-будущее, будущее и прошедшее времена). Внутри указанных времен *основная достоверная модальность, присущая изъявительному наклонению, может, однако, в известной мере ослабляться под воздействием отдельных модальных слов и частиц*, с которыми способны вступать в сочетания те или иные конкретные временные формы (например, подвергаться сомнению, предполагаться и т.д.). *Она может приближаться или даже совпадать со значением других косвенных наклонений*. Бывает и наоборот, т.е. с помощью модальных слов и частиц модальность достоверности может усиливаться и приобретать более яркое выражение” [1, с. 32].

Данное определение Е.И. Коркиной свидетельствует о том, что она понимает время, выраженное временной формой глагола, как соотносящееся с реальным действием. При этом, Е.И. Коркина говорит, что “под воздействием модальных слов и частиц, эти реальные значения времени *ослабляются*, в результате образуется модальное значение”. В таком случае возникает вопрос: не присутствует ли модальное значение в значении “реального действия” (изъявительного наклонения – Г.Ф.)? Может быть, здесь Е.И. Коркина говорит о том, что имеющиеся внутри каждой временной формы (потенциальные – Г.Ф.) модальные значения под воздействием модальных слов и частиц проявляются более ясно и рельефно? Данное объяснение Е.И. Коркиной, видимо, обусловлено идеей противопоставления времени к модальности, заложенной еще академиком В.В. Виноградовым. Но в любом случае, когда Е.И. Коркина говорит о том, что внутри значений времени существуют (потенциальные “спящие”) модальные значения; либо когда говорит о том, что от значений временных форм под воздействием модальных слов и частиц образуются модальные значения (наклонения и близкие к ним формы глагола) – это можно рассматривать как существенный вклад в развитие теории модальности.

Тут нужно уточнить еще одно обстоятельство. И значение времени, и значение наклонения имеют одинаковую сущность: в них проявляется оценка говорящего. Значение времени мы называем значением “реального действия”, но в нем проявляется также и “оценка говорящего”. Ведь только через оценку говорящего нам становится известно, что действие совершилось, совершается

или совершится. Таким образом, становится ошибочным утверждение о том, что в значении времени отсутствует оценка говорящего, и оно просто отражает реальную действительность. В косвенных наклонениях оценке действительности говорящим всегда сопутствует временное значение, поэтому слушающий воспринимает действие как совершенное в определенное время. Поэтому не следует считать, что в значении косвенных наклонений нет временного значения.

Результаты исследования модальности якутского глагола в сравнении с таковыми в других тюркских языках (2 табл.) показывают, что в якутском языке глагольная модальность отличается своим содержанием - наряду с временным значением существуют сопутствующие видо-временные значения.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, Е.И. Коркина использует теорию модальности академика В.В. Виноградова и положения результатов русских лингвистов и тюркологов творчески, т.е. не как безусловное руководство, а как исходные тезисы;

Во-вторых, главным обоснованием исследования является исчерпывающий фактический материал, поэтому результаты исследования вытекают не согласно теории, а из исходного материала;

В-третьих, Е.И. Коркина использовала метод тщательного анализа результатов исследования якутских исследователей в сравнении с соответствующими результатами тюркских исследователей, на основе чего выявляется и содержание наклонения, и способы его образования. В результате этого, автором раскрывается механизм и пути образования модальности глагола в якутском языке;

В-четвертых, для определения значения конкретного наклонения, наряду с методом описания и анализа, автором используется метод семантического анализа значения формы. Обширный сравнительный материал, привлеченный Коркиной Е.И. из современных и древних тюркских языков, позволил ей выявить семантические сдвиги в значениях наклонений якутского языка и их отношение к наклонениям других тюркских языков;

В-пятых, исходя из результатов изучения наклонений и временных форм якутского языка, устанавливается отношение категории времени и наклонения (модальных форм глагола). Хотя Е.И. Коркина и придерживается устоявшейся теории об их различии, результаты ее исследования позволяют утверждать об их неразрывном единстве.

Наклонения якутского языка в историческом освещении

Наклонения	Повелительное	Просительное	Желательное	Изъявительное	Условное	Совершенное	Предупредительное	Предположительное	Сослагательное	Возможное	Несовершившегося действия	Постепенное	Уверенности	Долженствования-тельное	Опасения	Сожаления	Утвердительное	Желательно-сослагательное	Возможно-сослагательное	Обычно выполняемого действия	Форма -аа инитин	Неокончательное	
Бетлингк О.Н. (1851)	+			+	+	+				+													
Ястремский С.В. (1900)	+			+	+	+				+													
Радлов В.В. (1908)	+			+	+	+				+													
Хитров Д.И. (1958)	+			+	=				=	+							=						+
Күндэ А.А. (1925)	+	+	+				+					+	+										
Күндэ А.А. (1934)	+		+				+						+										
Поппе Н.Н. (1926)	+	+	+	+	+	+									+								
Павлов Н.Н. (1935)	+	+	+	+	+	+									+								
Григорьев Н.С. (1938)	+	+	+	+	+		+	+					+			+							
Убрятова Е.И. (1939)	+		+	+	+					+							+	+	+	+	+		
Барашков П.П. (1940)	+	+	+	+			+						+										
Харитонов Н.Л. (1942)	+			+	+			+		+							+						
Харитонов Л.Н. (1947)	+			+	+			+		+				+			+						
Коркина Е.И. (1970)	+			+	+			+	+	+	+			+			+			+	+		

Наклонения тюрских языков в сравнительном освещении

Наклонения	Изъявительное	Повелительное	Условное	Утвердительное	Долженствоват.	Обычно вып. дейст.	Возможное	Несовершенство действия	Сослагательное	Предположительное	Форма -а инибин	Желательное	Намеренное	Предельного	Позволительного	Уступительное	Неопределенное	Необходимости	Предварительное
Якутский БОН	+	+	+	сов			+												
Якутский КЕИ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+								
Башкирский НКД	+	+	+									+							
Башкирский ААЮ	+	+	+		+							+	+						
Тувинский ШЧС	+))	+))			+				+			ж-п		+))	+:	+			
Тувинский ФГИ, ААП	+	+	+						сог л					+					
Казахский 1962	+	+	+									+							
Казахский 1954	+	+	+									+					+		
Азербайж.1954	+	+	+		обяз							+							
Азербайж.1960	+	+	+		+							+						+	
Хакасский НПД	+	+	+									с-ж							
Хакасский НАБ	+	+	+						+			+							
Алтайский НПД	+	+	пре дв									+							усл
Алтайский НАБ	+	ж-п	+						+			п-ж							
Уйгурский НАБ	+	п-ж	+																
Уйгурский ШКиб.	+	+	+									+							
Татарский 1959	+	+	+									+							
Татарский 1955	+	+																	

Соотношение значений наклонений и времени

Наклонения	Прошедшее время	Настоящее время	Будущее время
Изъявительное	+++++++	+	+
Повелительное			++
Предположительное	+		=??
Возможное			+
Условное			+ ??
Утвердительное			+
Долженствовательное	+))	+	+
Сослагательное			+??
Несовершенное действие	+))	+	
Обычно совершаемое действие	+?		
-аа ини			+

Образование наклонений

I	Формы времени	
	От личных форм	<i>-т, -ыы, -а, (-ыа)</i>
	От причастий	<i>-ых, -быт, -ар</i>
	От деепричастий	<i>-ан тур</i>
II	Формы наклонений	
	От личных форм	<i>-аайа, -ыыһы, -тар,</i>
	От причастий	<i>-ыхтаах, -ардаах, -ар эт, -ар эбит, -ааччы, (-а/-ыы илик), -табына, -тах, -ар ини</i>
	От деепричастий	<i>-а/-ыы илик</i>
III	Модальные значения	
	От причастий	<i>-ар буол, -ых буол, -быт буол</i>
		<i>-ых тустаах, -ых курдук, -ар эбит</i>
		<i>-ыхпын баҕарабын, -ыхпын сөп, -ыхха наада</i>

Сравнительная характеристика тюркских и якутских наклонений

Наклонения	Общетюркские	Сибирско-тюркские	Собственно-якутские
Изъявительное	+		элбээбит
Повелительное	+ (сороҕо)		байбыт
Предположительное			+
Возможное	+ баҕарар		сэрэтэр
Условное	+		-тахпына
Утвердительное	+		суолтата уларыйбыт
Долженствовательное	!!		+
Сослагательное	+ (-ар этэ)		
Несовершенное действие		+	
Обычно совершаемое действие		+	
-аа ини			+

Литература

1. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 308 с.
2. Коркина Е.И. Коротко о прожитой жизни. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. – 120 с.
3. Новгородов С.А. Первые шаги якутской письменности. Статьи, материалы. – М.: Наука, 1977. – 272 с.
4. Новгородов С.А. Во имя просвещения народа. Сочинения, переписка, материалы. – Якутск: книжное изд-во, 1991. – 231 с.
5. Саха билинни тыла. Морполуогуйа. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 288 с.
6. Убрятова Е.И. Предикативное склонение в якутском языке // Научная сессия ЛГУ. Тезисы докладов по сессии востоковедения. – Л., 1946.
7. Филиппов Г.Г. Наукаҕа анаммыт олох суола (Е.И. Коркина 80 сааһа) // “Чолбон”. – 1997. – № 12. – С. 74.

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА
В ИССЛЕДОВАНИИ Е.И. КОРКИНОЙ
(В АСПЕКТЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ)**

Е.И. Коркина в своих исследованиях, посвященных формам наклонения глагола и деепричастий якутского языка, рассмотрела не только структурно-семантические, но и синтаксические и функциональные особенности названных форм.

В ее монографиях «Наклонения глагола в якутском языке» и «Деепричастия в якутском языке» [3; 4], в частности, были представлены синтаксические функции определенных форм глагола, выступающих в роли сказуемого зависимой части сложноподчиненного предложения, а также были отмечены такие функциональные значения (встречающиеся в некоторых временных формах и синтаксических построениях), которые в современной лингвистике называются эвиденциальными, миративными.

В данной статье анализируется выделенный Е.И. Коркиной так называемый «особый тип сложносочиненного предложения» и его функциональная семантика в сопоставлении с алтайским и тувинским языками.

Прежде чем приступить к рассмотрению структурно-семантических и функциональных аспектов названного типа сложносочиненного предложения, остановимся на основных особенностях сложного предложения в тюркских языках.

Как известно, в тюркских языках сложное предложение характеризуется системными особенностями, основанными на принципе т.н. экономного использования грамматических средств (см.: «тенденция к экономной аффиксации / принцип экономной аффиксации» [7, с. 124]).

Сложноподчиненное предложение (СПП) в якутском языке, как и в других тюркских языках, оформляется такими способами и средствами, какие имеют место в подчинительных словосочетаниях, то есть примыканием, изафетом, управлением, согласованием и послелогом. Иначе говоря, форма сложноподчиненного предложения соотносительна с формой простого предложения. В семантическом плане сложноподчиненными предложениями

подобного – синтетического – типа выражается связь и отношение между предикативными пропозициями.

Сложное предложение, как полипредикативная конструкция (ППК), противопоставляется к основной синтаксической единице – монопредикативному простому предложению. Н.К. Дмитриев синтетические полисубъектные ППК тюркских языков рассматривал в качестве СПП переходного типа: «Из среды причастных и деепричастных оборотов мы склонны выделить такие, в которых при причастии или деепричастии имеется *свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части фразы* (курсив мой – Н.Е.). Хотя такие обороты и не удовлетворяют одному из выставленных выше основных признаков придаточного (сказуемое в одной из форм, выражающих лицо), однако мы склонны считать их тоже *придаточными, хотя и переходного типа* (курсив мой – Н.Е.): в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обозначающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим ... подлежащим [2, с. 229-230].

Е.И. Убрятова усматривала в структуре синтетических СПП, а также лексических и морфологических единиц аналитического типа якутского языка, а также других тюркских языков проявление способов и средств связи, которые используются в сочетаниях слов [10]. Это свидетельствует об основополагающей роли способов и средств связи сочетаний слов в системно-структурной организации строя якутского и других тюркских языков, что, в свою очередь, показывает действие в данных языках закона твердого порядка слов как основного закона их строя. То есть, компоненты конструкций, которые между собой соединяются при помощи способов и средств связи сочетания слов, характеризуются твердым порядком: «препозитивный (уточняющий) компонент + постпозитивный (уточняемый) компонент».

Е.И. Коркина в своих трудах по якутскому глаголу сформулировала ряд интересных идей и положений, которые оказали и продолжают оказывать плодотворное влияние на дальнейшее изучение структуры и семантики сложного предложения якутского языка, а также функционально-семантических категорий (см. например: [3]). Рассматривая форму преждепрошедшего повествовательного времени изъявительного наклонения, Евдокия Иннокентьевна установила, что глагольная форма этого времени «одновременно с временным значением нередко выражает *условие для обнаружения других действий, других фактов, как прошлого, так и настоящего* (курсив мой. – Н.Е.) ... при таком употреблении временное значение значительно ослабевает, однако сохраняется. Причем прошедшее действие в данном случае выдвигается в качестве условия, с помощью которого устанавливаются другие действия (прошлого или настоящего). Здесь мы имеем,

как кажется (курсив мой. – Н.Е.), особый тип якутского сложносочиненного предложения» [5, с. 80]. В вышеприведенном положении ученого содержится идея (см.: глагольная форма этого времени «одновременно с временным значением нередко выражает условие для обнаружения других действий, других фактов, как прошлого, так и настоящего категории») средства выражения категории миративности (см. ниже), которая является одним из сложных и актуальных предметов современной лингвистики. Свое положение ученый проиллюстрировал конкретными примерами ((1)–(4)), они в нашей статье представлены в глоссированном виде.

(1) *Микиитэ эргиллэ түспүтэ, – ампаар үрдүгэр Бааса турар эбит*

Микиитэ эргилл:э түс-пүт-э ампаар үрдүгэр Бааса
Никита оглянуться: CVAUX-PP-3Sg амбар POSTP: ‘на’ Вася
тур-ар эбит
стоять-PFUTPRTCL: ‘оказывается’

Когда Никита быстро оглянулся, оказалось, что на крыше амбара стоит Вася.

В (1) имеет место ССП с условно-временным отношением, осложненным значением миративности (неожиданности действия), то есть ситуация, описываемая постпозитивной предикативной частью, для субъекта препозитивной части является неожиданной.

(2) *Кинини ыраахтаабы көскө ыыппыта, – кэлэн (ол кэлэн. – Н.Е.), Саха сиригэр үс сыл олорбута*

Кини-ни ыраахтаабы көс-кө ыып:пыт-а кэл-эн
Он-АСС царь ссылка-DAT отправить-PP-3Sg приехать-CV
Саха сири:гэр үс сыл олор-бут-а
Якутия: DAT три год жить-PP-3Sg

Когда царь отправил его в ссылку, он, прибыв,* в Якутию, прожил три года;

Фраза (2) характеризуется как недифференцированная, многозначная структура. Ее препозитивная предикативная часть *кинини ыраахтаабы көскө ыыппыта* в зависимости от контекста предложения может быть рассмотрена как подлежащая зависимая предикативная единица ‘то, что его царь отправил в ссылку’ СПП или как предикативная часть ССП ‘его царь отправил в ссылку’. Кроме того эта же часть может функционировать в роли временной конструкции ‘когда царь отправил его в ссылку’, осложненной причинно-следственным смыслом, что представляет собой ядро отношений обусловленности. Однако этот смысл выражен периферийным – контекстуальным – средством (ср. ядерное средство деепричастие на -ан:

*Запятой здесь не должно быть. Видимо, опечатка.

кинини ыраахтаабы көскө ыытан, Саха сиригэр кэлэн үс сыл олорбута букв.: его царь в ссылку отправив, он придя в Якутию прожил три года). Таким образом, предложение (2) представляет собой контекстуально зависимую полифункциональную структуру. В данном контексте оно проявляется в виде СП с временным значением, осложненным причинно-следственным смыслом.

(3) *Маайыһы оннооҕор, Лукаҕа хамначчыт гына таарыйа, оскуолаҕа биэрбиттэрэ, уон биир сааһыгар оскуолатын бэрт кэбирэхтик бүтэрэн кэбиспит*

Маайыһы оннооҕор Лука-ҕа хамначчыт гын-а таарыйа
Мария:ACC даже Лука-DAT прислуга делать-CV одновременно
оскуола-ҕа биэр-бит-тэрэ уон биир сааһ: ыгар
школа-DAT отдать-PP-3Pl одиннадцать лет:POSS.3Sg.DAT
оскуола-ты:н бэрт кэбирэхтик бүтэр-эн кэбиспит
школа-POSS.3Sg: ACC очень легко окончить-CVAUX-PRF.3Sg

Когда Майю отдали даже в школу, чтобы она одновременно прислуживала Луке, она к 11 годам очень легко окончила школу;

Предложение (3) характеризуется временным значением, осложненным противительным и миративным смыслом.

(4) *Кини иккис рота позициятыгар тийиэн кэлбитэ, быһыы-майгы кучүмэбэй буолбут этэ*

кини иккис рота позиция-ты:гар тийи-эн кэл-бит-э
он второй рота позиция-POSS3Sg:DAT подойти-CV придти-PP-3Sg
быһыы-майгы кучүмэбэй буол-бут эт-э
положение сложный статья-PPAUX-3Sg

Когда он подошел к позиции второй роты, там положение **оказалось** тяжелым [5, с. 80].

В (4) наряду с временной, условно-временной функцией имеет место и миративное значение, что устанавливается из перевода данной фразы на русский язык, где использован глаголок *оказалось*, выражающий указанный смысл.

Предложения с миративным значением в других тюркских языках, например, в алтайском и тувинском, представляются ППК, сказуемое препозитивной части которых выражено формой условного наклонения (-са) и причастием в форме дательного падежа. Ср.: алт.: Билин келзем, Ала-Тууның көксине чыга јѳгүр бартырым (прошедшее «повествовательное» время на – птыр/-тыр) – Когда (я) опомнился, оказывается, до середины Ала-Туу (горы) добежал [9, с.130] и якут.: Өйдөнөн кэлбитим, Ала-Тууга сүүрэн тийибит эбиппин – Когда (я) опомнился, оказывается, (я) добежал до Ала-Туу; тув.: Минним кээримгэ, ... угларым кырымче суг куткан турлар – Когда я

опомнился, оказалось, мои дети на меня воду льют [11, с. 156] – якут.: Өйдөнөн кэлбитим, ... оҕолорум уу кута тураллар эбит (перевод тот же).

Таким образом, Е.И. Коркина, рассматривая форму прошедшего повествовательного времени (-*быт*+аффикс л.ч), выделила особый тип сложносочиненного предложения, где в качестве сказуемого его препозитивной части употребляется форма на-*быт* с показателем лица, числа субъекта. При этом она определила семантику подобных предложений в виде отношений условия и времени. Как показал анализ, данные предложения характеризуются и как синтаксическое средство выражения категории миративности. В алтайском языке подобные миративные конструкции якутского языка передаются конструкциями с формой условного наклонения -*за*, в тувинском – конструкциями с причастно-падежным показателем (причастием в дательном падеже).

Литература

1. Грамматика современного якутского литературного языка. Т.2. Синтаксис.– Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.
2. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка.– М.:Наука,2008. – 264 с. – (Памятники отечественной науки. 20 в.).
3. *Ефремов Н.Н.* О категории эвиденциальности в исследованиях Е.И. Коркиной // Северо-Восточный гуманитарный вестник.– 2012. –№ 2.– С. 82-85.
4. *Ефремов Н.Н.* Функциональные формы глагола якутского языка в исследовании Е.И. Коркиной // Северо-Восточный гуманитарный вестник. –2017. –№ 4. –С. 117–121.
5. *Коркина Е.И.* Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 306 с.
6. *Коркина Е.И.* Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 205 с.
7. *Мельников Г.П.* Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. –М.: «Наука», 1971. – С. 138–148.
8. *Самсонова Е.М.* Наклонения глагола и категория итеративности в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. –2017. – № 4. –С.121–126.
9. *Скрибник Е.И., Озонова А.А.* Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. –Новосибирск: ООО «Ника», 2005. –С.120-146.
10. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1976. – Ч.2, кн. 1-2: Сложное предложение. – 368 с.
11. *Шамина Л.А.* Средства выражения эвиденциальности и миративности в тувинском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. –Новосибирск: ООО «Ника», 2005. –С.146-158.

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо; **ACC** – винительный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **CV** – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **PI** – множественное число; **POSS**–изафет; **PP**– причастие преждепрошедшего времени (-*быт*-аффикс л.ч.); **PRF** – перфект (-*быт* + аффикс сказуемости); **Sg**– единственное число.

**СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ
С БЫТИЙНЫМ ГЛАГОЛОМ В МОНОГРАФИИ Е.И. КОРКИНОЙ
«НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ»**

Сложное синтаксическое целое (далее – ССЦ) – это структурно-семантическая единица текста, представляющая собой группу взаимосвязанных самостоятельных предложений, объединенных лексико-грамматическими и ритмомелодичными признаками, характеризующих какую-либо сторону описываемого предмета (явления) [7, с. 15-80]. ССЦ «является почти идеальной моделью» текста, «в его структуре обнаруживаются практически все принципы, приемы, средства, релевантные для текста» [5, с. 100-101]. Изучение тех или иных языковых явлений, их текстообразующих функций на уровне ССЦ позволяет наиболее широко и глубоко раскрыть особенности и закономерности, лежащие на их основе.

Одним из первых исследований, в котором были использованы фрагменты текста в качестве иллюстративного материала в якутском языкознании, является фундаментальная монография Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке». В ней на основе обширного фактического материала современного якутского языка осуществлено научное описание форм наклонения глагола, представлены их образование, временные формы, семантика и употребление, дано сравнение с материалом тюркских языков [6, с. 307]. В рассматриваемой работе Е.И. Коркиной в плане представления иллюстративного материала сделано нововведение, заключающееся в использовании фрагментов из текста для представления исследуемого языкового явления и доказательства приводимых тезисов. В монографии Е.И. Коркиной примеры из текста названы «отрывками», иногда они обозначены как «контекст» [Там же, с. 87, 127, 48-49].

Фрагменты текста, приведенные в монографии в качестве примера, можно разделить на следующие группы: фрагменты текста, состоящие из нескольких синтаксических конструкций, в композиционном отношении неполные ССЦ и полные ССЦ.

1. Фрагменты текста, состоящие из нескольких синтаксических конструкций: *Сарсыныгар эмээхсин күнү быһа оронго утуйан үллэ сытта. Дьон ботугураһан кэпсэтэллэр, оргууй үктэнэн хаамаллар* [1, с. 242] ‘Назавтра

старуха весь день пролежала – проспала, громоздясь на правой лавке. Люди переговариваются шепотом, ходят на цыпочках’; *Мустарааччылар ынгыран хаһытастылар. Тэйиччи бугуллааччылар туналыгнаһаллар* [2, с. 381] ‘Сгребальщики (сена) перекликнулись меж собой. Поодаль белеют фигуры копнителей’.

2. Неполные ССЦ, где отсутствует одна из частей, составляющая композиционную структуру (например, ССЦ без зачина, либо без концовки): *Ньукулаас оҕо сааһыттан тугу өйдөөн хаалбытый? Кыһынгы киэһэ көмүлүөк имик-самык уотугар балаҕан чэн муус эркиннэрэ килэдиһэн көстөллөр. Оҕо уйулбатын көтүтэр ынырык харананан барыйар оһох кэтэбэр соботох ынахтара Алакаас кэбинэр, арым диригник өрө тынан, киһи курдук, көхсүн этитэр. Аҕата булдуттан ыкса түүн эргиллэр*[10, с. 10] ‘Что запомнил из своего детства Николаш? Зимним вечером при сумеречном свете камелька поблескивают обледенелые стены юрты. В подавляющей душу ребенка тягостной темноте за камельком пережевывает свою жвачку их единственная корова Алакас; временами она тяжело вздыхает, словно человек. Его отец возвращается с охоты поздней ночью’. Это ССЦ состоит из четырех предложений. Первая синтаксическая конструкция, предложение вопросительного типа, является зачином ССЦ. Микротема, обозначенная в нем, находит свое логическое продолжение в последующих предложениях, объединенных параллельной связью. Логическая схема данного ССЦ представляет ответы на вопрос, обозначенный в зачине. Аффикс принадлежности 3 л. мн. ч. *-тара* в существительном *ынахтара* в третьем предложении, 3 л. ед. ч. *-та* в слове *аҕата* в четвертом предложении указывает на их связь с предыдущими синтаксическими конструкциями. Единство временных форм глаголов-сказуемых в настояще-будущем времени подчеркивает цельность данной текстовой единицы: *өйдөөн хаалбытый – көстөллөр – кэбинэр – көхсүн этитэр – эргиллэр*. В данном ССЦ отсутствует концовка – одна из основных частей композиционной организации ССЦ.

3. В композиционном отношении полные ССЦ: *Былыыр-былыр, сылгы, ынах кыыл сылдыар кэмнэригэр, оҕус уонна атыыр мөккүспүттэр... Мөккүһэн баран охсуспуттар. Оҕус атыыр үөһүн тоҕу сиэлийэн кэбистит. Атыыр, түгнэри холуруктуу түһээт, оҕуһу үөһээ тиистэрин көтүрү тэппит. Түөрт атахтаах биһин ууһа мунһустан дьүүл аспыттар. Оҕус мөссүүнүн алдьаппытын иһин, атыыры ордук буруйдаабынан аахпыттар. Онон оҕус баҕата туолан, сайын кылгырыгар эппиттэр* [1, с. 21] ‘В далекую-предалекую старину, во времена дикого состояния лошадей и коров, заспорили однажды бык с жеребцом. Поссорившись, подрались. Бык своими рогами выбил жеребцу желчный пузырь. Тот, полетев вверх тормашками, вышиб ногами быку верхние зубы. Род четвероногих, собравшись, открыл суд. За порчу физиономии быка главным виновником признали жеребца. Итак,

исполняя желание быка, высказались за укорочение лета'. Композиционная организация приведенного ССЦ состоит из зачина, средней части и концовки. Первое предложение-зачин обозначает его микротему, которая раскрывается в последующих предложениях, составляющих среднюю часть рассматриваемого ССЦ и объединенных цепной связью. Последнее предложение – это концовка ССЦ, в препозиции она обозначена аналитической скрепой прономинального типа *онон* 'поэтому', устанавливающей синтаксические отношения причинно-следственного характера не только с предыдущим предложением, но и резюмирующей микротему всего ССЦ. Между предложениями данного ССЦ существует связь «подлежащее – подлежащее»: *обус уонна атыыр – обус-атыыр – түөрт атахтаах биһин ууһа*; «подлежащее – дополнение»: *обус уонна атыыр – обус атыыр үөһүн – атыыр оһуһу – атыыры*. Аффикс принадлежности 3 л. ед. ч. -э в словах *үөһүн, тиистэрин, мөссүөнүн*, аффикс принадлежности 3 л. ед. ч. -та в слове *баһата* указывают на связь предложений. Основным средством, подчеркивающим цельность и связность данного ССЦ, является единство временной формы глаголов-сказуемых в прошедшем результативном времени первом: *мөккүспүттэр охсуспүттэр – сиэлийэн кэбиспит – көтүрү тэппит – аспыттар – эппиттэр*.

В фрагментах текста, представленных в качестве примера в монографии Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке», имеются ССЦ с бытийными глаголами. Бытие – философское понятие, обозначающее наличие явлений и предметов самих по себе или как данности в сознании [9, с. 114]. Оно определяется как объективная реальность, существующая независимо от сознания человека [3, с. 107]. Объективно существующий мир бытия через познавательное мышление отражается в языке различными средствами, выражающими появление, существование, изменение, несуществование предметов и явлений действительности. В языке проявляется осознание бытия, основным способом выражения представлений о бытии является язык, поэтому категория бытийности рассматривается как языковая категория. Бытийные глаголы бытия являются одним из основных языковых средств, выступающими конституентами функционально-семантического поля бытийности. Бытийные глаголы – это глаголы, называющие процесс бытия существования, наличия. Лексико-семантическая группа глаголов бытия состоит из глаголов бытия, отражающих фазы предбытия, появления, становления, существования, достижения предела бытия, достижения пограничного состояния бытия, угасания, конца бытия, исчезновения [4, с. 24].

Рассмотрим пример ССЦ с бытийным глаголом, представленный в указанной монографии Е.И. Коркиной: *Талба өрүс үрдүнээзи бүтэй хочо синньигэс кырдалыгар үс ини-бии Дьөгүөрэптэр олороллор. Кырдал илин уһугар убайдара Мэхээлэ олорор. Орто быраат Киргизэлэй кырдал кутуругар олорор*

[1, с. 227] ‘На узкой возвышенности небольшой прибрежной долины реки Талбы живут три брата Егоровых. На восточном кончике возвышенности живет старший брат Михаил. На заднем конце возвышенности живет средний брат Григорий’. Данный пример представляет собой неполное ССЦ, состоящее из трех предложений, объединенных цепной связью. Первое предложение – это его зачин, в нем обозначена микротема повествования (*үс уни-бии Дьөгүөрэптэр*). Между предложениями существует логико-содержательная связь, выраженная в словосочетаниях *үс уни-бии Дьөгүөрэптэр – убайдара Мэхээлэ – орто быраат Киргиэлэй, хочо синньигэс кырдалыгар – кырдал илин уһугар – кырдал кутуругар*; в единстве основ и временных форм глаголов-сказуемых: *олороллор – олорор – олорор*. Сказуемые всех трех предложений представлены бытийным глаголом *олор* ‘сидеть, садиться, заседать, восседать; рожать; находиться, быть, пробывать, проводить время, пребывать, оставаться, витать, обитать, жить, проживать, обретаться, занимать дом, селиться, поселяться, водворяться, останавливаться’ в форме мн. и ед. ч. в 3 л.: *олороллор – олорор – олорор* [8, с. 1819].

В рассматриваемой монографии также приведен другой пример ССЦ с бытийным глаголом: *Уу үмүрүс гынаат, өрө ыһыллыбыта, төгүрүк шилэр улам кэнээн испиттэрэ. Киһим көстүбэтэ. Балачча буолла. Киһи биллибэтэ. Киэн төгүрүктэр сүттүлэр. Мин улам куттанан бардым* [6, с. 88] ‘Вода, моментально схлынув в одно место, брызнула вверх. Водяные круги все более расширялись. Человек мой не показывался. Прошло порядочное время. Человек не показался. Широкие круги исчезли. Мне все более становилось страшно’. В данном ССЦ сказуемое пятого предложения представлено бытийным глаголом *сүт* ‘теряться, затериваться, погибать, пропадать, исчезать, гаснуть, потухать, кончаться, прекращаться; сокрушаться, упраздняться; сходить, бежать (линять, изменяться) [8, с. 2417] в форме 3 л. мн. ч.: *сүттүлэр*.

В монографии Е.И. Коркиной в качестве иллюстративного материала представлены ССЦ с бытийными глаголами *олор* в значении ‘находиться, быть, пробывать, проводить время, пребывать, оставаться, витать, обитать, жить, проживать, обретаться, занимать дом, селиться, поселяться’ и *сүт* в значении ‘пропадать, исчезать, гаснуть, потухать, кончаться, прекращаться’. Несмотря на отсутствие научных изысканий в якутском языкознании, посвященных проблемам текста и текстообразования, исследователями якутского языка в свое время была осознана необходимость привлечения текстового материала для представления и раскрытия изучаемых языковых явлений. В связи с неразработанностью теоретической базы и отсутствием необходимого лингвистического инструментария единицы текста, использованные в их научных трудах, не были идентифицированы согласно своему статусу в системе текстовых единиц, однако четко понимались их

сверхфразовый характер и возможности, которые они представляли для более подробного описания и раскрытия языковых явлений.

Литература

1. *Амма Аччыгыя (Н.Е. Мординов)*. Сааскы кэм. – Якутскай, 1952.– 698 с.
2. *Афанасий Федоров*. Талыллыбыт айымньылар. –Т. I. – Якутск, 1962. – 448 с.
3. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ). – СПб.: Норинт, 1998.
4. *Деева Н.В.* Функционально-семантический аспект глаголов бытия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2003. – 24 с.
5. *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX-XX вв. –М.: КомКнига, 2006.
6. *Коркина Е.И.* Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.
7. *Лосева Л.М.* Как строится текст. – М.: Просвещение, 1980.
8. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
9. *Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина.* – М.: Гардарики, 2004.
10. Хотугу сулус. – 1964. – № 4. – С. 10.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_005

В.И. Харабаева,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Е.И. КОРКИНА О ГЛАГОЛЬНЫХ ЛИЧНО-ОТНЕСЕННЫХ МОДАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В 1979 г. вышла монография Е.И. Коркиной «Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке», где автор впервые подвергла специальному исследованию образование различных лично-отнесенных глагольных форм и конструкций, служащих в якутском языке для выражения модальных значений.

В результате исследования выяснилось, что конструкции в составе причастий *-ар*, *-ых* и *-быт* с глаголом *буол-* и конструкции в составе падежно-причастной формы *-ыхпын* и группы функционально-модальных глаголов, а также конструкции в составе причастий *-ар*, *-ых*, *-быт*, *-тах* и модальных частиц представляются достигшими высокой степени грамматикализации, имеют сложившуюся парадигму, синтаксически нечленимы и семантически монолитны [1, с. 87]. Разряд модальных, функционально-модальных и модальных частиц, способных вступать в сочетания с падежно-причастной формой *-ыхпын*, а также причастиями *-ар*, *-ых* и *-тах*, строго ограничен в своем составе [1, с. 87].

Е.И. Коркина в якутском языке выделила 4 основных способа образования многочисленных глагольных лично-отнесенных модальных конструкций:

1. Перифрастические формы глагола с модальными значениями в сочетании с причастными формами. Это причастные формы *-ар/-быт*, *-ыах* + вспомогательный глагол *буол-* в форме основных времен изъявительного наклонения: *барар*, *барыах буолабын* (*буоллум*, *буолбуппун* и т.д.) 'Я намереваюсь пойти', 'Я решил поехать', 'Я, оказывается, согласился пойти' и т.д., а также в форме повелительного, утвердительного, условного наклонения: *сылдьар буол-* 'ты ходи', *кэлбэт буоллаххына* 'если не придешь', *көрдөрүнэр буолууһубун* 'отныне я намереваюсь проходить обследование' и т.д.

2. Конструкции, состоящие из падежно-причастной формы *-ыах* (*пын*, *-хын*, *-н* и т.д.) в сочетании с группой глаголов, которые целесообразно называть функционально-модальными, образуют аналитическую конструкцию, единую сложную форму, выражающую модальное значение. Например: 1. а) причастие на *-ыах* (*-ымыах*, *-ыа суох*) + личный аффикс притяжательного типа + винительный падеж в сочетании с глаголами в наст. времени *баҕарабын* 'хочу', *саныыбын* 'думаю' и т.д. образуют форму желательности: *барыахпын баҕарабын* 'хочу пойти', *киинэбэ сылдыахпын толкуйдуубун* 'думаю над тем как пойти в кино'; *барыаххын сатаммат* 'ты не должен идти'; б) причастие на *-тах* + афф. принадлежности + локативный падеж в сочетании с причастиями *сатанар*, *табыллар* и т.д. образуют конструкции долженствовательного действия: *ыллаххына табыллар* 'ты обязательно должен взять', *иһиттэхпинэ сатанар* 'я должен слушаться' и т.д.

3. Конструкции, состоящие из причастий *-ыах*, *-ар*, *-тах*, *-быт* и модальных частиц. Причастия с притяжательными аффиксами и предикативное личное склонение причастия сочетается с различными модальными частицами, служебными и функционально модальными глаголами (*сөп*, *син*, *наада*, *сөптөөх*, *турар*, *турдаҕа*, *буолаҕа*, *кэрэх*, *суох*, *баар*, *сатаммат*, *табыллыбат*). Например, а) причастие на *-ыах* (*-ымыах*, *-ыа суох*) + личный аффикс притяжательного типа + падеж в сочетании с частицами *сөп*, *син* 'можно' образуют форму желательного, возможного, долженствовательного действия: *көрүөхпүн сөп* 'могу увидеть'; б) причастие на *-ыах*+дательный падеж в сочетании с модальным словом *айылаах* + афф. сказуемости: *кэпсиэххэ айылаахпын*, *кириэххэ айылаахтар*;

4. Свободные сочетания причастных форм с модальными частицами (*курдук*, *дылы*, *айылаах*, *быһылаах*, *бэйэ*, *муна*, *куолу*, *үһү*, *быһылаах*, *майгыннаах*, *бадахтаах*, *былааннаах*, *ини*). При этом аффиксы сказуемости или аффиксы принадлежности присоединяются либо к причастию, либо к частице (*барыам үһү* 'я должен идти', *барар үһүбүн* 'я должен идти', *барыах баҕайым*

дуу 'идти ли мне придется', *барбыккын быһыылаах* 'ты кажется, ушел', *барбыт быһыылааххын* 'ты кажется, ушел'): *Бэйэн туох эрэ уопсастыбаннай үлэнэн дьарыктанар быһыылааххын дуу?* (Е. Неймохов) 'Ты сам, кажется, занимаешься какой-то общественной работой?'; *Мин эйигин хамнастаан олоробун, эн буолабына миигиттэн үгүһү кистиир эбиккин* (Даана Сард) 'Я обеспечиваю тебя работой, а ты, оказывается, от меня многое скрываешь' (букв.: скрывающий оказывается+ты); *Тыый бу да киһи?! Хаһан халлаантан түһүөх мунгунуй?* (КК) 'Ты что?! Когда же ты спустишься с небес?'

По мнению Е.И. Коркиной, список свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами имеет тенденцию к дальнейшему пополнению за счет создания новых типов и моделей сочетаний с модальным значением по мере развития языка [1, с. 79]. В современном якутском языке, по нашим наблюдениям, существуют также следующие модели свободных сочетаний аналитических личных конструкций с причастным составляющим:

1. Причастие + имя сущ. с посессивным афф. (*санаа, баба*) + глагол *кэл-приходить* в форме 3-го л. ед. ч.): *Кини барытын билиниэх санаата кэллэ* 'К нему пришла мысль (или он захотел) во всем признаться';

2. Причастия + имена сущ. с афф. посессивности (*быһыы, дьүһүн*): *Түргэнник быһаардыннар диэбит быһыым* (Леди Муус) 'Это я таким образом сказала, чтобы быстро решили (букв.то, что говорил +мой образ)';

3. Причастие + афф. посессивности + глагол в 3-м лице ед. ч.: *Кореец дуу, японец дуу эбитим буоллар, туох эрэ экзотической үүнээйини ааттыырым хааллаба* (Чолбон) 'Если бы я был корейцем или японцем, то назвал бы какое-нибудь экзотическое растение' (букв.:то, что я назову + поди, остался); *Аны кэлэн, хаарыйдаргын да, майгым уларыйбата биллэр* (Леди Муус) 'Теперь-то уж, хоть и высмеешь, ясно, что не изменится мой характер' (букв.то, что не изменится + известно);

4. Причастие + афф. посессивности в дательном падеже + глагол *тиий-* 'добираться', *күһэлин* 'быть вынужденным' в финитной форме: – *Мантан арахсарбытыгар тиийэбит, мин туоруубун, – хаңас диэки тыаба киирэн сүтэр суол диэки даллах гынна* (Е. Неймохов) '– С этого места нам придется расстаться, я перехожу дорогу, – он махнул в сторону дороги, исчезающей в лесу, который слева' (букв. к тому, что мы расстаемся + добираемся); *Мин мантан барарбар күһэлинним* 'Я был вынужден отсюда уехать' (букв.: к тому, чтобы мне уйти + я был вынужден);

5. Причастие + афф. посессивности + прилагательное: *Дьыала ис биэтэһин дьингнээжин билбэккэ эрэ, сөптөөх уураабы ыларын уустук* (Дылбаны) 'Не зная изнанку дела, тебе сложно принять верное решение' (букв.: то, что ты примешь + сложный); – *Чэ, аны ол ылбыттарын саҕаттан өрөбөлүүссүйэ да онордоххуна төннөрөрүҥ саарбах* (Е. Неймохов) '– Ну, даже

если и устроишь революцию с того момента, когда они взяли, *сомнительно, что ты вернешь*’; *Дьаһаных иннинэ сыта-тура толкуйдуур наадатын умнубатын ордук* (Кыым) ‘Тебе предпочтительнее не забывать о том, что нужно обдумать, прежде чем принять решение’ (то, что ты не забудешь + лучший);

6. Причастие + лексема *киһи* + афф. сказуемости + афф. вопросительности -ый: *Хайдах буолуох киһибиний?* ‘Как мне быть?’; *Нохоо, бу хаһан өйдөнүөх киһигиний?* (И. Тарабукин) ‘Парень, когда же ты образумишься?’ (букв.: то, что образумится + человек ли ты);

7. Причастие + имя существительное с аффиксом обладания на -лаах + аффикс сказуемости: *Мин күрэстэһэн көрүөх санаалаахпын* (Амма Аччыгыйа) ‘Я намереваюсь посостязаться’; *Илии баттаттым да тахсан барар санаалаахпын* (Намылы) ‘Как только подпишут, намереваюсь выйти’ (букв. то, что выходит+ имею намерение); *Билигин, хайыам баарай, сытар киһи ону эрэ толкуйдуур кыахтаахпын* (Даана Сард) ‘Сейчас, что же я могу, лежащий человек, только об этом и могу думать’ (букв.: то, что думает + имею силу).

8. Причастие + афф. притяж. + вопросительная частица дуу: – *Аата үчүгэйин. Киэһэ ыалдьыттыы тийийэрим дуу?!* (Көрдөөх кэпсээннэр) ‘Как хорошо! Вечером к вам в гости что ли мне придти?’; *Хаһыат ааҕарым дуу? Не почитать ли мне газету?*. Благодаря наличию вопросительной частицы дуу ‘ли’ образуется значение намерения.

9. Причастие + имя сущ. (*санаа, баҕа, кыах*) + притяжательный аффикс + частица отрицания суох: *Мин билигин ыал буолар санаам суох уонна эйигин үчүгэйдик эмиэ билбэппин ээ* (Е. Неймохов) ‘У меня сейчас нет намерения выйти замуж, и к тому же я тебя еще плохо знаю’; *Мин Гуйаараттан арахсар баҕам суоҕа* (Намылы) ‘У меня не было желания расставаться с Туярой’; *Мин кини дьолун хайдах да ылынар кыаҕым суоҕа, оттон кини – мин эрэйбин* (Даана Сард) ‘Я никак не могла принять его счастье, а он – мое страдание’;

10. Причастия+посессивный афф. + глагол *кэл* в будущем времени и вопросительная частица дуо: *Биир үбүлүөй оҕотун онгорбото кэлиэ дуо* (Чолбон) ‘Как же ему не сделать один маленький юбилей!’.

Данное исследование, проведенное Е.И. Коркиной, является достойным вкладом в изучение средств выражения модальности и доказывает, что якутский язык обладает богатым набором различных лично-отнесенных модальных конструкций, позволяющих выражать отношение содержания высказываемого к действительности множеством способов.

Литература

Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 96 с.

Источники

1. Амма Аччыгыйа. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1970. – Т. IV. – 744 с.
2. Даана Сард. Ааспыт ааспат амтана. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 192 с.
3. Иван Тарабукин, Владимир Тарабукин. Дьокуускай харах уутун итэбэйбэт. – Дьокуускай: Бичик, 2013. – 128 с.
4. Көрдөөх кэпсээннэр: хомуурунньук – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 192 с.
5. «Кыым», еженедельная общественно-политическая газета, выходит с 1927 г.
6. Леди Муус. Ахтылбан. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 384 с.
7. Намылы. Дьахтар абылыр айылгыта. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 144 с.
8. Неймохов Е.П. Эр киһи уонна дьахтар. – Дьокуускай: Бичик, 2010. – 384 с.
9. «Чолбон», ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с 1926 г.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_006

Н.Н. Васильева,

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск

СЫҤЫАТ ТУОХТУУР СЫҤЫАТТЫЙЫТА (Е.И.КОРКИНА МАТЫРЫЙААЛЫГАР ЭБИИ БУЛУУ)

Е.И. Коркина 1985 сыллаахха «Деепричастия в якутском языке» диэн үлэтин бэчээттэтэн таһаарбыта. Үлэтин үһүс баһыгар сыһыат туохтуур атын сана чаастарыгар көһөр түгэннэрин балачча киэнник хабаан холобурдаан көрдөрбүтэ. Олортон 90-тан тахса сыһыат туохтуур сыһыакка көспүтүн булбута [5, с. 237].

Ааптар бэйэтэ суруйарын курдук, бу биэрэр матырыяала толорута суох, балачча киэнник туттуллар эрэ өттө испииһэктэнэн киирдэ диэн бэлиэтиир уонна бу испииһэги кэлинни чинчийээччилэр салгыахтарын сөп диэн сабаҕалыыр [2, с. 141]. Онон биһиги бу испииһэги ситэрэн-хоторон, чопчулаан биэрэр сыалтан саха тылын бары өттүнэн толорутук хабаан көрдөрөр Академической картотекаҕа олобуран оноһулан бүтэн эрэр “Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын” тахсыбыт туомнарыгар киирбит сыһыаттыбыт сыһыат туохтуурдары хомуйан көрдөрөр соруқтаахпыт. Биллэрин курдук, бу Тылдыт саха тылын бүттүүн баайын толорутук түмэн көрдөрөр аналлаах: тылга билигин баар, туттуллар, ону ааһан баар буола, туттулла сылдыбыт хас биирдии тыл единицатын хабаан, кини араас түгэннэ туттуллубут, туттуллар суолталарын наардаан көрдөрөр сыаллаах-соруқтаах оноһулар [ол туһунан көр 1, с. 70, 135]. Онон, сорох түгэннэ сыһыат

быһытынан туспатыан олобура илик, туттуллуутунан эрэ сыһыат курдук суолталаах сыһыат туохтуур сыһыат диэн анал бэлиэлээх Тылдьыкка киирэн хаалбытара баар суол. Холобура, *арбаалыы, атыгырыы, кэтэммиттии, кэтэхтии, модьоболуу, уоскутардыы, сүбэлэһэн* диэн курдук тыллары сыһыат сана чааһын курдук ылынар арыый да эрдэ курдук. Е.И. Коркина суруйарынан, манньк курдук тылларга сыһыаттыйыы процеһа барар эрэри, бүтэһиктээхтик түмүктэнэ илик [2, с. 141]. Онон манньк түбэлтэни улахан итэбэс курдук көрөр сыһа буолуо дии саныбын.

Сыһыат туохтуурдартан урут **(-ан)**, тэннэ **(-а/-ыы)** уонна сылтанар **(-бычча)** сыһыат туохтуурдар сыһыарыыларын ылыммыт тыллар сыһыаттыйаллара биллэр, онон кинилэри биир-биир ылан көрүөбүҥ.

Урут (-ан) сыһыат туохтуур

Е.И. Коркина бэйэтин матырыяалыгар бу сыһыат туохтууртан үөскээбит уонча сыһыаты холобурдаан аҕалар: *дьобойон, хайаан, холоон, бастаан, соруйан, сүрүннээн, биирдиһлээн, күннүктээн, төгүллээн, иккистээн*. Быһаарыылаах тылдьыт тахсыбыт 13 туомун тухары Е.И. Коркина бу матырыяала барыта хабыллыбыт, онно эбии өссө 50-ча тыл сыһыат быһытынан быһаарыллан киирбит. Холобура: *аанньаран, араастаан, арааһынайдаан, боччумнаан, бүччүмнээн, диригэтэн, дэннэтэн, дьохуннаан, дьүүллээн-дьаабылаан, кииннээн, күргүөмнээн, кыһайан, лаппыйан, наллаан, сиикэрэлээн, сорунан, сулуйан, суулаһан, тараахтаан, төрүөттээн, түптээн, уустаан-ураннаан, уутуйан* диэн курдуктар.

Бу сыһыаттыйбыт тыллар үгүстэрэ хайааһын суолтатыгар туттуллубаттар эбэтэр оннук суолталара үөскээбит сыһыат суолтатыгар баһыйтаран, күлүгүрэн, өтөн көстө сылдыбат буолбуттар. Тылдьыттан холобурдары көрүөбүҥ:

Боччумнаан *сыһ.* **боччумнаа** диэн билигин туттуллубат туохтууртан үөскээбит урут сыһыат туохтуур. Суолтата: ‘Үчүгэйдик өйдөөн-дьүүллээн сыһыаннаһан, сорок оностон; дьохуннаан’ диэн сыһыат суолталаммыт. Холобур: *Өксөкүлээх кэлбит дьону кытта биир-биир боччумнаан кэпсэппитэ*. Болот Боотур [7, с. 429].

Кыһайан *сыһ.* **кыһай** ‘Кими эмэ тугу эмэ онгорорго күһэй, модьуй’ диэн суолталаах туохтуур урут сыһыат форматыгар туран ‘туох эмэ сырдыгар тэйтэн, тирээн (көр, көрөн онор)’ диэн сана сыһыат суолталаммыт. Холобур: *Кирилл түннүгү аһар. Сырдыкка кыһайан, суругу ааһан барар*. Л. Попов [8, с. 359].

Уутуйан *сыһ.* **уутуй** 1. ‘Сиигир, нүөлсүй (ходуһаны, бааһынаны этэргэ)’; 2. ‘Уулаах буол, уунан туол (харабы этэргэ)’ диэн икки суолталаах туохтуур - **ан** сыһыарыыны ылыммытын түмүгэр ‘ханньк эмэ сири ордук сөбүлээн, биһирээн (олохсуй, олоһор)’ уонна ‘тугунан эмэ күүскэ үлүһүйэн, ылларан’ диэн омонимны сыһыаттар үөскээбиттэр. Холобура: *Амма эбэ былыр-*

былыргыттан ыал–дьон бөбө **уутуйан** олорбут, сорохтор барбара байбыт сирдэрэ. “ХС”. Кини анаардас научнай үлэнэн эрэ **уутуйан** үлүһүйбэтэ. “ХС” [9, с. 389-390].

Холобурдартан көстөрүнэн, сыһыат буолбут тыллар үөскээбит туохтуурдарын олобууттан тэйэн, уларыан, олох атын суолталаммыттар.

Сылтанар (-бычча) сыһыат туохтуур

Бу форманан үөскээбит *ылбычча, түбэспиччэ, оонньообучча* диэн 3 тылы Е.И. Коркина сыһыат буолбуттар диэн аабар. Балар үһүн Быһаарыылаах тылдыкка быһаарыллан киирбиттэр, мань таһынан өссө 16 **-бычча** сыһыарыынан үөскээбит сыһыат Тылдыкка киллэриллибит. Холобур: *өйдөөбүччэ, бабарбычча, ахтыбычча, иллэнсийбиччэ, көстүбүччэ, кыабырбычча, өйдөммүччэ* уо. д. а. Холобурдары көрүөбүң:

Ахтыбычча *сыһ.* Ахтыбыт буолан, көрбөтөбө ырааппыт буолан. Холобур: *Көмүлүөк суоһугар көхсүбүн Иттиэрбин ахтыбычча, Оһох айабын аһан Бүгүн олоробут. Иттиим. Ычча!* Дьуон Дьанылы [6, с. 671].

Кыыһырбычча *сыһ.* Кыыһырбыт уоһугар, кыыһыран. Холобур: **Кыыһырбычча** *этэн кэбистим дии, оттон ити.* Амма Аччыгыһа [8, с. 436].

Е.И. Коркина да суруйарынан, Быһаарыылаах тылдыт да матырыһаала көрдөрөрүнэн, **-бычча** сыһыарыынан үөскээбит сыһыат туохтуур сыһыаттыйыта дэннэ буолар, кэмчи көстүү эбит.

Сыһыат туохтуурдартан **-а/-ыы** сыһыарыылаах тэннэ сыһыат туохтуур саамай элбэхтик сыһыакка көһөр эбит. Е.И. Коркина үлэтигэр манньк сыһыарыынан үөскээбит 80-чаба чугаһыыр сыһыаты холобурдаан ағалар. Биһиги Тылдыттан булбут матырыһаалбытыгар манньк үөскээбит сыһыат 170-ча буолла. Балартан баһыйар үгүс өттүн туохтуур төрүт олобууттан үөскээбит сыһыат туохтуурдар сыһыаттыйбыттара ылар. Холобур: *аргыннахтыы, бааччахтыы, быластыы, дуоһуя, курдаттыы, нэлбэгэйдии, омнуолуу, өрөһөлүү, сиһилии, кыйа, кыйайа, сиирэ, сирийэ, таһыйа, төгүрүүэ, тууна* о. д. а. Туохтуур туһаайыылары сыһыат туохтуур бу сыһыарыытын ылынан баран, сыһыат буолбуттара эмиэ көстөр, холобур, дьаһайар туһаайыыттан: *сылаанньыта, кытыылата, мэнгэһиннэрэ, ситиһиннэрэ, улабалата, хампарыта;* холбуу туһаайыы формалаах туохтуурдартан: *кэлимсэлэһэ, кэккэлэһэ, силбэһэ.*

Тылдыкка киирбит манньк сыһыаттыйбыт тыл төһө да элбэх курдугун иһин, аны Е.И. Коркина кинигэтигэр сыһыаттыйбыт диэн киллэрбит *быста, баһыйа, өлө, тумна, тууя, куура, тэлэйэ, субуруһа, астына, долгуйа, үөрэ, соһуя, чэлгийэ, барбара, толло, харааста, ытыктыы, сүгүрүүэ, хаарыйа, имэрийэ* диэн курдук 20-чэ тыл Тылдыкка сыһыат быһыытынан киирбэтэхтэр. Ол аата, бу тыллар сыһыат санга чааһын сүрүн бэлиэлэрин ситэ ылыммакка хаалбыттар, эбэтэр өссө да ылына иликтэр. Кинилэр сүрүн хайааһынна

хошулаһар ойоѳос хайааһыны көрдөрөр сыһыат туохтуур сүрүн суолтатын илдэ сылдыбаллар эбит диэн сабаҕалыахха сөп. Холобура, **барҕара** сыһыат туохтуур **барҕар** туохтуур ‘Ситэн-хотон төлөһүй, тубус’ диэн суолтатын илдэ сылдыар, онон сыһыат буолбат. Холобур: *Монголия ыччата эт-хаан өттүнэн барҕара сайынна*. И. Федосеев. Эбэтэр ылан көрүүбүн өссө биир **тэлэйэ** диэн холобуру: *Сыллай хатамматах халҕаны тэлэйэ тэбэн дир гыннарда*. Амма Аччыгыйа. *Оѳонньор тура охсон, тирии бүрүөһүннээх аанын тэлэйэ баттаата*. Л. Попов. Манна сүрүн туохтуурдар **тэп**, **баттаа** буолаллар, оттон **тэлэйэ** ‘туох эмэ аанын киэнник аһа, арыяа’ диэн суолталаах сүрүн хайааһынна ойоѳос хайааһын быһыытынан эрэ өйдөнөр, сыһыат буолбат.

Тэннээн көрөр буоллаахха, Тылдыкка киирбит **сигилии** словарнай единица сыһыат туохтууртан үөскээн баран, сыһыаттыан: ‘Барытын толорутук, ымпыгар-чымпыгар тийэй’ диэн хайааһын бэлиэтин көрдөрөр сыһыат суолталаммыт: *Бэрт сигилии ыйдаран-ыйдаран __ кини университет дьиэтин син булла*. Амма Аччыгыйа.

Түмүк курдук эттэххэ, сыһыат туохтуур даҕаны, сыһыат сана чааһын быһыытынан даҕаны, түүр тылларыгар барытыгар да толору үөрэтиллэ, ситэри-хотору быһаарылла илик тыл көстүүлэрэ буолаллар [3, с. 2543], [4, с. 79]. Тыл биир турукка тийэн баран хаатыйаланан, сөнөн хаалбат, араастаан уларыя-тэлэрийэ, сайда, байа турар, ордук сыһыат араната биллэрдик ханыыр. Онон сыһыат айылгытыгар болѳомто ууран, лексика, семантика, морфология, синтаксис өттүттэн барытыгтан чинчийиилэр оноһуллаллара наада эбит.

Литература

1. *Дубчинский В.В.* Лексикография русского языка: учеб.пособие. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 432 с.
2. *Коркина Е.И.* Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 204 с.
3. *Мизиев А.М.* Образование наречий от деепричастий в тюркских языках // Глобальный научный потенциал; Изд-во Фонд развития науки и культуры (Тамбов). – 2013. – С. 78-82.
4. *Саурыков Е.П.* Формирование и пути развития наречия как части речи в тюркских языках // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10 (Ч.11). – С. 2543-2547.
5. Саха билинни тыла. Морполуогуйа: устудьуонна аналлаах үөрэх кинигэтэ. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 288 с.
6. Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. I (Буква А) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
7. Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. II (Буква Б) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
8. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта. Т. V (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.
9. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта. Т. XII (Буквы У, Ү) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.

Е.И. КОРКИНА ТУОХТУУР СОРУЙАР КИЭБИН ҮӨРЭТИИТЭ

Е.И. Коркина туохтууру үөрэтээччи быһыытынан саха тылын наукатыгар киэн суолу арыйбыт бөдөн учуонай этэ, кини «Наклонения глагола в якутском языке» үлэтэ түүр тылларын чинчийиигэ улахан суолталаах, саха уонна түүр тылларын грамматикатыгар теорияны олохтообут үлэлэртэн биирдэстэринэн буолбута.

Е.И. Коркина соруйар киэби ырытыыта хас да үлэбэ киирбитэ: «Наклонения глагола в якутском языке» (1970); «Формы прошедшего времени в якутском языке» диэн кандидатскай диссертация автореферата (1960); «Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология» (1982); «Саха билинни тыла. Морфология» диэн учебник(2009). Бу ырытыытыгар ураты көстүү үгүс, бу суруйууга олортон сорох түгэннэри анаан бэлиэтиибит.

Е.И. Коркина саха тылыгар соруйар киэп устуоруйатын сиһилии көрдөрөн уонна ырытан, бэйэтин көрүүтүн киллэрбитэ. Ол курдук эрдэтээни үлэлэртэн саҕалаан, Л.Н. Харитонов, Е.И. Убрятова ырытыыларын сааһылаан, атын түүр тылларыгар тэннээн, саха тылыгар соруйар киэп уратытын быһаарбыта.

Туохтуур сорох киэптэрэ аат туохтуурга эбэтэр туохтуур атын өрүттэригэр сыһыаннаахтар. Е.И. Коркина соруйар киэп туохтуур олобун кытта биир ситимнээх диэн быһаарар. Халыыбынан көрдөххө, иккис сирэй биир ахсаанна халыыба (*бар, кэл, оло, сүүр, тур, киир, ой*) туохтуур олобун кытта дьүөрэли буолар.

Туохтуур соруйар киэбэ кэлэр уонна билинни кэмнээбин өссө эрдэтээни чинчийээччилэр ыйбытгара, Е.И. Коркина бу көрүүнү бигэргэппэт, кэлэр кэми эрэ туоһулуур.

Соруйар киэпкэ хайааһын санарбыт кэннэ оноһулар, хайааһыны онорууга хайааччыта икки буолар, санарааччы уонна хайааһыны онорооччу, атыннык, бастакы хайааччы уонна иккис хайааччы диэххэ эмиэ сөп. Холобур, *Ийэбэр эт, кэһиитин ыыттын*. Манна *эт, ыыттын* – соруйар киэп 2, 3 сирэйин халыыба, санарааччы хайааһыны онорорго соруйар, хайааһыны онорооччу икки хайааһыны онорор – этэр уонна салайар.

Хайааһыны оноруу кэмэ чопчуламматах буолан, кэлэр кэм соруйар кизпкэ икки араастаһыыта баар: сотору (туда) кэлэр кэм уонна хойут (өтөр) кэлэр кэм.

Соруйар кизп ис хоһоонунан үгүс сыһыаны үөскэтэр: көрдөһүү, ааттаһыы, ынырыы, модьуйуу, сэрэтии, көбүтүү, сэнээрии. Е.И. Коркина ырытыытыгар соруйар кизп бары дэгэтэ толору арыллыбыт. Холобурдарынан сирдэттэххэ, сыһыан маннык өрүттэрин ыйыахха сөп. *Мин киниэхэ кинигэтэ аабыым, баҕар аралдьыйаарай. Суругу мин илдьэн туттарыым. (Хаама) түһүүм эрэ. (Кэпсиу) түс эрэ... Мин бэйэм билиим* – хайааһыны онорууга көнүллэтии, сүбэлэһии, көрдөһүү, сорук ылыныы, баҕарыы барыта биллэн ааһар.

Бары (сөтүөлүү) барыахха. Оонньууну (ыытан)иһиэххэ! – хайааһыны кыттыһан оноруу, хайааһыны онорууга ынырыы, угуйуу диэн быһаарыахха сөп.

Лахсыйбакка олоор! Улахан дьон иирээнигэр эн (булкуспакка)тур! Тупсун! Иккиэннитин үчүгэй аҕайдык курбуулаталыы иликпинэ тупсун! – хайааһыны онорорго соруйуу, модьуйуу эбэтэр ынырыы эмиэ көстөр.

Кыттыгас хайааһынна бастакы уонна иккис сирэй халыыба баар, эн уонна биһиги, эһиги уонна биһиги, эн уонна мин, мин уонна эһиги. Үһүс сирэйгэ кыттыһыы көстүбэт. Холобур, *Үөрэнэ барыах (барыахха). Тымныыта бэрт! Сайылыкка көһүөххэ!* – эн биһиги, эн уонна мин, мин уонна эһиги эмиэ, бары.

Соруйар кизпкэ модьуйуу, соруйуу сүрүн сыһыан буолар, ол эбэтэр соруйар кизп дьин ис хоһооно бу түгэннэ көстөр. Холобур, *Бар, икки харахпар көстүмэ. Маста хайыт, уута киллэр. Дьибэ киирэ охсун! Бу маһы бырабын! Тыый, лахсыйыма! Ол туһунан санаама, букатын санаама!*

Соруйар кизп суолтатынан баһыйара – соруйуу, ол кэннэ көрдөһүү, онтон модьуйуу, ынырыы, онтон атын суолталары соруйар кизп хос өйдөбүлүгэр киллэриэххэ сөп. *Туругурдун көнүл Россия! (уруйдааһын). Берлин урусхал буоллаҕа, кэһэйдиннэр! (сэтэрээһин). Бу дойдуга букатын кэлбит курдук сананан сырым!*

Е.И. Коркина соруйар кизп суолтатыгар ахсаан оруоллааһын ыйар, ол ордук бастакы, иккис сирэй халыыбыгар көстөр. Холобур, 1-кы сирэй халыыба биир ахсаанна хайааһыны онорууга көнүллэтиини, сүбэлэһиини, көрдөһүүнү, баҕарыыны, онтон элбэх ахсаанна (холбоһуктаах ахсаан эмиэ) ынырыыны, туһаайыыны көрдөрөр: *Чэ, оччоҕо бу омурбаанна үлэлиим. Куттаммыппытын биллэримиэх.*

Соруйар кизп үһүс сирэйгэ халыыба ураты *-тын*, хайааһыны соруйан, дьаһайан онорууга үһүс хайааччы кыттыһар. Холобур, *Петя сурукта суруйдун. Миэхэ оҕото ыыттын. Салгын ыраас, оҕотун күүлэйдэтэ таһаардын.* Сорох

түгэннэ үһүс сирэйгэ хайааччы суолтата сүтэр, абстрактнай туһаайыы көстөр. Холобур, *Тыы бардын, бардын. Эйэ туругурдун, эйэ баар буоллун*. 3-с сирэй

Е.И. Коркина соруйар киэп туттуллуута киэн кырааскалаабын бэлиэтиир. Олортон соробун ыйыахха сөп. Эбиискэ, тыл хатыланан туттуллуута, сымнатар-күүһүрдэр сыһыарылар. Маннык түгэннэр атын түүр тылыгар бэлиэтэммэттэр эбит. Холобур, *Барыабын эрэ. Ытыг даа. Кэлин даа. Кэлин дии. Кэлин диибин дии. Турууй, тохтоорууй. Кэлингитий. Барынгытыныый, барыабынгытыныый*. Бу ураты туттуллар түгэннэри Е.И. Коркина анаан бэлиэтээбитэ.

Онон соруйар киэп интонациянан уратылаһар дэгэт халыыптара түөлбө тылыгар көстөр, энээритэн сангарыыга көрдөһүү ньымалаах халыыптары ордук Бүлүү бөлөх улуустарыгар көрөбүт.

Е.И. Коркина соруйар киэп кэмин иккис халыыбын өтөр буолар кэлэр кэм диэн киллэрэр. Ол халыыптар манныктар: *бараар, бараарын* эбэтэр *бараарыый, бараарынгытыныый* – манна кылгас халыыптарын эмиэ ыйар: *бараарынгытый, бараарынгытыный*. Өтөр кэлэр кэм уратытын ааптар соруйар киэп сыһыаны бэлиэтиир өрүттэригэр киллэрэр, холобур, көрдөһүүлээх соруйуу, модьуйуулаах соруйуу, ынырыылаах соруйуу. *Тукаам, дорооболоһуоххун. Оттон эһиги барыаххытын. Театрга сылдыаххытын*.

Е.И. Коркина – саха тылын туохтуурун чинчийиигэ уонна түүр тылын наукатыгар ааттаах-суоллаах чинчийээччи буолар. Ол иһигэр туохтуур киэбин ырышпыт үлэтэ грамматиканы чинчийиигэ эталон буолбут үлэ.

Литература

1. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Издательство «Наука», 1970. – 308 с.
2. Коркина Е.И. Формы прошедшего времени в якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1960. – 19 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во «Наука», 1982. – 496 с.

Е.И. КОРКИНА: ХОТУГУЛУУ-ИЛИННИ ТҮӨЛБЭБЭ САХАЛЫ САҢАҒА ДОРҢООННОР УРАТЫЛАРА *

Бэрэпиэссэр Е.И.Коркина эргиччи дэгиттэр тыл үөрэхтээбэ этэ. Сүннүүнэн саха тылын туохтуурун чинчийбитэ эрээри, түөлбэ тылын, чуолаан хотугулуу-илиннини, лексикатын, грамматикатын уонна дорҢооннорун тиһигин кэлимсэтик чинчийиигэ тус бэйэтинэн эспэдиисийэлэргэ кыттан хомуйсубут матырыяалыгар тирэбирэн, «Северо-Восточная диалектная зона якутского языка» диэн сүүнэ үлэни [7] бэчээттэпитэ.

Уопсай тыл үөрэбэр түөлбэ тыла бүттүүн омок тылын баай-талым көстүүтэ дииллэригэр тирэбирэн, Евдокия Иннокентьевна олус кичэйэн хомуйбут матырыяалын сыа-сым курдук ырытан, тус хоту олохтоох дьон үөскэпит, олохсуппут тылларын эгэлгэ дэгэтин сыныйан чинчилээбит муударанын сөбө-махтайа ааҕабын. Ол барыта кини хайа баҕарар үлэбэ эппиэтинэстээхтик сыһыаннаһар үөрүйэбинин алтыһар уонна түөлбэ тылыгар олохсуйбут тыл туттуллуутун сэдэх холобурдарыгар түн былыргыттан ыла силистээх-мутуктаах чахчылар (Хол.: монгуоллуу-сахалы: *саҕара – саарыны, өмхий – эмтий, хохир – күөркэс, соёо – сойуо, хорхой – хорохой* уо.д.а.) көстөн тахсаллар.

Түөлбэ, чуолаан Халыма, Индигиир тардытытын тылыгар, итинник тыллар хайдах ордон, туттулла сылдьалара чинчийээччи интэриэһин тардаллар.

Субу суруйууга Е.И. Коркина Саха сирин хотугулуу-илин өрүстэрин тардытыгар олохтоох сахалы тыллаах дьон сагаларыгар аһаҕас уонна бүтэй дорҢооннор хайдах туруктаахтык олохсуйа сылдьалларын ырыппытын сиһилээн көрөр сорок тоҕоһор.

Е.И. Коркина Аллараа Дьаангы, Саккырыыр, Өймөкөөн, Индигиир, Халыма сахаларын сагалыгар, урут баар чинчийиилэри биир сүрүннээн, тыл матырыяала хайдах этэринэн сирдэтэн, түөлбэ тылыгар туттуллар дорҢооннор бүттүүн саха тылын баайа буолалларын көрдөрөрүгэр маннык уратылары бэлиэтиир:

1. Ордук бэлиэ көстүү **о~а** аралдыһыыта – оокойдоон/аакайдаан санарыы (*хотун ~ хатын, солуур ~ салыыр, хомус ~ хамыс, хотуур ~ хатыыр*

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта N16-34-00027 (Ыстатыйа РГНФ өйөөбүт 16-34-00027 N-дээх научнай бырайыагын чэрчитинэн бэлэмнэнэ).

у.д.а.). Итини тыл үөрэхтээхтэрэ Е.И. Убрятова, П.П. Барашков, С.А. Иванов саха тылыгар киэнник тарҕаныытын араас төрүөттээх дириллэр. Е.И.Убрятова монгуоллуу тыллаах дьон XV-XVI-с үйэлэр эргин, П.П. Барашков эбэнки тылын сабыдыалынан үөскээбит диэн сабаҕалыыллар. Оттон С.А. Иванов өссө былыргы түүрдүү тылтан ситимнээх көстүү диир. Итинник санаалары сыымайдаан, Е.И.Коркина өссө **ө~э** аралдыһыыта холбоон, саха тылыгар икки түөлбэ – илинни (аакайдыыр) уонна арҕаанны (оокойдуур) диалектыы турук үөскээбитин чопчулуур. Ол гынан баран, чинчиһиттэр бары да санааларынан, түөлбэлэр төбүрүүннэн олохсуйбут сирдэринэн түөрт бөлөххө араасаллар: хотугулуу-арҕаа, бүлүү сүнньэ, киин уонна хотугулуу-илин [2, с. 169]. Хас биирдиилэрин ахсын атыттарга суох ураты баара дириг силистээх-мутуктаах буолара, холобур, дорҕоон өттүгэр түн былыргыттан төрүттээбэ түөһүллэр [5; 6]. Ол барыта 1957, 1987 сыллардаабы эспэдииссийэ матырыйаалыгар ырылыччы көстө сылдьар.

Саккырыыртан саҕалаан, Халымаҕа тийэ анардас **о ~ а, ө ~ э** аралдыһыыта сүннүнэн чин туруктааҕа саха тылын дорҕооннорун тутула халбаннаабат сокуоннардаабын туһунан Е.И. Коркина бэлиэтээбитэ. Ол эрээри литературнай тыл сабыдыала **о~а** аралдыһыыта Аллараа Дьааны дьонун санатыгар дьайан иһэрэ бүттүүн түөлбэ тылыгар тарҕаныан сөбүн сабаҕалыыр [7, с. 249].

2. Хотугулуу-Илинни түөлбээбэ **өө ~ үө, оо ~ уо, ээ ~ иэ** курдук аралдыһыылар ордук Халыма, Индигиир дьонун санатыгар өссө да халбаннаабат **өө ~ үө** (*төрүөбүт, өйдүөбүт; мөлтүөн, көрдүөтүбүт*), **оо ~ уо** (*оттуотубут, босхолуобут*), **ээ ~ иэ** (*кэрэхсиэн, эттиэтибит, чэйдийтэ, кистиэтим*) эмиэ Дьаанынан, Өймөкөөнүнэн киирэн, сыһа литературнай халыыпка көһөн ээрэ баар [3, с. 47].

3. Түөлбээбэ Евдокия Иннокентьевна уһун аһаҕас уонна дьуптуон кылгааһынын холобурдара баарын таба көрөр (*туорах, кытый, эмий, ойун, тий; уот – ут, биэриэ – бириэ, кыараҕас – кыраҕас, үөрэн – үрэн, буол – бул*) уонна ити эбээн тылын сабыдыала буоларын билинэр.

4. Бүтэй дорҕоон түөлбэтээби тиһигэр баар көстүүлэри эмиэ кыраҕытык таба истибит. Холобур, олохтоох нууччалар саналарыттан быһылыыр **ш** дорҕоон Халымаҕа бигэтик туттулларын ыйбыт: **шүөһү**, эмээх**шин**, **шүүрбэ**, ык**шаа**быт, кири**эш**, ум**ша**ах, табы**ш**хаан, у**ш**куола о.д.а. Дьааны, Индигиир эргин итинник санарыы суоҕун тэнэ диэбит.

5. Уос уонна мурун **б ~ м** дорҕооннорун тыл иннигэр уонна ортотугар аралдыһыыта саха тылыгар тэнийбит уонна түн былыргыттан баар көстүү буолар [4]. Ол түүр тылларыгар тэнийиитин Б.А. Серебренников **б** ордук эрдэтээби көстүү диэбитин [8, с. 105] К.М. Мусаев билинни түүр тылларыгар өссө мөккүөрдээх көстүү быһыытынан ааҕар [8, с. 317]. Оттон саха тылыгар **б ~**

м тыл иннигэр аралдыһыта (*муус ~ буус, маџана ~ баџана, мэрэмэдэй ~ бэрэмэдэй, мутук ~ бутук* уо.д.а.) холобурдарга икки араастааџа түөлбэ тылыгар эмиэ тарџаммыт. Е.И. Коркина ордук Халыма дьонун санатыгар **б ~ м** аралдыһыга *буус, буокас, тубан, нуорба, хамнааба, сылдыбыба, диэбинэ* холобурдар киэнник тарџаммыттарын ыйар. Атын түөлбэлэргэ итинник чин турук бэлиэтэммет. Өссө 1957 с. толоруллубут «Анкеталарга» холобурдар 1987 сыллаахха **м** дорџоонунан этиллиилэрэ үксээбит [7, с. 250].

б. д ~ т аралдыһыы монгуоллуу тыл сабыдыала буоларын тыл үөрэхтээхтэрэ (П.С. Афанасьев, Н.Д. Дьячковская, С.А. Иванов) быһаарбыт суоллара: *дал ~ тал, дөрө ~ төрө, дөй ~ төй, далаһа ~ талаһа, дьүлэй ~ түлэй*. Саха түөлбэ тылларыгар араастаан санарыы киэнник тарџаммыт. Е.И. Коркина ырыппыт матырыяалыгар түүрдүү хабааннаах көстүү **т ~ д** аралдыһыы Халыма, Индигиир сахаларын тылыгар сөнгөн сылдыра былыргы түүрдүү тыл туругун санатар: *табытал, тайбаа, тай, төй*. Дьяаныга, Өймөкөөннө булкуйа этии (дабытал – табытал, дайар – тайар, дайбаа – тайбаа) улам тарџанан иһэрэ көстөр [7, с. 250].

7. Е.И. Коркина түөлбэ тылыгар ордук бэлиэ көстүүлэри таба көрбүтүн үөлээннээхтэрэ, тыл үөрэхтээхтэрэ М.С. Воронкин, С.А. Иванов үгүстүк сөбөн суруйбуттара. Чуолаан, **н ~ р, һ ~ џ** аралдыһыылар хайа түөлбэлэргэ киэнник тарџаммыттарын уопсай диалектологияџа чопчулаабыттара (М.С. Воронкин, С.А. Иванов). Оттон хотугулуу-илинни түөлбэџэ *ырдыы ~ ындыы* диэн холобуртан *ырдыы* Халымаџа, Аллараа Дьяаныга, Индигииргэ баһыйар эбит. Өймөкөөн, Дьяаны, Саккырыыр улуустарыгар *ындыы* ордук тарџаммыт. Итини П.С. Афанасьев эмиэ бэлиэтээбитэ.

һ ~ џ аралдыһыы *таһаар ~ таџаар* кэлин киэн аһаџас дорџооннор ыккардыларыгар үөскүүрүн Е.И. Коркина түүрдүү *tasgar* диэн тыл олобунуун ханыылыы көрөр. Өссө М.С. Воронкин ити көстүүнү монголлуу **һ ~ ч** *зүсэн ~ зүһэн* уларыыыга ханыылыыр. Оттон С.А. Иванов *таџаар* диэни *табых* 'подниматься на гору' диэннэ дьүөрэлиир. Оччотугар Халыма, Индигиир эргин саха тылын монгуоллуу дуу, түүрдүү дуу (*табых ~ tasgar*) көстүүтэ сүппэккэ сылдыарын сабаџалыахха сөп.

8. Мурун **ј** дорџоонноох тыллар Халымаџа, Индигииргэ, Дьяаныга балаччы киэнник туттуллаллар: *аџах, тыџыс, куџаас, куџах, кыџат, сангыџах* уо.д.а. Өймөкөөннө ити тыллар, литературнай тыл баһыйан, **й** дорџоонунан этиллэллэр диэн Евдокия Иннокентьевна бэлиэтиир.

Мурун **ј** дорџоонун үөскээбит төрүөтүн Е.И. Убрятова **й ~ ј ~ нь** аралдыһыы «по наследству перешло в якутском языке, в котором оно наблюдается в определенном круге слов» [9, с. 93]. Оччотугар **ј** түүрдүү төрүттээх саха тылларыгар сүппэккэ сылдыарын хотугулуу-илинни уонна сорох кытыы түөлбэлэргэ көрүөхпүтүн сөп. Холобур, Э.К. Пекарская тылдытыгар

150-ча **ј** дорџоонноох тыл бэлиэтэммитигтэн көрдөххө, оччотооџуга киин улуустарга *ијэ, хајах, тујах, мэји* уо.д.а. диэн санарыы киэн эйгэџэ туттуллар эбит. Өссө С.А. Новгородов «Сахалыы ааџар кинигэтигэр» (1923 с.) бэчээттэммит саха бастакы суруйааччыларын айымныыларыгар киирбит **ј** дорџоон санарар эйгэџэ бигэ туруктааџа көстөр.

9. Хотугулуу-илинни түөлбэ санатын биир уратытынан кылгас бүтэй дорџоон уһуннук этиллэрин чинчийиттэр ыйаллар. Холобур, *улаххан, ыараххан, дышккэй, суоракка, арыыннан, эддьий* уо.д.а. Манна тыл олоџор уонна туттуу түһүгүнэн уонна дьүөрэлэһии түмүгэр үөскүүр тыллар киирсэллэр.

Тыл олоџор: *улахан – улаххан, дьукаах – дьуккаах, дышкэй – дышккэй, ыарахан – ыараххан, эдьий – эддьий, акаары – аккаары, бухатыыр – буххатыыр, холорук – холлорук* Хотугулуу-илинни түөлбэџэ бэлиэтэнэр көстүү арыт Таатта, Томпо улуустарыгар эмиэ баар.

Туттуу түһүгүнэн: *тыанан – тыаннан, уунан – ууннан, арыынан – арыыннан, сүөһүнэн-сүөһүннэн* уо.д.а Бүлүү сүннүнэн, Хотугулуу-арџаа эмиэ тэнийбит көстүү.

Дьүөрэлэһии түмүгэр: *бардынар – бардыннар*, бүттүүн саха тылыгар баар уларыыылар.

Саха тылын бу уратытын түүрдүү тылга А.М. Щербак быһаарыытынан аһаџас дорџооннор ыккардыларыгар тыастаах ньиргизэрэ суох бүтэйдэр уһуннук этиллэр айылгылаахтар эбит. Холобур чуваштыы *с'аккар – с'агар 'килиэн', 'с'эккел – с'эгел 'күрүчүөк', хакастыы оттых 'кытаанах'* уо.д.а.

10. Е.И. Коркина чинчийбит түөлбэтигэр **с ~ ч ~ һ** аралдыһыы тыл иннигэр уонна ортотугар үөскүүр холобурдара бааллар: *сөмүйэ ~ чөмүйэ, сишкэй ~ чишкэй, сыгыннах ~ чыгыннах, эһэ ~ эчэ, бөһүөлэк ~ бөчүөлэк, быһах ~ бычач* уо.д.а. Ону таһынан өссө **ч ~ т** аралдыһыыга *үтэһэ ~ үчэһэ, ичигэстээ ~ итигэстээ* көстөр.

Бу аралдыһыылар саха тылын атын түөлбэлэригэр эмиэ баалларын М.С. Воронкин, С.А. Иванов үлэлэригэр көрүөххэ сөп. Ону кинилэр өссө диринэтэн, түүр, монгуол тылларыгар ханыылыылар. Н.Д. Дьячковскай эмиэ «... рефлексы перехода ч>с, имевшего место в более ранний период развития якутского языка» [4, II, с. 98-99] диэбитэ тыва *чоок*, кырг. *жуук*, чуваш. *сывак* тыллар сахалыы *чугас~сугас* аралдыһыылыын ханыылаахтара да туоһулуур. Отгон эбэнки тылыгар *сэптэрээк* диэн тыл *чэмкирээ, сэнгирээ, шэмкирээ* диэн араастааџа сахалыыга дьайбыта эмиэ саарбаџа суох.

11. Хотугулуу-илин түөлбэџэ эрэ тыл иннинээџи **н, м, т, х** дорџооннор түһүүлэриттэн *уучча (нуучча), эрэбэдэй (мэрэбэдэй)* диэн туттулуута баар уонна бигэ туруктаахтык санарыллар: *уучча тыла, тириш эрэбэдэй*. Ону таһынан **т** түһүүтүттэн *иэтэл (тиэтэл), уундара (туундара)* ,**б** түһүүтүттэн

охсуруй (бохсуруй) үүчээн (бүүчээн), с түһүүтүттэн өбүргэнэ (сөбүргэнэ), х түһүүтүттэн улума (хулума), аарыан (хаарыан) уо.д.а.

12. Бүтэй доржооннор орун атастаһыылар (метатеза) – саха тылыгар киэн көстүү. Е.И. Коркина бэлиэтиирин курдук, олортон сороҕо тыл былыргы көстүүтэ буолар. Холобур, *билиһэх* (түүр. *билезик*), *иһэнэ* (түүр. *үзөнгү*), *тиһэнэ* (түүр. *тизэк*), *хоҕоһо* (монг. *хог 'кир-хок'*) уо.д.а.

Оттон орун атастаһыыта түөлбэҕэ санара үөрүйэх быһыытынан олобуруута ааттаныан сөп. Ол тыл сайдыбыт устуоруйатын кытта ситимэ суох үөскүүр. Холобур, **рл||лр:** боролуй>болоруй, кыраабыл>кылаабыр, буурул>буулуур, төрөлкөй>төлөркөй; **лм>м(р)л:** холумтан>хом(б)ултан, кулума>кумула; **нл>лн:** тинилэх>тилинэх, рй>йр: оргууй>ойгуур; **бл>лб:** кубулун>кулубун.

Онон орун атастаһыы икки арааһа баар: тыл устуоруйатын туругуттан тутулуктаах (биһилэх>билиһэх) уонна санарыы үөрүйэҕин быһыытынан сайдыбыт (тинилэх>тилинэх).

Түмүккэ Е.И. Коркина хотугулуу-илинни сахалар тылларын доржооннорун тутулун, туругун чинчийэригэр Тыл, литература, история институтун (билиннинэн ГЧИ) архыыбыгар харалла сытар 1957, 1987 сыллардааҕы «Аңкыаталар» матырыяалларын ырытан уонна бэйэтэ бэлиэтии истибитигэр олобуран, фонетика, грамматика, лексика салааларын бүтгүүнүн хабан, дьоһуннаах үлэни суруйбут. Аңардас доржооннор туттулууларыгар баар уратылары ырытарыгар тыл дириг устуоруйатыттан саҕалаан, түөлбэнэн тарҕанан олоруу кэмигэр олохсуйбут доржоон уларыан-тэлэрийэн биир сүрүннэммит көстүүлэрин быһаартаабыт. Аңардас түөлбэ иһинэн эрэ буолбакка, бүтүүн саха тылыгар ханыылаан, тэннээн ырытарыгар туһааннаах чинчийиилэргэ сигэнэн, ситэри-хотору түмүктэри онортообутун бу ыстатыйаҕа ыйдыбыт.

Литература

1. *Афанасьев П.С.* Говор верхоянских якутов. – Якутск, 1965. – 176 с.
2. *Воронкин М.С.* Диалектная система якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1999. – 195 с.
3. *Воронкин М.С.* Саха диалектологиятын очерката. – Якутск, 1980. – 240 с.
4. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. – Якутск, 1977. – 253 с.
5. *Иванов С.А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск, 1980. – 183 с.
6. *Иванов С.А.* Центральная группа говоров якутского языка. Фонема. – Новосибирск: Наука, 1993. – 267 с.
7. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 268 с.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика / Отв. редактор Э.Р.Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 484 с.
9. *Убрятова Е.И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 151 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_009

Ф.Н. Дьячковский,

ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
КОЛЫМСКОГО ГОВОРА ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОФ. Е.И. КОРКИНОЙ)**

Сегодня вся научная общественность отмечает 100-летие со дня рождения одного из ярких представителей якутской интеллигенции XX столетия, замечательного организатора гуманитарной науки в Республике Саха, талантливого исследователя якутской филологической науки, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора филологических наук, профессора Евдокии Иннокентьевны Коркиной. Капитальные классические труды Е.И. Коркиной по грамматике якутского языка известны и получили высокую оценку не только в нашей стране, но и за её пределами.

Одной из ярких страниц в научной деятельности Е.И. Коркиной является её исследование особенностей одной из четырех диалектных зон якутского языка – северо-восточной, которая до сих пор хранит многие архаические черты во всех аспектах якутского языка. В этой статье речь пойдет о семантических диалектизмах, зафиксированных в работах Е.И. Коркиной, которые рассматриваются в рамках колымского говора северо-восточной зоны в сравнении с лексикой литературного якутского языка. Приведённые здесь цитаты в качестве примеров для раскрытия внутреннего содержания диалектных слов взяты из монографии Евдокии Иннокентьевны [2].

В работе «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» Е.И. Коркина впервые внесла коррективы в разделение говоров северо-восточной диалектной зоны. В частности, она не была согласна с расчленением абыйского и момского говоров северо-восточной зоны на два самостоятельных говора. На основе лично собранного фактического материала Евдокия Иннокентьевна рассматривает эти два говора как один общий, а именно «индигирский говор» северо-восточной зоны. Об этом подробно см. [1, с. 80].

По подсчетам Е.И. Коркиной, в северо-восточной зоне диалектных слов, неизвестных в литературном языке, насчитывается 471 единица: в том числе диалектизмов, встречающихся только в колымском говоре – 69 единиц, в

индигирском – 93, в оймяконском – 60, в саккырырском подговоре – 22, в усть-янском говоре – 53 единицы [2, с. 258.]. В числе диалектных слов, неизвестных в литературном языке, обнаружилось довольно значительное количество монгольских лексических заимствований, которые сегодня вышли из употребления в языке якутов центральных районов и литературном языке. Таковы, к примеру, слова *дьороон* ‘заболоченная ложбина, овраг’ (монг. *дорой* ‘низкий’), *суо* (*хаар*) ‘весенний снежный наст’ (бур. *сой* ‘весеннее таяние снега’), *наннаһын* ‘дерн земли’ (монг. *danlasun*, бур. *дэгнээгин* ‘дерн’), *куллуу* ‘длинный шест, палка’ (бур. *гулда* ‘дубина, палка’) и т.д.

Е.И. Коркина выявила также лексические диалектизмы, заимствованные из эвенского и эвенкийского языков. В говорах зоны отмечено 88 таких заимствований, из них 53 имеют распространение в общезональном масштабе, а 35 являются достоянием отдельных говоров, входящих в зону. Лексических заимствований из чукотского языка зарегистрировано всего 4, а из юкагирского языка – 3. Значительный пласт в лексике говоров северо-восточной диалектной зоны составляют заимствования из русского языка. Диалектизмов русского происхождения в говорах зоны зарегистрировано всего 160 единиц, из них 64 слова являются общими для всей зоны или встречаются в ряде говоров, 93 слова являются особенностями того или иного говора. Наряду с этим, Е.И. Коркина зафиксировала значительное количество слов, архаизировавшихся в литературном языке, но активных в говорах. К примеру, в колымском говоре отмечены слова *ааннаа-* ‘валяться, кататься на спине’ (о животных): *Ат ааннаан ыгыырын холборуннут* ‘Лошадь, повалившись на спине, сбила седло’ (кирг. *оона* ‘валяться’, тат. *аунау* ‘валяться, поваливаться’, тув. *аннаштаныр* ‘валяться, кататься’); *ас* ‘волосы’ (*аскын кырыттар* ‘постриги волосы’), тат. *чэч*, кирг., казах. *шаш* ‘волос’, *эннэх* (индигирское, оймяконское, саккырырское) ‘носить на плечах, на весу’: *Мин биш да куулу эннэбиэм суоѳа* ‘я ни один мешок не смогу закинуть на плечо’, (*шор. анна* ‘положить на плечо, носить на плечах’, хакас. *инънен* ‘класть на плечо, носить на плечах’) [2, с. 25].

Для определения места говоров в системе литературного языка, а также для выявления их специфических черт Евдокия Иннокентьевна рассматривала словарный состав в соотношении с лексикой литературного языка и выделила диалектные слова, сопроводив их по возможности сравнительным материалом из других языков. Монография богата фактическим материалом, убедительным сравнительным анализом. В то же время в целях установления генетических связей и исторических контактов Е.И. Коркина четко определила исходный и заимствованный фонд словарного состава каждого говора, впервые выявила в данной группе говоров немалое количество монгольских параллелей, основы которых неизвестны в литературном языке.

Появление диалектных семантических дериватов обусловлено такими разновидностями семантической модификации, как расширение или сужение значения производящего слова.

Материалы, собранные диалектологическими экспедициями ЯИЯЛИ, показывают, что в нем имеют место семантические диалектизмы двух родов: 1) слова с расширенным значением, т.е. слова наряду со значением, совпадающим с литературным языком, несущие дополнительную диалектную семантику; 2) слова со смещенным значением, т.е. употребляющиеся в ином, чем в литературном языке, значении. Слов первой группы зарегистрировано 27 единиц, слов второй группы – 13.

Под термином расширение значения обычно понимают «увеличение семантического объема слова в процессе исторического развития» [3, с. 361]. При этом основанием для подобных семантических изменений считают функциональное сходство предметов, называемых производящим и производным словом, или метонимию. Примером может быть существительное *ардах* 1) ‘дождь’ (общеякутское значение); 2) ‘непогода, ненастье’ (дополнительное диалектное значение). *Тыаллаах, ардахтаах күн буоллабына, кырса суола көстүбэт буолар, хаары тибэн кэбиһэр* ‘Если бывает ветреный, ненастный день, следов песка не бывает видно, заметает снегом’. *Тохсунньу ардаба хайдах буолуо эбитэй?* ‘Каково же было бы январское ненастье?’. Тюрк. *artaq* ‘испорченный, нарушенный, гнилой’.

Однако в колымском говоре якутского языка помимо слов с предметным значением, к которым действительно можно было бы применить данную мотивировку, зафиксированы также семантические дериваты со значением действия (глаголы), признака (прилагательные и наречия), что указывает на неоднозначность причин увеличения семантического объема слова и свидетельствует о своеобразии процесса расширения значения. Примером таких образований может быть прилагательное *бөбө* 1) ‘крепкий, прочный’ (общеякутское значение); 2) ‘росомаха’ (дополнительное диалектное значение). *Тот бөбө күөлү быһа сыттарыйбыт* ‘сытая росомаха наследила (напоносила) через все озеро’. Достаточно выразительно процесс семантического расширения представлен в глаголах: *имнэн* 1) ‘подмигивать, подавать кому-л. незаметно знак’ (литературное значение); 2) ‘поторапливать, понукать, подстегивать кнутом’ (диалектное значение). *Араара табаларын имнэнэр* ‘Араара поторапливает (подстегивает) своих оленей’; *өлөр* 1) ‘убивать’ (литературное значение); 2) ‘добывать, ловить рыбу’ (диалектное значение). *Сүүс балыгы өлөрдөххүнэ, уоннуутун нолуокка ыллалара* ‘Если добывал 100 штук рыбы, то, бывало, 10 из них брали в налог’. *Уонча сордону өлөрдүм* ‘поймал около 10 щук’.

Особенно ярко исторический процесс расширения семантики отражен в значении прилагательного *сырдык* 1) ‘светлый, ясный’ (литературное значение); 2) ‘электричество, электроосвещение’ (дополнительное диалектное значение). *Ол бириэмэбэ сырдык суох этэ.* ‘В ту пору не было электричества’. *Биһиэхэ былларыын эрэ сабаланнаба дии сырдыкпыт.* ‘У нас только с прошлого года проведен электрический свет’. В этом примере кроме семантической модификации происходит процесс перехода с одной части речи на другую.

Расширение значения слова в говоре лежит в переносе семантики слова по принципу смежности, подобия, близости понятий, предметов. Так, словом *таас* в говоре стали обозначать не только ‘камень’, но одновременно и ‘каменную гору, горную скалу’, словом *тобой* – не только ‘изгиб, излучину реки’, но и ‘небольшой участок, поселок’, расположенный первоначально, скажем, на излучине реки, а потом – вообще, небольшую группу жителей, словом *кунаах* стали обозначать не только ‘гриб-трутовик’, но и ‘гриб’ вообще, словом *хаһаа* не только ‘конюшню, стойло для лошадей’, но и летний сарай, навес для скота вообще, словом-наречием *үргүльүлү* ‘безостановочно’, ‘мужские унты с длинными голенищами’, словом *үрэх* не только ‘небольшую речку’, но и ‘реку’ вообще и т.д.

Противоположный по содержанию процесс сужения семантики слова представлен с той же степенью выразительности в колымском говоре якутского языка, что и расширение. При этом слово становится представителем признака более специфического, чем ранее, отражает в названии лишь одну сторону какого-то предмета или признака. Некоторые исследователи считают процесс сужения семантической универсалией в языке на том основании, что “повседневный язык обращен в своем развитии скорее к конкретному и частному, чем к абстрактному” [4, с. 280].

В колымском говоре имеются слова, употребляющиеся в ином, чем в литературном языке, а именно – в несколько смещенном значении. Процесс сужения семантики наиболее ярко представлен в пределах глагольных единиц: *ирдээ-* в литературном языке: 1) ‘искать, выискивать’; 2) ‘расследовать’; 3) ‘требовать’, в колымском говоре – ‘собирать, набирать’. *Кыргыттар отонноох сири булан ирдээтилэр* ‘Девочки, найдя ягодное место, насобирали ягод’. *Наһаа аһыйах отону ирдээбиккин* ‘Слишком мало ты набрала ягод’. *Иэдэй* в литературном языке употребляется в значении ‘испытывать большие неприятности, попадать в беду’, в говоре – ‘торопиться, спешить’. *Мин иэдэйбэппин, сытар киһи тугу иэдэйиэхпиний?* ‘Я не тороплюсь, куда мне, лежащему человеку, торопиться’. *Иэдэйимэ, үчүгэйдик ыстаан аһаа* ‘Не торопись, ешь хорошенько разжевывая (еду)’. Глагол *самнар* в колымском говоре имеет значение ‘разбирать, разрушать, сносить’. *Дьылэрин самнаран манна абалан туруораллара* ‘Разобрав дома, перевозили их сюда и ставили

(здесь)’. В якутском литературном языке в этом случае более употребительно слово *көтүр*- с тем же значением.

Процессу сужения подвергаются и существительные: *мыраан* в говоре употребляется в значении ‘ровная просторная долина, поляна’, тогда как в литературном языке это слово обозначает ‘гору, скалистую горную цепь, скалистый хребет, тянущийся вдоль берега реки’. Е.И. Коркина отмечает, что здесь мы имеем дело с тем случаем, когда говор сохранил значение, более близкое к исконному. Можно предположить, что заимствованное из монгольского языка слово *мөрөн* ‘река’ в говоре, постепенно переосмысляясь, закрепилось в значении ‘ровная, широкая долина, поляна’ (скажем, вдоль протекающей реки, а потом и без нее). *Мэйиш* в литературном языке означает ‘мозг человека, животных, птиц’, в говоре приобретает два значения: 1) ‘голова’; 2) ‘верховье реки, макушка дерева’. *Биир үрүҥ мэйишлээх улуу барыллыа төрүөн сытар*. ‘Одна самка-орлан, с белой головой, лежит – вывела птенцов из яиц’; *Алаһай үрэх мэйиштигэр олохсуйбута үһү* ‘он, говорят, обосновался в верховьях реки Алазеи’. *Күн мас мэйиштигэр түһүөр диэри кэлбэтэхтинэ дайдыгар айанныы тураар*. ‘Если я не вернусь до того, как солнце опустится на макушки деревьев, то ты езжай к себе домой’.

Широко в говоре употребительно наречие *ибили* ‘очень, сильно, чрезмерно’. *Бэйэм буолабына ибили кирииптээммин наһыла турабын* ‘сам же я, сильно загрипповав, еле стою на ногах’.

Семантические диалектизмы колымского говора представляют одну из лексических его особенностей. По глубине разработки, оригинальности системно-семантических анализов, безусловно, монография Е.И. Коркиной представляет крупный вклад в исследование тюркских языков.

Литература

1. *Дьячковский Ф.Н.* Е.И. Коркина – лексиколог и лексикограф // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2(5). – С. 78-82.
2. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 268 с.
3. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
4. *Ульман С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – М., 1970. – Вып. 5. – С. 280.

Сокращения

бур. – бурятский, *д.-тюрк.* – древнетюрский, *казах.* – казахский, *кирг.* – киргизский, *монг.* – монгольский, *тат.* – татарский, *тув.* – тувинский, *тюрк.* – тюркский, *хакас.* – хакасский, *шор.* – шорский, ЯИЯЛИ – Якутский институт языка, литературы и истории.

**МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКЕ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕКА,
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА**

**(по материалам словаря в книге Е.И. Коркиной
«Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (1992))**

Е.И. Коркина оставила своему народу, а также тюркской и якутской гуманитарной науке огромное наследие. Она – автор монографий [1970; 1979; 1985; 1992], соавтор крупных академических изданий [1982, 2009], многотомного «Большого толкового словаря якутского языка».

Отдельного внимания заслуживают труды Евдокии Иннокентьевны по диалектологии. Книга «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» [1992], как и все труды Е.И. Коркиной, своей структурой, новизной методик, оригинальностью и последовательностью изложения, и в то же время простотой и доступностью для восприятия ее содержания является образцом для исследований языка. Работа посвящена систематическому описанию особенностей одной из четырех диалектных зон якутского языка – северо-восточной, которая до сих пор хранит многие архаические черты во всех областях языка. Рассмотрены фонетические, грамматические и лексические особенности входящих в данную зону говоров – колымского, индигирского, оймяконского, саккырырского и усть-янского. Книга содержит пять глав, посвященных пяти говорам. В каждой главе по три параграфа, отражающие фонетику, грамматику, лексику соответственно. Фонетические и грамматические особенности данных говоров, выявленные Е.И. Коркиной в этой книге, были анализированы С.А. Ивановым [2012]. В книге лексика каждого говора рассматривается в следующей последовательности:

- лексические диалектизмы;
- диалектные слова, заимствованные из русского языка;
- диалектные слова, заимствованные из языков северных народностей;
- слова-архаизмы;
- семантические диалектизмы.

Все диалектные слова представлены по тематическим группам (природные явления, ландшафт, почва, растительность, домашнее животноводство, звери, охота, рыба, рыболовство, птицы, насекомые, человек, одежда, болезни, непредметная лексика, внешние признаки, внутреннее

качественное состояние), а также разделены по частям речи, что делает книгу весьма удобным в использовании.

В настоящей статье мы остановимся на северо-восточной диалектной лексике якутского языка, означающей характер человека и имеющей монгольские параллели.

«*Кэлээкэй киһи* (кол.). Несговорчивый, упрямый, самоуправный. *Бу уол уруккуттан кэлээкэйин билбэт этин дуо?* ‘Ты разве не знал, что этот парень всегда несговорчив?’» [7, с. 79]. Данное слово может быть вариантом литературного *кэлэбэй*. Э.К. Пекарский сравнивает это слово с тюркским *kälägäi*, бурятским *хэлэгэй*: «Кэлэбэй (ср. тюрк. *kälägäi*, бур. *хэлэгэй*). 1. Заика, косноязычный. 2. Мужское прозвище» [10, стб. 1018].

В «Большом толковом словаре якутского языка» дается сравнение с монгольским *хэлгий*, хакасским *килегей*, алтайским *келегей*:

«**КЭЛЭБЭЙ** II прил. Заика (в сильной степени). *Мархаттан бастаан кэллэбинэ наһаа кыһырымтабай этэ, кэлэбэйигэр тэптэрэн, сатаан сангарбат буолан хаалара.* Н. Заболоцкай. Ср. монг. **ХЭЛГИЙ** ‘немой’; *хак. килегей; алт. келегей* ‘заика’» [1; с. 345].

В Этимологическом словаре Э.В. Севортыяна находим: «*Келегей*. кир., алт., шор., як. 1. Заика, косноязычный. 2. С дефектом (речи) – кир. 3. Не вполне, не совсем – кир.» [11, с. 201].

«Данное слово – явный монголизм, – отмечает Э.В. Севортыян, – на что указывает и М. Ряснен. Оно широко представлено во всех монгольских языках. *Хэлгий* – монг., *хэлэхэй* – бур. со значением ‘заика, косноязычный’. *Хэлэгүй* монг. немой. Б.Я. Владимирцев возводит письм.-монг. *kelegei* к сочетанию *kele* ‘язык’ + *ügei* ‘нет, без’. Лексема эта широко представлена и в тунгусо-маньчжурских языках. Причем эвенкийское *кэлэгэй* ‘заика’ квалифицируется как заимствованное из якутского языка» [11, с. 202].

«*Сартыал киһи* (кол., инд.). Солуута суох, мэник, мээлэ киһи. Несolidный, несобранный, безалаберный. *Бүөтүр сартыалламмыт ахан киһи* ‘Петр очень несolidный человек’» [7, с. 79]. Это же значение приводится и в Большом толковом словаре якутского языка: «**САРТЫАЛ** прил., диал. Олус мэник, оттомо суох (*обо туһунан*). ☉ Озорной, проказливый (*о детях*). *Бу уол наһаа сартыал*» [2, с. 293].

Сарты или *сартолы* – это название племени предков узбеков, привезенных в Монголию для занятий ремеслом. Современные потомки до сих пор живут в Монголии, в аймаках (районах) Завхан и Хубсугул. «Сартул» от монгольского *Сартай Уул* в переводе *Лунная гора*. Сарты или сартолы являются монголоязычными племенами. Диалектное слово *сартыал* может обозначать название этих племен. Но почему этим словом обозначали

несолидных, безалаберных, озорных, проказливых, непонятно. Сартолы были, говорят, умелыми кузнецами.

«*Сэбэрэх киһи* (кол.). Неопрятный, неряшливый, неаккуратный. *Ыстапаан Курууска тобо сэбэрэххиний?* ‘Степан Кружка, почему ты неряшлив?’ Монг. *цэвэргэ бус* ‘неопрятный’» [7, с. 80]. Основой слова является *сэбэр*. В словаре Э.К. Пекарского данное слово приравнено слову *чэбэр*: «Сэбэр=чэбэр. Чистый, опрятный, чистоплотный» [10, с. 2012]. В монгольском языке *цэвэр* так же означает ‘чистый’. Аффикс *-г* в монгольском языке является показателем отсутствия, отрицания, следовательно, *цэвэргэ* означает *неопрятный, неряшливый*. А аффикс *-эх* в якутском языке является именным аффиксом, отсюда *сэбэрэх*.

«*Туолан* (кол., сакк., у-ян.). Большой, крупный, взрослый. *Туолан киһи*. Крупный человек. Монг. *tuulan* большой взрослый» [7, с. 81]. В монгольском языке *долоон* означает ‘большой’, *тола* – ‘полный’.

«*Харшаар, харахаршаар киһи*. (кол.). Сомнительный, ни туда, ни сюда. Аҕатыгар тийбэт, харшаар киһи. Он не дотягивает до своего отца, сомнительный человек. Монг. *харш*» [7, с. 79]. В монгольском языке: ХАРШ 2. 1) чуждый, враждебный; 2) несовместимый, противоположный, анти- [9, с. 210].

«*Эскэл* (кол., инд., ойм.). Бродячий, без цели скитающийся, свободный. Монг. *Äskäl* кобылица, несколько лет не жеребившаяся» [7, с. 80].

«*Алдьаас* (кол., инд., верх.у-ян., сакк.). Состарившийся, одряхлевший, выживший из ума. *Алдьаас буолбут киһи, тугу кэпсиэхпиний*. Что я, выживший из ума человек, буду рассказывать. Кир., тат., каз., ног., к-калп. *алжы* выживший из ума» [7, с. 79].

«*Сабыаллаах киһи* (инд., кол.). Счастливый человек. *Сабыаллаах киһи сабыалын салайбыта*. Направил он счастливую долю счастливого человека.

Монг. *sakirul* защитник, оберегатель. Бур. *hакюул* охрана» [7, с. 81]. *Жаргал* в монгольском языке означает *счастье*. Данное слово зафиксировано также в Большом толковом словаре якутского языка как окказионализм: «САБЫАЛ. *суц.* Быһыы, майгы (*киһиэхэ туттарга – дэнгэ тут-лар*). ☉ Характер, нрав» [2, с. 133].

«*Харынкы* (инд., сакк.). Скупой, скряга. *Добоор, тиийэр ыалын харынкы дьон*. Друг, люди, к которым ты едешь, очень скупые» [7, с. 82]. *Харанкы* и *харам* в якутском языке – синонимы. Слово зафиксировано в словаре диалектной лексики в книге А.Е. Кулаковского: «*Харанкы – харам. Дьааны тыла*» [8, с. 148]. В монгольском языке *харам* означает скупой, а *харамч* – скряга. Имеющий место здесь, довольно распространенный суффикс *-ч*, обозначает профессию, вид деятельности (*малч* – скотовод, *уйяч* – портной, *орчулагч* – переводчик).

В тюркских языках слова с аффиксом *-чы, -чи* обозначают лиц по их деятельности (тат. Эшче – рабочий от эш – работа, узб. Чорвачи – скотовод от чорва – скот, кирг. Балыгчи – рыбак от балык – рыба и т.д.). Происхождение суффикса *-ч* нельзя установить на основе только лишь монгольских языковых данных. Для этой цели необходимо привлечь данные тюркских языков. По всей видимости, значение профессии не было первоначальным. Вероятнее всего, тюркский аффикс *-чы, -чи* был аффиксом прилагательных, означающих привычку, склонность к чему-либо. Затем из сферы прилагательных суффикс был перенесен в сферу существительных. А т.к. монгольские языки подобных данных не имеют, то Б.А. Серебренников делает вывод, что аффикс *-чи* имеет тюркское происхождение в монгольских языках [12, с. 24]. В северо-восточной диалектной лексике есть слово *ырыаччы* «*Ырыаччы* (кол.) – певучий, поющий, умеющий петь. *Абата сүрдээх ырыаччы киһи*. Отец его очень хороший певец. *Баар суох ырыаччыбыт Катя*. Наша лучшая певица Катя» [7, с. 82].

А.Е. Шамаева пишет, что «почти половина монгольских параллелей диалектной лексики якутского языка встречается в северо-восточной группе говоров – 45,9% (357). Здесь наибольшее количество монгольских параллелей наблюдается в колымском говоре, также выделяются индигирский и верхоянский говоры. Почти треть монгольских параллелей наблюдается в вилюйской группе говоров – 27,1% (211). В этой группе говоров выделяется сунтарский и, главным образом, вилюйские говоры. В северо-западной группе говоров насчитывается 14,7%» [13, с. 268].

Итак, в труде Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (1992) мы обнаружили всего 9 единиц, характеризующих человека: *Кэлээкэй киһи; Сартыал киһи; Сэбэрэх киһи; Туолан киһи; Харшаар, харахаршаар киһи; Эскэл киһи; Алдьаас киһи; Сабыаллаах киһи; Харынкы киһи*. И у всех этих слов имеются монгольские параллели.

Литература

1. *Большой толковый словарь якутского языка*. Т. 5. – Новосибирск: Наука, 2008.
2. *Большой толковый словарь якутского языка*. Т. 8. – Новосибирск: Наука, 2011.
3. Иванов С.А. Роль Е.И. Коркиной в изучении якутской диалектологии // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2 (5). – С. 64-70.
4. Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. – М.: Сов. Энциклопедия, 1979. – 606 с.
5. Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 205 с.
6. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке – М.: Наука, 1970. – 307 с.
7. Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка / отв. ред. Н.Н. Широбокова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 205 с.
8. Кулаковский А.Е. Труды по якутскому языку / Сост. Л.Р. Кулаковская. – Якутск: 2017. – 278 с.
9. *Монгольско-русский словарь*. 12-е изд. / Сост. Ю.Н. Кручин. – М. - Улан-Батор - Лос-Анджелес, 2013. – 1260 с.

10. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. 2. – М.: Наука, 1959.
11. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К» и «Қ». Т. VI. – М., 1997.
12. Серебренников Б.А. Являются ли тюрко-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков // Советская тюркология. – 1980. – № 6. – С. 23-31.
13. Шамаева А.Е. Монголизмы в диалектах якутского языка // Проблемы филологии и межкультурной коммуникации на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции. – Якутск: Изд-во Якут.гос. ун-та, 2008. – С. 268 - 271.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_011

Е.Р. Николаев

гл. ред. журнала «Хатан»

АНАЛ ААТТАРЫ ЫРЫТЫЫГА ТҮӨЛБЭ ТЫЛЫН ТУҤАНЫЫ ТУҤУНАН

(Е.И. Коркина «Северо-восточная диалектная зона якутского языка»
(1992) үлэтинэн)

Түөлбэ тылын үөрэппит М.С. Воронкин ыйарынан, «... Е.И. Убрятова наречие, говор энин диэн араара барбакка, тыл түөлбэлэринэн уратыларын ааттырга судургу диалект диэн тиэрмини туттуохха диир» [3, с. 5]. Ити чопчу этиигэ олобуран, бу ыстатыйаҕа «говор» диэн тиэрмини «түөлбэ тыла» диэнинэн солбуйан туттар табыгастаах диэн туран, саха тылын түөлбэ тылын чинчийиигэ улахан кылааты Е.И. Коркина киллэрбитин бэлиэтиир тоҕоостоох. Холобур, Е.И. Коркина «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (1992) диэн үлэтигэр Саха сирин хотугулуу-илинни түөлбэ тылларын уратыларын арыян көрдөрбүтэ. Бу үлэҕэ Халыма, Индигиир, Өймөкөөн, Саккырыыр, Усуйаана түөлбэ тылларын чинчийбитин ылан көрдөххө, саха анал ааттарын биир кэлим (сводный) быһаарыылаах тылдытын онорорго, чуолаан, анал ааттары быһаарарга туһанахха сөптөөх матырыйаал балачча элбэх. Ол көдүүһэ былыргы, нуучча итэҕэлэ кириэн иннинээҕи кэм сахалыы ааттарын суолталара үксүгэр чопчу биллибэтин сиилээн биэрэргэ, хас да суолталаах буолуон сөптөөх анал ааттарга быһаарыы быһыытынан киллэрэргэ сытар. Мантан аллараа Е.И. Коркина ити ыйыллыбыт үлэтигэр кирибит түөлбэ тыллары уонна ити тыллартан чохчы үөскээбит эбэтэр үөскээбит буолуон сөптөөх анал ааттары быстахтык ырытан көрүөххэ. Бастакынан Е.И. Коркинаттан түөлбэ тыла турар, онтон анал аат холобурдара кириэрлэр:

Халыма түөлбэ тылыгар:

1. **Хаптанньа** (дьааны) ‘заячы носки’; куобах куллуку. ‘Носки из заячьих шкур’ [4, с. 77]; эр киһи аата: *Хаптанньыйа, Хаптаанньыйа (Хаптанньыйа уола)* [6, с. 3325].

2. **Чалкы** ‘бельмо в глазу’; монг. *залхах* ‘бельмо’ [4, с. 77]; эр киһи аата: *Чалхах* ‘облачная пелена; водянистая, пенистая нечистота; зернистость на конъюнктивит веке’ [6, с. 3564].

3. **Эскэл** (инд., өйм.) ‘бродячий, без цели скитающийся, свободный’; ‘постоянно болеющий человек, всегда болеющий человек – хронический больной’; монг. *эскэл* ‘кобылица, несколько лет не жеребившаяся’ [4, с.81]. *Эскэл Тый* ‘ааттаах уоруйах; ини-биилэртэн биирдэстэрэ; дүпсүннэр’ [2, с.63]; ардыгар үс ини-бии ааттара тус-туһунан суруллар: *Эскэл, Тый, Эмньит Кулун* [2, с. 107].

4. **Күтүр** (инд., өйм., дьааны) ‘злой, суровый, имеющий горячий нрав’; ‘урдаах, ыгым киһи’ [4, с. 81]; эр киһи аата *Күтүр Кыыс* ‘Дүпсүн ууһа’, ‘Улуу Нутуйаан кыһа’ [4, с. 295, 284], *Күтүр уол Кытчыытан* [4, с. 253], *Күтүр Күлүүнчэ* ‘Хатылы сахата’ [1, с. 336], *Күтүр Эмээхсин* ‘мать (или жена) Бугуйаса’ [1, с. 336], ‘мать семи сыновей-силачей’ [7, с. 364].

5. **Тыгырах** (инд., дьааны, усуй., сакк.): ‘ноготь’; ‘копыто (дополнительное диалектное значение)’ [4, с. 120]; эр киһи аата: *Тыгырах, Тыгырах* [5, с. 2954].

Индигиир түөлбэ тылыгар:

1. **Чомой** ‘второй подсобный рожон у вил’ [4, с. 152]; эр киһи аата: *Чомой* ‘чомой – подсобный рожон, прикрепляемый к прямой рукояти вил’ [5, с. 3638].

2. **Быыра** (сакк., усуй.): ‘стрела у лука’ [4, с. 153]; перен. ‘одинокый, холостой человек’; ‘бездомный, безработный, одинокий человек’, ‘совершенно одинокий человек’ [4, с. 154]; *Быыралаабыт* [2, с. 133].

3. **Өргөс** ‘рог, отростки рога’, тюрк. *örküs* ‘острие’ [4, с. 154]; *Өргөлөй Бэргэн* ‘Бөрө Бөтүн боотура’ [2, с. 240]; *Өргөс* ‘мужское прозвище (шамана); луч солнца; прядь солнечных лучей; острие’ [5, с. 1956].

4. **Тайбаахы** ‘ладонь, лапа медведя’; метатезированная монг. форма *тавхай* ‘лапа, ступня’ [4, с. 154]; *Дайбааха Хара* ‘Омоҕой уола’ [1, с. 334]; *Аан Тайбыыр уол* ‘Омоҕой уола’ [2, с. 178]; *Аан Тайбыыр* ‘сын Омоҕой баайа; один из двух сыновей Тоһоҕор ууһа; встречается в числе имен якутской мифологии’ [6, с. 2525].

5. **Хонхо** ‘дыхательное горло’ [4, с.174]; эр киһи аата: *Хонхолой* ‘цилиндр внутри пустой; дупло; ущелье’ [6, с. 3493].

Өймөкөөн түөлбэ тылыгар:

1. **Тойтоон, төйтөөн** ‘разрез со складкой на спине шубы, пальто’ [4, с. 201]; эр киһи аата: *Тойтох* ‘Тойтох Килгэрэй – известный певец в 1-ом Игидейском наслеге Ботурусского улуса’ [6, с. 2705]; *Тойтуун* ‘прозвище старика’ [6, с. 2705].

2. **Чопчуу** ‘пуговица’, монг. *товч* ‘пуговица’ [4, с. 241]; эр киһи аата: *Чопчу* ‘чопчу – пуговица’ [6, с. 3646].

Саха сириҥ хотугулуу-илинни энэригэр, Халыма, Индигиир, Дьааны өрүстэр тардыларыгар, сахалар XVII үйэбэ көһөн барбыттар диэн үөрэтиллэр. Сахалар киин улуустартан «Дыгын саҕана» көспүттэрэ диэн Е.И. Коркина историктарга сигэнэн быһаарар [4, с. 3]. Оттон манна бэриллибит анал ааттар холобурдара сүннүүнэн Э.К. Пекарская тылдытыттан ылылыннылар. Тылдыт, Э.К. Пекарская бэйэтэ да суруйарынан, «Боотуруускай, Байаҕантай, Мэнэ уонна Дүпсүн, Дьааны, сорох Бүлүү, Өлүөхүмэ улуустарын түөлбэ тылларын хабар» [3, с. 18]. Ол аата, сорох түөлбэ тыллар ити кэмнээҕи үһүйээннэргэ, кэпсээннэргэ киирэ сылдыар анал ааттар суолталарын быһаарарга туһаныллыан сөптөөхтөрө саха түөлбэ тыллара саха тыллаах отой өйдөөбөт буолар гына уратылары суоҕун эмиэ туоһулууллар.

Болҕомтоҕо ылыллыбыт анал ааттар суолталарын туһунан эттэххэ, уопсай ааттар (нарицательные имена) анал аакка үксүгэр көспүт суолтаҕа туттуллаллар эбит. Холобур, киһини тас дьүһүнүттэн, таҥаһыттан-сабыттан (*Тойтох, Тойтуун, Тайбаахы*), майгытыттан-сигилититтэн (*Күтүр Эмээхсин*), олоҕун быһыытыттан-майгытыттан (*Быыраллабыт*) көрөн ааттыыллара, тус сыанабыл, ойуулаан-дьүһүннээн ырыналааһын баара көстөр.

Бу быстах ырытыыттан маннык түмүк тахсар: түөлбэ тылларын эбии суолталара сорох түгэннэ саха былыргы анал ааттарын сиһилии быһаарарга (ол суолтата, үксүгэр, атын научнай литератураҕа, холобур, тылдыттарга, анал ааты кытта ситимэ суох бэриллибит буолааччы) көмөлөөх, кэнэҕэһин саха анал ааттарын быһаарыылаах тылдытын онорорго түөлбэ тылын үөрэппит учуонайдар үлэлэрэ төһүү күүс буолуохтарын сөп.

Литература

1. Ааттары ыйыы / Исторические предания и рассказы якутов. В двух частях. Ч.2 / Издание подготовил Г.У. Эргис; под ред. А.А. Попова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 331-343.
2. *Боло С.* Лиэнэбэ нуучча кэлиэн иннинээҕи саха олоҕо. Урукку Дьокуускай уокурук сахаларын былыргыттан кэпсээннэринэн. – Дьокуускай: Бичик, 1994. – 319 с.
3. *Воронкин М.С.* Саха диалектологиятын очерката. Фонетика уонна морфология. – Якутская: Саха сириэнээҕи кинигэ издательствота, 1979. – 244 с.
4. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. – 270 с.
5. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Л.: Издание АН СССР, 1959. Т. II. – 2010 стлб.

6. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Л.: Издание АН СССР, 1959. Т. III. – 3858 стлб.

7. Указатель персонажей / Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. – Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – С. 359-370. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_012

Е.И. Оконешников,

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск

Е.И. КОРКИНА – М.Н. АНДРОСОВА-ИОНОВА ОЛОБУН, АЙАР ҮЛЭТИН БАСТАКЫ ЧИНЧИЙЭЭЧЧИ

РСФСР уонна Саха АССР наукаларын үтүөлээх диэйэтэлэ, бэрэпиэссэр Е.И. Коркина саха дьахталларыттан бастакынан чинчийэр үлэбэ сыстыбыт, үһүлүччү айар талааннаах, киэн сирдэринэн сылдыбыт, элбэҕи көрбүт-билбит олус баай биографиялаах Мария Николаевна Андросова-Ионова туһунан хомуурунньугу 1998 с. бэчээттэпитэ. Кинигэбэ кини өрдөөбүтэ араас бэчээттиир кииннэргэ таһаартарбыт олонхолоро, ырыалара-тойуктара, ыстатыйалара уонна дойду архыыптарыгар харалла сытар этнографическай бэлиэтээһиннэрэ, суруктара чөкөтүллэн киллэриллибиттэр. Хомуурунньук көрдүүр-чинчийэр сонун ис хоһооннообунан кэрэхсэбиллээх.

Мария Николаевна олобун туһунан кинигэ «киирии тылыгар» уонна кыраайы үөрэтээччи Н.Х. Андросов ыстатыйаларыгар олобуран, аҕыйах тылынан аҕыннааха эрэ, кини туһунан өйдөбүл ааҕааччыга хаалыһы. Мария Николаевна 1864 с. алтынны 14 күнүгэр Байаантай улууһун 2-с Игидэй нэһилиэгэр төрөөбүтэ. Төрөппүттэрэ эрдэ өлөһнөр, эһэтигэр сэниэ ыалга иитиллибитэ. Оҕо сааһыттан ырыаҕа-тойукка, норуот сэһэнигэр, олонхоҕо иһиттэн ылларбыт, турбут-олорбут, сытыы тыллаах, ис киирбэх дьүһүннээх кыыс оҕону таптаан Маайака диэн ааттыыллара үһү. Сайылыкка табыстахтарына, оҕолор көрдөрүн-нардарын тэрийээччи, ырыа таһаарааччы, уолаттары кытта тэннэ от охсооччу, улахан дьонтон хаалсыбакка булка-алка, балыкка сылдыһааччы эмиэ кини буоларын туһунан ахтыыларга кэпсэнэр.

Ол курдук сырыттабына, Маайаканы 16 сааһыгар Митрофан Слепцов диэн киһиэхэ кэргэн биэрэллэр. Аҕыйах сылынан ол киһи ыалдыан өлөн хаалар. Маайака кэргэнин убайыгар кыра үөрэхтээх буолан, Э.К. Пекарскайга көмөлөһө сылдыбыт, дьонно-сэргэбэ биллэр Симон Васильевич Слепцовка көһөн кэлэргэ күһэллэр. Симон уолаттарын кытта кини уокка оттор курун маһы кэрдэр, үүнүүлээх ходуһаҕа оттуур, хаһыл сылгыны айааһыыр, дьахтар киһиэхэ

анала суох ыраах айанна сылдыталыыр. «Мин ыныыр атынан Өймөкөөнгө Кривошапкинга үс төгүл сылдыбытым» диэн бэйэтин суругун биллиилээх учуонай Г.В. Ксенофонов архыыбыттан Евдокия Иннокентьевна булбута. Маннык хорсун сырыыларын уонна хайа баҕарар үлэбэ эр дьонтон хаалсыбатын иһин бар дьоно киниэхэ «Бөбө Маарыйа» диэн ааты инэрэллэр. Тойоно Симон Слепцов барыстаах өттүн өтө көрөн, аны Баһылай Ондуроһап диэн баай киһи сиэнигэр сыбааттыыр. Мария Николаевна аны Слепцова буолара уурайан, Андросова буолар. Баһылай Ондуроһап эһэтэ баай Хабырылла оҕонньор сыл буолбакка өлөн хаалар. Баайын үгүс өттө Симон Слепцов илиитигэр киирэр, эригэр Баһылайга кыра өлүү сыһа анаан баран, Симон Слепцов атын улууска ыраах аймахтарыгар утаарар. Мария Николаевна 25 саастааҕар эмиэ соҕотох хаалар. Дьэ, бу кэмнэ дии кини ыллыыр-туойар, айар, олонхолуур талаана сайдан барар. Кини аата үчүгэй ырыаһыт, ааттаах олонхотут быһыытынан бүтүн улуус үрдүнэн тарҕанар. Дэлэбэ даҕаны, П.А. Ойуунускай кини аатын аатырбыт олонхотуттар кэккэлэригэр киллэрэн... «Ондуроһап эмээхсин курдук онолуйа туойдахпына» – диэ дуо!

Всеволод Михайлович Ионов чааһынай оскуолатыгар тийэн балтараа ый иһигэр, айылҕаттан айдарыылаах киһи тулуйуо дуо, О.Н. Бетлингк алпаабытынан көңүл ааҕарга, суруйарга үөрэнэр. Мария Николаевна 1892 с. В.М. Ионовка кэргэн тахсар. Киэн билиилээх, үөрэхтээх Ионовка өй-санаа өттүнэн сайдыыга, билиигэ-көрүүгэ элбэххэ үөрэммитэ, кэнникинэн кини саха олоҕун-дьаһаҕын үөрэтэр научнай үлэтигэр эрэллээх көмөлөһөөччүтэ буола үүммүтэ. В.М. Ионовтан чугас эмиэ саха тылын, этнографиятын, фольклорун үөрэтэр политсыылынай Э.К. Пекарскай олорбута. Кини аар саарга аатырбыт «Саха тылын тылдыта» диэн үс туомнаах улахан үлэтин саҕалаабыта быданнаабыт кэмэ этэ. Кини «Тылдытын» инники кэскилин өйдөөн, биллиилээх этнограф Всеволод Михайлович Ионов, сааһын тухары саха олоҕун-дьаһаҕын, тылын үөрэппит протоиерей Дмитриан Дмитриевич Попов, саха тылын грамматикатын суруйбут Сергей Владимирович Ястремскай үтүмэн үгүс матырыйаалы муспуттарын Э.К. Пекарскайга туран биэрбиттэрэ уонна тылдыты эрдээксийэлээһингэ көмөлөһүөх буолан эрэннэрбиттэрэ. Сотору буолаат, С.В. Ястремскай Иркутскайдаабыта, оттон Д.Д. Попов 1896 с. олохтон туораабыта. Тыл суолтатын өйдүүр ураты дьобурдааһын билэн, Э.К. Пекарскай Мария Николаевнаны «Тылдыт» оноһуутугар кытыарбыта. Кэнникинэн тыл тылдыкка киирэр олоҕун уонна суолта таба туттарбат өрүттэрин сөпкө быһаарыыга саамай эрэнэр-итэбэйэр киһитэ кини буолбута. В.М. Ионов көннөрүүлэрин Мария Николаевнаҕа көрдөрөн, кини сөбүлэнин ылбыт эрэ буоллабына, Э.К. Пекарскай корректура илиистэригэр илии баттыыра. Саарбахтаатабына, илиистэри Ионовка төттөрү ыытара. В.М. Ионов биирдэ кыйахана былаан: «Эн бэйэтэ көннөрбүт быһыылаах диэн корректураны

төттөрү бытаргын тохтотуонг этэ. Мин Мария Николаевнадан ыйыппакка эрэ, биир да көннөрүүнү киллэрбэппин. Инникитин ону эн кытаанахтык өйдөөн кэбис» – диэн суруйбута [1, с. 12].

Э.К. Пекарской мэктиэ суругунан М.Н. Андросова 1894-1896 сс. Сибиряковской экспедиция састаабыгар ылыллабыттан саҕалаан, «Тылдыт» бэчээттэнэн 1930 сылга бүтүөр диэри көмөлөспүтэ. Бэйэтэ икки толору, биир ситэ бүппэтэх олонхону суруйан Пекарскойга биэрбитэ. Олонхо тылларын Э.К. Пекарской «Тылдытыгар» туһаммыта уонна үс туомнаах 8 кинигэлээх «Образцы народной литературы якутов» диэн таһаарытыгар бэчээттэппитэ. Мария Николаевна «Күл-күл Бөҕө оҕонньор уонна Силлирикээн эмээхсин икки» диэн олонхотун дьиннээх олоххо баар чаччыларга олобуран айбыт эбит. Ону чинчийээччилэртэн бастакынан Гавриил Васильевич Ксенофонов бэлиэтии көрбүт уонна «Мария Николаевна сахалартан маннайгы поэтынан билиниллиэхтээх» диэн сыана быспыт. Ол суругу Евдокия Иннокентьевна ЯНЦ архыыбыттан булбута.

Кинигэ бастакы баһыгар ити үөһэ ахтыллыбыт үс олонхону кытта бэйэтэ айбыт уонча ырыата бэчээттэммит. Мария Николаевна 1936 с. «Советский фольклор» хомуурунньугар «Якутские загадки» диэн ыстатыйаны суруйбута. Барыта 134 саха таабырынын хомуйбутун бииргэ үлэлиир нуучча дьүөгэтэ Пуговкина М.И. бэйэтин көмөлөһүннэрэн нууччалыы тылга тылбаастабыта. Бу жанр норуokka киэнник тэнийбитэ, ордук оҕо аймах сөбүлүүрү ыйыттар. Ыстатыйа таабырын суолтатын арытар маннык тылларынан саҕаланар: «Якутские загадки обладают большой художественной ценностью, они имеют известное значение для изучения якутской поэзии и языка». Кэлин бу тиэмэни диринэтэн чинчийэн, С.П. Ойунская кандидатскай диссертацияны көмүскээбитэ.

Мария Николаевна билигин дэбигис көстүбэт өрдөөбүтэ араас таһаарыларга бэчээттэппит этнографическай ыстатыйалара, бэлиэтээһиннэрэ кинигэбэ киирэн, киэн ааҕааччы туһанар кыахтаммыта кэрэхсэбиллээх. Холобурга «Обуруот аһын үүннэри» диэн 1925 с. Москваҕа бэчээттэммит үлэтин да ылан көрүөбүн. Оччотообуҕа обуруот аһын олордуну биһиэхэ тэнийэ илик дьарык этэ. Туһалаах буоллун диэн, ааҕааччыга анаан бу курдук суруйбута: «Бу обуруот аһа диэн бэрт элбэх суох, энин-энин ааттаах, амтаннаах астары үүннэрэн ылан, бэйэбит да аһаан, бурдукка, эkkэ эбии гыныах тустаахпыт: сүөһүнү да аһаттаахха, үтүгэр үтү, сыатыгар сыа, этигэр эт эбиллиэх кэриннээх». Үлэ суолтатын туһунан ааҕааччы кинигэ кэннигэр «Сүрдээх туһаны ылым бу кинигэттэн» диэн суруйан хаалларбытын Евдокия Иннокентьевна кинигэтигэр киллэрбитэ.

М.Н. Андросова-Ионованы саха олобун-дьаһабын үчүгэйдик билэрин уонна нууччалыы-сахалыы, сахалыы-нууччалыы тылбаастыыр дьобурдаабын

ийн, 1925-1926 сылларга ССРС НА ыппыт улахан комплекснай экспедициятыгар кыттыыны ылан, төрөөбүт сиригэр кэлсибитэ. Бүлүүгэ сылдьан, эмискэ ыалдьан болдьоҕун толору сылдыбакка, олорор сиригэр Ленинградка төннөргө күһэллибитэ. Таарыччы эттэххэ, олус сэрэхтээхтик, харыстабыллаахтык ыалдьарын кытта тута төннөрбүттэрэ. Кэлиэн аҕай иннинэ, Э.К. Пекарскаяй «Тылдытыгар» уһун кэмнээх көмөтүн уонна бэйэтин этнографическай үлэлэрин үрдүктүк сыаналаан, нуучча географическай уопастыбата кыһыл көмүс мэтээлинэн наҕыраадалаабыта. Бу сабыытыа туһунан Э.К. Пекарскаяй М.Н. Андросоваҕа суругуттан ааптар маннык быһа тардыыны киллэрбитэ: «Мария Николаевна Бүлүү этэрээтин састаабыгар киллэриллэн, 1,5 сылга Саха республикатыгар барда. Аҕыйах хонуктааҕыта нуучча географическай обществотын сыллааҕы мунһаҕар этнографияҕа үлэлэрин иһин киниэхэ кыһыл көмүс медаль туттарылынна. Оттон Иркутскаяй биир профессорыгар буоллаҕына үрүн эрэ көмүс медаль туттарылынна. Мария Николаевна Саха сириттэн ытыктабыллаах учуутал кэргэнэ буолбутун да иһин, судургу саха дьахталларын быһыытынан арахсыбыта, оттон билигин – наҕараадаламмыт үөрэхтээх хотун быһыытынан төннөр». Бу этиллибиттэ Евдокия Иннокентьевна маннык тылларынан ситэрэн биэрбитэ: «Дьэ, кырдьык! Бүгүҥнү сувереннай Саха республикатын дьахталларыгар сүр долгутуулаах тыллар – оччотооҕу бары өттүнэн тийиммэт-түгэммэт, кытаанах сылларга биһиги улахан үөрэҕэ да суох буоллар айылҕаттан куду бэриһиннэрбит дьобурун сындаһаннаах үлэтин кытта бииргэ түүммүт эдьийбит барахсан маннык үрдүк чиэскэ тиксибитэ» [1, с. 16].

Евдокия Иннокентьевна саха тылын грамматикатын чинчийиигэ киллэрбит кылаатын анал идэлээхтэр сыанабылларыгар хааллардыбыт. Кини элбэх интэриэстээх, киэн ыырдаах учуонай этэ. Айдааннаах 60-с-80-с сылларга Тыл, литература уонна история институтун дириэктэринэн үлэлээбитэ. Науканы салайар-тэрийэр уонна тус бэйэтэ чинчийэр үлэтин сэргэ арааһынай биричиинэнэн норуokka киэнник биллибэккэ хаалбыт уһулуччулаах дьоннор үлэлэрин хомуйан киэн ааҕааччыга тиэрдиини биир бастакы соругунан ааҕара. Бу иннинэ саха маассабай суругун төрүттээчи учуонай, сырдатааччы Семен Андреевич Новгородов научнай уонна айар үлэтин икки хомурунньукка түмэн (1977; 1991) бэчээттэппитэ. Ол үлэтэ С.А. Новгородов олоҕун уонна кини үөрэҕин тарҕатыыга бастакы боччумнаах холонуу этэ. Аны бу сырыыга айылҕаттан айдарыылаах уһулуччу талааннаах олонхоһут, ырыаһыт-тойуксут, саха дьахталларыттан бастакынан наука таас үктэллэригэр суолу-иһи хаалларбыт Мария Николаевна Андросова-Ионова баай ис хоһоонноох олоҕун биир бастакынан сырдатар дьохуннаах, кэлэр көлүөнэ чинчийээччилэргэ тирэх буолар үлэни бэлэхтээтэ.

Литература

1. Коркина Е.И. М.Н. Андросова-Ионова (киирии ыстатыйа) // М.Н. Андросова-Ионова. Олонхолор, ырыалар, этнографической бэлиэтээһиннэр, ыстатыйалар. – Дьокуускай: Кудук, 1998. – 373 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_013

Г.Н.Курилов,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Е.И. КОРКИНА – ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОГО ЦЕНТРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ЯКУТИИ

Представляется необходимым прежде всего отметить, что идея создания научного центра, целиком состоящего из представителей малочисленных народов Севера, зародилась в советское время в начале 30-х годов 20 века в Институте народов Севера. Но в те времена северян, способных работать в таком институте, не было. Вот почему при Институте народов Севера была создана аспирантура по подготовке дипломированных лингвистов, фольклористов, этнографов и т.д. Однако, во второй половине 30-х гг., во время культа личности, были репрессированы преподаватели Института народов Севера, а затем был закрыт и сам институт. Вместе с тем, по слухам, живыми остались несколько человек, учившихся в этой аспирантуре. Двое из них – ханты по национальности, после войны работали в Государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена. Таеим образом, идея создания Научного центра, состоящего из представителей коренных малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, в 30-е и 40-е годы 20 века не смогла осуществиться по весьма объективным причинам.

Вторая попытка создания Научного центра северян была предпринята в конце 50-х гг. 20 века, когда академик М.А. Лаврентьев, основатель Сибирского отделения Российской Академии Наук СССР, пригласил лингвиста-нанаеда В.А. Аврорина из Ленинградского института языкознания в Новосибирск для проведения организационных работ по созданию Центра гуманитарных исследований по народам Севера. Поэтому, прежде всего, стали собирать северную молодежь для обучения в Новосибирском Государственном Университете. Из Якутии, насколько мне известно, в этот набор попала А. Данилова – эвенка из Оймяконского района, моя покойная супруга. Ныне, как известно, из выпускников первого набора, здравствует и трудится в Новосибирске тунгусовед Б. Болдырев.

Таким образом, можно сказать, что идея создания особого Научного центра из представителей коренных малочисленных народов Севера и со второй попытки так и не увенчалась успехом.

Третья попытка по созданию вышеназванного научного центра была предпринята в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала СО РАН СССР в те годы, когда директором ИЯЛИ работала незабвенная Евдокия Иннокентьевна Коркина. Это происходило в 1969 году, когда не надо было сначала готовить кадры через аспирантуру в институте, как это было в 30-50-е гг. В это время, во-первых, уже работали лаборантами несколько северян – выпускников центральных вузов, во-вторых, согласилась работать в ИЯЛИ эвенкийка А. Романова – кандидат педагогических наук, в-третьих, в аспирантуре Ленинградского отделения Института языкознания готовили кандидатские диссертации трое человек: один – по юкагирскому языку, двое – по эвенскому языку.

Здесь, надо сказать, что еще в 1958 году лаборантами в ИЯЛИ начали работать сначала эвенкийка А. Мыреева, затем юкагир А. Лаптев и эвен В. Лебедев. Но вскоре, из-за низкой заработной платы лаборанта, А. Лаптев вынужден был вернуться в поселок Колымское Нижнеколымского района, где оставалась его семья. Но вначале 1963 года в качестве лаборанта в ИЯЛИ был принят ваш верный слуга – Г. Курилов, который мог оставаться в Ленинграде со своей семьей, помогая ученому Е.А. Крейновичу в лингвистической обработке его юкагирских текстов, собранных им и А. Лаптевым во время экспедиции в 1958 году.

Создание первого Научного центра коренных малочисленных народов Севера в Якутии произошло в 1968 году. И, когда осенью 1968 года, я приехал в Якутск, по окончании аспирантуры в Ленинграде, уже работал сектор северной филологии, состоявший из пяти сотрудников: заведующей сектором – А. Романовой, младшего научного сотрудника – А. Мыреевой, лаборантов – А. Даниловой, П. Багаевой и Н. Елдогира.

Вскоре к нам присоединилась юкагирка Ирма Дьячкова, чукча Владимир Рахтылин и эвенкийка Тамара Андреева. А через два года вернулся из аспирантуры Ленинграда эвен Василий Лебедев и еще через год Василий Роббек, также после аспирантуры в Ленинграде. Потом, по окончании педагогического института им. А.И. Герцена, в наш сектор поступил Христофор Дуткин, следом в наш сектор, после работы учителем в районе, поступила эвенкийка Галина Варламова, тоже выпускница Герценовского пединститута.

А потом началось и качественное преобразование сектора северной филологии в связи с появлением кандидатов и докторов наук из их среды. Все это привело к тому, что в начале 90-х гг. прошлого столетия было создано

самостоятельное научное учреждение северных народов – Институт проблем малочисленных народов Севера. В данном институте представители эвенского, эвенкийского и юкагирского народов создали свои особые сектора для проведения целенаправленных научных исследований. И здесь хочется особо отметить, что в свое время Институт гуманитарных исследований испытывал большие трудности в связи с предстоящим прекращением его финансирования со стороны Республики Саха (Якутия). Тогда Институт гуманитарных исследований обратился к нам (т.е. ИГПИМНС), как обладателям собственного юридического лица в составе Сибирского отделения АН СССР, с предложением объединиться, как в былые времена, когда мы работали в Институте языка, литературы и истории. Мы, войдя в их трудное положение, так как у ИГИ не было своего юридического лица в Сибирском отделении после выхода из Российской Академии наук и вхождения в состав Академии наук Республики Саха (Якутия), согласились на объединение институтов. И вот, существуем уже много лет в научном учреждении, сокращенно именуемом ИГИиПМНС.

Таким образом, можно сказать, что Научный центр коренных малочисленных народов Севера в Якутии – детище Е.И. Коркиной, в конце концов, по существу, спас от возможного распада бывший Институт языка, литературы и истории, где долгои плодотворно работала директором отличный организатор науки в Якутии, выдающаяся дочь якутского народа Е.И. Коркина.

Я вношу предложение, в связи со 100-летним юбилеем Евдокии Иннокентьевны Коркиной, установить премию им. Е.И. Коркиной “За лучшее исследование по грамматической системе языков народов Севера Якутии”.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_014

Л.Б. Степанова,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

ИНТЕРВЬЮ С ФОТОГРАФИЕЙ: ОБЗОР НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ИЯЛИ 1960-1970-Е ГГ.

В представленном кратком обзоре, основные прорывные направления и научно-организационные мероприятия ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР 1960-1970-х гг., рассматриваются в контексте институционального научного дискурса*. Ретроспективная оценка истории института традиционно строится по архивным

---

*Институциональный научный дискурс – это коммуникация и статусно-ролевые отношения по разнообразным направлениям специализаций, которые существуют в обществе, в данном случае разновидность общения между учеными, которые могут и не быть знакомы лично, но вынуждены взаимодействовать в соответствии с нормами социума, который можно определить как научное сообщество [2, с.131]

материалам. Однако освещение событийной деятельности этого периода требует применения современных методов и подходов. Реконструкция основных событий посредством фотографии, позволила учесть этический фактор при установлении линии поведения и ценностных установок директора Е.И. Коркиной в процессе вовлечения научных исследований института в актуальное поле советской академической науки. Поэтому для отражения основных событий, был выбран иллюстративный подход.

При разработке методологии анализа и оценки массива фотодокументальных материалов репрезентирующих деятельность ИЯЛИ в данный период был учтен опыт российских ученых по изучению тематических массивов фотографий вкупе с архивными материалами [5, с. 62-70; 2, с.153-161]. Для этого в рамках предпринятого исследования, была апробирована совокупность методологических подходов в исследовании документальной фотографии как инструмента сбора данных, где она выступает в качестве основы, вокруг которой наслаивается информация, позволившая расширить ракурс ее интерпретации.

При переносе институциональной матрицы развития советского научного дискурса на эмпирический материал фотоархива института, был также учтен методологический опыт исследования Д.Е. Раскова, позволившего определить персональную этику Е.И. Коркиной в процессе введения инноваций в работу института (специфика мировоззрения, культурные и социальные нормы) [4, с.75-76]. Данный неинституциональный подход (описание процесса принятия решений) позволил учесть особенности взаимоотношений в институте, пережившей в конце 1950 – начале 1960-х гг. давление партийных кругов с последовавшей сменой руководства. А также оценить большую организационную и административную работу нового директора по повышению статуса института внутри структуры ЯНЦ СО РАН.

Внешний анализ комплексного фотоархива деятельности института и сопоставление с архивными материалами помогли произвести работу по атрибуции снимков и интерпретации имеющихся фотоснимков (эмпирическую основу составили материалы по истории института в составе описей 4 и 18 иллюстративной коллекции Рукописного фонда Архива ЯНЦ СО РАН). Изучение коллективных фотографий секторов института и событийных научно-организационных мероприятий, в которых был задействован коллектив, способствовал визуализации структуры, научного состава и последовательных этапов формирования основных направлений исследовательской стратегии института.

В истории ЯАССР 1960–1970-е гг. стали периодом бурного развития академической науки. Были созданы практически с нуля институты биологии, космофизических исследований и аэронауки, геологии, физико-технических

проблем Севера, горного дела, что сделало востребованными дискурсы технических наук. И на их фоне первый институт республики, как пишет в книге воспоминаний Е.И. Коркина, выглядел довольно бледно [10, с. 180-181]. В этих условиях, она нашла выход в ориентировании работы института в направлении развития гуманитарных наук тюркоязычных народов (языкознание, литературоведение, фольклористика, история и этнография). Реалии этого периода требовали постоянного расширения исследовательского поля, обновления приемов и методов научно-исследовательской работы. Поэтому во второй половине 1960-х гг. упор научно-исследовательской стратегии института был сделан на развитие новых отраслей лингвистики. Так в институте появились новые направления, были открыты сектора искусствоведения, якутской грамматики и диалектологии, лексикологии и лексикографии, северной филологии, литературы народов Якутии, истории досоветского общества и этнографии, истории советского общества, социологических исследований, лаборатория археологии [1, с. 17].

Первым крупным достижением Е.И.Коркиной в начале ее руководства институтом стало издание в 1963 г. 3 тома «Истории Якутской АССР». В нем был впервые прослежен путь развития народов Якутии за период с момента вхождения в состав Российского государства, до периода вступления СССР в полосу развернутого строительства коммунизма [6, л. 39]. Одним из важных достижений института, стало проведение в 1974 г. республиканского совещания историков с участием Института истории, филологии и философии (ИФИФ). В качестве основных направлений научных исследований на 1976-1980 гг. были определены комплексное выполнение следующих тем: период развитого социализма в Якутии; история областной партийной организации Якутии; история якутской литературы 1920-х гг. Рекомендации совещания историков были обсуждены на Ученом совете ИЯЛИ 3.02.1975 г. [Там же, л. 23]. Здесь надо отметить, что в план основных мероприятий не вошли по тем или иным причинам: прогрессивное значение вхождения Якутии в состав России, процесс интернационализации социально-экономической структуры и общественной жизни ЯАССР в связи со строительством БАМ и Южно-Якутского промышленного комплекса.

Кроме того, Е.И. Коркина добилась включения института в разработку новой научно-исследовательской темы ЯФ СО АН СССР «Антропогенное воздействие на районы с распространением вечной мерзлоты», изучение его биологического, технического, экономического и социального аспектов [Там же, л. 80]. Для этого при лаборатории социологических исследований, в этот период разрабатывавшей проблему «БАМ и человек», была создана группа по изучению социального аспекта данной темы. Расширение предметной области исследований проводившихся ИЯЛИ, с подключением к изучению все новых

дисциплин, в итоге привело к образованию разнообразных отраслевых направлений научного дискурса-анализа в гуманитарных и социальных науках.

Больших научных результатов добилась лаборатория археологии под руководством С.А. Федосеевой и Ю.А. Мочанова, где результаты полевых раскопок сочетались с полидисциплинарными исследованиями на стыке антропологии и палеоботаники. Были подвергнуты археологическим исследованиям бассейны р. Вилюя, Анабара, Витима, Буотамы, Амги, Алдана, Индигирки, Колымы, юго-западного побережья Охотского моря. Открыты и частично изучены около 300 археологических памятников, создана периодизация и хронология археологических культур Северо-Восточной Азии. Возросла издательская деятельность института [10, с. 204]. Были налажены контакты и с зарубежными научными учреждениями. В период с 4 по 17 августа 1976 г. в ИЯЛИ находился английский ученый, доктор философии Джеймс Уильям Риордан, приехавший в рамках обмена делегациями ученых между СССР и Великобританией [6, л. 21]. В сфере его интересов находились сказки народов Якутии и сказительские традиции. В рамках своей научной работы, он выборочно ознакомился с записями сказок и для знакомства с олонхосутом, предпринял поездку в Намский район, где встретился с В.Н. Поповым [Там же, л. 22].

Как директор Е.И. Коркина основные усилия направила на укрепление и подготовку кадрового состава, организовала регулярное участие сотрудников в курсах повышения квалификации и стажировках при ведущих институтах страны, привлекала к научной стезе новые кадры, организовав вливание молодых перспективных сил. В институте в это время работали такие крупные ученые как Ф.Г. Сафронов, М.М. Федоров, М.М. Хатылаев, И.А. Аргунов, Н.А. Алексеев, С.И. Николаев-Сомоготто, Н.Е. Петров, Б.Н. Попов, П.Е. Ефремов, В.А. Роббек, П.А. Слепцов, Ю.А. Мочанов и др.

В период с 1964 по 1975 гг. выросло количество участия научных сотрудников института на союзных конференциях и международных конгрессах (М.Я. Жорницкая, Г.У. Эргис, И.А. Потапов, Ж.К. Лебедева, П.Е. Ефремов, Н.В. Емельянов). Добилась ежегодного увеличения штатного расписания института на 2 единицы. Была проведена большая работа по установлению научных коммуникативных связей с научными институтами АН СССР, областными институтами Тывы, Бурятии, Хакасии, Алтая. Организованы и проведены две всесоюзные научные конференции по актуальным проблемам исторической науки СССР и эпического творчества народов Сибири и Дальнего Востока, которые сумели вовлечь исследования института в актуальное поле советской академической науки:

- 16-18.06.1976 г. Всесоюзная научная конференция «Социалистические преобразования жизни народов Советского Севера и пути их дальнейшего развития в свете решений XXV съезда КПСС».

- 15-17.06.1977 г. Вторая Всесоюзная научная конференция «Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока» (тезисы докладов).

Организованные ИЯЛИ всесоюзные конференции стали заметным явлением в научной жизни страны в 1970-е гг. и конечно, такие важные и памятные события были зафиксированы в фотодокументальных материалах.

Первая конференция была организована совместно с ЯФ СО АН СССР, Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР, Институтом этнографии АН СССР и Якутским государственным университетом. На 5 секциях было заслушано около 130 докладов, сообщений и выступлений историков, экономистов, этнографов, социологов, литературоведов и языковедов, из которых 18 участников представляли ученый коллектив института. В работе конференции приняли участие заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Н.Ф. Кузьмин, зам. директора Института истории АН СССР В.П. Шерстобитов, директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР, академик А.П.Окладников, директор Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР Н.Н. Рочев, заведующим отделом науки и учебных заведений Обкома КПСС Коми АССР Л.Т. Рассохин, зам. редактора журнала «История СССР» И.Е. Зеленин, доктора исторических наук И.С. Гурвич (Москва), И.А. Алексеев (Москва), И.И. Колмогорцев (Новосибирск) и многие другие. В докладах и сообщениях участников конференции был дан анализ и всестороннее освещение развития политической жизни, социалистических преобразований экономики, социальных отношений, роста науки и культуры народов советского Севера, развития их языка, литературы и искусства. По поручению конференции Президиум Всесоюзной научной конференции обратился с письмом к Центральному комитету КПСС, Генеральному секретарю Л.И. Брежневу, которое было опубликовано в газете «Социалистическая Якутия» 19.06.1976 г. Это был большой прорыв провинциального подразделения структуры СО РАН в институциональный научный дискурс СССР. В рамках работы конференции был принят ряд важных решений о необходимости комплексного решения проблем с участием историков, философов, экономистов, юристов, филологов и других специалистов. Заявлено о начале коллективных исследований общесоюзного и регионального масштаба, а также усилении научной коммуникации между коллективами научных учреждений, представленных на конференции.

Не менее важную роль в судьбе института сыграла организация Второй Всесоюзной научной конференции «Эпическое творчество народов Сибири и

Дальнего Востока» в 1977г. Организаторами конференции стали Научный совет по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР, Институт мировой литературы им. М. Горького и Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Программа конференции отразила размах работы по изучению эпоса, как в научных центрах Сибири, в Москве, Ленинграде и в ряде других научных учреждений Европейской части СССР. Резонансным итогом данной конференции стало принятие решение об участии ИЯЛИ в создании 60-томного «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Кроме того, была подтверждена методологическая продуктивность историко-типологического подхода к исследованию эпоса. А также впервые определена необходимость конкретно-исторического изучения отдельных эпосов как памятников искусства народов, их создавших и хранивших.

Благодаря конструктивному диалогу Е.И. Коркиной с республиканскими властными и партийными структурами, налаженным социальным и коммуникативным связям научного коллектива с ведущими институтами страны, включение сотрудников в состав научно-исследовательских коллективов, разрабатывавших научные темы всесоюзного значения, был достигнут статус самостоятельности института. В 1977 г. ИЯЛИ был переведен в отдельное подразделение в составе Якутского филиала СО АН СССР.

Теоретико-методологический аспект интерпретации «повседневной» фотографии документального характера для изучения процессов современной изучаемому периоду интеллектуальной культуры, позволил выявить поступательность мер научно-организационного управления для укрепления позиций института в структуре ЯНЦ СО АН СССР. Ретроспективный обзор фотоархива истории ИЯЛИ позволил сделать вывод о том, что документальная (событийная) фотография является важным источником в процессе описания времени и людей на конкретном историческом этапе. Проведенная оценка деятельности института в период руководства Е.И. Коркиной, позволяет резюмировать, что с ее стороны была проведена большая работа по обеспечению единства и согласия коллектива расколотого после известных событий 1950-х гг. Благодаря чему были достигнуты впечатляющие успехи в деятельности института в конце 1970-х гг.

Литература

1. Биобиблиографический справочник. Ученые-исследователи института гуманитарных исследований АН РС (Я) / [сост-ли: Е.П. Антонов, П.И. Докторов, С.Е. Никитина]. – Якутск, 2005. – 288 с.
2. Гурьева М.М. Повседневная фотография как объект научного исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: философия. – 2009. – №3. – Т.2. – С.153-161.

3. *Кравцова Е.В.* Научный дискурс как вид институционального типа дискурса // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 25. – С.130-131
4. *Расков Д.Е.* Старообрядческое предпринимательство в экономике России в конце XVIII–XIX вв.: неинституциональный подход: дисс. канд. экон. наук. –СПб., 2000. –С. 75–76.
5. *Рубина З.М.* Фотографии семьи Левицких в филиале Государственного исторического музея // Отечественные архивы. – 2010. – № 2. – С. 62 – 70.
6. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5.Оп.5.Д.791 // Докладная записка. Справка и переписка по организации и проведению научных исследований ЯФ СО АН СССР. 1976 г. На 119 лл.
7. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 5. Д. 807. Протоколы пленарных заседаний Всесоюзной конференции «Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока» на 56 лл.
8. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.И. Оп. 4. Д. 8. «Научные сотрудники ИЯЛИ 1970- гг.».
9. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф.И. Оп. 2. Д. 4. Фотоальбом «Всесоюзная научная конференция “Социалистические преобразования жизни народов Советского Севера и пути их дальнейшего развития в свете решений XXV съезда КПСС”» (16-18 июня 1976 г.).
10. Сырдык кэриэнигэр сүгүрүйэн туран: сб. / (Ин-т гуман. исслед. и пробл. малочис. нар. Севера; сост. Р.Р. Никитин; редколл.: к.ф.н. Л.М. Готовцева и др.) – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2012. – 232 с., илл.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_015

П.П. Петров,

ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

Е.И. КОРКИНА И ИЯЛИ В 1970–1980-Е ГОДЫ

В 70-е и почти до середины 80-х годов Институт языка, литературы и истории возглавляла доктор филологических наук, профессор Евдокия Иннокентьевна Коркина, которая вела корабль академической гуманитарной науки республики уверенно. Заместителем директора по науке с 1974 по 1984 гг. работал известный литературовед и ученый Н.Н. Тобуроков, ученым секретарем – филолог Е.В. Федоров. Институт своего здания не имел и до 1977 г. размещался в главном корпусе ЯФ СО АН СССР, затем переехал в новую вставку здания Института геологии, где занимал пятый этаж. С конца 1984 г. в должности директора ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР стал работать доктор исторических наук В.Н. Иванов, с деятельностью которого связан новый этап развития института, остающийся за пределами нашего рассмотрения.

Численность, кадровый состав и структура Института. В эти годы в институте продолжалась плодотворная научная деятельность, как ветеранов науки, так и молодых ученых. Выпускники Якутского госуниверситета А.Г.

Нелунов, С.П. Кистенев, С.И. Эверстов, Н.Н. Ефремов, Ю.Н. Дьяконова, Московского университета Ф.М. Зыков, В.И. Эртюков, Ленинградских вузов У.А. Винокурова, Д.Г. Брагина, Н.И. Данилова, Н.И. Попова и другие дополнили кадровый состав института. Но основным источником пополнения кадров института по-прежнему оставалась аспирантура Якутского филиала СО АН СССР. Среди других специальностей она также вела подготовку по специальностям «Тюркские языки», «Языки народов СССР», «История народов СССР», «Литература народов СССР». Помощь в подготовке кадров высшей квалификации оказывали также высшие учебные заведения и академические институты Москвы, Ленинграда и Новосибирска, где проходили обучение в аспирантуре и докторантуре сотрудники ИЯЛИ.

В аспирантуре учились историки А.К. Софронов, П.Л. Казарян, А.В. Борисов, Л.И. Винокурова, А.Л. Дьяконов, П.П. Петров, С.Е. Мартынова, филологи и литературоведы В.В. Илларионов, Т.Е. Андреева, Д.Т. Бурцев, Ю.И. Васильев, В.И. Лиханов, В.В. Егоров, Т.В. Аргунова, Н.Н. Васильева, В.Б. Огорокова и др.

Кадровый состав института в 1970–1985 гг. [1]

п/п	Годы	1970	1975	1980	1985
1.	Всего сотрудников	67	98	106	115
2.	В т.ч. научных сотрудников	47	60	62	81
3.	Из них докторов наук	1	2	3	5
4.	---=--- кандидатов наук	30	39	42	49

Данные таблицы наглядно показывают, как происходило увеличение численного состава и качественного роста научных сотрудников. Так, в 1974 г. из общего числа сотрудников в 96 чел. научных сотрудников было 59 чел., лаборантов – 35, административно-хозяйственного персонала – 2 чел. На начало 1985 г. в ИЯЛИ трудилось 115 чел., в том числе 81 научный сотрудник (5 докторов и 49 кандидатов наук). Из них 25 старшие научные сотрудники, 34 младшие научные сотрудники и 24 лаборанта. В административно-управленческий персонал входили 8 чел. [2].

В эти годы Институт состоял из двух отделов, а отделы подразделялись на сектора: якутской грамматики и диалектологии, лексикологии и лексикографии, северной филологии, литературы народов Якутии, фольклора народов Якутии, истории досоветского периода и этнографии, истории советского общества, искусств народов Якутии, лабораторий археологии и социологических исследований.

Отдел истории, археологии и искусства, руководимый профессором Ф.Г. Сафроновым, в 1985 г. состоял из 53 сотрудников, в том числе 38 научных сотрудников, из них 2 доктора, 17 кандидатов исторических, 1 кандидат

философских, 1 кандидат географических наук. В отделе работали 11 старших научных сотрудников, 21 младший научный сотрудник и 12 лаборантов.

В Отделе филологии и литературоведения под руководством д.ф.н. П.А. Слепцова работали 54 сотрудника, в том числе научных работников – 40. Среди них 2 доктора и 24 кандидата филологических, 1 кандидат исторических наук. В отделе работали 14 старших и 12 младших научных сотрудников, 12 лаборантов, 1 инженер, 1 стажер-исследователь [3].

В институте большое внимание уделялось качественному росту научных кадров. На заседаниях отделов, общеинститутских производственных собраниях и открытых партийных собраниях этот вопрос неизменно включался в повестку обсуждений. К концу года подводились итоги социалистического соревнования. Партийная организация и местный комитет профсоюза выдвигали наиболее отличившихся товарищей на поощрение. Победители соревнования награждались грамотами Президиума ЯФ СО АН СССР, партийного комитета и Объединенного профсоюзного комитета, их фотографии вывешивались на Доске почета.

В эти годы сотрудники института в массовом порядке привлекались на различные субботники по благоустройству территорий и на несвойственные им виды работ, как переборка картофеля, покрытие пленкой теплиц, уборка урожая, строительство зданий, ремонт сельскохозяйственных ферм и др. Тем не менее, ныне у старшего поколения сотрудников остались в памяти незабываемые летние дни, проведенные на острове под Хатассами, где в знойные июльские дни под руководством бригадира А.С. Луковцева проходила беззаботная сенокосная страда с купаниями, самодеятельными концертами и юбилейными праздниками.

Основные направления научных исследований. В связи с новыми требованиями в Институте организуется широкий фронт исследований по важнейшим проблемам языка, литературы, фольклора, истории и искусства народов Якутии, в результате которого были созданы крупные коллективные и авторские монографические работы.

В отделе филологии продолжалось углубленное изучение проблем грамматики якутского языка под руководством Е.И. Коркиной и Н.Е. Петрова. Успешно были выполнены исследования малоизученных вопросов якутской грамматики – именных словообразований, форм глагола и модальных слов. Все это дало возможность приступить к созданию академической грамматики якутского языка, первая часть которой – «Фонетика и морфология» – была издана в 1982 г.

Проводилась большая работа по исследованию якутской диалектологии. Вышли в свет монографические труды М.С. Воронкина, П.П. Барашкова, С.А. Иванова, И.Е. Алексеева. На основе изучения якутских говоров во многих

районах республики составлены «Диалектологический словарь якутского языка» (1976 г.) и «Очерк якутской диалектологии» (1980 г.).

Также были достигнуты значительные успехи и в области якутской лексикографии. В 1972 г. издательство «Советская энциклопедия» выпустило «Якутско-русский словарь», насчитывающий 25,3 тыс. слов, в котором впервые была предпринята попытка кодификации стилистических норм общеупотребительной лексики современного якутского литературного языка. С середины 80-х доктор филологических наук П.А. Слепцов возглавил работы по созданию большого (полного) академического базового толкового словаря якутского языка на двух языках (якутском и русском). Он же продолжал изучать проблемы становления и развития общенациональных норм якутского литературного языка. В этом большом коллективе трудились известные филологи П.С. Афанасьев, Г.В. Попов, А.Г. Нелунов, Н.С. Попова, А.С. Луковцев, Л.А. Афанасьев и др.

В 1970 г. из сектора языка выделился сектор северной филологии. В нем интенсивно проводились исследования в области языков малочисленных народов Севера, в частности, эвенов, эвенков и юкагиров. А.В. Романова и А.Н. Мыреева опубликовали несколько работ, посвященных изучению говора эвенков. Ими же был составлен и издан диалектологический словарь эвенкийского языка (1968 г.). В.Д. Лебедев собрал и опубликовал ряд работ по эвенской диалектологии. Г.Н. Курилов и В.А. Роббек плодотворно работали над вопросами соответственно грамматики юкагирского и эвенского языков.

Литературоведы института подготовили коллективные работы «Очерки истории якутской литературы», «История литературы Якутии». Научные сотрудники этого сектора Г.С. Сыромятников, Г.М. Васильев, Н.Н. Тобуроков, Г.К. Боескоров, Н.З. Копырин занимались изучением творчества отдельных писателей, а также актуальных теоретических проблем литературоведения. Якутская драматургия советского времени была темой исследований А.А. Билюкиной.

Фольклористы продолжили традиции, заложенные Г.У. Эргисом по сбору, публикации и исследованию памятников устного народного творчества. В.Т. Петров в своих монографиях исследовал вопросы связей фольклора с литературой. Н.В. Емельянов детально рассмотрел сюжетологию якутского олонхо. Устное творчество долган стало предметом исследований П.Е. Ефремова. Сотрудники сектора С.П. Ойунская, В.В. Илларионов, Л.Д. Нестерова занимались изучением олонхо, якутских пословиц, поговорок, загадок, народных песен и сказок.

Научные сотрудники отдела истории и археологии разрабатывали наиболее актуальные проблемы отечественной истории. В секторе досоветской истории и этнографии собрались маститые ученые Ф.Г. Сафронов, В.Н. Иванов,

Н.А. Алексеев, В.Ф. Иванов, С.И. Николаев, Д.А. Ширина, чуть позднее к ним присоединился В.Е. Охлопков. Младшие научные сотрудники Н.С. Евсеева, Ф.М. Зыков, Л.Ф. Томтосова, лаборант Р.М. Копырина активно участвовали в работе сектора, занимаясь вопросами этнографии и антропологии.

Профессор Ф.Г. Сафронов издал ряд крупных монографий, посвященных истории русского населения северо-востока Азии. В.Н. Иванов сосредоточил свое внимание на исследовании историко-этнографического изучения досоветскими учеными истории народов указанного региона. По вопросам источниковедения появились монографии В.Ф. Иванова. Этнограф Н.А. Алексеев плодотворно занимался исследованием религиозных верований якутов, ранних форм религии и шаманизма у тюркоязычных народов Сибири. История научного изучения Якутии академическими экспедициями была предметом исследований Д.А. Шириной. Тема политической ссылки разрабатывалась в трудах В.Е. Охлопкова, П.Л. Казаряна, И.Г. Макарова.

Сектор истории советского периода последовательно руководили М.М. Федоров, М.М. Хатылаев и Р.К. Коробцова (Литвинова). Основное внимание историков этого сектора было уделено разработке вопросов истории становления и упрочения советской власти, гражданской войны (В.Н. Чемезов, Р.В. Шелехова, Н.Г. Иванов), участия якутян в боях за родину в годы Великой Отечественной и их самоотверженного труда в тылу (Д.Д. Петров), возникновения рабочего класса и развития различных отраслей народного хозяйства (М.М. Хатылаев, С.И. Ковлеков, А.Я. Овчинникова, А.Н. Айкаров), культурного строительства (А.К. Пахомов), науки и научной интеллигенции (А.К. Софронов). Было продолжено совместно с ЦГА ЯАССР издание сборников архивных материалов и документов по гражданской войне, кооперативно-колхозному движению (Р.В. Шелехова). Технические работы сектора успешно выполняла лаборант Р.П. Иванова.

В 1974 г. по инициативе И.А. Аргунова была создана лаборатория, а затем и сектор социологических исследований. Вначале сотрудники лаборатории Б.Н. Попов, В.С. Павлов, У.А. Винокурова, Р.А. Кузьмина, Н.В. Васильев разрабатывали новую коллективную тему «Социальный облик и духовная жизнь сельской работающей молодежи ЯАССР», затем комплексную тему – «Характер и тенденции социального развития народов ЯАССР». С освоением южно-якутских угольных месторождений коллектив сектора участвовал в социологическом исследовании по теме «Процесс интернационализации социально-экономической структуры и общественной жизни ЯАССР в связи со строительством БАМа и Южно-Якутского промышленного комплекса».

Сектор искусствоведения, руководителем которого являлся кандидат искусствоведения И.А. Потапов, был создан в 1972 г. Небольшой, но

комплексный по своему составу, он включал специалистов по изобразительному, театральному и музыкальному искусству. Научные сотрудники В.Х. Иванов, Д.К. Максимов, Н.Н. Николаева, Р.С. Гаврильева занимались как историей становления и развития профессиональных видов искусства, которые в Якутии сформировались в советские годы, так и выявлением и изучением досоветского художественного наследия, участвуя при этом в осмыслении текущего творческого процесса.

В лабораторию археологии, возглавляемой С.А. Федосеевой, пришли молодые, подающие надежды выпускники вузов страны В.И. Эртюков, В.Г. Аргунов, В.М. Михалев, Н.М. Щербакова, П.С. Соловьев. В летний сезон успешно действовала Приленская археологическая экспедиция (ПАЭ) под руководством Ю.А. Мочанова. На основании раскопок, проведенных экспедицией в составе И.В. Константинова, В.А. Кашина, С.И. Эверстова, В.И. Козлова и других, удалось выделить археологические культуры Якутии: палеолитическую сумнагинскую, неолитические сылахскую, белькачинскую и ымыяхтахскую, усть-мильскую бронзового века и различные культурные комплексы раннего железного века. С 1982 г. археологические раскопки были перенесены в местность Диринг-Юрях, где была открыта стоянка древнейшего палеолита [4; 5, с. 56, 70].

В 70–80-е годы интенсивно проводилось экспедиционное изучение обширного региона. Особенно большой размах эти работы приобрели в 1980-е годы. Так, только в 1981–1987 гг. было организовано 52 экспедиции, в том числе по направлениям: фольклорные, фольклорно-лингвистические, фольклорно-этнографические, фольклорно-искусствоведческие, социологические, археологические, лингвистические. География экспедиций была весьма обширной: кроме практически всех районов Якутии, ученые собирали полевой материал в Хабаровском крае, Тувинской и Бурятской АССР, Горно-Алтайском автономном округе, Чукотском и Таймырском национальных округах, Новосибирской, Магаданской, Амурской, Иркутской областях, Красноярском крае, Хакасии.

В институте регулярно проводились научные конференции, к участию в которых приглашались ведущие ученые Москвы, Новосибирска, а также зарубежные исследователи. Научные сотрудники активно участвовали на научных, научно-практических конференциях разного уровня, использовали командировки для изучения документального материала в архивохранилищах Москвы, Ленинграда, Иркутска, Новосибирска.

Молодых сотрудников сплачивал институтский Совет молодых ученых и специалистов, продолжительное время которым руководил А.Г. Нелунов. Члены совета на заседаниях принимали на себя обязательства активизировать публикационную деятельность, принять участие в городских, республиканских

научно-практических конференциях. Председатель совета входил в состав Ученого совета института и представлял интересы молодых сотрудников.

Как видно, в рассматриваемый период научные сотрудники института добились значительных успехов в изучении вопросов истории, этнографии, археологии, языкознания, литературы, фольклора, социальных и политических процессов в республике. Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, руководимый д.ф.н. Е.И. Коркиной, в эти годы развивался в сторону дальнейшего углубления и повышения уровня его фундаментальных и прикладных научных исследований.

Общественно-политическая жизнь института. Партийная организация института имела важную роль в определении основных направлений научной деятельности института, формировании общественно-политического настроения в коллективе. Наряду с решением текущих производственных вопросов, она выступала и как карающий орган в отношении тех товарищей, которые допускали политические и моральные отступления от социалистического образа жизни. Кроме того, при выяснении роли и значения историко-культурного наследия первых якутских литераторов, некоторых исторических исследований собрания коммунистов всегда становились ареной борьбы тех или иных групп за сферу влияния, что, конечно, требовало от директора института Е.И. Коркиной максимальной концентрации внимания в деле укрепления научно-производственного климата среди коллектива.

Местный профсоюзный комитет находился под влиянием партийной организации и дирекции. Но, в отличие от раздираемых внутренними распрями коммунистов, профком (местком) под председательством последовательно Н.А. Алексеева, П.Н. Дмитриева, И.Г. Макарова, В.В. Егорова более близко стоял к нуждам коллектива. Производственный сектор профкома к концу года подводил итоги социалистического соревнования, жилищная комиссия составляла длинные списки нуждающихся в улучшении жилищных условий. Особенно кипучей была деятельность спортивного сектора. В институте регулярно проводились соревнования по шахматам и шашкам, лыжные пробеги на Зеленом лугу, а летом по борьбе хапсагай, перетягиванию палки, волейбол, игры в городки и т.д. В праздничные дни молодежь своими силами организовывала самодеятельный концерт. Продолжительными аплодисментами сопровождалось выступление баяниста С.П. Кистенева, соло Н.Г. Иванова, игры на хомусе И.Е. Алексеева и др. Коллектив организованно выходил на общегородские октябрьский и майский парады.

Особым успехом среди сотрудников пользовалась стенная газета «Гуманитарные науки» под редакцией Ж.К. Лебедовой, У.А. Винокуровой, Р.К. Коробцовой и др. Художники С.А. Иванов и Н.Г. Иванов красочно оформляли листы газеты. В передовицах этой газеты, обычно посвященной какой-то дате,

указывались значение и роль предстоящих событий, далее помещались статьи сотрудников, поздравления ветеранам, дружеские шаржи и т.д.

В летнюю сенокосную страду коллективу института первоначально был выделен дальний участок, но в последующие годы руководство совхоза «Хатасский» пошло навстречу институту, предоставив на продолжительный срок близлежащий к поселку маленький остров с удобной для купания проточной водой. Ежегодный сенокосный десант на этот остров превращался в своеобразный ысыах с установлением сэргэ и палаточного городка. Веселье и юмор окружали всех, кто принимал участие как в тяжелой работе, так и в вечерних празднествах. Сенокосение и уборка сена происходили вручную с применением косы литовки, якутских граблей и кыдама (вил). В первых рядах сенокосчиков находились Н.Г. Иванов, В.В. Илларионов, Л.А. Афанасьев. Лучшими стогометателями (кыдамасыт) были А.Г. Нелунов, Ф.М. Зыков, П.Н. Дмитриев. К уборочным работам привлекалась женская часть коллектива. К концу сенокосной страды приезжали приемщики с совхозного правления во главе с С.М. Павловым, которого за глаза звали «Буденным». После совершения приемки застогованного сена подводились итоги уборочной страды. В лучшие годы коллектив сенокосчиков института сдавал совхозу до 40 тонн высококачественного сена. Загорелые, окрепшие физически и духовно сотрудники приступали к выполнению своих научно-исследовательских тем.

Литература

1. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп.5, д.683, 834.
2. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп.19, д.24, л.5,6.
3. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп.5, д.649, л. 4-10.
4. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп.17, д.7;
5. *Плотникова У.И.* Институт гуманитарных исследований АН РС(Я): история и современность // *Дипломная работа.* – Якутск, 2005. – С. 56, 70.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_016

О.И. Чарина

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

РОЛЬ Е.И. КОРКИНОЙ В СОХРАНЕНИИ ДОКУМЕНТОВ Д.И. МЕЛИКОВА

В рамках сибиряковской историко-этнографической экспедиции 1894-1896 гг. «Д.И. Меликов принял на себя работу по криминальной психологии якутов на основании данных, находящихся в делах местных и административных учреждений» [6, с. 353]. Помимо того, что Дмитрий Иванович Меликов был председателем Якутского окружного суда, служил

прокурором Якутской области, [3, с. 149], он также был председателем кружка любителей русской поэзии. Поскольку у Дмитрия Ивановича был административный ресурс, он смог выехать в Колымский округ в 1893 г. и проделал свою часть работы: «изучение быта, качества и поведения служащих, <...> выяснение всесторонне условий водворения государственных и других ссыльных».

2 цель – самая интересная и желательная – открытие нового пути из одного какого-либо прибрежного пункта Охотского моря к реке Колыме.

3 цель – изучение податей системы (инородцев) северных округов, способ взимания податей. Количество и определение инородов, подлежащих сбору <так у Д.И.Меликова – О.Ч.> и проживающих в округах»[2, 1, 1]. Также Д.И. Меликов записал несколько произведений русского фольклора.

В августе 1972 г. директор Института языка, литературы и истории СО РАН, Е.И. Коркина, получив четыре папки, содержащие сведения о пребывании Д.И. Меликова в Колымском округе, в сопроводительном письме пишет: «Институт ЯЛИ ходатайствует <...> о необходимости внесения путевых заметок жителя г. Якутска Д.И. Меликова об экспедиции, проведенной в 1893 году по маршруту г. Якутск – Колымский округ – Гижига– Якутск объемом 329 рукописных листов большого формата. Путевые заметки содержат много интересных сведений по климату, природе Колымского округа, быту, обычаям северных народностей и могут быть использованы в качестве вспомогательного материала при научных изысканиях сотрудников Института (историков, этнографов)». Материалы, записанные Д.И. Меликовым, были переданы в Архив СО РАН со следующими номерами хранения: архив ЯНЦ, ф.4, оп. 18, ед. хр. 1, 2, 3, 4. Затем Е.И. Коркина сообщает: «Записки Меликова оценены комиссией в сто рублей. Лицо, продавшее эти путевые записки, просит стоимость их перечислить на счет Советского фонда мира в Якутской конторе Госбанка». Представление подписано в августе 1972 г. [2, 1, 1]. Надо сказать, что сумма для этого периода довольно большая. И тут перед нами предстает загадка, ведь не известно, кто мог принести дневники Меликова, где они долгое время хранились?

О Д.И. Меликове известно следующее. В «Историко-графическом атласе» читаем, в «квартале пятьдесят девятом» жил чиновник Якутского областного управления Дмитрий Иванович Меликов, получивший широкую известность среди местного населения и политссыльных по защите на суде по делу участников «Монастыревской трагедии» в 1889 году в г. Якутске и уволенного за это со службы <...>. По сведению, у него была часть книг и рукописей Н.Г. Чернышевского, и не известна их судьба, куда они девались» [3, с. 104].

Сотрудник Национального архива Республики Саха (Якутия) Э.М. Яковлев о действительном статском советнике Д.И. Меликове пишет следующее: «Дмитрий Иванович родился 12 сентября 1851 г. (по ст. ст.) в г. Пенза в семье обер-офицера. В 1878 г. закончил юридический факультет Казанского университета <...>. В декабре 1881 г. он становится прокурором Якутской области, и с этого времени его судьба до самой смерти будет связана с Ленским краем. Работает в основном в судебных органах: следователем, почетным мировым судьей г. Якутска, с 1891 по 1897 г. – советником областного управления. В 1909-1919 гг. Д.И. Меликов являлся членом окружного суда, работает присяжным поверенным. Дмитрий Иванович за добросовестную службу был награжден орденом Святой Анны 2-й ст., Святого Станислава 3-й ст., серебряной медалью на Александровской ленте для ношения на груди и нагрудным знаком в память 50-летия Судебных уставов» [4, с. 62-63]. В период установления в Якутии советской власти Д.И. Меликов поочередно, то работал в госучреждениях, то сидел в тюрьмах. В 1920 г., «его как пособника царизма и ярого реакционера» увольняют со службы в судебных органах. В 1921-1923 гг. он работает в губархиве – сначала в качестве сотрудника, затем заместителем завгубархивом Е.Д. Стрелова <...>. С осени 1928 г. в Якутске начинается большая чистка совгосучреждений от социально-чуждых элементов, и он попадает под эту чистку. После этого времени сведения о Д.И. Меликове в архивных материалах почти не встречаются. Известно только, что в 1932 г. он числился рабочим Сангарских угольных копей и по специальному пропуску временами приезжал в Якутск. Дата смерти и место захоронения не установлены» [4, с. 64].

Для фольклористов научный интерес представляют две книги «Путевых заметок» 1893 гг. с листажом в 229 страниц. При этом следует указать, что Д.И. Меликов писал на двух страницах тетрадей большого формата, нумерация страниц введена лишь на правую страницу.

Например, очень обстоятельны и крайне интересны следующие путевые записи. Так, продвигаясь по Нижнеколымскому краю, он писал: «Следующая остановка от «Крестов была в тридцати верстах от Нижнеколымска на заимке казака Богданова (это имя – неразб.) Дом русский, ведется по-русски. Сам хозяин собойстарый, с густой бородой вышел к нам навстречу, на свою заимку. Подан был чай и закуска, обычная в Колымском крае: строганина, мерзлые, жирные ломтики (неразб.) чиров, олений сырой жирный мозг, из ножной кости оленя, и вареная, тоже мерзлая пенка. Последняя была очень нежная и вкусная, была приготовлена из оленьего молока. Изба опрятная, чистая, с чистым вымытыми дресвой полами, на столе скатерть, тарелки, ножи и вилки. Хлеб черный, по-хорошему выпеченный и вкусный. Хозяин заимки к числу богатых не относился. Порядок и чистота – таков обычай. Прекрасно» [2, 2, л. 203].

Далее важны его замечания по этнографии и языку нижнеколымчан: «Все говорят по-русски, ни слова по-якутски. Все одеты в русские одежды, кроме верхней шубы – кухлянок мужиков. Говор какой-то особенный, ласковый, голоса мелодичные и сердечные, все шепелявят и сюсюкают, не выговаривая букву л. Говорят, напр.: «съядка ея» (сладко ела), «шья мией» (шла милей) (это – *неразб.*). Нижнеколымчан в виду этого называют «сладкоголосые» [Там же, с. 203].

Он писал, что на Колыме: «среди жителей много певцов импровизирует. Певцы-импровизаторы, куда бы не поехали, идут и поют, связывают различные истории и мысли, без всякой связи, стараются чтобы только подходило под какой-нибудь размер» [2, 2, л. 204]. Меликов при помощи среднеколымчанина Власова Семена Герасимовича записал 13 произведений русского фольклора, из них 2 былины про Добрыню Никитича и Змея («Оставалось у Никиты все житье-бытье»), и про малолетнего богатыря Михаила Даниловича («Тит Харафонтьевич»), 3 исторические песни: про Михаила Скопина («Скопину-то родна матушка выговаривала»), про сына Степана Разина («Заявился в камен город детинушка»), про Захара Чернышева и Прусского короля («Тыталан ты мой таланчик»), балладная песня про Ваньку-ключника («Про ключника»), 6 лирических песен: «Прощай, радость, жизнь, веселье», «Солнце красное, катися за леса», «На заре было на зореньке», «Течет речка, течет быстра», «Сказали про молодца», а также три андыльщины [2, 2, л. 204-211].

В этом плане важным является тот факт, что Д.И. Меликов записывал в одно время с В.Г. Богоразом, возможно, от одних и тех же исполнителей, в частности, от Соковикова. В случае с Д.И. Меликовым, при всей подробности записи текстов, вызывает сожаление следующее: у него нет указаний фамилий, указания возраста исполнителей.

На основе записей В.И. Богораза и Д.И. Меликова было проведено сравнение текстов песен, которые произвел Меликов. Так, при изучении этих записей, стало ясно, что Меликов зафиксировал песни от некоего третьего лица, который жил не в с. Походск, а в Нижнеколымске, также знал произведения фольклора, но кто он – не известно. Известно, что в Среднеколымске, Нижнеколымске, Походске в конце XIX в. было несколько сказителей, имена которых указал В.Г. Богораз [1, с. 169]. Михаил Федорович Соковиков, житель Походска, был ярким сказителем своего времени. Митрофан Кривогорницын был значительно моложе Соковикова, знал много произведений фольклора. Из его творчества нам известны одна былина в записи В.Г. Богораза, историческая песня «Ах ты, воля». Возможно, песни, приведенные Д.И. Меликовым, были записаны от этого исполнителя [5, с. 75-83].

Необходимо продолжить текстологический анализ известных текстов для выявления автора-исполнителя. Также М.Ф. Соковиков имел детей, чье

творчество также следует изучать. Например, уличные песни пел Иван Соковиков – Кулдаренок, от Арины Четвериковой (дочери М. Соковикова) зафиксировано несколько песен.

Литература

1. *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз // Сб. ОРЯС. – Спб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. – Т. 68. – № 4. – 346 с.
2. *Меликов Д.И.* Путевые записки «В Гижигу через Колымск».1893. Книга I. – 140 л. // Архив ЯНЦ СО РАН, ф.4, оп. 18, ед. хр. 1, 2, л.202-212, 3, 4.
3. *Попов П.В.* Историко-графический атлас города Якутска в 1917 г. / сост.:И.И. Юрганова и др. – Якутск: Якутский край, 2009. – 162 с.
4. *Яковлев Э.М.* Действительный статский советник Д. И. Меликов // Якутский архив. Историко-документальный научно-популярный иллюстрированный журнал. – 2009. – № 3/4. – С. 62-63.
5. *Чарина О.И.* Сказители Походска XIX в. // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2017. – Т. 2. – № 6. – С. 75-83.
6. Якутия. Историко-культурный атлас. Природа. История. Этнография. Современность. – М., 2007.– 872 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
Е.И. КОРКИНОЙ**

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_017

Н.Н. Широбокова

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

**УСЛОЖНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПОДСИСТЕМ
ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ***

Сложное происхождение якутского языка было отмечено еще В.В. Радловым. Его концепция (якутский язык – это язык неизвестного происхождения, который был сначала омонголен, а затем отюречен) [5, с. 45], в настоящее время не принята, но количество иноязычных элементов в якутском языке требует исследования. Перечень явлений, связывающих якутский с языками других этнических групп, очень велик. Вот некоторые из них:

1) якутский входит в ареал –s→–h–, s→h– (эвенкийский, эвенский, бурятский и др.);

2) якутский входит в ареал –s→–t– (бурятский, некоторые из енисейских и самодийских языков);

3) якутский входит в ареал языков, где присутствуют восходящие дифтонги (долганский, нганасанский, юкагирский);

4) якутский имеет общие закономерности построения консонантной системы, сближающие его с тунгусо-маньчжурскими языками, чукотско-камчатскими, юкагирским и эскимосским. Это бедность состава проточных фонем;

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (№ 15-04-00296 «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе»)

5) с тунгусо-маньчжурскими языками сближает якутский язык отсутствие родительного падежа, наличие спрягаемых деепричастий [1, с. 16].

Это только некоторые из особенностей якутского языка, объясняемые его контактами с языками других систем. Эти контакты имели место в разное время и на разных территориях во время продвижения предков якутов с южной прародины через Прибайкалье на территорию их современного обитания. Но и «исходный» тюркский компонент якутского языка не был однородным.

Историей якутского языка много лет занималась Е.И. Убрятова [2]. В отличие от большинства якутоведов, которые, опираясь на древнекитайские источники, в которых предки якутов курыканы назывались членами союза телесских племен, считают древнеякутский язык близким к древнеуйгурскому, Е.И. Убрятова доказывала близость якутского языка к языку орхонских памятников. В области фонетики она называла: а) наличие среднеязычного **ɲ**; б) соответствия **j ~ ĵ ~ ɲ** в определенном круге слов; в) глухие согласные в аффиксах после конечной гласной основы. По ее мнению, на близость якутского языка к языку орхонских памятников в области морфологии указывают: а) большая дифференцированность частей речи по сравнению с современными тюркскими языками; б) структура парных слов с полным параллелизмом формы компонентов, в том числе и глаголов; в) система приемов усиления лексического значения основ посредством ее повторения в производной форме – в якутском языке имеются все типы усилительных оборотов, имеющих в орхонских памятниках; г) наличие падежного аффикса винительного падежа **-ын** в лично-притяжательном склонении; д) смещение тюркской падежной системы: исчезновение родительного падежа, переосмысление местного падежа в частный. Это можно оценить как развитие тенденций, имевших место в языках орхонских памятников: случаи употребления дательного падежа вместо местного, местного вместо исходного, непоследовательное употребление родительного падежа. Но для якутского характерны и формы, встречающиеся в языке древнеуйгурских памятников, и отсутствующие в орхонских. Е.И. Убрятова считала, что уйгурские формы могли попасть в якутский и непосредственно из древнеуйгурского, и через сибирские тюркские языки, в которых функционируют формы, восходящие к древнеуйгурским **-йук**, **-майук**, **-ийук** и др. [2, с. 41].

В тюркских языках Сибири сформировался ряд специфических форм, свойственных преимущественно сибирским языкам и киргизскому. Некоторые из них попали и в якутский язык, например, форма **-а илик**, которую Е.И. Коркина назвала «Наклонением несовершившегося (неосуществленного) действия» [3, с. 238].

Наличие таких собственно «сибирских» форм показывает, что контакты предков якутов сохранились с сибирскими языками и тогда, когда якуты

сдвинулись на север. Обращает внимание, что некоторые особенности, свойственные якутскому языку, имеют общие черты с языками кыпчакскими: и в области морфологии, и в области фонетики.

В области морфологии это форма настоящего времени *-a*. По форме выражения якутский показатель настоящего времени совпадает с татарским для 1-го и 2-го л. и с древнетюркским для 3-го л. Структура поля настоящего времени (единственный показатель *-a / -ap*) совпадает как с кыпчакским татарским языком, так и с формами, встречающимися в языке рунических памятников.

Якутский язык не использует механизм синтеза аналитических конструкций аспектуального типа для пополнения форм настоящего времени. В якутском есть аспектуальная форма на *=ан турар*, омонимичная форме третьего перфекта, которая используется для обозначения действия, происходящего в момент речи, но в систему временных форм она еще не включена. Абсолютно аналогичная ситуация наблюдается в татарском языке. Но в диалектах татарского языка, например, в диалектах сибирских татар, формы, восходящие к аспектуальным «туровым» формам, широко применяются.

Выделяемые параллели между якутским и кыпчакским языками находят аналогию в язык древнетюркских памятников (см. наличие формы на *=a* в енисейских текстах).

Якутский язык, противопоставляясь всем южносибирским, все же ближе языку тофаларскому и тувинскому, в которых не используются синтетические производные от аналитических конструкций со вспомогательным глаголом *чыт=* и *олур=*.

Важнейшим классификационным признаком для сибирских тюркских языков являются инновационные процессы, связанные со структурированием временных полей: складывающееся противопоставление между настоящим общим и настоящим данного момента объединяет южносибирские языки с рядом языков центральной группы. В якутском языке, во-первых, настоящее время представлено субстантно другой формой; во-вторых, указанная выше оппозиция не развивается, несмотря на наличие соответствующих конструкций, они не грамматикализуются во временном значении, а остаются аспектуальными.

Одна из немногих аналитических форм, как было сказано выше, с глаголами, образующими аспектуальные формы – это *=ан тура=(бын)*, прошедшее результативное время, глагол *тур-* первым из глаголов этой группы начал втягиваться в процесс образования грамматических конструкций еще в древнетюркское время и наличие такой формы в якутском только поддерживает тезис о древнетюркских корнях «кыпчакских» элементов в якутском языке.

Якутскому, как и кыпчакским языкам, свойственна система согласных, фонически базирующаяся на звонкости-глухости, не имеющая в настоящее время связи между качеством гласного и качеством согласного, и с ограничением оппозиции согласных в рамках словоформы.

Таким образом, на современном этапе якутский язык, по системе соответствий исторически связанный с языками огузского типа, перешел в другое качество, совпав с языками кыпчакскими. Уже внутри кыпчакского типа классификационным параметром, определяющим отношение якутского к другим входящим в него языкам, служит характер формирования оппозиции шумных в инлауте (противопоставление озвончения «собственно кыпчакского» типа и сибирского типа). В якутском стало развиваться озвончение шумных согласных в интервокальной позиции и в позиции после сонорных на морфемных швах. Это изменение быстрее развивается в группах периферийных согласных: губных и гуттуральных. По этому признаку якутский сближается с такими сибирскими языками, как алтайский, хакасский, шорский, чулымско-тюркский.

Фонологическое противопоставление согласных в орхонских текстах, определяемое многими исследователями как оппозиция шумных согласных по степени участия голоса в ауслауте и инлауте (*ab* ‘охота’, *äb* ‘дом’ ~ *ap* ‘и’; *tär* ‘пинать’ ~ *äm* ‘лекарство’; *ud* ‘спать’, *öd* ‘время’ ~ *ut* ‘побеждать’; *at* ‘лошадь’ ~ *on* ‘десять’, *ton* ‘одежда’; *ög* ‘мать’, *jog* (*joγ*) ‘поминки’ ~ *joq* ‘жалкий, убогий’, *toq* ‘сытый’ ~ *tog* ‘мерзнуть’; *äs* ‘друг’ ~ *aš* ‘переходить’ ~ *az* ‘мало’; *ač* ‘соблазнить’) [4, с. 14], довольно последовательно представлено в группе смычных, в группе проточных характерно только для свистящих *s–z*. Взрывные дополняются гоморганными носовыми фонемами и выстраивается симметричная система смычных *p–b–m*, *t–d–n*, *k–g–ŋ*, очень похожая на систему согласных, представленную во многих современных тюркских языках. Но такую схему для древнетюркского языка можно принять только, если не учитывать данные современных тюркских языков, так как в противном случае нужно учесть, что *b*, *d*, *g* дают в современных языках два совершенно различных типа рефлексов, которые показывают, что одним знаком в древнетюркской графике передавались звонкий аллофон шумного и согласный, модальные характеристики которого (и по характеру преграды, и по степени участия голоса) требуют уточнения. В якутском языке этот ряд согласных распался – переднеязычный согласный этого ряда перешел в разряд шумных, губные и гуттуральные вокализовались, дав вторичные долгие и дифтонги.

В праякутском начинается процесс развертывания ряда шумных в два оппозиционных ряда по степени шумности; определенную роль в этом процессе играет изменение фонотактических закономерностей: для праякутского языка постулируется та же система фонотактических

закономерностей, которая характерна для языка орхонских памятников; на более позднем этапе развития якутского языка происходит перенос правил, характерных для древнетюркской корневой морфемы на словоформу в целом. Это приводит к ускорению развития оппозиции двух рядов шумных и влияет на распределение сонорных в словоформе. И в этом отношении якутский снова сближается с языками кыпчакскими.

Якутский язык сохраняет особенности тюркских языков, входящих в разные классификационные группы: огузской, уйгурской, кыпчакской. Тезис о раннем отделении тюркоязычных предков якутов является общепринятым, но в якутском представлены формы, свойственные тюркским языкам Сибири и киргизскому (например, форма на *-а илик*) и ряд других, что говорит о том, что якутский поддерживал контакты с этими языками и в более позднее время.

Большое количество элементов, вошедших в якутский язык из разных источников, привело не только к увеличению количества форм, но и к усложнению фонетической и морфологической систем. Формируется оппозиция шумных в анлауте, отличная от огузской и тувинской, формируется ряд среднеязычных согласных и др. В области морфологии складывается сложная система времен и наклонений, базирующаяся на отпричастных формах разного происхождения (орхонских, уйгурских, киргизских). Таким образом, активные языковые контакты привели к усложнению всей системы якутского языка.

Литература

1. *Убрятова Е.И.* Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
2. *Убрятова Е.И.* Историческая грамматика якутского языка. – Якутск, 1985.
3. *Коркина Е.И.* Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – С. 238-250.
4. *Кабешавидзе И.Н.* К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей//Советская тюркология. – 1972. – № 2. – С. 40-46.
5. *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. – St.-Pg., 1908.
6. *Pakendorf, B.* Contact in the Prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and Genetic Perspectives. LOT Dissertation series 170. – Utrecht: LOT, 2007.

АКЦИОНАЛЬНЫЕ МОДИФИКАЦИИ СО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В рамках семантической зоны аспектуальности принято разграничивать количественный аспект, квантифицирующий ситуацию (характеризующий с точки зрения ее повторяемости [7]), и линейный аспект, характеризующий ситуацию с точки зрения ее внутренней структуры, протекания во времени. В рамках последнего выделяют две основные зоны: перфективную и имперфективную. Перфектив рассматривает ситуацию «извне», с учетом ее внешних границ, в то время как имперфектив, напротив, выделяет «срединную фазу» ситуации и представляет ее как длящуюся [6, с. 292-303]). Имперфектив включает в себя значение конатива (неудавшейся попытки совершить действие) и капацитива (со значением заниматься постоянно тем, что названо исходным глаголом).

В статье рассматриваются аналитические конструкции (АК) тувинского языка, выражающие данную семантику. Аналитические глагольные формы являются ведущим и продуктивным средством выражения модификации действия. Конструкции, в состав которых входят вспомогательные глаголы, являются аналитическими образованиями. Заметим, что понимание якутских форм, имеющих тенденцию к дальнейшей «грамматикализации и переходу в разряд аналитических», находим в работе Е.И. Коркиной [4, с. 29].

Количественный состав вспомогательных глаголов и их сочетаемостные возможности с первым компонентом в причастных и деепричастных АК различен. Так, для перифрастических конструкций якутского языка Е.И. Коркина указывает более 30 модальных глаголов [4, с. 18]. В грамматике тувинского языка насчитывают более 20 вспомогательных глаголов [3, с. 411-415].

Вспомогательные глаголы в составе АК подвергаются разной степени грамматикализации. Некоторые глаголы грамматикализуются полностью.

Возможные сочетания смыслового и вспомогательного глагола ограничены: не все смысловые глаголы могут комбинироваться с любым вспомогательным, которым свойственна избирательная сочетаемость. Наиболее нейтральным, проявляющим широкую сочетаемостную возможность, обнаруживает глагол *тур* = 'стоять'.

Согласно правилам семантического согласования, действующим в высказывании, значение АК в целом не равно сумме значений составляющих ее компонентов. В такой ситуации *неаддитивности* сложения значений в АК семантическая составляющая может либо зачеркиваться, либо добавляться [1]. В связи с невыводимостью общего значения АК из суммы ее частей, говорят о десемантизации одного из компонентов АК, а именно – вспомогательного глагола. С этим процессом связан также процесс грамматикализации, которому подвергается конструкция в целом, а не только лексемы, выражающие ее грамматическое значение. [2, с. 12; 4, с. 29; 5, с. 23–27].

1. АК с семантикой конатива. В роли вспомогательного компонента используется глагол *көр=*: ‘пробовать’, который формирует АК, отличающиеся от сложных глаголов. Специфика сложных глаголов в том, что они являются аналогами аффиксальных производных аспектуальной семантики, а сочетание деепричастия на *=n* с глаголом *көр=*, выражающее идею пробного действия, таких аналогов не имеет, и вряд ли может быть признано аспектуальным [8, с. 91]. Значение конструкции со вспомогательным глаголом *көр=* – это значение конатива, находящееся «на стыке» модальной семантической зоны возможности и аспектуальной семантической зоны предикатной множественности. Это означает, что характеризуется некоторая способность индивида к участию в определенной ситуации, причем характеризуется через указание на то, что данная ситуация с данным участником в действительности регулярно имеет место.

(1) *Ол хөлге балыктан көрдүлөр* (ГТЯ 415).

ол хөл=ге   балык=та=п   көр=дү=лер
 тот озеро=DAT   рыба=VS=CV смотреть=PAST_{fin}=PI
 ‘Они пробовали ловить рыбу в том озере.’

Значение конатива не является лексическим. Это одно из периферийных значений категории модальности. А модальность, как известно, одна из категорий предложения, сказуемости. Поэтому специфика АК *Tv=n көр=* усматривается в том, что она функционирует именно как особая АК сказуемого.

2. АК с семантикой капацитива. Данными конструкциями выражается значение ‘заниматься постоянно тем, что названо исходным глаголом’. Капацитивные контексты делятся на два похожих, но различных семантических типа: капацитив, указывающий на «врожденную» способность индивида к участию в некоторой ситуации и капацитив способности, приобретенной индивидом за время его существования. Семантика приобретенной способности отличается от семантики врожденной способности во многом тем, что приобретенная способность с необходимостью требует от индивида фактического участия в ситуации, как минимум, неоднократной. Тогда как

врожденная способность может быть охарактеризована даже в том случае, когда индивид в действительности никак этой способностью не воспользовался. Капацитив приобретенной способности описывает навык или умение одушевленного существа, тогда как капацитив врожденной способности не накладывает никаких таксономических ограничений на тип участника ситуации.

В тувинском языке в конструкциях с семантикой капацитива первый компонент выражен глаголом в форме деепричастия. К числу глагольных модификаторов относятся глаголы: *чаңчыгар* ‘привыкать’, *өөренир* ‘овладевать’, *бил* ‘уметь’. АК с этими глаголами выражают семантику возможности субъекта совершить определенное действие в результате приобретенных навыков или достижения определенного физического состояния (овладение данным действием, умение его совершить).

2.1. АК, выражающие семантику приобретенной способности овладения действием

(2) *Кырган–ачам даянгыж–биле эптиг кылаштап чаңчыгып калган.*

кырган	ача=м	даянгыж–биле	эптиг
старый	отец=POSS.1Sg	палка=INSTR	хорошо
кылашта=п	чаңчыгы=п	кал=ган	
ходить=CV	привыкать=CV	AUX=PP	

‘Дед мой приспособился хорошо ходить с палкой.’

(3) *Чараштыр бижип өөренир* (TPC 338).

чараштыр	бижи=п	өөрен=ир
красиво	писать=CV	учиться=PrP

‘Учиться красиво писать.’

2.2. Капацитивные АК, выражающие семантику умения совершить действие

Сочетание деепричастия на =*n* со вспомогательным глаголом *бил* ‘знать’ выражает семантику умения или не умения делать что–либо.

(4) *Кижид–даа, суг–даа, даг–даа, дым–даа, хүн–даа тус–тус аажы–чаңныг, ону чүгле ылгап билир–ле кижид ылгап билир* (К–Л, Т 69).

кижид=даа	суг–даа	даг–даа	
человек=PRTCL	вода=PRTCL	гора-PRTCL	
дым=даа	хүн–даа	тус=тус	
лиственница=PRTCL	солнце-PRTCL	каждый в отдельности	
аажы=чаң=ныг	ону чүгле	ылга=п	
характер=нрав=POSSV	это только	различать=CV	
бил=ир–ле	кижид	ылга=п	бил=ир
AUX=PrP-PRTCL	человек	различать=CV	AUX=PrP

‘И человек, и вода, и гора, и лиственница, и солнце имеет свой характер, это может (букв.: умеет) различить только человек, который знает.’

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира (1986) // *Апресян Ю.Д.* Избр. труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – С. 272-298.
2. *Жирмунский В.М.* Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.; Л., 1965. – С. 5–57.
3. *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. – М., 1961. – 470 с.
4. *Коркина Е.И.* Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. – Якутск 1979. – 93 с.
5. *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М., 2005. – 480 с.
6. *Плунгян В.А.* Общая морфология. – М., 2000. – 383 с.
7. *Храковский В.С.* (отв. ред.). Типология итеративных конструкций. – СПб.: Наука, 1989.
8. *Шамина Л.А.* Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. – Новосибирск, 2010. – 240 с.

Источники

- ГТЯ – Грамматика тувинского языка. – М., 1961.
ТРС – Тувинско–русский словарь. – М., 1968.
К–Л, Т – М. Кенин–Лопсан. Тениң саамы. – Кызыл, 1993.

Список сокращений в глоссах

AUX – вспомогательный глагол ; CV– деепричастие; DAT – дательный падеж; INSTR – творительный падеж; PAST_{fin} – финитная форма прошедшего времени на =ды, Р1– множественное число; POSS.3 – посессивный показатель; POSSV – форма обладания –лыг; PrP – причастие настояще–будущего времени на =ар; PRTCL – частица; VS – глагольный суффикс.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_045

Н.И. Попова,

ИГИиПМНС СО РАН, Якутск

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ-МОДИФИКАТОРОМ ТУР- В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Глагольные аналитические конструкции $Tv=an/=a + V$, представленные в якутском языке сочетанием деепричастий (предшествования на *-ан* или одновременности на *-а*) знаменательного глагола с целым рядом вспомогательных глаголов-модификаторов, как и в других тюркских языках, являются специальными средствами выражения акциональной семантики, где

«основное лексическое значение глагола выражается деепричастием, а служебный глагол указывает лишь грамматическое значение вида» [7, с. 45].

Вместе с тем, отмечается, что в силу различных обстоятельств степень грамматикализации глаголов-модификаторов в составе аналитической конструкции может быть различной. На этом основании вспомогательные глаголы в якутском языке, участвующие в формировании акциональных глагольных конструкций, распределяются по четырем различным группам: собственно «видообразующий» служебный глагол *эр-* в единственном числе в данном разряде; глаголы, которые в определенных конструкциях осмысливаются только в служебном значении; глаголы переходного типа, которые в зависимости от лексической семантики деепричастия могут логически допускать их понимание в прямом лексическом значении; а также глаголы, которые в составе аналитической конструкции сохраняют свое лексическое значение, в силу чего конструкция в зависимости от контекста может быть осмыслена двояко [1, с. 280-281].

В предлагаемой статье, с учетом изложенного, в качестве объекта исследования рассматривается глагольная аналитическая конструкция *Tv-a тур-*. Глагол-модификатор *тур-* ‘вставать, стоять’ в ее составе, в соответствии с представленной выше классификацией, отнесен к группе функционально-служебных глаголов переходного типа, допускающих двоякое осмысление конструкции: как акциональной грамматической формы и как свободного глагольного сочетания, типа *аһыы турар* ‘ест’ (продолжает есть) и *аһыы турар* ‘стоит и ест’ [1, с. 281]. Задача исследования в рамках предлагаемой статьи заключается в том, чтобы определить условия, которыми продиктовано различие акциональной семантики рассматриваемой конструкции.

Ранее установлено, что аналитическая конструкция *Tv=a тур-* в якутском языке «обозначает длительность действия в смысле его непрерывного продолжения или постоянного возобновления» и «образуется преимущественно от глаголов движения и переходного действия, сравнительно реже от непереходных глаголов» [7, с. 92-93; 1, с. 284]. То же наблюдается и в других тюркских языках с той разницей, что в последних сочетательные способности глагола *тур-* с различными ЛСГ знаменательного глагола значительно шире [Насилов 1989: 148-149; 162-163; Шамина 2002: 127; Тазранова 1999: 133; 2002/8: 146; 2002/12: 143; 2005/16: 62 и др.].

Исследуемый материал подтверждает, что глагол-модификатор *тур-*, действительно, встречается преимущественно в сочетании с деепричастием знаменательных глаголов, обозначающих направленное движение, состояние, качество, действие. Выясняется при этом, что особенности акциональной семантики зависят не только от лексического значения деепричастия, на их проявление влияет еще и грамматическое оформление глагола-модификатора.

Tv=a тур- с глаголами движения
в позиции знаменательного глагола
Tv=a тур- в форме на ***-ар***

Tv=a тур- в форме на ***-ар*** настоящего-будущего времени с глаголами движения и перемещения в позиции первого компонента конструкции выражает действие регулярно повторяющееся, многократное (хабитуальное) на фоне широкого настоящего времени:

1. *Айан эрэйн, сир ыраабын аахсыбакка бар-а тур-абын* (ИФ ТА 86) ‘Не считаясь с расстояниями, тяготами дальней дороги, я вновь и вновь отправляюсь (в путь)’;

2. *Өлүү-сүтүү алдьархай тахс-а тур-ар* (Э АС 10) ‘Гибель, несчастья, всякие беды постоянно (вновь и вновь) случаются’;

3. *Буочукалаах ууну тиһигэ быстыбаттык аҕал-а тур-аллар* (ЭЭ А I 100) ‘Воду в бочках подвозят (привозят) непрерывно’;

4. *Сотору-сотору куоракка бар-а-кэл-э тур-ар* (ИФ АК 5) ‘Довольно часто ездит в город туда и обратно’.

Значение регулярности действия, как нам представляется, обусловлено аспектуальной семантикой глаголов движения и перемещения *бар-* ‘уходить, отправляться’, *табыс-* ‘выходить’, *бар-кэл-* ‘ездить туда-сюда’ *аҕал-* ‘приносить, привозить, подвозить’, выступающих в позиции знаменательного глагола, которые объединяются общей для всех семантикой предельности. Значение этих глаголов характеризуются наличием в них внутреннего предела, к которому стремится действие и «в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться» [4, с. 66]. На это лексическое значение накладывается акциональное значение длительности, выражаемое глаголом-модификатором ***тур-***, что в сумме дает прекращение, затем возобновление действия в течение длительного периода в семантическом поле широкого настоящего времени.

В свою очередь, конструкция, где в качестве знаменательного компонента выступают глаголы неопредельной семантики, к каковым можно отнести образный глагол со значением движения *салланнаа-* ‘едва передвигая ноги, двигаться куда-то’, выражает действие, имеющее непрерывное продолжение с имплицитным началом, иначе его можно интерпретировать как продолженное начало:

5. *Ол гынан уол кийитэ ыйбыт сирин диэки салланн-ыы тур-ар* (ХН 9) ‘Таким образом парнишка, едва передвигая ноги, направляется в ту сторону, куда указал ему тот человек’.

Tv=a тур- в форме на ***-ды-***

Tv=a тур- в форме на ***-ды-*** прошедшего категорического времени от всех глаголов движения, независимо от их внутреннего аспектуального значения

предельности/непредельности, выражает акциональную семантику длительности (дуративности) действия, проявляемую глаголом *тур-*. Действие происходит на глазах у говорящего и также имеет имплицитное начало, что обусловлено темпорально-аспектуальным значением формы на *-ды* – очевидность и непосредственное предшествование моменту речи:

6. *Блдьаана, атабын төбөтүгэр үктэнэн, аргыый абай кэлбит суолунан төнн-ө тур-да* (СД ДьББДь 31) ‘Ульяна, наступая на носочки, по дороге, по которой пришла, спокойно пошла в обратную сторону (стала возвращаться)’;

7. *Онтон оботун кытаанактык уураан ылла да сүүр-э тур-да* (ДР ЧМС б) ‘Затем она крепко поцеловала ребенка, да и побежала’;

8. *Сэмэнчик атабынан ууну биллиргэччи охсуолаан, угуоргу биэрэк диэки харб-ыы тур-да* (ТС ТА 221) ‘Семенчик, энергично шлепая ногами по воде, поплыл к противоположному берегу’.

Обращает на себя внимание тот факт, что аналитическая конструкция *Tv=a тур-* в форме на *ды-* является наиболее часто используемой в якутском языке.

Tv=a тур- в форме на *-быт*

Tv=a тур- в форме на *-быт* прошедшего повествовательного времени с глаголами движения выражает то же акциональное значение длительности (дуративности), обозначая очевидное говорящему действие (или говорящий сам является субъектом данного действия), происходившее в отдаленном прошлом:

9. *Александра Васильевна кэннилэриттэн батыста, ол курдук кинилэр мырааны таннары түһ-э тур-буттара* (НЗ КДУ 361) ‘Александра Васильевна последовала за ними, и так они втроем пошли вниз по склону’. *Биһиги кинилэри күүтэр бокуойа суох, ... иннибит диэки элээрд-э тур-буппут* (НЗ КДУ 389) ‘Не имея времени дожидаться их, ... мы понеслись вперед’.

Tv=a тур- в форме на *-ых*

Примеров использования *Tv=a тур-* в форме на *-ых* будущего времени с глаголами движения в нашей картотечной базе не обнаружилось, хотя за конструкцией в таком оформлении легко угадывается акциональная семантика постоянства, регулярности (хабитуалиса) действия, наблюдаемая в (1-5), и длительности (дуративности) подобно в (6-9), перенесенных в поле будущего времени: *бар-а* (*кэл-э, тахс-а, абал-а*) *тур-уо*, будет ‘постоянно (регулярно) уходить (приходить, выходить, приносить)’.

Tv=a тур с глаголами состояния,
проявления признака в позиции знаменательного глагола

Tv=a тур в форме на *-ар*

Конструкция *Tv=a тур* в форме на *-ар* настоящего-будущего времени указывает на действие, совпадающее с моментом речи, происходящее в настоящее конкретное время, проявляя тем самым акционально-темпоральное значение. Данная аналитическая конструкция в языках Южной Сибири рассматривается как форма настоящего актуального времени [2, с. 18]. Интересно заметить, что на степень грамматикализации глагола-модификатора *тур-* в описываемой ситуации влияет факт одушевленности/неодушевленности субъекта.

В тех случаях, когда субъектом действия, выраженного знаменательным глаголом, является предмет неодушевленный, *Tv=a тур* выражает, как сказано, темпоральное значение конкретного настоящего времени:

10. *Икки мэндиэмэннээх оскуола өстүөкүлэ таас түннүктэрэ ... күн уотугар күлүмн-үү тур-аллар* (ИД ӨХ 52) ‘Стеклянные окна двухэтажного здания школы поблескивают (букв.: поблескивая, стоят) на солнце’;

11. *...Сидоренко атыһыт остолобуойун айаба баһаар диэки тэлэччи аһыллан, буспут билимиэн сытынан ангылы-а тур-ар* (ЭЭ А I 45) ‘Настежь распахнутая в сторону рынка дверь столовой купца Сидоренко распространяет (букв.: распространяя, стоит) сильный запах вареных пельменей’;

12. *Элбэх чүмэчинэн сырдаппыт тангаралара кылбачы-һа тур-аллар* (АС КХ 375) ‘Освещенные множеством свечей иконы сверкают (сверкая стоят)’.

В тех же случаях, когда субъектом действия выступает предмет одушевленный, десемантизация глагола *тур-* значительно слабее, его лексическое значение ‘стоять’ проявляется совершенно прозрачно, указывая на положение субъекта в пространстве, приближая аналитическую конструкцию к статусу свободного глагольного сочетания:

13. *Микиитэ уот кытытыгар сыгыннах иһин итит-э тур-ар* (АА СК 6) ‘Никита стоит, грея у огня обнаженный живот’;

14. *Эмиэ тугу эрэ билэргэ дылы, көр-ө тур-ар ээ* (СЕ ТП 208) ‘Стоит смотрит, словно бы что-то смыслит’;

15. *Манна тугу гына, мас ойуун курдук, эргичий-э тур-абын* (ННД ТА 86) ‘Что ты здесь делаешь, стоишь крутишься, словно деревянный шаман’;

16. *Уонча бандьыт саллаата илиилэрин өрө уунан салыбыраһ-а тур-аллар* (ИБ ТДь 47) ‘Около десятка бандитских солдат, с поднятой рукой, стоят дрожат’.

Tv=a тур- в форме на *-ды*

Tv=a тур- в форме прошедшего категорического времени на *-ды* с глаголами действия-состояния в позиции знаменательного глагола указывает на ограниченное во времени длительное действие, наблюдаемое говорящим. Особенность конструкции заключается в том, что, как правило, субъект

действия является здесь одушевленным предметом, в соответствии с чем глагол *тур-* также сохраняет отчасти свое лексическое значение:

17. *Күтэр Уйбаан буолабына бурдугу ыйытыыта суох бараабыт моҕотойдору, күтэрдэри үгсэн айаба хараар-а тур-да* (НЗ ДьК 8) ‘Иван Крыса же, на бурундуков и крыс, без ведома сожравших муку, жалуясь не закрывая рта, стоит’;

18. *Кини тохтоон өр собус тугу эрэ толкуйд-уу тур-да* (МД АЛ 5) ‘Остановившись, довольно долго о чем-то размышляя, стоит’.

Tv=a тур- в форме на *-ых*

Tv=a тур- в форме будущего времени на *-ых* с глаголами действия-деятельности обозначает непрерывное или многократно повторяющееся, интенсивное действие, имеющее перспективу развития в будущем без ограничений во времени:

19. *Кини (Петя) хотугу да полюска баар буолабына, син биир тапт-ыы тур-уом* ‘Даже если он (Петя) будет находиться на северном полюсе, все равно я буду его любить’;

20. *Аны даҕаны айыллар санганы айхаллыы-уруйдуу, аатырд-а тур-уохпунт* (Э ТА I 215) ‘И впредь мы будем снова и снова восхвалять вновь созданное’;

21. *Оҕо сааһын уруйдаан оргууй тыаһ-ыы туруоҕа* (ПТ КЫ 14) ‘В знак благословения своих детских лет он вновь и вновь будет издавать какие-то тихие звуки’;

Tv=a тур- в форме повелительного наклонения

Tv=a тур- в форме повелительного наклонения, в основном, используется с глаголами движения, перемещения и указывает на действие, которое «продолжается или происходит до определенного предела либо до начала другого действия» [7, с. 93]. Эта же акциональная семантика отмечается и в других тюркских языках в отношении конструкций с глаголом-модификатором *tur-*, обозначающих «незаконченное действие как процесс, совершаемый предварительно, в ожидании кого-либо или чего-либо: башк. Бара торайык ‘идем-те (пока)’, кирг. Бара тур, синдим ‘Иди (пока), сестричка’. Эта форма чаще всего употребляется в сфере повелительного наклонения» [8, с. 73-74]:

22. *Эһиги аргый бар-а турун, мин ситиэбим* ‘Вы пока идите, я вас догоню’;

23. *Онтон мин этэр тылбын сөбүлүөн иһиттэххинэ, дойдун-сирин чугаһына төнн-ө тур эрэ* (НБС 174) ‘Если ты можешь прислушаться к моим словам, пока твоя родина еще близко, возвращайся’;

24. *Тобо кэллин, чолобоор?! Дууһан бүтүн эрдэбинэ, дойдулуу тур, ... Чурум_чурум-Чурумчуку!* (Э ТА 74) ‘Зачем ты явился, шалопай?! Пока душа твоя цела, возвращайся домой’;

25. *Көт-ө тур, көтөн тиий, сүрэжим, Тапталым илдьитэ – эбэрдэм...* (ПТ ТА 48) ‘Лети, долети, сердце мое, посланец моей любви, мой привет...’

Обобщая изложенное, следует сказать, что на формирование той или иной акциональной семантики глагольной аналитической конструкции *Tv=a тур-* влияют лексическая семантика знаменательного глагола, в том числе его внутреннее аспектуальное значение предельности/непредельности, грамматическое оформление глагола-модификатора, в отдельных ситуациях одушевленность/неодушевленность субъекта действия.

Глагол *тур-* сочетается преимущественно, как уже отмечалось выше, с глаголами однонаправленного движения, реже с глаголами деятельности, состояния, проявления признака и отношения. Результаты исследований по другим языкам подтверждают, что «конкретные смысловые глаголы (или классы смысловых глаголов) «предпочитают» конкретные глаголы-модификаторы, так что сочетаемостные возможности смысловых глаголов и модификаторов существенно ограничены» [3, с. 150].

Лексическое значение глагола *тур-* ‘стоять’ в составе аналитической конструкции преобразуется в грамматическое значение длительности, но степень грамматикализации в разных ситуациях разная, что связано, как выясняется, с наличием субъекта действия: одушевленного/неодушевленного.

Глагол-модификатор *тур-* может принимать все грамматические формы времени, а также форму повелительного наклонения. Можно предположить, что форма на *-ар* с присущим ей значением постоянства и регулярности действия, накладываясь на акциональную семантику длительности, проявляется в сочетании с аспектуальной семантикой предельности/непредельности знаменательного глагола движения. А с глаголами действия-состояния конструкция в целом проявляет аспектуально-темпоральное значение настоящего конкретного, актуального времени действия. Однако в силу ограничений сочетаемостных возможностей глагола *тур-* с ЛСГ глаголов в данном контексте рассматривать эту форму как временную не представляется возможным.

Форма на *-ды*, являясь формой прошедшего времени, в составе конструкции с глаголами движения, как нам представляется, проявляет присущее ей значение очевидности, а ее основное темпоральное значение непосредственного предшествования моменту речи служит имплицитно выраженным начальным пределом длительного действия. А с глаголами действия-состояния *Tv=a тур-ды* выражает действие, ограниченное во

времени, и в конструкциях, где субъект выражен одушевленным предметом, глагол-модификатор сохраняет свое лексическое значение.

В форме будущего времени на **-ыах** рассматриваемая конструкция со всеми возможными ЛСГ глаголов выражает хабитуальное или дуративное действие с перспективой развития в будущем.

С повелительным наклонением, в свою очередь, связана акциональная семантика действия, совершаемого в ожидании кого-либо или чего-либо, характерной почти для всех тюркских языков.

Литература:

1. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. - М., Наука, 1982.
2. Курпешко Н.Н., Широбокова Н.Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-п чат, -п одур, -п тур, -п чөр* в шорском языке: Учебное пособие. – Кемерово, 1991.
3. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. КД на правах рукописи. – М., 2002.
4. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. – Л., 1989.
5. Тазранова А.Р. Функции бытийных глаголов с глаголами движения в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Выпуск 8. – Новосибирск, 2002.
6. Тазранова А.Р. Бивербальные конструкции с глаголами бытия с ЛСГ глаголов состояния // Языки коренных народов Сибири. Выпуск 16. – Новосибирск, 2005.
7. Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – М.-Л., 1960.
8. Шамина Л.А. Соотношение аналитических форм сказуемого главной и зависимой части сложного предложения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск, 2002. — С. 124–141.
9. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М., 1965.

Источники

- Э АС – Эрчимэн. Аһаҕас санаалар. – Якутск, 1968.
- ЭЭ А I – Эрилик Эристиин-Яковлев С.С. Айымньылар: в 2-х томах. – Якутск: Кн. изд-во, 1969. – I том. – 596 с.
- ИФ АаК – Федосеев И.Е. Ааттарын киртиппэтэхтэрэ. – Якутск, 1972. – 104 с.
- ХН – Харлампыева Н.И. Талыллыбыт айымньылар. – Якутск, 2003. – Т. I. – 368 с; Т. II. – 2003. – 272 с.
- СД ДьББДь – Данилов С.П. Дьоллоох буолун, бар дьонум. – Якутск, 1972. – 256 с.
- ДР ЧМС – Джанни Родари. Чипполино мүчүргэннээх сырыылара. – Якутск., 1962. – 145 с.
- ТС ТА – Тимофей Сметанин. Талыллыбыт айымньылар. – Якутск, 1969. – 464 с.
- НЗ КДУ – Чысхаан-Заболоцкий Н.М. Күн да уһун. – Якутск, 1968. – 488 с.
- ИД ӨХ – Данилов И.К. Өн хочо. – Дьокуускай, 1967. – 160 с.
- АС КХ – Сыромятникова А.С. Кыыс хотун. – Якутск, 1970. – 287 с.
- СЕ ТП – Ефремов С.П. Талыллыбыт пьесалар. – Дьокуускай, 1958. – 308 с.
- ННД ТА – Неустроев Н.Д. Талыллыбыт айымньылар. – Якутск, 1959. – 196 с.
- ИБ ТДь – Бочкарев И.А. Тутаах дьоннор. – Якутск, 1972. – 79 с.
- НЗ ДьК – Заболоцкай Н.М.-Чысхаан. Дьэллик кэпсээннэрэ. – Якутск, 1971. – 175 с.
- МД АЛ – Догордуров М.Ф. Аныгы Лонкууда. – Якутск, 1952. – 163 с.
- Э ТА I – Эллэй-Кулачиков С.Р. Талыллыбыт айымньылар. – Якутск, 1974. – Т. I. – 335 с; Т. II. – 216 с.

КУ ТА II – Күннүк Уурастыырап- Новиков В.М. Талыллыбыт айымньылар. – Якутск, 1977. – Т. I. – 439 с.; Т. II. – 284 с.

ПТ КЫ – Туласынов П.Я. Кымыс ырыата. – Якутск, 1969.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_019

Н.И. Винокурова,

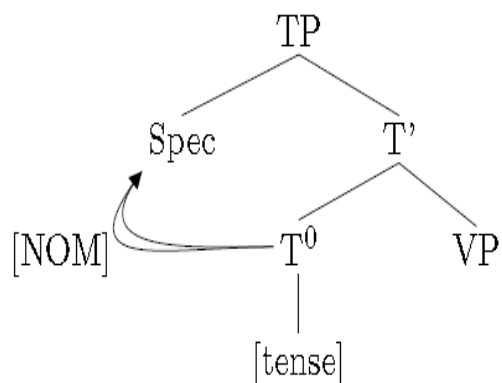
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

ИМПЕРАТИВ В РЯДУ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКЦИЙ

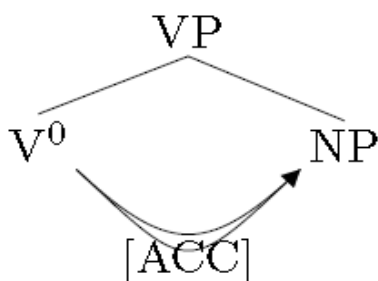
Фундаментальный труд крупнейшего ученого-лингвиста, профессора Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» способствовал установлению в якутском языкознании ныне общепринятой системы из десяти наклонений [1]. Одним из этих десяти наклонений является повелительное, в котором Коркина выделила две парадигмы будущего времени [1, с. 139-169]. Повелительное наклонение, кроме собственной парадигмы суффиксов, также характеризуется способностью управлять частным падежом имени существительного при морфологически маркированной императивной форме глагола. В данной статье будет рассмотрен альтернативный, а именно генеративный подход к повелительному наклонению, который позволяет соединить и рассмотреть воедино глагольно-именное взаимодействие внутри парадигмы повелительного наклонения.

В генеративной грамматике падежная теория является одним из синтаксических модулей, наряду с тета-теорией, теорией связывания и другими модулями [3, с. 586-590; 2, с. 82-96]. Падежи подразделяются на абстрактные и морфологические: абстрактный падеж является универсальным свойством, присущим всем языкам, тогда как морфологический падеж является параметрическим свойством – морфологическим рефлексом абстрактного падежа.

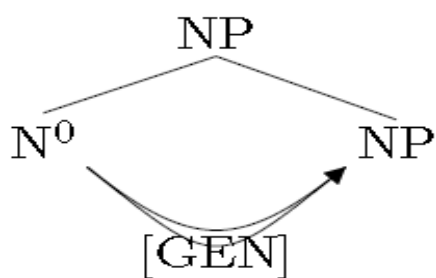
Абстрактные падежи разделяют на два вида: структурные и ингерентные (врожденные). Структурный падеж не зависит от особенностей конкретных лексем. Он приписывается именным группам, находящимся в определенных синтаксических конфигурациях. Различают структурный именительный падеж [NOM], структурный винительный падеж [ACC] и структурный родительный падеж [GEN]. Структурный именительный падеж приписывается в следующей конфигурации, а именно именной группе, расположенной в позиции спецификатора, финитным ядром временной проекции TP (tenseprojection).

Структурный винительный падеж приписывается лексическим глаголом именной группе, находящейся в позиции компонента глагольной группы/фразы VP (verbphrase).

Структурный родительный падеж приписывается лексическим существительным именной группе, находящейся в позиции компонента именной группы/фразы NP (nounphrase).

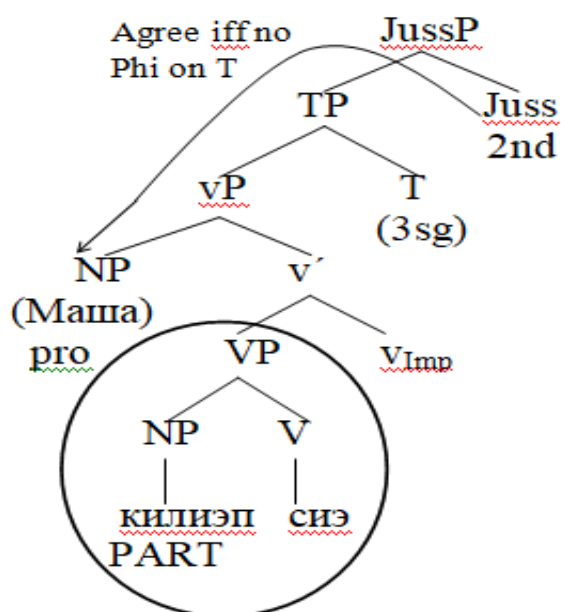
Ингерентные падежи приписываются конкретными лексическими единицами. Например, в русском языке предлог *с* приписывает ингерентный творительный падеж: *с Еленой*.

В том случае, если устанавливается конфигурация с объектом в позиции компонента глагольной вершины, при которой приписывается винительный падеж, но данный глагол является лексически специфицированным, как управляющий ингерентным падежом, то возникает падежный конфликт. В случае падежного конфликта побеждает ингерентный (лексический) падеж. Примером может послужить глагольная группа *Завидовать Борису* с объектом

Борис в позиции комплемента. Здесь имеет место конфликт между структурным винительным и ингерентным дательным и побеждает последний.

В якутском языке, как известно, частный падеж возможен с объектом глагола в повелительном наклонении. С точки зрения генеративного синтаксиса, частный падеж не является каноническим структурным, так как сфера его употребления определяется семантическими факторами. Однако, он также не является каноническим ингерентным падежом, так как не ассоциируется с определенной тематической ролью и приписывается только прямым дополнениям. Таким образом, он имеет черты как прототипного структурного, так и прототипного ингерентного падежей. Прототип структурного падежа приписывается функциональной вершиной в позиции спецификатора или комплемента функциональной проекции данной вершины, а прототип ингерентного падежа приписывается конкретной лексической вершиной наряду с приписыванием той или иной тематической роли этой же вершиной.

С точки зрения генеративного синтаксиса, данный конфликт может быть разрешен, если инвентарь функциональных вершин будет включать v_{imp} наряду с такими, как $v_{caus}, v_{pass}, T, C, Voice, D$, и другими [4]. Повелительные предложения в генеративистике рассматривались в работах Зануттини (2008) и Зануттини, Пака, Портнера (2012) [5; 6]. Согласно этим исследованиям, только в повелительных предложениях имеется специальная функциональная вершина *Juss* (*Jussive*), обладающая врожденным признаком второго лица. В функциональной архитектуре предложения данная вершина расположена выше остальных, в частности выше проекции времени TP. Однако, *Jussive* является семантическим оператором и не несет ответственности за появление частного падежа. Чтобы допустить возможность появления частного падежа, в инвентарь функциональных проекций включается новая v_{Imp} , которая лицензируется только в области видимости (сфере действия) функциональной вершины *Jussive*.

Литература

1. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970.
2. Митренина, О.В., Романова Е.Е., Слюсарь Н.А. Введение в генеративную грамматику – М.: URSS: Либроком, 2012.
3. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М., 2001.
4. Baker, M. and N. Vinokurova. Rethinking structural case: Partitive case in Sakha // Rethinking Grammar (Festschrift for Ian Roberts) / Отв. ред. А. Bárány. –Language Sciences Press, 2018. (в печати).
5. Zanuttini, Raffaella. Encoding the addressee in the syntax: Evidence from English imperative subjects // Natural Language and Linguistic Theory. – 2008. – № 26. – С. 185. –218.
6. Zanuttini, Raffaella, Pak, Miok, and Portner, Paul. A syntactic analysis of interpretive restrictions on imperative, promissive, and exhortative subjects // Natural Language and Linguistic Theory. – 2012. – № 30. – С. 1231–1274.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_020

Б.Ч. Ооржак,

Тувинский государственный университет

СЕМАНТИКА ИМПЕРАТИВА 1-ГО ЛИЦА В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

В описаниях сибирских тюркских языков выделяют более одной формы 1-го лица неединственного числа императива, которые различаются по

* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 34.3876.2017/ПЧ)

количеству исполнителей действия [1; 2; 5]. Одна форма указывает двух исполнителей: «я и ты» – инклюзив; «я и он без тебя» – эксклюзив; «мы вдвоем» («я и ты/он») – дуалис; другая – более двух исполнителей: «мы» = «я и вы». И.А. Невская в сибирских тюркских языках различает формы минимального и расширенного инклюзива, а также формы минимального и расширенного эксклюзива. На этой основе в сибирских тюркских языках выделяются две группы: 1) языки, различающие формы минимального и расширенного инклюзива (например, тоф. *al=aali* ‘Давай возьмем (ты и я)’, *al=aaliŋ/al=aaliŋar* ‘Давайте возьмемте (вы и я)’; 2) языки, различающие формы эксклюзива, минимального и расширенного инклюзива. К этой группе относится хакасский язык, единственных из сибирских тюркских языков (хак. *Al=aŋ!* ‘Давай возьмем!’, *Al=aŋnar!* ‘Давайте возьмем!’, *Al=i:bis!* ‘Давайте мы возьмем (но не ты)!’ (см. в [3, с. 78]).

Наш материал показывает, что в тувинском языке императив 1-го лица представлен троичной оппозицией: форма 1-го лица ед. числа на =*айн* «я»; форма двойственного числа на =*аал(ы)*, употребляющаяся при обозначении двух исполнителей действия «я и ты» / «я и он»; форма 1-го лица мн. числа на =*аалыңар*, которая выражает двух исполнителей «я и Вы», а также более чем двух исполнителей «я и вы», «я, ты/Вы и он/они». Формы двойственного и мн. числа являются полисемантическими и выражают разные варианты соисполнителей: «я и ты» / «я и он» – форма двойственного числа; «я, ты / Вы и он(а)/они» / «я и вы» / «я и Вы» - форма множественного числа (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Исполнители действия в форме 1-го лица императива.

Формы 1-го лица	Количество исполнителей	Исполнители
Форма ед. числа на = <i>айн</i>	1	«я»
Форма двойственного числа на = <i>аал(ы)</i>	2	«я и ты»
		«я и он/она»
Форма мн. числа на = <i>аалыңар</i>	2	«я и Вы»
	более 2-х	«я, ты/Вы и он/она/они»
		«я и вы»

Значение императива, включающее внутренние компоненты – значения желания и побуждения («императив совмещает выражение желания с выражением побуждения» [4, с. 436]), в 1-м лице претерпевает семантические изменения. Включение в состав исполнителей, помимо адресата (адресатов) действия, и говорящего, имеет следствием выражение призыва к совместному действию группой исполнителей. Минимальная группа исполнителей включает двух лиц – говорящего («я») и адресата («ты»/«Вы») и выражается в формах двойственного числа на =*аал(ы)* («ты») и мн. числа на =*аалыңар* («Вы»). Максимальная группа обозначает n-ное количество потенциальных

исполнителей – говорящего («я») и более чем двух адресатов («вы») и репрезентируется формой мн. числа на =аалыңар.

Если значение категоричного императива, приказа о неотлагательном исполнении действия характерно для форм императива 2-го и 3-го лица, то для императива 1-го лица двойственного («я и ты») и мн. («я и Вы», «я и вы») чисел категоричным императивным значением является *призыв* к совместному действию, не терпящий возражений со стороны адресата. Менее категорично *предложение* к совместному действию, которое допускает ответные варианты реакции со стороны адресата: принятие предложения, встречное альтернативное предложение либо отказ. Указанное значение передается также формами императива 1-го лица двойственного и мн. числа. В отличие от них, формой 1-го лица ед. числа регулярно выражается значение намерения, готовности к совершению действия, что и является ее семантической спецификой.

Формой 1-го лица двойственного числа на =аалы (=ыылы, =ээли, =шили, =уулу, =үүлү) выражаются значения призыва, предложения и намерения:

1.1. *Призыв* говорящего «я» к совместному действию, направленный адресату «ты», передается формой 1-го лица двойственного числа на =аал(ы). Это неофициальное обращение говорящего к адресату. Действие же совершается в интересах говорящего, который является по социальному положению выше или равным адресату. Адресат может быть для говорящего близким человеком, равным или младшим по возрасту: *Мунну ижип ал. Далаж=ыылы* ‘Съешь суп. Давай-ка (мы с тобой) поторопимся’ (Эргеп М. ӨЧ).

1.2. Импульс каузации исходит от говорящего, который является лицом не ниже адресата. Между говорящим и адресатом – равные или близкие отношения, либо говорящий является старше адресата по возрасту. Говорящий вносит *предложение* о совершении необходимого на его взгляд совместного действия в определенных обстоятельствах; исполнение каузируемого действия находится в интересах обоих участников речевого акта: *Баштай сегип, чүгээртеп ал. Эмчи чүү дээр эвес, ону дыңнап көрээли* ‘Сначала выздоравливай, поправляйся. Что скажет врач, (мы с тобой) послушаем’ (Даржай А. ЧК)

1.3. Намерение совместного действия: *Бис бо багай кадай-биле даштын бызаа-хөзээ барып көргөш келишли* ‘Мы (я и она) с этой дорогой (для меня) женщиной сходим-ка, посмотрим на телят, что на улице’ (Тока С. Д)

2. Формой 1-го лица мн. числа на =аалыңар (=ыылыңар, =ээлиңер, =шилиңер, =уулуңар, =үүлүңер) передаются значения *призыва* и *предложения* при обращении к адресату, который старше говорящего по возрасту или является малознакомым ему человеком, либо при обращении к собеседнику в официальной обстановке:

2.1. Значение *призыва* к совершению совместного действия: *Одагларынга эптиг черден тып алылыңар* ‘Давайте, найдемте удобное место для разведения костра’ (Суваң Ш. Т).

2.2. Значение *предложения* совместно выполнить какое-либо действие: *Эртер оруувус узун, чедер черивис ырак... Ак черге аъттарывыстың аксын тыртпайн, чүген тынын сула салып, дүрген тутсуп ораалыңар; дөң-дөш черге тынын тыртып, аъттарывыстың күжүн камнап чоруулуңар.* (Суван Ш. Т).

2.3. Значение *призыва* при обращении к лицу старшему по возрасту или равному по социальному положению. В этом случае форма на =аалыңар функционирует в качестве «уважительной» формы императива: *Кожаларывыска бараалыңар, угбай. Силерни аалынче чалап турдулар* ‘Пойдемте-ка к соседям, тетя. Вас они приглашали в свой аал’.

2.4. Значение *намерения* совершить совместное действие: *Каяам, уруум, ширтек садып алылыңар, бо акыларыңга чүс чээрби акшадан санап берип көрөм – деп, кадай уруунче көргөн* ‘– Дай-ка, дочка, купимте-ка мы кошму, сосчитай-ка этим мужчинам сто двадцать рублей – сказав, женщина посмотрела на дочь’ (Ховалыг М. Ч-ч).

3. Если при субъекте 1-го лица ед. и двойственного и мн. числа говорящий высказывает намерение совершить действие от своего и лица своих соисполнителей, беря на себя ответственность за совершение данного действия (этому способствует его убежденность в согласии с ним других исполнителей, предварительная договоренность с ними либо его социальное/ситуативное преимущество над другими исполнителями действия), то формой 1-го лица ед. числа «я» выражается собственное намерение говорящего: *Бо чараш чайлагны кожагар кырындан база катап көрүп алыин. Оон чоруптайн* ‘Посмотрю-ка еще раз с горки на это красивое летнее стойбище. Затем пойду-ка’ (Суваң Ш. КБ).

Таким образом, форма 1-го лица ед. числа императива в тувинском языке передает одно значение – значение намерения; форма двойственного и мн. числа полисемантичны и выражают по три значения: призыв, предложение и намерение (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Семантика форм 1-го лица императива

Формы 1-го лица	Исполнители	Значения императива
Ед. числа на =айн	«я»	намерение
Двойственного числа на =аал(ы)	1. «я и ты»	призыв
		предложение
Мн. числа на =аалыңар	2. «я и он»	намерение
	1. «я и Вы»	призыв
		предложение
	2. «я, ты/Вы и он/они»	намерение
	3. «я и вы»	призыв

Источники

- Даржай А. ЧК – Даржай А. Чурттаарын күзезинзе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuvacorp.us.ru/proza> (дата обращения: 04.09.2017)
- Суваң Ш. КБ – Суваң Ш. Кижн-бүрүс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuvacorp.us.ru/proza> (дата обращения: 08.09.2017)
- Суваң Ш. Т – Суваң Ш. Туматтар. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuvacorp.us.ru/proza> (дата обращения: 08.09.2017)
- Тока С. Д – Тока С. Дөнгүр-оол [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuvacorp.us.ru/proza> (дата обращения: 04.09.2017)
- Ховалыг М. Ч-ч – Ховалыг М. Чечен-чогаалдар [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuvacorp.us.ru/proza> (дата обращения: 04.09.2017)
- Эргеп М. ӨЧ – Эргеп М. Өдүгенде чайлаг. Кызыл, 1994.

Литература

1. ГХЯ – Грамматика хакасского языка. – М.: Наука, 1975.
2. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970.
3. Невская И.А. Категория инклюзива и эксклюзива в алтайских языках // Вестник ТГПУ. – 2012. – №1 (116). – С. 75–81.
4. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: Изд-во РГГУ, 2011.
5. Рассадин В.И. Тофаларский язык // Языки мира. Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 372–384.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_021

А. А. Озонова,

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА * (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЯКУТСКИМ)

Термин «деепричастие» в тюркологии пришел из русистики. Однако глагольные формы, причисляемые в тюркских языках к деепричастиям, имеют ряд отличий от русских деепричастий. Во-первых, они могут спрягаться, иметь собственное подлежащее. Кроме того, число деепричастных форм, выделяемых в каждом конкретном тюркском языке, больше, чем в русском. В тюркских грамматических исследованиях к деепричастиям относят от 4 до 10 глагольных форм.

В алтайском языке деепричастие является глагольной формой, выражающей отношение деепричастного действия к главному действию.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Разработка анкет для сбора материалов к интегральному описанию миноритарных тюркских языков и диалектов России», № 15-04-00370а

Функция инфинитного сказуемого является основной и объединяющей все алтайские деепричастия.

В отличие от якутского языка, система деепричастных форм алтайского языка еще не получила специального монографического описания. Первые системные сведения о деепричастиях даны в «Грамматике алтайского языка» (1869), «Грамматике ойротского языка» (1940) Н.П. Дыренковой. Позже алтайские деепричастия рассматривались в статьях М.И. Черемисиной [9; 10], Н.Н. Тыдыковой [6; 7], в коллективной монографии А.Т. Тыбыковой, М.И. Черемисиной и Л.Н. Тыбыковой [5].

Авторы первых двух грамматик по алтайскому языку выделяют шесть деепричастных форм: соединительное на =*n*, слитное на =*й/а*, разделительное =*й/ала*, предела в будущем =*ганча*, предела в прошлом =*галы*, предварительное будущее на =*гажын* [1, с. 63-67; 3, с. 130-141]. Последняя по времени «Грамматика современного алтайского языка. Морфология» дает восемь деепричастных форм: =(ы)*n*, =*й/а*, =*бай*, =*й/ала*, =*галы*, =*ганча*, =*гажын* и =*гажы* [2, с. 396-415].

Для современного алтайского языка мы выделяем десять деепричастных форм, в том числе три омонима, которые установлены вслед за М.И. Черемисиной: соединительное на =(ы)*n*, настоящего времени на =*й/а*, разделительное на =*й/ала*, отрицательное на =*бай*, предела в прошлом =*галы*, сопроводительное на =*ганча 1*, предельное на =*ганча 2*, заместительно-предпочтительное на =*ганча 3*, условно-временное на =*са* и условно-временное на =*гажын*.

По мнению М.И. Черемисиной, сопроводительное деепричастие на =*ганча 1*, предельное деепричастие на =*ганча 2*, заместительно-предпочтительное деепричастие на =*ганча 3* отличаются семантикой и морфолого-синтаксическими свойствами. Из них только предельное деепричастие на =*ганча 2* имеет отрицательную форму (=ба*ганча*), позицию субъекта, отличную от субъекта главного действия, а также принимает личные показатели [5, с. 116].

Е.И. Коркина в своей известной монографии «Деепричастия в якутском языке» (1985) для якутского языка выделяет девять деепричастных форм: =*ан*, =*а/ыы*, =*ымына*, =*аары*, =*ымаары*, =*ат*, =*бакка*, =*бытынан*, =*бычча*. Она, в отличие от Е.И. Убрятовой [8], не включает в состав деепричастий условную форму на =*тар*. Мы на материале алтайского языка общетюркскую форму =*са* считаем деепричастием, поскольку она функционирует преимущественно как зависимое сказуемое, обладает относительным модально-временным значением, имеет собственный субъект и принимает личные показатели.

Якутские деепричастия имеют ряд ярких свойств, отличающих их от алтайских и других тюркских деепричастий. Так, Е.И. Коркина отмечает

способность деепричастий на =ан, =а/=ыы, =бытынан, =бычча функционировать в качестве определения, что не характерно для алтайских деепричастий [4, с. 187].

Почти все якутские деепричастия могут присоединять личные аффиксы. В алтайском же языке личные аффиксы принимают только три деепричастия: =са, =гажын и =ганча 2.

Однако по своей семантике и функционированию алтайские деепричастия имеют много общего с деепричастиями якутского языка. Так, в алтайском языке, как и в якутском, выделяются первичные и вторичные деепричастия. Деепричастные формы в рассматриваемых языках в большинстве своем имеют причастное происхождение. В обоих языках большинство деепричастий является многозначным и полифункциональным.

Некоторые алтайские деепричастия (= (ы)п, =бай, =ганча, =са), как и якутские, могут выступать в функции финитного сказуемого. Как пишет Е.И. Коркина, якутские деепричастия =ан, =бакка и =ымына, хотя и ограниченно, принимая аффиксы сказуемости, употребляются в функции финитного сказуемого [4, с. 82, 99-100, 102]. И алтайское отрицательное деепричастие на =бай, и якутское отрицательное деепричастие на =ымына в позиции конечного сказуемого выражают высокую степень уверенности совершения того или иного действия. Такое употребление характерно для диалогической речи. Например: алт. *Сен бистин Эркелейди таныган ла болбойын?* – *Таныбай*. ‘Ты, наверное, узнал нашу Эркелей? – Конечно, узнал’; якут. *Биллин?* – *Билиминэ* (ХС 1979 216) ‘Узнал? – Конечно, узнал (как не узнать)’ [4, с. 51].

Некоторые якутские (=ан, =аат, =бытынан, =ымына, =бакка) и алтайские деепричастия (= (ы)п, =са, =гажын, =ганча 2, =галы) могут иметь собственное подлежащее, отличное от финитного глагола. Такие деепричастия встречаются и в моносубъектных, и в разносубъектных конструкциях: алт. *Сен айак-казанды јунбаганчанг, кайдаар да барбазын* ‘Пока ты не вымоешь посуду, никуда не пойдешь’; *Мен такааларды азыраганчам, Эркин бичик кычырып отурзын* ‘Пока я кур кормлю, Эркин пусть почитает книгу’.

Деепричастия с собственным подлежащим могут принимать или не принимать личное оформление. Отсутствие морфологических показателей лица не препятствует разносубъектности, поскольку лицо может выражаться и лексически. Так, деепричастие на =галы не принимает личные аффиксы, но может использоваться и в разносубъектных, и в моносубъектных конструкциях. Например: алт. *Энези божоголы кызым чек эжигим ачпас болды.*(БУ Т 47) ‘С тех пор как ее мать умерла, моя дочь совсем перестала открывать мою дверь’; *Тарбаганды мен алтынчы класска көчкөли көрбөгөм.* (ТШ АК 50) ‘С тех пор как я перешел в шестой класс, сурка не видел’.

Алтайские и якутские деепричастия участвуют в образовании большого числа временных, акциональных и модальных аналитических форм и конструкций, оформляя их знаменательный, лексический компонент.

Таким образом, алтайские и якутские деепричастия имеют много общих признаков, которые требуют дальнейшего детального сравнительного изучения.

Литература

1. Грамматика алтайского языка /Сост. членами Алтайской духовной миссии. – Казань, 1869. – 291 с.
2. Грамматика современного алтайского языка. Морфология. – Горно-Алтайск, 2017. – 575 с.
3. *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка / Под ред. С.Е. Малова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 303 с.
4. *Коркина Е.И.* Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1985. – 204 с.
5. *Тыбыкова А.Т., Черемисина М.И., Тыбыкова Л.Н.* Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2013. – 268 с.
6. *Тыдыкова Н.Н.* Таксисная характеристика простых деепричастных форм алтайского языка // Урал-Алтай через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции (Уфа, 1-5 июня 2005 г.). – Уфа: Изд-во «Гилем», 2005. – С. 59-63.
7. *Тыдыкова Н. Н.* О форме *-а* в системе деепричастных форм алтайского языка // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 1 (8). – С. 72-75.
8. *Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Часть 2. Сложное предложение. Книга первая. – Новосибирск: Наука, 1976. – 214 с.
9. *Черемисина М. И.* Деепричастие как зависимый предикат моносубъектной полипредикативной конструкции (на материале алтайского языка) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 4. – С. 82-88.
10. *Черемисина М. И.* Разносубъектные конструкции с деепричастиями на =П // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Серия: Языкознание. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2000. – Вып. 1. – С. 74-78.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_022

М.Э. Дубровина

Санкт-Петербургский государственный университет

О ГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕНАХ В ЯКУТСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Исследуя материалы якутского языка, автор натолкнулся на интересное явление. В якутском языке форма *-ар*, которую в якутском языкознании традиционно именуют причастной, в действительности ведет себя скорее не как

причастная, а как некая полифункциональная глагольно-именная форма, способная представлять действие и в качестве предмета, и в качестве признака. В отечественной тюркологии существуют попытки именовать подобные формы как субстантивно-адъективные формы (САФ). Однако при сравнении функционирования этой якутской формы с глагольно-именными формами современного турецкого языка оказывается возможным обнаружить сходство этой формы не только с одним из САФов, но и с причастием и маздаром. Другими словами, форма *-ар* якутского языка сочетает в своем значении функции трех категорий турецкого языка: причастий, САФов и маздаров.

Форма *-ар* якутского языка

Глагольно-именная форма с показателем *-ар* в якутском языке способна выступать в тех функциях, в которых в турецком языке выступают формы САФов, причастий и маздаров.

Ниже представим примеры функционального тождества формы *-ар* якутского языка турецким формам САФов, причастий и маздаров.

1. Форма *-ар* в субстантивной функции в роли подлежащего функционально тождественна либо САФ'у, либо маздару:

Ыалдь+ар (1) сүт+эр (2) эйиэхэ тиибэтин 'Пусть тебя не коснется **болезнь (1)**' (букв. «**боление**» и **лишение (2)**) [1, с. 401]; Мин табалары **сит+эр+им (прин. 1 л. ед.ч.)** көстөн турара 'было очевидно, что я настигну оленей (букв. **мое настигание** оленей очевидно было)' [1, с. 401]; **Бар+ар+ым (прин. 1 л. ед.ч.)** чугаһаата 'Скоро мне уходить' (досл. мой уход приблизился).

2. Форма *-ар* в субстантивной функции в роли определения в изафетефункционально тождественна маздару турецкого языка:

Мин кинини **йөрд+эр+им** ортотугар 'в то время как я его обрадовал' (букв. в середине моего «**обрадования**» его) [1, с. 401].

3. Форма *-ар* в субстантивной функции в роли дополнения функционально тождественна либо САФ'у, либо маздару турецкого языка:

Кинилэр **сан+ыыр+га (Дат. п.)** үөрэххэ сыстыахтара 'они начнут (примкнут) думать и учиться' (букв. их примыкание **к «думанию»** и обучению) [1, с. 401]; Бу ыт **утуй+ар+ы (В. п.)** таптыыр 'Эта собака любит спать'; **Тур+ар+га (Дат. п.)** кини баар этэ 'При вставании он присутствовал'.

4. Форма *-ар* в адъективной функции в качестве определения (с агентивным значением) функционально тождественна причастию турецкого языка:

Аттыгар **олор+ор** киһиэхэ эт 'рядом **сидящему** человеку скажи' [1, с. 401]; **Утуйар** киһи 'спящий человек' [6, с. 182].

5. Форма *-ар* в адъективной функции в качестве определения (без агентивного значения) функционально тождественна САФ'у турецкого языка:

Эдьигэнтэн **аттан+ар** күммэр ‘в день моего отъезда из Жиганска (досл. из Жиганска «отъезжающий» день+мой+в)’ [1, с. 401]; **Бар+ар** кэм кэллэ ‘пришло время уезжать (досл. «уезжающее» время пришло)’ [1, с. 401]; **Утуй+ар** танас ‘спальные принадлежности’ (досл. «спящая» одежда). [6, с. 182]; **Сан+ыыр** сана ‘мысль, которую думают’ (досл. «думающая» мысль); Киһи **ымсыыр+бат** (отриц. форма -ар) олоҕо ‘жизнь, которой человек не позавидует (букв. человек незавидующий жизнь+его)’ [4, с. 74].

Форма *-быт* якутского языка

1. Форма *-быт* (глагольное имя прош. времени) в субстантивной функции в роли подлежащего функционально тождественна либо САФ’у, либо масдару:

Мин аҕам **өл+бүт+э** мийэхэ бэрт санааны онорбута ‘Смерть моего отца причинила мне много забот’ [1, с. 403]; Бысыам этэ, күүсүм **тии+бит+э** буоллар ‘Я резал бы, если бы хватило сил (если имеется то, что хватило (прош.вр.) моих сил)’ [1, с. 403]; Эдэр **буол+тум** (стяжение от **буол+бут+ум**) буоллар ‘Если бы я был молод (букв. Мое бытие молодым (прош. Вр.) имеются)’ [1, с. 403-404].

2. Форма *-быт* в адъективной функции в качестве определения (с агентивным значением) функционально тождественна причастию турецкого языка:

Сахалы **сурулллу+бут** сурук ‘письмо, написанное на якутском языке’ [1, с. 404]; **Аас+пыт** кулун тутар ыйга ‘в прошедшем месяце марте’ [1, с. 404]; **Төрөп+пүт** ийэ ‘родившая (родная) мать’ [1, с. 404]; Эйэхэ **кэл+бит** кисиэхэ эт ‘скажи человеку, который к тебе пришел (букв. пришедшему к тебе)’ [1, с. 404].

3. Форма *-быт* в адъективной функции в качестве определения (без агентивного значения) функционально тождественна САФ’у турецкого языка):

Кини **таптаа+быт** киситэ цоллооһунан ааттанара ‘человека, которого она любила, считали счастливым (букв. она любивший человек+её)’ [1, с. 404]; **Киир+бит** халҕана ‘дверь, в которую он вошел. (букв. вошедшая дверь)’ [4, с. 74]; Бартыһааннары көмпүт сирдэрэ ‘место, где похоронили партизан (букв. партизан похоронившее место+их)’.

О производителе действия в конструкциях с субстантивно-адъективными формами

Производитель действия в конструкциях с САФ’ами может быть передан формами принадлежности от определяемого слова.

Очень показательным в этом плане является якутский язык. В этом языке при отсутствии формы родительного падежа притяжательная связь выражается с помощью аффикса принадлежности, как в примере типа: **Мин суруйбут киһим**. Е.И. Убрятова, анализируя это высказывание, приводит два различных его перевода: 1) ‘мой написавший человек’ 2) ‘человек, которому я написал’

(возможен также: ‘человек, про которого я написал’). Это обстоятельство позволяет исследовательнице говорить о различии двух конструкций, своего рода «синтаксической омонимии». Е.И. Убрятова пишет: «Как показывает перевод, эти внешне совпадающие словосочетания имеют не только не совпадающее, но прямо противоположное значение» [6, с. 45]. По ее мнению, следует даже определить эти «внешне совпадающие словосочетания» в различные синтаксические группы: «В первом случае перед нами именно изафетное словосочетание *мин киһим* ‘мой человек’, второй член которого имеет при себе примыкающее определение *суруйбут* ‘написавший’. Во втором случае мы имеем не простое именное изафетное словосочетание, а причастный изафет, так как определение выражено не одним личным местоимением, а целым предложением» [там же].

Выводы подобного рода, как неоднократно упоминалось во многих научных исследованиях по алтаистике, обуславливаются представлениями, выработанными индоевропейским языкознанием. Отстаиваемая в настоящей работе позиция сводится к попытке установить закономерности и своеобразие тюркского языкового мышления, которые никак не могут быть отождествлены с теми, которые присущи индоевропейским языкам. Фактический материал многих тюркских языков дает возможность прийти к заключению, что высказывание типа: ‘мин суруйбут киһим’ не является чем-то непривычным для представителя тюркской коммуникативной общности. Напротив, устройство тюркских языков таково, что именно подобные синтаксические построения можно отнести к числу нормальных, регулярно и повсеместно используемых носителями языка конструкций. При этом «значения», которые различны в зависимости от контекста, согласно установленным выше позициям, логично признать *смыслами*.

В итоге, рассматриваемое высказывание логично интерпретировать следующим образом. Во-первых, ‘мин суруйбут киһим’ представляет собой конструкцию, типичную для большинства тюркских языков. Во-вторых, это словосочетание «вырастает» из исконно безаффиксного сочетания, построенного по принципу соположения элементов *мин* ‘я’, *суруйбут* ‘общая идея «опризначенного» (В.Г. Гусев) действия писать’, *киһи* ‘человек’, в котором вследствие объективно обусловленного развития языка со временем появилась необходимость употребления некоего знака («уточнителя» Г.П. Мельников) для сигнализации о существовании связи между этими тремя элементами. Форма принадлежности, как было показано выше, является средством сигнализации о такой соотнесенности двух предметов, которая истолкована говорящим как притяжательная. Таким образом, значением словосочетания ‘мин суруйбут киһим’ можно признать то, что элемент *мин* истолковывается говорящим на якутском языке в качестве «обладателя» прежде всего предмета, выраженного

киним, а действие причастия *суруйбут* в зависимости от ситуации истолковывается как относящееся либо к производителю *мин*, либо к производителю *киним*. О том, что в большинстве тюркских языков так называемые причастия (в данном случае оправдано говорить о субстантивно-адъективной форме) могут иметь или не иметь «агентивного» значения, подтверждается фактическим материалом [2, с. 120-122]. В категориальном значении этих глагольно-именных форм (САФ'ов), по-видимому, отсутствует какой бы то ни было компонент, сигнализирующий о характере взаимоотношения действия, представляемого в качестве признака, и предмета, являющегося носителем этого признака [Там же, с. 122], т.е. реальные отношения между действием и предметом «остаются без выражения» [5, с. 72].

Однако наличие как в древних языках, так и в современных тюркских языках большего количества САФов, нежели причастий, хорошо согласуется с основополагающим принципом тюркского языкового устройства – принципом экономного употребления служебных элементов, вследствие которого САФы, обнаруживая известную полифункциональность, позволяют языку обеспечивать с помощью меньшего количества инвентарных единиц большее количество мыслительных содержаний, смыслов.

Об адаптации языковой системы (или о причинах языковых изменений)

Язык является системой и сам выступает в качестве некой подсистемы внутри иерархически организованной надсистемы, при этом язык представляет собой объект внутри некой системы. Как любой объект системы, язык также обладает набором определенных качеств, которые должны удовлетворять потребностям той системы, частью которой он является. Как известно, главным назначением языка является обеспечение коммуникации в человеческом обществе. Поэтому предлагается все свойства объектов языка, его единиц рассматривать через призму главной функциональной направленности языка – стремления обеспечить коммуникацию. При этом важно иметь в виду, что язык стремится улучшить свойства своих элементов для того, чтобы усовершенствовать процесс коммуникации, т.е. максимально эффективно (естественно в рамках свойств системы) выразить и донести до собеседника свою мысль, являясь, таким образом, адаптационной системой.

Тюркский праязык, подчиняясь текущей детерминанте – ПЭСЭ, приближался в языку корневому. В ходе эволюции в таком языке так или иначе возникают служебные средства, имеющие целью преобразование слова для передачи служебной (словоизменительной) информации. Эти средства обладают полифункциональностью, являющейся следствием ПЭСЭ. На каком-то этапе развития тюркских языков возникают формы, функцией которых является ответ на коммуникативный запрос использовать действие в тех же синтаксических функциях, что и существительное и прилагательное, т.е. в

качестве определения или дополнения. Появляется форма, которую сегодня именуют «субстантивно-адъективная». Такая форма позволяет исходное действие представить либо в виде признака, либо в виде предмета. Если действие представляется в виде признака, то полученная словоформа имеет в высказывании адъективную функцию и выступает в качестве определения, если в виде предмета - то субстантивную, и способна выступать во всех тех синтаксических функциях, что и существительное (определение в изафете, дополнение, обстоятельство).

Сопоставительный анализ якутского и турецкого языков позволяет проследить возможный (гипотетический) диахронический путь, при котором исходное значение САФа, полифункциональной формы с нерасчлененными внутри нее функциями, постепенно распадается на более частные смыслы, которые закрепляются уже в качестве самостоятельных значений за определенными формами.

САФ (в широком понимании) делится на три формы:

1. Причастие
2. САФ (в узком понимании)
3. Масдар

Материал якутского и турецкого языков демонстрируют различные этапы развития тюркских языков. Языки типа якутского обходятся одной формой, тогда как в турецком языке путем отпочкования более частных смыслов появилось три формы, каждая из которых несет более узкое, более специализированное значение по сравнению со своей исходной праформой.

Турецкое причастие представляет в виде признака действие, соотнесенное с временной семой основного глагола, и по сравнению с *исходной* формой САФа имеет специализацию по указанию на агентивную взаимосвязь исходного действия и определяемого предмета.

Турецкий САФ (-dik, -уасак) представляет в виде признака или в виде предмета действие, наделенное самостоятельной семой времени, по сравнению с *исходной* формой САФа имеет специализацию быть привязанным к определенному производителю действия, который выражен аффиксом принадлежности, входящим в словоформу, и который не совпадает с определяемым предметом.

Турецкий масдар представляет действие в виде предмета, является более узкоспециализированным средством, так как не имеет отдельной адъективной функции. По сравнению с *исходной* формой САФа имеет специализацию в отсутствии временной семы, которая может игнорироваться в акте коммуникации.

Якутская полифункциональная форма САФ (в широком понимании) способна в высказывании иметь адъективную и субстантивную функции. В

адъективном употреблении она способна указывать на агенса исходного действия, способна его игнорировать. В субстантивном употреблении функционирует во всех синтаксических позициях существительного, интерпретируя действие как соотнесенное с производителем (кэлбит+им ‘мое прихождение’), так и не соотнесенное.

Литература

1. Бётлингк О.Н. О языке якутов. /Пер. с нем. В.И. Рассадин. – Новосибирск: «Наука». Сибирское отделение, 1989.
2. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол. - Л., 1990.
3. Мельников Г.П. Системная типология языков. – М.: Наука, 2003.
4. Попова Н.И. Залоги в якутских причастиях // Советская тюркология. – Баку, 1983. – № 5. – С. 73-76.
5. Сепир Э. Язык: введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 2001.
6. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I. Простое предложение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_023

Н.И. Данилова,

ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье изложен результат семантической классификации якутских каузативных глаголов с точки зрения их сочетаемости с определенными типами актантов ситуации. Предлагаемое разделение каузативных глаголов представляет собой дополнение и уточнение ранее выполненной классификации [2, с. 24-66]. При этом определение каузативного глагола опирается на фундаментальную классификацию предикатов, обоснованную Ю.А. Апресяном. Каузативные глаголы – это в основном глаголы прототипического действия. Здесь «первый актант действий – агенс, или каузатор, целенаправленно изменяющий мир, т. е. формы существования, положения, состояния и свойства различных объектов» [1, с. 20]. Второй актант ситуации в той или иной степени испытывает воздействие каузатора.

Глаголы с каузативным значением в якутском языке многочисленны. По морфологической структуре это глаголы трех типов: переходные глагольные основы с каузативной семантикой без аффикса побудительного залога, глагольные формы понудительного залога и, наконец, так называемые

омертвелые основы, которые представляют собой застывшие формы понудительного залога, не сохранившие медиальную форму.

Для выполнения предлагаемой классификации был проанализирован соответствующий материал Академической картотеки якутского языка. За основу классификации выбрана систематизация русских каузативов, предложенная И.Б. Долининой в рамках теории функциональной грамматики.

Как показывают результаты анализа, каузативные глаголы якутского языка в зависимости от семантики формируемой ими категориальной ситуации можно разделить на три семантических типа:

1. Глаголы со значением каузации ситуации;
2. Глаголы со значением каузации деятельности объекта;
3. Глаголы со значением манипулирования объектами.

Реализация того или иного типа каузативного значения зависит, в первую очередь, от специфики лексической семантики каузативного глагола, которая в свою очередь обуславливает особенности ролей актантов каузативной ситуации. Но при этом доминантой при определении каузативной ситуации является лексико-семантический тип каузативного глагола. На этом основании ниже будут рассмотрены семантические типы каузативных глаголов якутского языка.

1. Глаголы со значением каузации ситуации

Как отмечает И.Б. Долинина, «спецификой этой группы глаголов является следующее распределение активности участников каузативной ситуации: субъект своей активной конкретностью не просто каузирует объект, а создает, формирует некоторое событие, в которое этот объект вовлечен в качестве главного действующего лица. При этом объекты могут различаться по уровню активности в возникновении нового события» [3, с. 338]. В данном случае сам объект не в состоянии совершить действие, он служит неким «инструментом, способом» для создания события или формирования общей ситуации.

Каузативная конструкция данного типа имеет два актанта: это каузирующий субъект в форме основного падежа и объект в форме винительного падежа. Объекты каузации могут проявлять разную степень активности и на этом основании можно выделить три семантических типа актантов-объектов ситуации: а) объект каузации неодушевленный, он пассивен и помимо воли вовлечен в событие; б) объект неодушевленный, но ему имплицитно свойственна способность к изменению состояния; в) объект активен, но не может изменить свое состояние без вмешательства каузатора.

Соответственно, каузативные глаголы можно разделить на следующие подгруппы:

а) Глаголы со значением каузации неодушевленного пассивного объекта

Данная подгруппа глаголов формирует тип каузативной ситуации, когда объект полностью пассивен не только по роли в конкретной пропозиции, но и с точки зрения уровня его «естественной активности». Объект в данных конструкциях в основном неодушевленный, выраженный формой винительного или основного (неоформленного винительного) падежа. Интересно, что собранный нами материал не демонстрирует конструкций с предикатом в форме повелительного наклонения, где объект выражается формой частного падежа.

Такая каузативная ситуация передается в основном глаголами созидательного или разрушительного физического воздействия на объект. К ним в якутском языке относятся: *арый-*, *ас-* ‘приоткрыть, открыть’, *бүүр-* ‘обметать, обшить’, *сап-* ‘закрыть’, *умат-* ‘зажечь’, *умуруор-* ‘погасить, потушить’. Сюда же относятся глаголы бытовой и производственной деятельности, в основном приготовления пищи: *буһар-* ‘варить’, *көөнньөр-* ‘заварить, заквасить’, *кыынньар-* ‘кипятить’, *оргут-* ‘вскипятить’. При их помощи формируется в основном каузативная ситуация результативного характера, когда известен только конечный объект, полученный в результате воздействия на другой, начальный объект.

По морфологической структуре глаголы этой подгруппы подразделяются на три типа: основы переходных глаголов, формы побудительно залога непереходных глаголов, отыменные глаголы с результативным значением.

б) Глаголы со значением каузации неодушевленного активного объекта, способного к изменению.

Глаголы каузации ситуации этой группы в основном сочетаются с названием одушевленных объектов, способных к какому-либо изменению. В этом случае «объект обладает такими свойствами, которые могут быть не просто активизированы извне, но способны к спонтанной реализации. Иначе говоря, объект обладает способностью к перемещению, саморазвитию, самоусовершенствованию, к видоизменению, которое ему имплицитно свойственно. Обычно это названия минералов, растений, веществ, социальных институтов, предметов определенного назначения (часто орудийного), со специфической формой и т.д.» [3, с. 340].

Каузативных глаголов этой подгруппы довольно много, они имеют значения становления, проявления и изменения физического качества, цветового, внешнего, внутреннего признака, и их можно подразделить на четыре семантические подгруппы:

- *глаголы становления, проявления, изменения физического качества*

К глаголам становления, проявления, изменения физического качества можно отнести: *бөбүргөт-* ‘укрепить’, *сойут-* ‘остудить’, *мөлтөт-* ‘ослабить’,

кытаатыннар- ‘укрепить’, суурай- ‘растворить’, уһат- ‘удлинить’ и т.д. Эти глаголы сочетаются с именами, обозначающими неодушевленные объекты, которым имплицитно свойственны изменения каких-либо физических параметров: длина, плотность, крепость и т.д. В эту подгруппу входят следующие глаголы:

- глаголы изменения внешнего и внутреннего признака объекта

Группу глаголов изменения внешнего и внутреннего признака объекта составляют: буортулаа- ‘портить’, кѳбурэт- ‘убавить’, кыратыт- ‘уменьшить’, куурт- ‘сушить’, кыччат- ‘уменьшить’, тупсар- ‘улучшить’, улаатыннар- ‘увеличить’ и т.д. Как видно из приведенного перечня, это глаголы со значением признаков, не поддающихся объективному измерению.

-глаголы изменения положения объекта в пространстве

Много каузативных глаголов обозначают действия, в результате которых неодушевленный объект меняет свое положение в пространстве: баарыстаа- ‘шевелить’, сос- ‘тащить’, төкүнүт- ‘катить’, ууннар- ‘растянуть’, хамсат- ‘двигать’, эргит- ‘крутить’ и т.д.

Каузативная ситуация в этой группе часто формируется глаголами, которые сочетаются с партитивным объектом. Глагол в этом случае обозначает действие, направленное на части тела или часть предмета каузации. К таким глаголам относятся: бокут- ‘согнуть (колени, ноги, руку)’, күөрэннэт- ‘поднимать вверх (руку, ногу)’. Семантика изменения положения в пространстве часто формируется аналитическими формами *наречие + глагол*: тыылыы тэп- ‘растянуть ноги’, өрө көтөх ‘поднять вверх’ и т.д. Субъект предпринимает целенаправленное действие, чтобы достичь результата. В эту подгруппу входят следующие глаголы:

- глаголы осуществления

Эти глаголы мы отнесли к обсуждаемой группе, поскольку они также обозначают изменение состояния неодушевленного объекта в результате каузации. Объекты пассивны по своей роли в ситуации, но им свойственна готовность к переменам состояния. Сюда предположительно входят следующие глаголы: тэрий- ‘организовать, создать что-л., снарядить’, уларыт- ‘изменить, сменить’, үүннэр- ‘вырастить, взрастить, отрастить’.

в) Глаголы со значением каузации активного объекта

Третью подгруппу глаголов с семантикой каузации ситуации составляют глаголы, которые сочетаются с объектами, обладающими собственной активностью. Объекты могут быть неодушевленными и одушевленными, обычно это животные, механизмы или орудия труда. Поскольку они активны по роли в ситуации, в случае рефлексивации глагола могут быть переосмыслены в субъект ситуации: хотууру алдыат- ‘сломать косу’ – хотуур алдыанна ‘коса сломалась’, араадыыйаны холбоо- ‘включить радио’ – араадыыйа холбонно

‘радио включилось’ и т. д. К ним относятся глаголы физического воздействия на объект: *алдыат-* ‘сломать’, *араар-* ‘отключить, отсоединить’, *холбоо-* ‘включить, завести’, *булгут-* ‘распрячь, отвязать’, *баай-* ‘связать’, *сүөр-* ‘развязать’ и т.д.

2. Глаголы со значением каузации деятельности объекта

Каузативная ситуация, выражаемая этой группой глаголов, характеризуется следующим распределением активности участников: каузатор оказывает активное воздействие на объект, в результате которого тот меняет положение в пространстве, либо приходит в то или иное психофизическое состояние. При этом действия и разного рода изменения каузируемый объект реализует сам. В данной каузативной ситуации объект представляет собой обычно лицо или животное, или же метонимическое наименование группы лиц или животных. В случае употребления неодушевленного объекта ему имплицитно свойственно изменение положения.

а) Глаголы стимулирования физической деятельности

Семантику стимулирования физической деятельности объекта выражает в основном лексико-семантический тип глаголов с семантикой перемещения, помещения объекта в пространстве. Глаголы этого разряда могут употребляться объектами двух типов:

-объекты, которые представляют собой партитивный объект каузатора, т.е. его часть;

-объекты, отстраненные от каузатора, т.е. предметы, которые не представляют собой часть каузирующего субъекта.

Со вторым типом объектов могут сочетаться глаголы изменения местоположения объекта, распределения, разделения, расположения его в определенном порядке: *араар-* ‘разделить, разбить (по группам)’, *хомуй-* ‘собирать’, *сааһылаа-* ‘сложить по порядку’, *кыстаа-* ‘складывать’, *хайыт-* ‘разделить’ и т.д. Они часто имеют семантически множественный объект, что иногда подчеркивается соответствующей аспектуальной формой: *туруортаа-* ‘построить’, *араартаа-* ‘разбить, разделить (по группам)’. Во многих случаях в пределах каузативной конструкции указывается место или направление перемещения, помещения.

По морфологической структуре каузативные глаголы с такой семантикой представляют собой как аффиксально выраженные формы побудительного залога (так называемые «явные» каузативы), так и «скрытые» каузативы без аффиксального оформления. Объекты этой группы глаголов не партитивные, не принадлежат каузирующему субъекту и не являются его частью.

б) Глаголы стимулирования физиологической деятельности объекта

Эти глаголы выражают стимулирование физиологического действия объекта (*амсат*- ‘дать попробовать’, *аһам*- ‘кормить’, *баараҕадыт*- ‘укреплять физически’, *тотор*- ‘насытить’) или его социального состояния (*иит*- ‘воспитать’, *үөрэт*- ‘учить’). Объекты могут быть одушевленными и неодушевленными, но активными, готовыми к каузации. Сюда входят следующие глаголы:

в) Глаголы стимулирования психического состояния или эмоционально окрашенной деятельности

Данная подгруппа глаголов каузации деятельности объекта состоит большей частью из глаголов становления эмоционального состояния или приведения в него. Значение каузации состоит в том, что каузатор либо пытается привести объект в определенное психологическое (психофизическое) состояние (*көнньүөрт*- ‘воодушевлять, поднимать настроение’, *уоскут*- ‘успокоить, утешать’, *саатат*- ‘развлекать’, *эрэйдээ*- ‘мучить’ и т.п.), либо деятельность (или какие-то свойства, поступки) каузатора возбуждает в объекте психологическое состояние (*кыһырт*- ‘сердить, раздражать’, *манньыт*- ‘умилять’, *дьиктиргэт*, *сөхтөр*- ‘удивлять, изумлять’, *абарт*- ‘возмущать’ и т.п.). В качестве объекта чаще выступает одушевленное лицо, но в этой роли возможно и животное. В конструкциях с глаголами каузации психологического состояния субъект не всегда является реальным каузатором – он может воздействовать не сам по собственной инициативе, а какими-то своими свойствами (помимо своей воли) или своим действием. В таком случае эти свойства или действия и можно рассматривать как истинный источник каузации: *Кинигэттэн аралдьыйбат буолан кыһыппыта* ‘Раздражал его тем, что не отвлекался от книг’.

Почти все глаголы этой семантической группы в якутском языке представляют собой форму побудительного залога непереходных глаголов состояния. Основа большинства этих глаголов имеет рефлексивное значение, т.е. субъект совершает действие, которое распространяется на него же: *кыһый*- ‘злиться’, *кыһырт*- ‘сердиться’, *уоскуй*- ‘успокоиться’ и т.д. В эту подгруппу входят следующие глаголы эмоционального состояния:

3. Каузативные глаголы с семантикой манипулирования объектами (над объектами)

Каузативные глаголы этой группы называют ситуацию со следующим распределением активности участников. Субъект активен и сам производит те или иные действия над разного рода объектами, которые обычно пассивны по роли в каузативной ситуации. Это неодушевленные объекты, которые или принадлежат субъекту, имплицитно подчинены в своих действиях ему.

Отличие глаголов этой группы от таковых с семантикой каузации ситуации состоит в том, что воздействие распространяется только на обозначенный объект, общая ситуация при этом не меняется. Глаголы этой группы разделяются на две подгруппы:

а) глаголы направленного и ненаправленного перемещения и помещения

В эту группу каузативных глаголов входят глаголы направленного отсубъектного перемещения *бырах* ‘бросить’, *ыыт-* ‘отправить’, *кыырат-* ‘метнуть’, *түһэр-* ‘спустить вниз, уронить’ и т.д. Каузацию ненаправленным перемещением передает глагол *биэтэннэт-* ‘раскачивать’. Глаголами помещения объекта в результате физического воздействия являются: *көтөх-* ‘взять на руки’, *кыбыт-* ‘втиснуть’, *куус-* ‘обнять’, *сим-* ‘запахать, засунуть’.

б) глаголы физического воздействия на объект с семантикой очищения, обработки

Глаголы этой группы подразумевают ситуации, когда «действия каузатора касаются либо некоторого лица, либо объектов с посессивной (в широком плане) семантикой: частей тела, одежды, имущества, эмоций, социальных проявлений и т.п.: одевать, наряжать, обливать, застрелить, накрыть, намылить, пудрить, чесать, застегнуть, распахнуть и т.д.» [3, с.345]. Только у этой группы рефлексивные корреляты передают рефлексивное значение: обливаться, накрылся, оделся и т.п. Сюда относятся: *бүрүй-* ‘накрывать, покрывать кого-что-л., набрасывать на кого-что-л.’: *киэргэт-* ‘наряжать, украшать кого-что-л.’, *кэтэрт-* ‘надеть на кого-л. что-то-л.; одеть кого-л. во что-л.’, *тангынар-* ‘одеть кого-л. во что-л.’: *тараа-* ‘расчесать, прочесать’, *тарбаа-* ‘царапать, чесать’, *тимэхтээ-* ‘застегивать на пуговицы, завязывать’, *уһул-* ‘снять что-л.’.

Таким образом, классификация каузативных глаголов якутского языка показала существование закономерных связей между лексическим значением глагольного предиката и характером актантов. Дальнейшие исследования могут обнаружить особенности синтаксических, сочетаемостных и коммуникативных свойств этих глаголов и, соответственно, правил построения высказывания. А это важно для нормализации как литературного якутского языка, так и разговорной речи.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Фундаментальная классификация предикатов // Грамматические категории: Иерархии, связи, взаимодействие. – СПб.: Наука, 2003. – С. 6-21.
2. Данилова Н.И. Каузативные конструкции в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Каузативность. Эвиденциальность. Итеративность. – Новосибирск: Наука, 2013. – С. 8-71.
3. Долинина И.Б. Рефлексивность и каузативность (Категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносимых с каузативными конструкциями) // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 328-345.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕДАЧИ ОБЪЕКТА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на то, что признак предельности является универсальным понятием и присутствует во всех языках мира, в его выражении отмечаются существенные межъязыковые различия. В отличие от языков, обладающих системой грамматических форм для выражения ограниченности/неограниченности действия пределом, в тюркских языках, как отмечает Д.М. Насилов, «возрастает роль аспектуальных характеристик, заключенных в лексической семантике глаголов – значений действия и состояния в их отношении к значениям предельности/непредельности» [5].

В якутском языке признак предельности также является, прежде всего, внутренним свойством глагольной лексемы. Выделение лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) позволяет более детально рассмотреть особенности проявления отношения к внутреннему пределу у тех или иных групп глаголов. Но в то же время данная классификация предусматривает отдельное рассмотрение переходных и непереходных глаголов, так как в качестве внутреннего предела у них могут выступать разные моменты: у непереходных глаголов в качестве предела выступает достижение цели движения или состояния, у переходных глаголов – конечный момент действия, связанный с полным охватом прямого объекта действием.

В данной статье остановимся на рассмотрении особенностей функционирования ЛСГ глаголов передачи объекта в якутском языке.

Рассматриваемая нами группа относится к подтипу переходных предельных глаголов, обладающих внутренним типом предела. Типовая семантика глаголов передачи объекта – давать (дать) что-л. (деньги, средства, ценности) кому-л. в распоряжение, владение, временное пользование или с какой-л. целью [6, с. 587]. В качестве базового глагола в якутском языке выступает глагол *биэр-* ‘давать’.

Здесь необходимо отметить, что ситуация передачи объекта и основные средства ее языковой репрезентации непосредственно связаны с валентными свойствами глагола. Все глаголы, относящиеся к данной ЛСГ, выражают «действие, ориентированное на какой-либо объект и одновременно предполагающее передачу этого объекта от одного лица другому» [4, с. 6]. Например, *Ийэм мизэхэ кэмпиэт биэрдэ* ‘Моя мать дала мне конфету’. Таким

образом, в данной ситуации задействованы три актанта – субъект, объект и адресат. Субъект и адресат обладают семантическими признаками одушевленности и активности, тогда как роль объекта, связанная с возможностью обладания, физического воздействия и пространственного перемещения, обуславливает его обязательную материальность и вещественность [Там же, с. 7].

Исследователи выделяют несколько типовых семантических ситуаций передачи объекта, из них в якутском языке могут быть реализованы следующие:

- личная передача, при которой в качестве предела выступает переход объекта непосредственно в руки каузируемого лица. Выражается глаголами *биэр-* и *туттар-* в знач. ‘отдавать, вручать кому-л. что-л. из рук в руки; давать’. Например: *Кыыһа киниэхэ үс манньыаты биэрдэ* [8, с. 349] ‘Дочь ему дала три монеты’; *Ортоку турар дьон илиилэригэр чороон туттартыыллар* (Суорун Омоллоон) [3, с. 206] ‘Людям, стоящим посередине, дают в руки чороны’ и т.п.

Отдельного рассмотрения в рамках данной группы требует ситуация множественной передачи – однонаправленного каузативного действия, связанного с большим количеством объектов и адресатов передачи. В якутском языке имеется несколько глаголов с подобным значением: *түгэт* ‘делить, распределять’, *үллэр-* ‘разделить, делить, поделить’, *тарбат* ‘раздавать что-л. кому-л., распределять между кем-чем-л.’. Например, *уруок сабаланыытыгар учуутал үөрэнээччилэригэр кинигэ түгэттэ* ‘В начале урока учитель раздал ученикам книги’; *старшина халын телогрейка үллэрэн үллэннэтэр* ‘старшина поспешно раздает телогрейки’; *Баайбын-дуолбун барытын Бар дьонго тарбатыам* (С. Васильев) [2, с. 251] ‘Все богатство свое Раздам я людям’ и т.п.;

- глаголами *бэлэхтээ-* ‘подарить, дарить’, *туттар-* в знач. ‘вручить, дать; вручать, давать’ выражается так называемая безвозмездная передача, тесно связанная с экстралингвистическими условиями (желанием придерживаться норм этикета или выразить свое отношение к адресату), побуждающими субъект передать той или иной объект в собственность другого лица, адресата. Например, *Мин кыахтаабым буоллар, эйиэхэ аан дойду сибэккитин барытын бэлэхтиэм этэ* (Софр. Данилов) ‘Будь у меня возможность, я подарил бы тебе все цветы мира’; *кيني кэлбит ыалдьыкка хайаан да өйдөбүннүк бэлэх туттарар* ‘он каждому гостю обязательно вручает памятный подарок’;

- семантически близка к рассмотренным ситуациям и поощрительная передача, предполагающая «использование предметов, свойства которых позволяют рассматривать их как средства материальной оценки деятельности отличившегося лица-адресата» [4, с. 11]. Например, *набараадалаа-* ‘наградить, награждать кого-л.’, *туттар-* в знач. ‘вручать (напр. награду)’, *биэр-* ‘давать,

вручать кому-л. что-л., назначенное ему’: *Бүгүн киниэхэ кыраамата туттардылар* [3, с. 205] ‘Сегодня его наградили грамотой’; *Махтал сурук биэрдилэр* ‘Вручили благодарственное письмо’; *Ыраахтааҕы бырабыыталыстыбата Анучины сибэтиэй Станислав уордьанынан наҕараадалаабыта* [1, с. 434] ‘Царское правительство наградило Анучина орденом святого Станислава’;

- реверсивная передача заключается в переходе объекта к его прежнему владельцу и характеризуется ограниченным сроком обладания объектом. Может выражаться глаголами *төһнөр-* и *туттар-* в знач. ‘возвращать, отдавать что-л. кому-л. обратно’, *төлөө-* в знач. ‘отдавать, возвращать (напр. долг)’: *Роза эмиэ суругу киэһэ ылан баран, сарсыныгар төһнөрдө* [2, с. 547] ‘Роза снова вечером взяла письмо и утром вернула’; *күлүүһү вахтерга туттарбытым* ‘ключ отдал (сдал) вахтеру’; *Иэһи төлүүргэ үп наада* [2, с. 543] ‘Чтобы заплатить долг, нужны средства’. Или сочетанием базового глагола *биэр-* с наречием *төттөрү* ‘на прежнее место, обратно’: *Кулун тутар ый бүтүүтэ Петя Будищев билиэтин миэхэ төттөрү биэрбитэ* (Чолбон) [3, с. 67] ‘В конце марта Петя Будищев отдал мне обратно билет’; *Суруктарың төттөрү биэрдэ, остуол диэки ыйда* (А. Софронов) [8, с.] ‘Вернул обратно письма, указал на стол’.

В качестве отдельных групп рассматриваются типовые ситуации эквивалентной и компенсационной передачи, основанные на взаимонаправленном каузативном воздействии таких участников ситуации, как продавец – товар/средства платежа – покупатель.

- эквивалентная передача обусловлена содержанием семы ‘получать какой-л. эквивалент’ (продавать), подразумевающей не только получение денежных знаков, но и бартерные отношения: *атыылаа-* ‘продать, продавать (о торговой сделке)’, *атастас-* ‘меняться, обмениваться чем-л. с кем-л.’, *мэнэйдэс-* ‘меняться, обмениваться чем-л. (обычно равноценным)’. Например, *Гражданка, эн миэхэ бу хаһыаты атыылаабаккын ээ* (Амма Аччыгыйа) [7, с. 661] ‘Гражданка, продадите мне эту газету’; *Мииккэ ыал буолар туһугар биир тыһы тыһаҕаска сириң атастаһаң кээспитэ* (А. Сыромятникова) [7, с. 636] ‘Из-за желаний создать семью Митька обменял свой участок на одну двухгодовалую телку’; *Олохтоох булчуттартаң арыһынай таңаска түүлээх хомуйаң саа сэбигэр атастаһаллар, Америка атыһыттарыттан тиийэ мэнэйдэһэллэр* (Н. Якутскай) [1, с. 409] ‘За аршинную ткань они у местных охотников забирают пушнину, которую меняют на ружья, обмениваются даже с американскими торговцами’;

- компенсационная передача обусловлена содержанием семы ‘средство платежа’ (платить): *төлөө-* ‘платить за что-л. оплачивать что-л. (обычно деньгами)’. Например: *Хайа, добоор, оттон оһохпугар мас отторбут иһин*

нолуок төлүүбүт дии (Күндэ) ‘Как, дружок, мы же платим налог за то, что топим печь дровами’; *Kihi көлөһүнүн Кэлимник төлөөччүбүн* (С. Васильев) ‘Человеческий труд Сполна оплачиваю’; *Сылга үөрэни иһин сүүс солкуобай төлөнүллүөхтээбэ* [2, с. 543] ‘За год обучения необходимо было заплатить сто рублей’.

Таким образом, обзор якутских глаголов передачи объекта показал, что они составляют одну из основных групп предельных переходных глаголов. В качестве основного внутреннего предела в них выступает переход объекта непосредственно в руки каузируемого лица. Полисемичность некоторых глаголов позволяет им участвовать в выражении нескольких типовых ситуаций, различающихся в зависимости от качественной и количественной характеристики участников действия.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.VI: (Буква Л, М, Н) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.Х: (Буква Т: т – төһүүлээ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.
4. Колосова Т.Н. Лексико-семантическая группа глаголов передачи объекта в современном русском языке (лексико-семантическая парадигматика, типовые ситуации употребления): автореф. дис. ...канд.филол.наук. – СПб., 1997. – 15 с.
5. Насилов Д.М. Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л.: Наука, 1984. – С.128-165.
6. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
7. Толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.I: (Буква А) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
8. Толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.II: (Буква Б) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_025

И.Б. Иванова

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск

ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Частицы в якутском языке – это часть речи, объединяющая в себе неизменяемые постпозитивные служебные слова, которые придают

предшествующему им слову или через него всему предложению различные дополнительные логико-смысловые и модальные (т.е. рассудочно-оценочные, модально-выделительные, модально-волевые, модально-экспрессивные, модально-эмоциональные и т.п.) значения и оттенки или служат слово- и формообразующей морфемой [2, с. 3-4]. В якутском языке имеется фундаментальное исследование Н.Е. Петрова, посвященное описанию значений и функций частиц. Но использование этой служебной части речи в роли средств передачи количественных понятий в якутском языке не было предметом специального исследования.

При анализе существующих в якутском языке средств, передающих значение именной количественности, установлено, что частицы являются периферийными средствами выражения функционально-семантической категории количественности. Цель данной статьи – показать особенности использования частиц якутского языка в данной функции.

Функционально-семантическое поле количественности делится на микрополя единичности, нулевого количества, абсолютного количества, неопределенно большого количества, неопределенно малого количества, собирательности.

Понятие единичности в языке употребляется говорящим для выделения некоторой единицы из множества подобных единиц. Другими словами, категория единичности указывает на то, что обозначаемый предмет мыслится как отдельная единица. Данную функцию в якутском языке выполняют частицы *аңаардас*, *соботох* ‘только’, которые в сочетании с частицей *эрэ* представляют сложное целое и выражают «исключительную» единичность субъекта: *Аңаардас мин эрэ тустунан саныы сылдьар үһүгүөн* ‘Неужели ты думаешь **только обо мне одной**’. Частица *эрэ* ‘только’ известна в тюркских языках как ограничительная частица [4, с. 506-507].

Частица *абай*, примыкая к существительному или местоимению, выражает абсолютную единичность: *Мин абайдэнэр, кими да билиммэт* ‘Говорит, **только я**, никого не признает’ [1, с. 423]. Частица *бэйэлээх*, выражающая эмоциональное усиление признака, качества предмета, часто встречается в роли усилителя абсолютной единичности: *итинник бэйэлээх кэрэ кыыс* ‘**такая красивая** девушка’ [2].

Ядром микрополя нулевого количества (в математике – пустое множество) является лексема *ньуул*, *нуул* ‘ноль’, которая употребляется при обозначении натурального числа 0. Естественный язык обладает средствами выражения нулевого количества, которое эксплицируется при помощи отрицательных местоимений, наречий и при помощи частицы *да*: *ким да, туюх да, ханна да* и т.д. *Манна ким да суох* ‘Здесь никого нет’ [3]. В якутском языке отрицательные местоимения и наречия требуют при себе глагола отрицания

суох. Также на нулевое количество указывает многозначная частица *да*, в сочетании с местоимениями, существительными выражает значение абсолютного отсутствия: *Бүгүн ыт да «ньяң» диэн ааспата* ‘Сегодня к нам никто не приходил, никого не видели’.

В якутском языке есть выражение: *Кэргэннээх буолан, кэргэним сүтүктүө баара дуу, оболордоох буолан, оболорум күүтүөхтэрэ баара дуу...* [6, с. 25] ‘Разве меня, как тех, кто имеет жену, жена потеряет, разве меня, как тех, кто имеет детей, дети будут ждать...’ [3], которое выражает абсолютную единичность человека через выражение отсутствия перечисленных объектов с помощью модальных частиц отрицания (*баара дуу, кэлиэ дуо, баара дуо*) и глаголов отрицания *суох* ‘нет’.

Ядро микрополя всецельности представлено лексемами *бары* и *барыта*, которые отмечены у Е.И. Коркиной как послелогои, выражающие собирательность, а у Н.Е. Петрова – как отыменная частица, выражающая обобщение и собирательность с оттенком множественности: *Тыллаах эрэ барыта кини харабыттан иңнэр* ‘Каждый, кто умеет говорить, просмеивает его глаза’ [2, с. 196-199]. В высказываниях типа *Арыгыттан эһэ да итирэр* [6, с. 54] ‘От алкоголя кто угодно пьянеет; даже медведь’ частица *да* в сочетании с существительным выступает в роли средства, выражающего значения всецельности. Слово *бабарар* является отглагольной частицей ‘кто угодно’, ‘любой’, ‘каждый’, образованной от глагола *бабар* ‘хотеть’: *Ким бабарар кыттыан сөп* ‘Кто угодно может принять участие, т.е. все’. В сочетании с вопросительно-относительными местоимениями *ким* ‘кто’, *туох* ‘что’ она указывает на то, что речь идет обо всех, о каждом.

Неопределенно большое количество в языке способны передать почти все частицы с усилительно-выделительной семантикой. Например, частица *бабайы*, которая употребляется как постпозитивный компонент после словквантификаторов с семой *элбэх* ‘много’. При сочетании существительного с квантификатором возможна форма только единственного числа имени существительного, если в воображении говорящего индивидуальность предмета не теряется за целой массой: *Бу сайын элбэх бабайы кинигэни аахтым* [2, с. 10] ‘Этим летом прочитала **очень много** книг’. Частица *бөбө* в сочетании с именами выражает множество, высокую степень признака предмета: *Сибэкки бөбөтө үүммүт* ‘**Очень много** цветов’ [3]. Николай Егорович Петров своей работе «Частицы в якутском языке» в качестве средства выражения множественности приводит частицу *бөбөлөөх* [2, с. 93]: *Учуутал бөбөлөөбү кыйахаабыт бэйэkkэтэ* ‘Он-то заставил нервничать **множество** учителей’ [Там же]. Частица *абай* редко, но благодаря своей усилительной семантике довольно ярко может выражать значение тотальной множественности: *Биһиэхэ балык абай элбэх* ‘У нас рыбы изобилие’ [3].

Следующие усилительные частицы *үлүгэр* (*үлүгэрдээх*), *сүүнэ*, *наһаа* тоже выражают восхищение тотальным множеством предметов: *Ньургуйун үлүгэри үргээбиттэр* [6, с. 10] ‘Нарвали так много подснежников’. Отглагольная частица *диибин диэн* выражает множество с оттенком восхищения: *Бу тыа отоно, тэллэйэ диибин диэн!* ‘В этом лесу так много ягод и грибов!’ [3].

В якутском языке в выражении малого количества активно используется частица *эмэ* в сочетании с местоимениями: *туох эмэ*, *ким эмэ*. А в сочетании с числительным *биир* ‘один’ частица *эмэ* выражает значение очень малого количества: *Сахалар биир эмит дьоһуннаах айымньыларын билэр буолуохтааххын* [Там же, с. 89] ‘Ты должен знать **хотя бы** одно произведение на якутском языке’. Одним из значений частицы *эрэ* является употребление ее как средства выражения ограничения, недовольства: *Оччону эрэ биэрдэ* [7, с. 15] ‘Он дал только столько’; *Биэс эрэ оҕо баар* [Там же] ‘Есть только пять детей’. Частица *ини* усиливает значение малочисленности сказанного: *Мин да харчым ахсааннаах ини* [6, с. 12] ‘И мои деньги знают счет; У меня мало денег’.

Микрополе собирательности функционирует в зоне соприкосновения и взаимодействия полей неопределенно большого количества и единичности. Понятие собирательности – это представление говорящего о каком-либо множестве предметов как о едином понятии, т.е. множество воспринимается в совокупности. Частица *аах* выражает конкретную собирательность и является типичной логико-смысловой частицей, т.е. предмет при помощи *аах* обозначает совокупность определенных предметов, объединенных по тем или иным признакам. При этом важно не количество предметов, а понимание их как единого неделимого целого. *Дьонум аах быйыл бэккэ кыстаатылар* ‘Мои родители хорошо перезимовали’.

Частица *баҕастары*, которая состоит из *баҕас* и *-тары* (аффикс совместно-винительного падежа), тоже выражает собирательное значение: *Ыалдьыттар даҕаны кымыһы арыылары баҕастары иһэн кэбистилэр* ‘И гости выпили весь кумыс, масло и прочее’ [Там же].

Имя *аймах* монгольского происхождения, в современном якутском языке обозначает «родственник», «родня». Через свое собирательное значение оно превратилось в отыменную частицу, употребляющуюся с именами: *дьадаҕы аймах* ‘беднота’, *студент аймах* ‘студенчество’. *Аймах* часто сочетается с парными именами, которые тоже обладают обобщенной семантикой: *баай-тойот аймаҕа*, *атыһыт-эргиэмсик аймаҕа*. В якутском языке имеется целая группа частиц, которые, примыкая к имени существительному как постпозитивный компонент, придают его семантике собирательное значение: *эҕин* (*эгин*), *иктэ*, *сах*, *үөдэн*, *тайма*, *саҕар*, *той*, *дөрбөн*, *хаар* [2, с. 137]. *Хаптаһын, тоһоҕо той* булуутун... *уопсайынан, салайыаҕа прораб Грунин* [6, с.

33] ‘Приобретение досок, гвоздей **и тому подобного...** в общем обеспечит прораб Грунин’. Некоторые из них имеют дополнительные модальные значения, такие как пренебрежение или осуждение: *майыр, тайма... Онтукаң бөбө-саба, кирилиэхэ таймата* элбэх ‘Так у него **много всякого хлама**’; *Бытыгың сабарың сүрдэммит* ‘Ты **ужасно** выглядишь: отрастил **усы и прочее**’; *Мабаһыыңна сиидэс иктэ* элбэх ‘В магазине ситца и **прочей простой материи** много’ [2, с. 138].

Значение приблизительности создается соединением количественных числительных с наречиями и предлогами, указывающими на приблизительность: *быһа холоон, быһыылаах, саба, быһыыта, иһэ үллүбүтэ, саба бырабан, саба тарыйан*. Приблизительное число в якутском языке может обозначаться при помощи двух или нескольких числительных и т.д. Например, *Мантан икки биэрэстэ кэриңэ сиртэн бу диэки сатыы кэлэн иһэр оҕонньору туттубут* [6, с. 32] ‘**Примерно** в двух верстах отсюда мы арестовали одного пешего старика’. Частица *собус* употребляется с неопределенно-количественными именами *үгүс* ‘множество’, *элбэх* ‘много’, *аһыйах* ‘мало’, *балачча* ‘порядочно’ и т.д., придает им значение «почти», «не совсем», т.е. чувствуется какая-то малая доля неуверенности: *Кырдьык, ол сыл элбэх собус балыгы туттарбыппыт* [7, с. 96] ‘Правда, в тот год мы наловили **довольно** много рыбы’.

Таким образом, количественность в якутском языке выражается не только при помощи числительных и аффиксов множественного числа, но и целого арсенала других языковых средств. Как показывает приведенный фактический материал, частицы играют важную роль в передаче значения количественности. Особенно большое количество данных служебных частей речи было зафиксировано в микрополе неопределенно большого количества. При этом, частицы не утрачивают модальное значение, выражая субъективную оценку количества со стороны говорящего.

Литература

1. Бетлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1989. – 644 с.
2. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1978. – 298 с.
3. Полевой материал автора Ивановой И. Б. – Якутск, 2012-2014.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Э. Р. Тенишев, В.Д. Аракин и др. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
5. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – 265 с.
6. Хотугу сулус. – 1954. – № 4. – 235 с.
7. Хотугу сулус. – 1969. – № 2. – 231 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_026

В.С. Ондар, А.Я. Салчак, Ш.Ю. Кужугет,

НОЦ «Тюркология», Тувинский государственный университет

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА*

Одним из актуальных направлений прикладной лингвистики является корпусная лингвистика, задачей которой является разработка общих принципов построения и использования лингвистических корпусов с использованием компьютерных технологий.

Первый большой корпус текстов на машинном носителе создан в 1963 г. в Брауновском университете (США) У. Френсисом (W. Fransis) и Г. Кучера (H. Kucera). На данный момент созданы корпуса многих языков мира. В апреле 2004 г. был открыт и успешно функционирует Национальный корпус русского языка (www.rus.corpora.ru). Электронные корпуса создаются для многих тюркских языков: шорского (<http://corpora.iea.ras.ru/corpora>), башкирского (<http://web-corpora.net/bashcorpus>), казахского языка (<http://kazcorpus.kz/>), татарского языка (<http://www.corpus.antat.ru>, <http://www.corpus.tatar/>), крымскотатарского языка (<http://korpus.juls.savba.sk/QIRIM/>), хакасского языка (<http://khakas.altai.ca.ru/>), турецкого языка (<http://www.tnc.org.tr>), алтайского языка (<http://altay2.gasu.ru/>), тувинского языка (<http://www.tuvascorpus.ru>), газетный корпус якутского языка.

Создание электронного корпуса тувинского языка началось при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в Научно-образовательном центре «Тюркология» Тувинского государственного университета с 2011 г. преподавателями и сотрудниками университета Бавуу-Сюрюн М.В., Салчак А.Я., Ондар В.С., Ооржак Б.Ч., Хертек А.Б., Байыр-оол А.В., Далаа С.М., Арапчор Т.А (проект № 11-04-12073в «Электронный корпус текстов тувинского языка»). Руководитель проекта – к.филол.н. Салчак А.Я. В результате выполнения проекта были переведены в электронный вид и отредактированы прозаические произведения тувинских писателей советского периода, основателей тувинской литературы С.А. Сарыг-оола, С.К. Токи, писателей второго поколения М.Б. Кенин-Лопсана, К-Э.К. Кудажи, С.С. Сюрюн-оола, Е.Д. Тановой, а также писателей современного периода Э.Л. Донгака, Н.Ш. Куулара, З.С. Байсаловой, Ш.М. Сувана и других авторов. В Корпусе тувинского языка представлены также некоторые поэтические тексты, фольклорные тексты, пьесы В.Ш. Кок-оола, С.К. Тока, В.С. Серен-оола,

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 34.3876.2017/4.6

тексты официально-деловых документов на тувинском и русском языках (Конституция Республики Тыва, и некоторые законодательные документы о выборах депутатов, должностных лиц и т.д.), а также образцы фольклора и бытовой речи тувинцев Монголии. Исполнителями проекта созданы базы данных именных, глагольных, местоименных аффиксов, служебных частей речи, предложена морфологическая разметка электронного корпуса тувинского языка по формально-морфологическому подходу [4]. Результаты проекта размещены на сайте <http://tuvacorpus.ru/>, опубликованы в статьях А.Я. Салчак [2,3].

Продолжением работы по разработке Электронного корпуса текстов тувинского языка является проект «Создание базы данных лексического фонда тувинского языка», поддержанный Российским гуманитарным научным фондом (проект №16-04-12020, 2016-2017 гг.). Руководителем проекта является к.филол.н., с.н.с. НОЦ «Тюркология» Ооржак Б.Ч. Создаваемые базы данных лексического фонда будут использоваться для составления тематических, объяснительных, частотных словарей, словарей сочетаемости, синонимов, антонимов, а также при написании учебников и учебных пособий по тувинскому языку.

Проблемы, итоги создания и развития электронных ресурсов на тувинском языке, а также перспективы создания Национального корпуса тувинского языка были затронуты в статье Бавуу-Сюрюн М.В. [1].

Работа по созданию электронных корпусов продолжается в рамках проекта Тувинского государственного университета, поддержанного по проектной части Госзадания по теме «Системные изменения в языковой картине тувинцев России и зарубежья: традиции и современность» под руководством к.филол.н., с.н.с. НОЦ «Тюркология» Ооржак Б.Ч.С привлечением данных существующего электронного корпуса тувинского языка проводится исследование изменений в лексической семантике и в грамматических категориях младописьменного тувинского языка и их отражение в языковой картине мира. В рамках проекта осуществляется работа по пополнению существующих электронных корпусов, а также начата работа по созданию новых корпусов тувинского языка – параллельных текстов, детской литературы, фольклорных текстов.

Корпус параллельных текстов. Корпус параллельных текстов будет включать тувинско-русский, русско-тувинский, монгольско-тувинский, немецко-тувинский, тувинско-немецкий, тувинско-английский подкорпусы.

Тувинско-русский корпус. Работа над созданием тувинско-русского электронного корпуса ведется с февраля 2017 года научными сотрудниками НОЦ «Тюркология» и студентами Тувинского госуниверситета: Б.Ч. Ооржак., А.Б. Хертек., В.С. Ондар., А.Я., Салчак., Ш.Ю. Кужугет., А.А. Нара-Мандып.,

Б.А. Бавуу-Сюрюн., Б.О. Нара-Мандып., А.Б. Самбуу. При создании данного корпуса на первом этапе был составлен список произведений тувинских писателей, переведенных на русский язык и произведений русских писателей, переведенных на тувинский язык. Из данного списка были отобраны произведения классиков тувинской литературы для первоочередного включения в тувинско-русский корпус.

Участниками проекта ведется большая и трудоемкая работа по переводу в электронный вид отобранных произведений тувинско-русского корпуса. Многие произведения имеются в единственном экземпляре, в фондах редких книг библиотек, состояние которых не позволяет сделать сканирование. Поэтому многие произведения переводятся в электронный вид вручную. После перевода в электронный вид вручную требуется вычитка и тщательное редактирование набранных текстов. Это требует дополнительного времени и сил. На сегодняшний день в состав тувинско-русского корпуса вошли произведения основателей тувинской литературы и писателей второго и третьего поколения и их переводы на русский язык (С. Сарыг-оол «Аңгыр-оолдуң тоожузу» – «Повесть о светлом мальчике» (перевод М. Чанина, И. Чернев), М. Кенин-Лопсан «Улуг хемниң шакпынчызы» – «Стремнина великой реки» (перевод В. Малюгин), «Херээженниң чоргааралы» – «Судьба женщины» (В. Малюгин), «Тениң самы» – «Танец козерога» (перевод С. Козлова), М. Кенин-Лопсан «Дээрниң көрүнчүү» – «Небесное зеркало» (перевод Э. Фонякова), К-Э. Кудажы «Ырлыг булак» – «Поющий родник» (перевод А. Китайник), О. Саган-оол «Төрээн кижилер» – «Родные люди» (перевод О. Ивинская, С. Северцева, А. Крюкова и др), Л. Чадамба «Аян-чорук» – «Путешествие» (перевод К. Аракчаа, В. Бузыкаев, Б. Хертек, З. Чадамба, Е. Чадамба), и др), Б. Донгак «Өңүктөр дугайында тоожу» – «Повесть о друзьях» (перевод В. Серганова). Из имеющихся на данный момент текстов в электронном виде составляется база параллельных текстов в формате EXCEL для дальнейшего анализа, обработки, создания разметки и программ поиска. Из произведений русских писателей, переведенных на тувинский язык, на сегодняшнем этапе в электронном виде имеются произведения М.А. Шолохова «Поднятая целина» – «Андарган кур чер» (перевод Б. Ондар., С. Пюрбю), А. П. Чехова «Человек в футляре» – «Хапта кижии» (перевод М. Хомушку), «Тоска» – «Муңгарал» (перевод С. Серен), «Ванька» – «Ванька», «Смерть чиновника» – «Дүжүметтиң өлгени», «Унтер Пришибеев» – «Унтер Пришибеев» (перевод С. Серен).

Корпус текстов детской тувинской переводной литературы включает на данный момент произведения А.С. Пушкина: «Дубровский» – «Дубровский» (перевод О. Саган-оол), «Сказка о рыбаке и рыбке» – «Балыкчы болгаш балык дугайында тоол» (перевод А.А. Даржай), М.Ю. Лермонтова: «Герой нашего

времени» – «Бистиң үениң маадыры» (перевод О. Саган-оол), К. Чуковского: «Доктор Айболит» – «Эмчи Айболит» (перевод К-Э. Кудажы), М.А. Шолохова: «Слово о Родине» – «Төрээн чурт дугайында сөс» (перевод О. Саган-оол), братьев Гримм: «Горшок каши» – «Доңгада кадык» (перевод С. Сарыг-оол), Т.Г. Шевченко: «Завещание» – «Чагыг» (составитель сборника М. Кенин-Лопсан), переведенные на тувинский язык.

Диалектный корпус. Основу диалектного корпуса составляют образцы бытовой речи, устного народного творчества, фото- и видеоматериалы, собранные во время экспедиций в места проживания тувинцев за рубежом и по районам Республики Тыва под руководством Бавуу-Сюрюн М.В.

Фольклорный корпус. Документацию фольклорных текстов, записей музыкального фольклора и устной речи ведут различные научные учреждения республики: Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Международный научный центр «Хоомей», Центр тувинской традиционной культуры и ремесел, Тувинский государственный университет. Однако нет общей базы данных по фольклорному корпусу, поэтому она создается в НОЦ «Тюркология». На данный момент составлена база данных по пословицам и поговоркам, проведен сбор, обработка и перевод в электронный вид текстов тувинского героического эпоса (48 текстов), тувинских сказок на русском языке (12 текстов), текстов малых жанров тувинского фольклора (13 текстов восхвалений), база данных по обрядовой поэзии (22 текста). Корпус дополнен текстом героического эпоса «Мөге-Сагаан-Тоолай», 5 текстами легенд о наименованиях местностей, 3 текстами тувинских сказок «Дилгижек-оол», 5 текстами народных песен, собранными во время экспедиции в Монголию.

Таким образом, работа по созданию электронного, а в будущем Национального корпуса тувинского языка продолжается, ведется планомерная работа по созданию и пополнению основного, параллельного, диалектного, фольклорного, поэтического подкорпусов, однако имеются трудности, связанные с созданием специализированных программ и опубликованием корпуса.

Литература

1. Бавуу-Сюрюн М.В. Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 4 (32). – С. 1.
2. Салчак А.Я. Электронный корпус текстов тувинского языка // Новые исследования Тувы. – 2012. – № 3 (15). – С. 110-114.
3. Салчак А.Я., Байыроол А.В. Электронный корпус тувинского языка: состояние, проблемы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 408-409.
4. Хертек А.Б., Ооржак Б.Ч. О Морфологической разметке электронного корпуса текстов тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7-2 (18). – С. 214-218.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Актуальность изучения исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера обусловлена необходимостью сохранения уникальных языков и культур как части духовного и интеллектуального потенциала человечества.

Эвенский язык входит в число тех языков Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые являются предметом изучения отечественных языковедов уже более полутора веков. Накопление материалов по эвенскому языку было начато в XVII – начале XVIII веков. Первые, очень небольшие по объему записи тунгусских и ламутских слов принадлежат немецкому ученому Николаасу-Корнелиссону Витсену. Он опубликовал эти записи, наряду с материалами по другим сибирским языкам, в Амстердаме в 1692, 1705 и 1785 годах. Такие же небольшие по объему списки тунгусских и ламутских слов составил немецкий ученый доктор Даниил Готлиб Мессершмидт во время экспедиции в 1719 году. Эти записи опубликовал Ю.Клапрот в 1823 году в Париже. В материалах экспедиции В.И. Беринга (1733-1743 гг), хранящихся в Центральном архиве древних актов, имеются записи на ламутском языке, сделанные С.П. Крашенинниковым на Охотском побережье.

В 1787 году в России вышел «Сравнительный словарь всех языков и наречий», составленный академиком Петром-Симоном Палласом. В этот словарь вошли образцы языков народов, проживающих в России, и наряду с ними – материалы по двум диалектам эвенского языка. К концу XVIII века относятся словарные материалы М.М. Робека (участника экспедиции И.И. Биллингса в 1785-1794 гг.), который записал около 200 слов от колымских эвенов. Эти записи изданы в 1811 году в Петербурге в качестве приложения к книге Г.А. Сарычева, посвященной описанию путешествия И.И. Биллингса.

В XIX веке объем собирательской работы по эвенскому языку возрастает. К этому периоду относится миссионерская деятельность с целью приобщения эвенов к православной вере. Миссионер Охотска Стефан Попов осуществил перевод на эвенский язык Евангелия (издан в 1880 году в Казани), написал букварь, в котором излагались молитвы (издан в 1858 году в Москве). Словарь и переводы Стефана Попова послужили материалом для издания академиком А.А. Шифнером первых обобщенных сведений по грамматике и фонетике ламутского языка (изданы на немецком языке в 1859 году в Петербурге). А.А. Шифнер опубликовал также материалы по ламутскому языку Г. Майделя,

состоящие из словаря и текстов (издано на немецком языке в 1874 году в Петербурге). В середине XIX века под руководством выдающегося просветителя народов Сибири и Северной Америки ученого-языковеда и этнографа И.Е. Вениаминова (Иннокентия) был осуществлен перевод на эвенский язык Евангелия от Матфея, который дал основу для описания звукового и грамматического строя эвенского языка [1].

В конце XIX века В.Г. Богораз, пользуясь классическим трудом М.А. Кастрена «Основы тунгусской грамматики», дал первое систематическое научное описание эвенского языка и собрал материалы по языку эвенов Колымы и Омолона, которые были изданы в 1931 году. Это издание положило начало качественно новому этапу описания и изучения не только грамматики, лексики языка эвенов, но и описанию диалектов эвенского языка. В 1936 году был издан «Краткий эвенско-русский словарь» В.И. Левина, который содержал 5000 слов.

Исследование и описание грамматического строя эвенского языка было продолжено непосредственной ученицей В.Г. Богораза Верой Ивановной Цинциус, автором наиболее полного грамматического описания эвенского языка (1947) и двуязычных словарей. Первый русско-эвенский словарь, составленный Л.Д. Ришес под редакцией В.И. Цинциус и вышедший в свет в 1950 году, предназначался для эвенской начальной школы и содержал около 8500 слов. В 1952 г. под авторством В.И. Цинциус и Л.Д. Ришес был издан «Русско-эвенский словарь», содержащий свыше 20000 слов. Данный труд является наиболее удачным и ценным в научном плане словарем. Те же авторы в 1957 году опубликовали «Эвенско-русский словарь», содержащий около 10000 слов.

После длительной паузы лексикографическая работа по эвенскому языку была возобновлена в 1988 году выходом книги «Эвенско-русский и русско-эвенский словарь» для начальной школы (составители В.А. Роббек, Х.И. Дуткин, А.А. Бурькин), где впервые были кодифицированы правила действующей эвенской орфографии. Далее были опубликованы на действующей графике «Эвенско-русский и русско-эвенский словарь для школ» (2002 г.), «Эвенско-русский словарь для кочевых школ» (2006), составленные В.А. Роббеком и М.Е. Роббек. В 2005 году вышел в свет «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека и М.Е. Роббек, содержащий более 14000 слов. Словарь является наиболее полным собранием эвенской лексики, составлен на основе лексики эвенского литературного языка, в основе которого лежат говоры восточного наречия эвенского языка. Включены в словарь и отдельные слова, характерные только для говоров среднего и западного наречий с определенными указаниями [2].

Дальнейшее изучение отдельных аспектов грамматики эвенского языка, а также описание эвенских диалектов и говоров было предпринято учениками В.И. Цинциус – К.А. Новиковой, В.Д. Лебедевым, В.А. Роббеком, Х.И. Дуткиным, перу которых принадлежат ряд монографических исследований по грамматике, лексике и диалектологии эвенского языка, где, как правило, приводятся глоссарий описываемых говоров.

Как видно из краткого обзора, несмотря на то, что традиция составления двуязычных словарей в эвенском языкознании имеет многолетнюю историю, современное состояние данной отрасли лексикографической деятельности в исторически сложившихся условиях не удовлетворяет спросам и нуждам современного общества. Сегодня в условиях постепенной утраты традиционных коммуникативных функций эвенского языка, сужения сферы его использования, концептуально важным для ревитализации языка является целенаправленная научная деятельность по лингвистическому обеспечению его развития – создание различных типов словарей, описательных грамматик, издание фольклорных материалов. Реалии сегодняшней языковой ситуации таковы, что в настоящее время особенно востребован в сфере науки, образования, культуры и быта именно русско-эвенский словарь. «Русско-эвенский словарь» В.И. Цинциус и Л.Д. Ришес, изданный 66 лет назад, сегодня стал библиографической редкостью [3].

Необходимость лексикографического описания эвенского языка обусловлена не только отсутствием современных русско-эвенских словарей, но и наличием уникального фактического материала (полевого и архивного) по различным диалектам и говорам эвенского языка, характеризующего особенности реального функционирования языковых формаций, данными контрастивной и корпусной лингвистики, которые позволяют наиболее полно раскрыть семантические аспекты лексических единиц.

В данной связи, в рамках работы над проектом «Лексикографическое описание эвенского языка: русско-эвенский словарь» планируется систематическое описание лексики эвенского языка, где будет представлен обширный диалектный материал, впервые вводимый в научный оборот; исследование семантики определенных лексических единиц, отсутствующих в изданных словарях; разработка определенных проблем эвенской лексикологии и лексикографии, например, анализ толкования некоторых слов, терминов, получивших новые оттенки значения.

В ходе работы пересматриваются толкования ряда слов, терминов, получивших новые оттенки значения, для приведения их в соответствие с современными понятиями, даны грамматические характеристики определенных лексем, иллюстрированные фразовыми примерами.

Например, в ранее изданных словарях слово «валяться» переводилось только словом *дэсчидэй* 'лежать', в разрабатываемом словнике с учетом полисемии оно представлено следующим образом:

ВАЛЯТЬСЯ 1. (*быть разбросанным*) нёдуптай, хйктаптай, усиңэптэй; 2. (*кувыркаться*) хукэлкэттэй, хэткэттэй; **все его выюки свалились** инуңэлни эйду хэткэттэ; **на лету задела крылом двери лабаза, да так, что двери повалились** дэгникэн нэкул уркэлбутэн дэтлэди хуңриснин нян уркэл хэткэттитэн; 3. (лежать) дэсчикэттэй, хамардай [би хамар-да-м] *Алл; олень, не выдержав тяжести груза, свалился* оран, ируму эникэн эттэ, хамардан.

В ходе работы над проектом в научный оборот вводятся диалектизмы из говоров западного и среднего наречий (аллаиховского, верхнеколымского, ламунхинского, нижнеколымского, саккырырского, томпонского, усть-янского), ранее не фиксировавшиеся в словарях, например: бедро *анат. гахйи Л*; бедственный хилго *Л*; бедствовать хйлдай, хилговиттэй *Л*; люди бедствовали, когда наступили голодные времена оминан очалан бэйл хилгов иттитнө *Л*; *вкус дют У-Я; вкусно дютуке У-Я; как вкусна мамина стряпня дютуке эне деплэңэн; грязный лөтиңи Н-К; лежать хамардай [би хамар-да-м] Алл.; лодка кэвкукэн Л, ольде / ульде Н-К.; морщинистый лориңи Н-К.*

Результаты исследования по проекту будут иметь прикладное значение для лексикографии (составление словарей и атласов), будут востребованы при разработке академической грамматики эвенского языка. Материалы и выводы могут быть использованы в сравнительно-сопоставительных исследованиях, диалектологии, подготовке учебных пособий по эвенскому языку, практике преподавания эвенского языка.

Литература

1. Горцевская В.А. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. – Л.: Учпедгиз, 1959. – 79 с.
2. Петров А.А. История изучения тунгусо-маньчжурских языков в России (очерки исследования). – СПб.: Алмаз-Граф, 2013. – 88 с.
3. Цинциус В.И, Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. – 778 с.

НЕКОТОРЫЕ НАЗВАНИЯ НАСЕКОМЫХ В ЯКУТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Диалектные расхождения в якутском языке впервые были отмечены О.Н. Бетлингом, хотя в то время они не квалифицировались как диалектные [1]. В исследованиях крупного специалиста в области якутской грамматики и диалектологии Е.И. Коркиной подробно рассмотрены фонетические, грамматические, лексические особенности колымского, индигирского, оймьяконского, усть-янского говоров и саккырырского подговоров [6]. О её монографии Ф.Н. Дьячковским отмечено следующее: «Изучение грамматики и лексики родного языка привело Е.И. Коркину к постановке и исследованию особенностей одной из четырех диалектных зон якутского языка – северо-восточной, которая до сих пор хранит многие архаические черты во всех аспектах языка... она впервые внесла коррективы в разделение говоров северо-восточной диалектной зоны» [3, с. 78–82].

Из работ по якутской диалектологии следует отметить труды С.А. Иванова по фонетическим, морфологическим, лексическим особенностям говоров. Он отмечает, что лексический состав якутского языка достаточно богат, постоянно обогащается новыми словами, но некоторые устаревшие и вышедшие из употребления в одних говорах основы продолжают жить в других, особенно периферийных, говорах [5]. Такие явления в лексике могут свидетельствовать о древних лингвистических связях, истории народа саха. С этой точки зрения, исследование лексического состава якутского языка, диалектных слов по тематическим группам представляет большой интерес для современного языкознания. Наиболее показательными в этом плане, на наш взгляд, являются названия животного мира, так как «внешний мир и внутреннее его осмысление – это те факторы, которые порождают языковую картину мира любого национального языка, т.е. одной из составляющих языковой картины внешнего мира является и природная среда» [4, с. 3]. В настоящей статье представлен результат анализа названий насекомых, основанного на материале словарей якутского языка.

Инсектонимы - названия насекомых - якутского языка по мотивирующим принципам номинации можно разделить на следующие группы:

1) по издаваемому насекомым звуку при движении или производимом действии: *күүгэс* ‘златоглазик (вид слепня)’ [9, с. 118], *дыыгынас* ‘жужжалы’ [12, с. 117], *этиң тиһэ* ‘жук-усач’ [12, с. 114];

2) в соответствии с цветовыми особенностями: як. диал. *ала кымырдабас* ‘разновидность муравья’ [13, с. 43], як. диал. *аал үрүмэччитэ* ‘большая пестрая бабочка с пятнами на крыльях’, як. диал. *абааны лыба* ‘крупная черная бабочка, садящаяся на дерево’ [13, с. 39];

3) по среде обитания или объекта питания насекомого: як. диал. *бырыы үрүмэччитэ* ‘белая бабочка, питающаяся болотным илом’ [5, с. 110], як. диал. *уу кыыһа* ‘стрекоза’ [Там же];

4) по особенностям производимого действия и характеризующим поведением: як. диал. *мас кэбийэр* или *мас кэймэнньэң* ‘личинка жука-дровосека’ [5, с. 288]; *тигээйи* ‘оса’ [11, с. 318], *оңоойу* ‘мошка, мошкара’ [10, с. 303], *кыымаайы*, *кырдаайы* ‘мошка, мошкара’ [13, с. 137];

5) по особенностям строения: як. диал. *бишлээх* ‘муравей’ [13, с. 62], як. диал. *мас кэһэх* ‘водное насекомое’ [5, с. 289], як. диал. *онобос төбөтө/тумса* ‘стрекоза’ [5, с. 372]; 6) наименования, образованные на основе сходства насекомого с животными и птицами: як. диал. *туруйа кумаара* ‘карамора’ [5, с. 110], *тайах абабата* ‘дровосек, усач’ [13, с. 233]; 7) названия насекомых на основе религиозных представлений, верований: *таңара лыба* ‘махаон’ [12, с. 115], *ойуун лыба* ‘репница’ [Там же, с. 116].

В составе инсектонимов присутствуют наименования как тюркского, так и монгольского, тунгусо-маньчжурского происхождения. Например, собственно тюркскими являются: *көйүүр* ‘моль’ <*güñe / *güña ‘моль’: карах. *küjü* [17, с. 741]; монгольские: *чоху* ‘водолюб’ <*çoku ‘жук’, п.-мо. *çoqu*, х.-мо. *sox*, бур. *soxo* [Там же, с. 412]; *ообуй* ‘паук’ <*haba-kai ‘паук’: п.-мо. *abaqai*, *abaqaqai*, бур. *abāxaj* [Там же, с. 1135]; *үөн* ‘насекомое’ <*heüi ‘бородавка’: п.-мо. *egüi*, бур. *ü(n)*, калм. *ün*, орд. *ü*, даг. *хиеси*, монгр. *хүрзэ* [Там же, с. 1082]; *бырдах* ‘комар’ <*bur, ср.-мо. *burtaq*, п.-мо. *burtay*, мо. *буртаг*, бур. *буртаг*, ойр. *буртаг* ‘грязь, нечистоты; грязный, нечистый, поганый’ [15, с. 118]; тунгусо-маньчжурские: як. диал. *арамыын* ‘личинки овода, развивающиеся в носовой полости оленя’ <эвенк *аравгии*, *аравгуу* ‘личинки овода’ [13, с. 49], *кулүмэн* ‘слепень’ <эвенк. *кумикээн* ‘насекомое, букашка; жужелица’ [8, с. 622].

Эти названия образовались при помощи аффиксов или атрибутивного сочетания. Приведем примеры двусложных и трехсложных основ, которые образовались аффиксальным способом:

а) *-гэс*: *күүгэс* ‘златоглазик (вид слепня)’ [9, с. 118] < *күү* звукоподражательное слово + *-гэс* аффикс по результату действия;

б) *-аайы*: *кырдаайы* ‘мошка, мошкара’ <*кыр*- ‘нечто мелкое, маленькое’, *кыымаайы* ‘мошка, мошкара’ <каз. *кум* ‘нечто мелкое, копошащееся, кишашщее’ + *-аайы*, *оңоойу* ‘мошка, мошкара’ <*оң*- ‘выковыривать, выколупывать, выклеивать’ + *-оойу*, *тигээйи* ‘оса’ <др.-тюрк. *тик*- ‘жалить, ужалить’ + *-ээйи*;

в) **-чы, -чыт, -һыт**: *үрүмэччи* 'бабочка' <др.-тюрк. *ör* 'плести' [16, с. 545], *онобосчут* 'стрелки' <*sagin-gač 'стрела' + *-чут* [17, с. 1272], *тиришһит* 'кожоед' <др.-тюрк. *teri* 'кожа' + *-һит* [17, с. 1367].

К сложным (слитным) относятся названия насекомых, которые образуются посредством словосложения из двух и более основ, такие наименования редки. Например, лексема *хомурдуос* 'жук' состоит из двух элементов <др.-тюрк. *гоһуз* 'жук' + тув. *doos* 'жук', в сочетании *doos-gara* 'жук' [14, с. 187].

Наиболее продуктивным является атрибутивное словосочетание, образованное: а) по II типу изафета: як. диал. *ас сахсырбаты* 'разновидность мух' [13, с. 52]; б) по типу «существительное + причастие»: як. диал. *мас кэбийэр* 'личинка жука-дровосека' <*мас* 'дерево' + *кэбийэр* причастная форма от *кэбий* 'грызть, прогрызть'; в) по типу «существительное+прилагательное» *мас кэймэньэң* 'личинка жука-дровосека' <*кэймэньэң* от *кэймээ*- в значении 'грызть, перегрызть' [5, с. 288]; г) тип «существительное + существительное» як. диал. *мас кэхэх* 'водное насекомое' <*мас* 'деревянный' + *кэхэх* 'колчан' употребляется в значении 'ракушка' [Там же, с. 289].

Многие из насекомых являются вредоносными или паразитами, питаются кровью живых организмов. Вероятно, поэтому фразеологизмы, содержащие в своем составе названия насекомых, передают отрицательные качества, недостатки человека: *баккы быта баска, кэтинчэ быта кэтэххэ ытынна* 'сделать карьеру (о стремительной карьере никчемного человека)' [7, с. 121], *иһэ эриэн үөн* 'гадкий, отвратительный человек' [Там же, с. 214], *баһыгар быта да суох* 'не имеющий никакого личного имущества, денег ...' [Там же, с. 130], *үөл мастан үөннээн сиир, аһаах мастан астаан аһыыр* 'человек, из всего извлекающий пользу' [Там же, с. 290], *үөнү булбут соххор туруйаба дылы* 'о жадном, темном человеке' [2, с. 106], *үөн хаата* 'каверзник; постоянно делающий пакости', *үөнэ-көйүүрэ бүппэт* 'продолжать свои каверзы' [7, с. 291]. Приведенные примеры показывают, что инсектонимы представляют интересный материал для лексикологии и требуют дальнейших более глубоких изысканий.

Литература

1. Бётлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
2. Григорьев Н.С. Саха тылын сомоҕо домоҕун тылдыыта. – Якутск: Кн. изд.-во, 1974. – 128 с.
3. Дьячковский Ф.Н. Е.И. Коркина – лексикограф и лексиколог // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – №2 (5). – С. 78–82.
4. Замалетдинов Р.Р., Мухаметзянова Л.Р., Хуснутдинов Д.Х. Татарская лингвокультурология: концепты материального мира человека / Под ред. проф. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Отечество, 2012. – 196 с.
5. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.

6. Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.
7. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Издат. СО РАН, филиал “Гео”, 2002. – Т. 1. – 287 с.

Источники

8. БТСЯЯ, 2007 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IV (Буква К) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.
9. БТСЯЯ, 2008 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V (Буква К) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.
10. БТСЯЯ, 2010 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII(НЬ-П) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с.
11. БТСЯЯ, 2013 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X (Буква Т) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.
12. РЯСБТ, 1993 – Русско-якутский словарь биологических терминов / Г.С. Угаров. – Екатеринбург: Уральский лес, 1993. – 171 с.
13. ДСЯЯ, 1976 – Диалектологический словарь якутского языка / П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
14. СИГТЯ, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 821 с.
15. ЭСМЯ, 2015 – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. I (А–Е) / Институт востоковедения РАН / гл. ред. Г.Д. Санжеев. – М.: ИВ РАН, 2015. – 224 с.
16. ЭСТЯ, 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
17. EDAL – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – Leiden, 2003. – 1556 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_029

Л.М. Хусаинова,

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО

«Башкирский государственный университет»

КОДИФИКАЦИЯ ПРАВОПИСАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ С КОМПОНЕНТОМ “АК (БЕЛЫЙ)” В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном башкирском языке широко представлены детерминативные сложные существительные (с подчинительными отношениями компонентов основ), которые рассматриваются профессором А.А. Юлдашевым как сращенные и составные [4, с. 112]. При образовании сращенных имен существительных в роли определительного компонента выступают, как правило, имена прилагательные. В данной статье нами рассмотрены такие сложные слова, в которых к опорному второму компоненту (существительному) предшествует прилагательное “ак / белый” в плане их правописания, так как практика показывает оформление таких единиц как

минимум в трех вариантах: слитное (актамыр), отдельное (ак айыу) и полуслитное (ак-сал) написание. Для анализа мы использовали материал «Академического словаря башкирского языка» [2], в котором зафиксировано более 100 слов с компонентом “ак” в препозитивном положении, составляющие следующие лексико-тематические группы:

1. Ботанические термины: *азарна* (ячмень двурядный), *азүлән* (бекмания), *ак алабута* (марь белая), *акбабай* (одуванчик), *акбаши* (лабазник шестилепестный), *ак бәшимәк* (белый гриб), *ак ерек* (белая ольха), *ак көләпә* (шампиньон), *акканат* (белокрыльник), *ак кандала үләне* (донник белый), *аккойрок* (белохвост), *ак кондорак* (полевица белая), *акмыйык* (белоус), *ак сәскә* (ромашка), *ак сәтләүек* (диморфант), *актамыр* (пырей ползучий), *ак тирәк* (белый тополь), *ак тукранбаши* (клевер белый), *ак тәтәй* (ромашка), *акторма* (хрен), *ак һөтлөкәй* (белый молочай), *акһыргак* (лобеля), *ак энис* (тмин обыкновенный).

2. Зоологические термины: *ак айыу* (белый медведь), *акбалык* (белорыбица), *ак буре* (белый волк), *ак күбәләк* (зорька), *аккүз* (чайка), *акканат буз тургай* (белокрылый жаворонок), *ак канатлы һабан тургайы* (белокрылый жаворонок), *аккош* (лебедь), *ак өйрәк* (луток), *ак ябалак* (белая сова), *ак селән* (серая цапля), *ак сәпсек* (белая трясогузка), *ак төлкө* (песец), *ак тургай* (белая лазоревка), *ак ябалак* (белая сова), *актүши* (оляпка), *ак яурын сал бөркөт* (белоплечий орел).

3. Названия камней, минералов: *агалтын* (платина), *ак акык* (опал), *ак балсык* (белая глина), *акбур* (мел), *ак кургаши* (олово), *акташи* (мел).

4. Медицинские термины: *азүзәк* (спинной мозг), *аксога* (спинной мозг), *акбаши* (копытница), *ак бизгәк* (белая горячка), *ак биззәү* (женщина, не рожавшая после первого ребенка), *ак бәйел* (добрый нрав), *ак канлылык* (белокровие), *аксүп* (бельмо), *ак яулык* (амнион).

5. Термины родства: *агинәй* (уважаемая пожилая женщина), *акбабай* (дядя), *ак бейем* (сестра мужа), *ак әбей* (пожилая женщина), *акһакал* (аксакал), *акһөйәк* (голубая кровь).

6. Мифологические термины: *ак бата* (доброе пожелание), *Ак болан* (священный белый олень), *Акбузат* (крылатый конь), *ак бүсер* (дух болезни), *ак донъя* (рай), *Ак йылан* (царь змей, белая змея), *ак күгәрсендәр* (души умерших детей и хороших людей), *ак күгәүендәр* (духи умерших), *ак корбан* (жертвоприношение), *ак мал* (кони, лошади), *ак теләк* (благопожелание), *ак яуын* (священный дождь), *ак биләү* (обережная пеленка).

7. Название родовых подразделений башкир: *акбалсык*, *акбирзе*, *акбулат*, *акбүләк*, *акбәрәннәр*, *акир*, *аккөбәк*, *аккөсөк*, *аккүл*, *аккайын*, *аксыуаши*, *аккырман*, *актабан*, *актайлак*, *актүбәтәй*, *акһуйыл*, *акһуйыр*.

Кроме этого, можно выделить еще несколько групп слов, куда можно отнести слова, обозначающие названия местности, жилищ, утвари (*азуй* – открытая долина между гор, *ак тирмә* – белая юрта, *ак мунса* – белая баня, *ак кейез* – белый войлок), природных явлений (*акбуран* – пурга, *ак тәндәр* – белые ночи, *акъюлай* – декабрь, *ак яуын* – мелкий дождь, *актатыр* – солончак, почва), продуктов питания (*ак ит* – белое мясо, *акһеркә* – уксус, *ак май* – сливочное масло). В «Академическом словаре башкирского языка» даны и такие примеры, как *Ак башта* (белый царь), *ак билет* (белый билет), *ак шигыр* (белый стих), которые являются общеизвестными и понятными для современного башкирского языка.

Все эти примеры относятся к именам существительным, где слово “ак” употреблено в значении обозначения цвета (растений, камней, масти животных), а также в значении “хороший”, “чистый”, “красивый”, “здоровый”, “священный” (мифотермины), “уважаемый”, “пожилой, возможно, седой” (термины родства). Кроме этого, слово “ак” имеет семантический оттенок “неизвестный, темный”, например, в слове “*ак тап*” (белое пятно), где прилагательное “белый” несёт значения “неясный, неизведанный”.

Лишь в нескольких примерах компонент “ак” выступает в составе прилагательного: *акбуз* (сизый), *ак-сал* (белёсый), *ак йөрәк* (с доброй душой).

Рассмотрим принципы правописания этих слов. Прежде всего следует отметить, что орфография таких единиц отдельно не регламентирована действующими правилами башкирского языка, хотя эти правила нашли отражение в предшествующей орфографии и в некоторых параграфах нынешней орфографии. По орфографии 1950 года “сложные слова, состоящие из двух корней или основ и выражающие одно понятие (собственные имена, видовые названия птиц, деревьев и т.д.) пишутся слитно” [3, с. 29], следовательно, все примеры, приведенные в пунктах 1-4 (ботанические термины, зоологические термины, названия камней и минералов, медицинские термины) должны писаться слитно. По орфографии 1981 года “термины родства пишутся слитно” [1, с. 355], следовательно, все примеры, данные в пункте 5, пишутся слитно.

А вот примеры, представленные в пункте 6 (мифологические термины), возможно, следует писать отдельно, так как в этих словах компонент “ак” имеет семантику “священный, добрый, хороший”, и предполагается существование и противоположных, темных сил.

В орфографии названий родовых подразделений башкир мы наблюдаем единообразие: все эти термины написаны слитно, так как в данном случае они выступают в роли онимов.

При написании таких слов, как названия местности, жилищ, утвари, природных явлений, продуктов питания, а также в примерах *Ак башта* (белый

царь), *ак билет* (белый билет), *ак шигыр* (белый стих) следует придерживаться отдельного написания, так как в данном случае слово “ак” не утратило своего определительного значения, и как правило, этим понятиям могут быть противопоставлены другие слова: *ак тирмэ* – йәшел тирмэ (зеленая юрта), *ак мунса* – кара мунса (букв. черная баня), *ак кейез* – йәшел кейез (зеленый войлок), *ак буран* – кара буран (букв. черный (сильный) буран, *ак төндәр* – кара төндәр (букв. черные (темные) ночи), *ак яуын* – кара яуын (букв. черный (сильный) дождь), *ак ит* (птичье мясо) – кызыл ит (букв. красное (говяжье) мясо), *ак май* – һары май (букв. желтое (топленое) мясо), *ак һеркә* – һары һеркә (букв. желтый (яблочный) уксус). Исключение составят слова *акъюлай* – декабрь и *актатыр* – солончак, которые следует писать слитно, так как в них утрачено определительное значение слова “ак”.

В орфографии сложных слов с компонентом “ак” не поддается трактовке полуслитное написание прилагательного *ак-сал* (белёсый, досл. белый-седой). Данное слово образовано по модели “прилагательное + прилагательное” аналогично слову “акбуз” (сизый, букв. белый-серый). На наш взгляд, и первое слово следует писать слитно, так как они в составе одного слова выражают одно понятие и утратили свою первоначальную семантику.

Таким образом, при написании сложных слов с компонентом “ак” целесообразно придерживаться слитного и отдельного написания, придерживаясь вышеназванных условий.

Литература

1. *Азнабаев Р.Г.* Орфографический словарь башкирского языка. – Уфа: Китап, 1998. – 368 с.
2. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т.1 (буква А). – Уфа: Китап, 2011. – 432 с.
3. *Ахмеров К.З.* Орфографический словарь башкирского литературного языка. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. – 235 с.
4. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_030

Н.М. Васильева,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

САХАЛЫЫ ТАБА СУРУЙУУ: АНКЫАТА ТҮМҮГЭ

Биллэрин курдук, 2015 сыл ахсынны 22 күнүгэр Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бырабыыталыстыбатын 501 №-дээх уураабынан сахалыы таба суруйуу уонна сурук бэлиэтин быраабылалара бигэргэммиттэрэ. Ол быраабылаларга олобуран

32000 кэрингэ тыллаах «Сахалыы таба суруйуу тылдыта» бэчээттэммитэ [1]. Онтон ыла икки сыл ааста. Бу быраабылалары тутуһуу билинни туруга хайдабын, таба суруйуу эрэсимин төһө тутуһалларын билэр сылтан араас өрүттээх чинчийини ытабыт. Холобур, сахалыы тыллаах хаһыат, сурунаал тылын-өһүн чинчийи, анкыата ытыгы о.д.а. Сахалыы хаһыаттар, тэлэбиидэннэ, араадыйа биэриилэрин эрдээктэрдэригэр, суруналыыстарга, саха тылын уонна литературатын учууталларыгар таба суруйуу туһунан ытыллыбыт анкыата түмүгүн кылгастык билиһиннэрэбит.

2017 с. олунньу 15 күнүгэр суруналыыстарга, эрдээктэрдэргэ уонна «Саха» национальнай көрдөрөр-иһитиннэрэр хампаанньа ытааччыларыгар анаммыт сэминээргэ анкыата толорторбуспут, барыта 24 хоруйдааччы кыттыбыта. Анкыата ыйытыктарыгар түмүк маннык:

1. «2015 сыл ахсынны 22 күнүгэр Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бырабытталыстыбата бигэргэппит сахалыы таба суруйуу быраабылаларыгар олобуран тахсыбыт «Сахалыы таба суруйуу тылдытын» туһунан туох санаалааххыный?» диэн ыйытыгы санаа маннык: а) тылдыты сүннүүнэн тутуһаллар; б) туһалаах, наадалаах тылдыт; в) сурулуута мөккүөрдээх тыл элбэх; г) тылдыт тыл-өс өттүгэр элбэх билиини биэрэр; д) нуучча тыла сахатытыллара үчүгэй.

2. «Хаһыат эрдээксийэтэ таба суруйуу тылдытын төһө тутуһарый? Тутуспат буоллабына төрүөтэ тугуй?» диэн ыйытыгы хоруйдары маннык наардыахха сөп (1-гы таб.):

1-гы табылыысса

«Хаһыат эрдээксийэтэ таба суруйуу тылдытын төһө тутуһарый? Тутуспат буоллабына төрүөтэ тугуй?» диэн ыйытыгы хоруй наарданыта, %

Хоруй барыйаана	Хоруйдааччы ахсаана	Бэлиэтээһин
Тутуһабыт	58,8	
Сороҕор	41,2	Тутуһа сатыыбыт
Суох	--	

Эрдээксийэ үлэһиттэрэ сүннүүнэн таба суруйуу быраабылаларын уонна тылдыты тутуһаллар. Бу тылдыт туһалаабын уонна наадалаабын ыйаллар.

3. Тылдыкка урут нууччалыы суруллар тыллар сахатыан киирбиттэрин эрдээксийэ төһө туттарын туһунан ыйытыгы хоруйдара 2-с таб. бэрилиннэ. Эрдээктэрдэр нуучча тылыттан киирии тыллары сахатытан тутталлар. Ол эрэри аһара толоостук сахатыты баарын, оннук тыллары туттубаттарын, ону сэргэ сахалыы солбук суоһун ыйаллар.

«Тылдыкка урут нууччалы суруллар тыллар сахатыан кирибиттэрин эрдээксийэ төһө туттарыт?» дин ыйытыга хоруй наарданыта, %

Хоруй барыйаана	Хоруйдааччы ахсаана	Бэлиэтээн
Сахатытабыт	47	
Сахатыта сатыбыт	41	Аһара толоостук сахатытыллыбыт кириити тыллары туһаммаппыт. Кэлтэйдии сахатыты дэлэйдэ
Суох	11	Урукку олоһурбут тыллары сахалы суруйабыт

4. Суруналыыстар, эрдээктэрдэр сахалы таба суруйуу боппуруоһугар этиилэрин сүрүннээн маннык наардыахха сөп: а) сахалы таба суруйуу сүннүнэн сөп хайысханан баран иһэр; б) мөккүөр элбэх, холобур, *уунан – ууннан, тыынан – тыыннан*; в) «Сахалы таба суруйуу тылдытын» бары тутуһуоһун; г) нуучча тылын сахатыта сатаабакка, сахалы солбук булан сахалы суруллара буоллар; д) сир аатын суруйууга өйдөмөт түгэннэр бааллар.

2017 с. муус устар 4 күнүгэр саха тылын, литературатын уонна култууратын учууталларын 1-кы Өрөспүүбүлүкэтээҕи сийиэһигэр кыттыбыт учууталларга анкыата толорторуутугар барыта 35 киһи кытынна.

Анкыата түмүктэрэ:

1. 2015 сыл ахсынны 22 күнүгэр Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бырабыыталыстыбата бигэргэппит сахалы таба суруйуу быраабылаларын уонна онно олоһуран тахсыбыт «Сахалы таба суруйуу тылдытын» туһунан учууталлар санаалара маннык: а) сана тахсыбыт тылдыты сөбүлүүллэр; б) үксүгэр, буоларын курдук, нууччаттан кириити тыллары суруйууга мунаахсыйалларын, үөрэнээччи суруйарыгар ыарыһатарын туһунан санааларын этэллэр; в) таба суруйуу тылдыта оскуолаҕа аһыйах, уруокка оһо барыта тэнинэн туһанара кыаллыбатын ыйаллар; г) *-һы(-һи)* сыһыарыынан үөскүүр даһаанын аат суруллуутун туһунан 37 №-дээх быраабыла оннунан хаалбытын биһирээбэттэр.

2. «Уруоккар тылдыты төһө туһанаһыныт? Туһаммат буоллахһына, төрүөтэ тугуй?» дин ыйытыга (3-с таб.) учууталлар бары кэриэтэ таба суруйуу тылдытын уруокка туһаналларын, ол эрээри оскуолаларга тылдыт тийбэтин тоһоһолоон бэлиэтииллэр. Учууталлар 5,7 % урукку тылдытынан (1975 с.) үөрэтэллэр, ол төрүөтэ – нуучча тылын аһара сахатыты.

«Уруоккар тылдыты төһө туһанабыный? Туһаммат буоллаххына, төрүөгэ тугуй?» диэн ыйытыгыга хоруй наарданыта, %

Хоруй барыйаана	Хоруйдааччы ахсаана	Бэлиэтээһин
Туһанабын	60	Оскуолаларга тылдыт тийбэт.
Сороҕор	34,3	
Суох	5,7	Тылдыты туһанар көдүүһэ суох.

3. Учууталлар «Нуучча тылыттан кирири тыллары уруокка төһө сахатытан туттабыный?» диэн ыйытыгыга манньк хоруйдаатылар (4-с таб.):

«Нуучча тылыттан кирири тыллары уруокка төһө сахатытан туттабыный?» диэн ыйытыгыга хоруй наарданыта, %

Хоруй барыйаана	Хоруйдааччы ахсаана	Бэлиэтээһин
Сахатытан туттабын	64,3	
Сороҕор	27,7	Оҕолор букуллаллар, өйдөөбөттөр
Суох	8	Нуучча тылын бэйэтинэн туттары өйүүллэр

Анкыатаҕа хоруйдаабыт учууталлар 64,3 % нуучча тылыттан кирир тыллары сахатытан тутталлар. Мантан көстөрүнэн, сахатытыны үгүстэрэ өйүүллэр. Ол эрэри үөрэнээччилэр сахатытан суруйарга ыарырҕаталлар диэн бэлиэтиллэр.

4. Сахалыы таба суруйуу боппуруоһугар этиилэри манньк наардыахха сөп: а) кэлин кирибит нуучча тыллары сахатыты сөптөөх диэн өйүүллэр; б) нуучча тылын наһаа сахатытынан үлүһүйүү баарын ыйаллар; в) таба суруйуу быраабылаларын тутуһарга ирдэбил күүһүрэгэр баҕараллар; г) таба суруйууга бары үлэлэһиэпитин, анаардас учуутал эрэ эбээһинэһэ буолбатабын тоһоҕолоон бэлиэтиллэр; д) таба суруйуу туһунан нэһилиэнньэҕэ сырдатары наадалаабынан ааҕаллар.

Салгыы кирири тыллары сахатыты туһунан эппиэттэртэн быһа тардыылары аҕалабын (хоруйдааччы таба суруйуута оннунан хаалла – Н.В.).

Анкыатаҕа хоруйдааччы: эр киһи, үрдүк үөрэхтээх, суруналыыс. *Кирири тылы кэлтэйдии сахатытан симэ сатааһын аһара баһыйда, дэлэйдэ. Бу тосхол сана, дынг ийэ тылын суох онорор кутталлаах.*

Анкыатаҕа хоруйдааччы: дьахтар, үрдүк үөрэхтээх, суруналыыс. *Нууччалыыны сахатытыны ыарырҕатабыт. Дуоһунаһы суруйууга тыл политикатын Сэбиэтэ ыппыт ыйынньыгынан туһанабыт.*

Анкыатаба хоруйдааччы: эр киһи, үрдүк үөрэхтээх, эрдээктэр. *Нуучча тылын төһө кыалларынан сахатытабыт эрэри, олус элбэх санга тыл киирэ турар, ону барытын сахатыта охсон кэбистэхпитинэ, аабааччы өйдүө суобун сөп. Ол иһин сахатытан суруйан баран, скобкаба нууччалыытын биэрэбит.*

Анкыатаба хоруйдааччы: эр киһи, үрдүк үөрэхтээх, учуутал. *Урукку орфографиянан үөрэммит киһиэхэ ыарахаттардаах.*

Анкыатаба хоруйдааччы: дьахтар, үрдүк үөрэхтээх, учуутал. *Төһө кыалларынан сахатыта сатыыбын. Оҕо орфографической тылдыкка киирбэтэх нууччалыы тылы сахатытан суруйдабына, сыһанан аахпаппын.*

Анкыатаба хоруйдааччы: дьахтар, үрдүк үөрэхтээх, учуутал. *Кирии тыллары сахатытабын. Үөрэнээччигэ уустук суруллуулаах нуучча тылларын саха тылын фонетикатын сокуонугар сөп түбэһиннэрэн бэйэлэригэр сахатытан суруйтарарга үөрэтэбин.*

Анкыатаба хоруйдааччы: дьахтар, үрдүк үөрэхтээх, учуутал. *Нууччалыы тылы бэйэтинэн туттар ордук. Билинги оҕо ылыммат, өссө буккуллар.*

Анкыатаба хоруйдааччы: эр киһи, үрдүк үөрэхтээх, учуутал. *Таба суруйуу тылдыта туттарга табыгастаах, үчүгэй тылдыт. Нууччаттан кирии тыллары сахатытар ордук, сангарарга да, суруйарга да ыарахана суох. Тылдыкка үгүс тыл суруллуута ыйылла сылдьар.*

Онон, түмүктээн эттэххэ, сахалыы тыллаах суруналыыстар, эрдээктэрдэр, саха тылын уонна литературатын учууталлара сана эрдээксийэлэнэн тахсыбыт таба суруйуу быраабылаларын уонна тылдыты биһирииллэр, нууччаттан кирии тыллары суруйууга аһара сахатытыыны сөбүлээбэттэр, нуучча тылыгар сахалыы солбук, тиэрмин булан, айан сахалыы суруллара буоллар диэн баба санаалаахтар. Бу хайысханан чинчийэр үлэ салгыы ытыллара былааннанар.

Литература

1. *Сахалыы таба суруйуу тылдыта* (Орфографический словарь якутского языка). – Якутск: Бичик, 2015. – 480 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_031

Ю.М. Борисова,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

ПРИНЦИПЫ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА В СЛОВАРЯХ Г.В. БАИШЕВА-АЛТАН САРЫНА И П.А. ОЙУНСКОГО

Вклад в якутскую терминологию Гаврила Васильевича Баишева-Алтан Сарына и Платона Алексеевича Ойунского широко освящен многими

исследователями. В данной статье мы попытаемся проанализировать словари деятелей языкового строительства 1920-1940 гг. с точки зрения теории современной терминологии в целях оптимизации типовых и композиционных параметров этих словарей.

В разработке принципов создания терминов из собственных ресурсов языка исторически важное значение имеет деятельность Г.В. Баишева-Алтан Сарына, который являлся сторонником нового направления, существовавшего в терминоведении в конце 20-х годов. Алтан Сарын тогда работал ученым секретарем Комитета якутской письменности. В стремлении как-то предостеречь якутский язык, его лексику от неоправданного, чрезмерного засорения иноязычными терминами он в свое время отстаивал создание терминологии за счет внутренних возможностей родного языка и, преследуя такую цель, предлагал следующие принципы терминоведения:

1) возрождение и использование архаизмов типа *мэнэ* 'вечность, вечный', *табык* 'курица', *кудук* 'колодец', *хой* 'баран', *хахай* 'свинья, кабан', *тэбиэн* 'верблюды';

2) закрепление за словами, имеющими, по его мнению, неясную семантику, четких терминованных значений, например: *дьылба* 'судьба', *номох* 'повесть', *хоһоон* 'стих', *тойук* 'куплет', *кут* 'душа';

3) создание терминов за счет искусственных аффиксов, которым придается условное отвлеченное значение, например, с помощью *-наат*: *дойдунаат* 'землячество', *киһинээт* 'человечество', *ийэнээт* 'материнство';

4) образование терминов словообразовательными средствами языка, при этом широко использовать малопродуктивные и омертвевшие аффиксы типа *-(ы)к* *көрүк* 'картина', *турук* 'стоянка', *этик* 'речь', *-лба* *көрүлгэ* 'зрелище', *ытылба* 'пропеллер', *-пах саппах* 'потолок', *-ай сабарай* 'купол' и т.д. [2, с. 136]

Как видно из вышеизложенного, Алтан Сарын выступал за формирование терминологии путем использования прежде всего собственных ресурсов языка, а именно за счет возрождения архаизмов, образования новых терминов с помощью искусственных и малопродуктивных аффиксов. По этим принципам Г.В. Баишев создал довольно большое количество терминов. Как отмечает П.А. Слепцов, «чтобы дать широкий контекст употребления своих терминов, он писал стихи, рассказы, снабженные специальными словарями слов» [2, с. 136]. Помимо этого, отрицая заимствование терминов из русского языка, он рекомендовал заимствовать слова из родственных языков, имеющих адекватную с якутским структуру, например: *одон* 'планета', *кудай* 'Вселенная', *чэчик* вместо заимствованного слова *сибэки* 'цветы', *сыыланг* вм. *як. моҕой* 'змея', *тайаара* вм. 'дьарапалаан', *көтөр аал* 'аэроплан'.

Стоит отметить, что Г.В. Байшев часто не признавал уже устоявшиеся в якутском языке заимствования и предлагал использовать вместо них термины, созданные им искусственным путем, например *сүрэл* вм. *дууһа* ‘душа’, *онкул* вм. *бырайыак* ‘проект’, *бичик* вм. *буукуба* ‘буква’, *олох туруга* вм. *экэниэмикэ* ‘экономика’, *көрүк* вм. *хартыына* ‘картина’ и др.

Принципы терминотворчества, предложенные Алтан Сарыном, были подвергнуты резкой критике представителями местной интеллигенции. Однако, как показала сама жизнь, практическое закрепление получил четвертый принцип Алтан Сарына – были созданы и создаются новые термины посредством малопродуктивных и омертвевших аффиксов якутского языка. А в современном терминообразовании постепенно активизируется первый принцип – возрождение и использование архаизмов в качестве терминированных слов. Данный принцип стал более приемлемым благодаря тому фактору, что произошел процесс возрождения традиционных основ материальной и духовной культуры, и в связи с этим наблюдается сознательная ориентация на максимальное использование в терминообразовании внутренних ресурсов языка.

Таким образом, можно отметить, что Алтан Сарын на фактическом материале попытался доказать наличие потенциальных возможностей родного языка в передаче общего смысла исходного термина, т.е. по его мнению, база родного языка в той или иной мере располагает словообразовательными средствами, необходимыми для создания адекватных по значению слов-терминов.

П.А. Ойунский, как ученый-лингвист, хорошо понимал, что терминология – это свойство сфер интеллектуально организованной деятельности людей, ее формирование – дело сознательное, а не стихийное. Многозначное слово, попадая в различные отрасли знаний, проходит через своеобразное семантическое чистилище систем этих же наук. Суть заключается в том, что все лишнее из значений слова отбрасывается и остается только то, что исходит из системы понятий той отрасли, к которой оно относится. Слово-термин обретает точность и однозначность только в своем терминологическом поле. За его пределами оно теряет характеристику термина.

«Русско-якутский термино-орфографический словарь» П.А. Ойунского ввел в формирование терминов следующее [1, с. 457-462]:

1) Впервые в якутской терминографии как способ образования терминов широко использовалась форма принадлежности существительных. Как известно, в определенных условиях эта форма лексикализуется и приобретает терминологическую функцию. Приводим примеры: *алаата* ‘близорукость’, *төгүрүмтэтэ* ‘окружность’, *таһаарыыта* ‘вывод’, *үүнээйитэ* ‘растительность’, *сорунуулааба* ‘решительность’, *кыамтата* ‘мощность’, *өйдөнүмтүөтэ*

‘понятливость’, *билимньитэ* ‘чувствительность’. В примерах наглядно показана возможность перевода русских терминов, оканчивающихся на *-ость*, формой якутского изафета;

2) В «Словаре» широко использованы термины-неологизмы, возникшие в результате лексико-семантических сдвигов их значений, типа *убатык* ‘горючее’, *баттааһын* ‘давление’, *үөскэх* ‘зародыш’, *сабардам* ‘объем’, *хайдыһыы* ‘раскол’, *эттик* ‘тело’, *дьүһүмэр* ‘образ’ и др. Многие из подобных образований функционируют и по сей день. Эти слова-термины приобретают терминологическое значение в пределах терминологического поля определенной отрасли науки;

3) Предложены многовариантные способы терминообразования. Зафиксированные в «Словаре» термины такого типа можно разделить на две группы: а) оригинальные синонимические термины типа *ытыс*, *баптабай* ‘ладонь’, *күүс*, *кыах* ‘мощь’, *уһук*, *өргөс* ‘острие’, *орой*, *дьулай* ‘темя’; б) наравне с русским заимствованием дается и якутский эквивалент типа *миэтэт*, *ньыма* ‘метод’, *сэкэритээр*, *суруксут* ‘секретарь’, *боруонньа*, *куйах* ‘броня’;

4) Даны образцы аффиксального терминообразования типа *тутуунньу* ‘держава’, *урамныы* ‘искусство’, *санааһынньык* ‘мыслитель’, *элбэтээччик* ‘множитель’, *дьүһүмэр* ‘образ’, *өрөлөөһүн* ‘восстание’, *таһым* ‘уровень’, *сүһүөх* ‘ступень’ и др. с помощью продуктивных, непродуктивных и омертвелых морфем. При этом, иногда принципы «Словаря» приводили к ломке устоявшейся былой традиции. Например, вместо общепринятого *суруйааччы* в оборот вводился термин *суруйааччык*. П.А. Ойунский, учитывая причастную форму аффикса *-ааччы*, по-видимому, хотел закрепить за ним причастное значение, а за термином с аффиксом *-ааччык* – значение существительного. Отсюда у него *аабааччы* ‘читающий’, *аабааччык* ‘читатель’, *суруйааччы* ‘пишущий’, *суруйааччык* ‘писатель’.

К авторским нововведениям относится и то, что русский инфинитив рассматривается П.А. Ойунским как отвлеченное имя и передается на якутском языке с помощью аффикса *-ыы* как имя действия, например: *махтаныы* ‘благодарить’, *сүүйүү* ‘выиграть’, *аһыныы* ‘жалеть’, *айыы* ‘творить’. Возможно, это было сделано им специально с целью расширения якутских слов-терминов, обозначающих абстрактные понятия. Терминообразующая возможность аффикса *-ыы* в настоящее время резко возросла. Термины, образованные с ее помощью, могут обозначать действие, процесс, результат действия, свойство, величину, единицу измерения и предмет (вещество).

5) В большом количестве представлены терминологические словосочетания, состоящие из сложных и составных элементов, например: *сүөһү иитиитэ* ‘животноводство’, *кыһыл көмүс* ‘золото’, *харах иччитэ* ‘зрачок’, *ымыы чыычааба* ‘клевт’, *хаар эбэ* ‘лунь’ и др. В «Русско-якутском

термино-орфографическом словаре» широко представлены трехкомпонентные и многокомпонентные терминологические словосочетания, собственные и нарицательные имена, которые, за редким исключением, при современном подходе к понятию «термин» трудно отнести к терминологическим словосочетаниям.

«Русско-якутский термино-орфографический словарь» П.А. Ойунского преследовал также цели унифицированного написания терминов. В период создания этого словаря вокруг вопросов правописания заимствованных слов происходили жаркие споры. П.А. Ойунский придерживался фонетического принципа их орфографирования, о чем свидетельствует следующее его высказывание: «Естественно, что в одном языке не могут существовать специальные законы для терминологии параллельно с законами самого языка: в данном случае в якутском языке с его законами агглютинации не могут существовать законы языка флективной системы. Значит, принимаемые термины неизбежно должны принимать национальную форму данного языка, иначе был бы создан третий язык, одинаково чуждый и русским и якутам» [1, с. 105]. Однако для сохранения произношения заимствованных терминов он сознательно допускал нарушения законов гармонии гласных и отступления от норм сочетаемости в якутском языке. Материал «Словаря» наглядно показывает, что П.А. Ойунский старался максимально приблизить термины к их русскому произношению, широко использовал транскрипционный метод.

Таким образом, выдающиеся деятели языкового строительства ЯАССР 20-30-х гг. XX в. Г.В. Баишев-Алтан Сарын и П.А. Ойунский внесли существенный вклад в обоснование принципов отечественной терминографии, а также принимали активное и действенное участие в практике создания терминологических словарей на якутском языке.

Литература

1. *Ойунский П.А.* Талыллыбыт айымньылар (Сочинения). Том III. Научные труды. – Якутск: Бичик, 1993. – 473 с.
2. *Слецов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 261 с.

**ПРИЕМЫ ПОДАЧИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ-ТЕРМИНОВ
В «КРАТКОМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА» П.П. БАРАШКОВА**

В данной статье мы подвергнем терминографическому разбору «Краткий терминологический словарь якутского языка» П.П. Барашкова, изданный в 1955 году [1]. Словарь был издан в период, когда заметно изменились тематические группы заимствуемых слов, а также стал более или менее умеренным и равномерным процесс их вхождения. По сравнению с началом 40-х гг. приток военной лексики, связанной с Отечественной войной, постепенно сократился и к 50-м годам почти прекратился. Как пишет, П.А. Слепцов: «Общая тенденция к терминологизации литературных языков в связи с интенсификацией научно-технической революции, разумеется не обошла и якутский язык. С начала 50-х гг. постепенно входят новые термины и активизируются заимствования предыдущих лет» [3, с. 125].

Словарь П.П. Барашкова относится к инвентаризационному типу словарей. Как пишет Е.И. Оконешников: «Инвентаризация терминов – это сбор и описание всех слов-терминов, принадлежащих к выбранной области знания или ее тематическому фрагменту. Инвентаризационные словари – это словари чисто переводного типа» [2, с. 132]. Такие словари по характеру перевода являются русско-якутскими, это связано с тем, что новые понятия в различных отраслях знаний с их обозначениями приходят к нам именно через русский язык. Поэтому в словаре довольно отчетливо отразилось все усиливающееся влияние русского языка на развитие якутской терминологии.

«Краткий терминологический словарь якутского языка» представляет собой свод терминологии из различных отраслей знаний: технических терминов, терминов медицины, спорта и искусства. Подобное упорядочение является первоочередным и соответствует первому этапу терминологических исследований, когда осуществляется описание необходимого минимума слов-терминов по избранной отрасли знаний. Поэтому в составе словника часто обнаруживается избыточный материал, который попросту мог бы и не быть включен в словарь. Но в то же время они были необходимы на начальном этапе формирования национальной терминологической системы.

С начала 50-х годов на первое место по количеству употребления выдвинулась техническая терминология. Это было связано с начавшейся научно-технической революцией и общим оживлением в развитии

промышленности республики, а главное, с улучшением технического оснащения народного хозяйства. Это явление отчетливо отразилось в словнике словаря П.П. Барашкова. Надо отметить также то, что словарь имеет стилистические пометы в скобках (*тех.*, *мед.*, *спорт.*) указывающие принадлежность слова-термина к той или иной области знаний. Например: *автоматизация* ‘автоматизация’ (*тех.*); *агрегат* ‘агрегат’ (*тех.*); *агротехника* ‘агротехника’ (*тех.*); *аппарат* ‘аппарат’; *аппаратура* ‘аппаратура’; *асбест* ‘асбест’; *асфальт* ‘асфальт’; *батарея* ‘батарея’; *башня* ‘башня’; *вагон* ‘вагон’; *вал* ‘вал’; *втулка* ‘втулка’; *гидротехника* ‘гидротехника’; *домна* ‘домна’; *драга* ‘драга’; *изобретение* ‘изобретение’; *кабель* ‘кабель’; *каркас* ‘каркас’; *клапан* ‘клапан’; *компост* ‘компост’; *конденсатор* ‘конденсатор’; *кран* ‘кран’; *ледокол* ‘ледокол’; *наугольник* ‘наугольник’; *наушник* ‘наушник’; *паровик* ‘паровик’; *педаль* ‘педаль’; *предохранитель* ‘предохранитель’; *приёмник* ‘приёмник’; *сцепление* ‘сцепление’; *счётчик* ‘счётчик’; *шатун* ‘шатун’ и т.д. Как показывают примеры, в словаре технические слова-термины в большинстве случаев переданы на языке оригинала.

Исключением являются составные и сложные термины, а также терминологические словосочетания, состоящие из трех и более компонентов. Например: *предельная нагрузка* ‘мунгутуур нагрузка’; *короткое замыкание* ‘кылгас замыкание’; *лампа накаливания* ‘кытардыылаах лампа’; *двигатель внутреннего сгорания* ‘иһигэр умайааччылаах хамсатааччы’; *изобретательство* ‘санганы айыы’; *выплавка* ‘уулларан таһаарыы’; *маслобойка* ‘сүөгэй иирдэр’; *горнорабочий* ‘хайа рабочайа’; *заземление* ‘сиргэ ситимнээһин’; *грузоподъемность* ‘курууһу уйааһын’; *мелиорация* ‘мелиорация, сири тупсарыы’ и т.д.

Начиная с 50-х годов в связи с популяризацией медицинских знаний и улучшением медицинского обслуживания населения стала активно употребляться медицинская терминология и номенклатура. Как показывают примеры, в словарь в довольно большом количестве включены медицинские термины, обозначающие новые понятия, типа: *ампула* ‘ампула’ (*мед.*); *ангина* ‘ангина’ (*мед.*); *аппендицит* ‘аппендицит’ (*мед.*); *водянка* ‘водянка’; *горячка* ‘горячка’; *доза* ‘доза’; *донор* ‘донор’; *менингит* ‘менингит’; *нафталин* ‘нафталин’; *обход* ‘обход’; *сыворотка* ‘сыворотка’; *укол* ‘укол’ и т.д.

Многие медицинские термины в словаре переданы способом эквивалентного перевода и приемами семантического и структурного калькирования. Например: *астма* ‘астма, бопторуу’; *вдувание* ‘салгын киллэрии’; *везикула* ‘везикула, уулаах хатаал’; *вздых* ‘үөһээ тыыныы’; *вливание* ‘вливание, кутан киллэрии’; *втирание* ‘втирание, имэрийэн ингэрии’; *геморагия* ‘хаан туруута’; *глисты* ‘тарың, илиистик’; *грудница* ‘эмий иһиитэ’; *грыжа* ‘ис тэһэбэс’; *диафрагма* ‘өрөһө’; *заражение крови* ‘хаан сутуллауута’; *змеёвик*

‘көрөр (ыарыы)’; *конъюнктивит* ‘көһүө’; *кровохаркание* ‘хаанынан силлээһин’; *нарост* ‘ур’; *нарыв* ‘саанык’; *насморк* ‘тумуу’; *одышка* ‘абылааһын’; *ожог* ‘буһуу (уокка)’; *опухоль* ‘искэн’; *осложнение* ‘сыыстарыы’; *отравление* ‘сүһүрүү, сүһүрдүү’; *пациент* ‘эмтэнээччи’; *переливание крови* ‘хаан кутуута’; *прыщ* ‘хатаал’; *солитёр* ‘тарын’. Как видно из вышеприведенных примеров, в словарь вошли много новых слов-терминов, обозначающих названия болезней, ранее отсутствовавшие в источниках подобного типа предшествующего периода.

Общественно-политическая терминологическая лексика была и, пожалуй, будет наиболее многочисленной и активно употребляемой лексико-семантической группой слов-терминов. В материалах словаря наблюдается вхождение новых, а также активизация ранее вошедших общественно-политических терминов. В отличие от предыдущего периода, основную массу общественно-политической лексики составляют русские и интернациональные слова-термины. Например: *автобиография* ‘автобиография’; *автономия* ‘автономия’; *агенство* ‘агенство’; *агитация* ‘агитация’; *базис* ‘базис’; *банкротство* ‘банкротство’; *валюта* ‘валюта’; *гегемония* ‘гегемония’; *гимн* ‘гимн’; *импорт* ‘импорт’; *инвентаризация* ‘инвентаризация’; *калькулятор* ‘калькулятор’; *либерал* ‘либерал’; *президент* ‘президент’; *стабилизация* ‘стабилизация’; *цивилизация* ‘цивилизация’; *шовинизм* ‘шовинизм’; *эвакуация* ‘эвакуация’; *эмбарго* ‘эмбарго’ и т.д.

Многие слова-термины образованы аналитико-синтаксическим способом терминообразования, а также приемами калькирования. Например: *абориген* ‘олохтоох киһи’; *беспроцентный* ‘бырыһыана суох’; *вакансия* ‘иллэн миэстэ’; *гарантия* ‘мэктиэ’; *дебаты* ‘мөккүөр, дебат’; *двуязычие* ‘икки тылланыы’; *заочное обучение* ‘кэтэхтэн үөрэнии’; *запрос* ‘ыйытык’; *избиратель* ‘быыбардааччы’; *индивидуальный* ‘биирдэм’; *лицевой счет* ‘сирэй ахсаан’; *новаторство* ‘сананы айыы’; *прописка* ‘суруллуу (олорор сирэ)’; *разруха* ‘алдьаныы’; *расценка* ‘сыаналааһын’; *справедливость* ‘сирдээх быһыы’; *фальсификация* ‘бассыыбайдааһын, токурутуу’ и т.д.

Знаменем времени является также появление и активизация довольно большого количества русизмов, относящихся к терминам искусства и культуры, типа: *актриса* ‘актриса’; *анонс* ‘анонс’; *баритон* ‘баритон’; *бас* ‘бас’; *баян* ‘баян’; *гамма* ‘гамма’; *гастроль* ‘гастроль’; *декорация* ‘декорация’; *дирижёр* ‘дирижёр’; *дуэт* ‘дуэт’; *живописец* ‘живописец’; *камертон* ‘камертон’; *квартет* ‘квартет’; *кларнет* ‘кларнет’; *композитор* ‘композитор’; *либретто* ‘либретто’; *марш* ‘марш’; *мелодия* ‘мелодия’; *нота* ‘нота’; *опера* ‘опера’; *орган* ‘орган’; *оркестр* ‘оркестр’; *режиссер* ‘режиссер’; *роль* ‘роль’; *рояль* ‘рояль’; *серенада* ‘серенада’; *симфония* ‘симфония’; *соло* ‘соло’; *струна* ‘струна’; *такт* ‘такт’; *тенор* ‘тенор’; *тон* ‘тон’ и т.д.

В словарь П.П. Барашкова вошли также заимствованные термины спорта типа: *бокс* ‘бокс’ (*спорт.*); *волейбол* ‘волейбол’ (*спорт.*); *гол* ‘гол’ (*спорт.*); *диск* ‘диск’; *зарядка* ‘зарядка’; *каток* ‘каток’; *матч* ‘матч’; *пешка* ‘пешка, ньыкаа’; *тир* ‘тир’ и т.д.

Таким образом, «Краткий терминологический словарь якутского языка», составленный П.П. Барашковым, представляет собой свод терминологии по различным отраслям знаний, начиная с технических и кончая терминами медицины, спорта и искусства. В нем довольно отчетливо отразилось усилившееся в 50-е годы XX века влияние русского языка на развитие якутской терминологии – в словарь вошло огромное количество терминологической лексики, корневыми основами которых послужили русские слова-термины.

Литература

1. *Барашков П.П.* «Краткий терминологический словарь якутского языка». – Якутск: Якутское книжное издательство, 1955. – 303 с.
2. *Оконешников Е.И.* Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии (сб. науч. ст.). – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2015.
3. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке. – М.: Изд-во Наука, 1975.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРНОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ РОССИИ

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_033

Д.М.Насилов

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

А.А.Бурькин

Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

РОЛЬ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Исследования редких слов в тюркских языках, встречающихся в одном или нескольких языках, как внутри одной подгруппы тюркских языков, так и в дисперсном виде в отдельных языках разных подгрупп, и описания лексического состава тех тюркских языков, которые являются недостаточно изученными, имеют особую важность и значимость для целого ряда проблем сравнительно-исторической тюркологии, тюркской ареальной лингвистики и алтаистики. Тюркологи предшествующих поколений сделали очень много для реконструкции общетюркского лексического фонда, итогом чего можно признать в плане завершения парадигмы Этимологический словарь тюркских языков Э.В. Севортына и в плане использования этого материала для дальнейших исследований – лексический том Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков [1; 2]. Без сомнения, эти исследования были весьма полезными также и для изучения родственных связей алтайских языков. В сказанном заключены основные проблемы изучения редких слов в тюркских языках – выявление параллелей для них внутри тюркских языков, выявление возможных или потенциальных источников заимствований, и поиск внешних параллелей для этих слов внутри других групп алтайских языков, позволяющий видеть в таких лексических единицах общетюркские архаизмы, восходящие к

реконструируемому общеалтайскому состоянию и являющиеся даже более древними, нежели общетюркская лексика [3; 4].

Обратимся к материалу:

Тоф. *behirgen* ‘сова’, обоснованно сопоставляется с тув. *межерген*, алт. *мечиртке*, як. *мэкчиргэ* ‘сова’ [5, с. 160], предполагая этимологическое тождество этих слов. Данный ряд слов в том виде, в каком он воспроизведен здесь, производит впечатление, согласно которому данное название совы является тюркским. Эвенк. диал. *мэкчиргэ* ‘сова’ (ССТМЯ 1 565б) точно совпадает по форме с якутским *мэкчиргэ* и тут по существу невозможно установить, является ли это слово эвенкийским заимствованием в якутском языке – на такие мысли наводит наличие в этих формах преконсонантного -к, которое отсутствует в алтайской и тувинской формах, – или же оно оказывается якутизмом в эвенкийском диалекте. Монгольские, точнее, собственно монгольские параллели для этого слова пока не найдены, но несомненно, что к данному гнезду слов имеет прямое отношение бурят. *бэгсэргэ* ‘сова, сыч’ (ср. также монг. *бэгбаатар* ‘сыч’). Эта форма сохраняет преконсонантный согласный, и, как можно думать исходя из ее существования, именно монгольские языки могли быть источником и эвенкийской, и якутской формы *мэкчиргэ*. В каком отношении могут находиться тофаларская, тувинская и алтайская формы к тем, которые рассмотрены ранее? Мена инициальных м- ~ б- здесь неинформативна, ибо не показательна, а сохранение преконсонантного согласного в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, противостоящая его отсутствию в тюркских языках, наводит на мысль о том, что данное название совы является как минимум тюрко-монгольским.

Тоф. *bes* ‘железа’ [5, с. 161-162] родственно тур., каз., кирг., уйг., узб. *без*, башк., тат. *биз* ‘железа’. В этом перечне нет форм с м-, давшим основание для реконструкции *мэ:з (Севортян 7 64-66). За пределами рассмотрения этого ряда слов остались формы типа хакас. *мерс*. алт. *берч* железа, хак. *мир* ‘твердая опухоль’, *мирси* ‘железы внутренней секреции’, *мирт* ‘лимфатические железы’; шор. *мәрс* ‘вымя, опухшие железы’ (Р 4 2097), тел. *näрс* ‘железа’ (Р 4 1240) < мо., як. *болчой-* ‘образоваться шишке’ (Пек. 497) < мо. П.-мо. *belcir* ‘железа’ может быть старым заимствованием из тюркских языков, точнее, из какого-то прототюркского состояния, более раннего, чем засвидетельствованное в древнетюркских памятниках, и из такого же состояния унаследованы формы с ауслатной группой согласных. В то же время п.-мо. *bulcarxai* сохраняет исходный монгольский облик этого слова. Чув. *нар* ‘железа’, по нашему мнению, сохраняет первообразный вид корня с консонантным плавным; тюрк. z < *c; хакасские формы указывают на членимость: корень *мир-*+ суффиксальные элементы. Эвенк. *бичэ:кэ:й* ‘селезенка’ (ССТМЯ 1 86а), с очевидностью заимствовано из якутского языка, но якутское слово, в свою очередь, было

заимствовано из монгольского, с позднейшей потерей обоих плавных в группах внутри слова. < як. - п.-мо. *bulcarxai, belcir* ‘железа’ - др.-тюрк. *bez* ‘железа’ (ДТС 97а):

Тоф. *bulaq* ‘наледь у родника’ [5, с. 165] сравнивается с др.-тюрк. *bulaq* ‘родник, источник’. Казалось бы, здесь нет ничего примечательного для алтаистики, а для тюркской лексики мы имеем только любопытный семантический сдвиг. Уместно вспомнить, что в ряду соответствий для хорошо известного алтайского слова «вода» – т.-ма. эвенк. *му:*, эвен. *мө:*, нан. *муэ*, ма. *мукэ* ‘вода’, п.-мо. *mören* ‘река’, корейск. *муль*, яп. *мидзу* ‘вода’ – странным образом отсутствуют тюркские параллели. Напрашивается сопоставление этого гомогенного ряда слов с тюрк. *bu-laq* ‘родник, источник’, при ясной и прозрачной словообразовательной структуре последнего. Отметим, что аналогичное распределение слов со вторичной семантикой мы наблюдаем и для др.-тюрк. *su, sub* ‘вода’ при монг. *суваг* ‘канавка’, которое весьма затруднительно признать тюркизмом, поскольку аналогичные производные в тюркских языках не зафиксированы. По нашим наблюдениям, тюрко-монгольское название колодца *quduq*, для которого в сибирских тюркских языках фиксируется значение «источник», является производным от глагольного корня *qud-* ‘лить’, и является наиболее поздним по происхождению из всех названий источников воды: многократные переименования этого слова как культурного термина и географического апеллятива сместили фонетические соответствия интердентального согласного *δ в этом слове.

Тоф. *bu:r* ‘лось’ – общее пренебрежительное название – сопоставляется с др.-тюрк. *bugra* ‘верблюд’, а также, что существенно, с тув. *буур* ‘лось’, як. *буур* ‘самец (олень, сохатый, дикий баран)’ [5, с. 166] – в диалектах якутского языка эта лексема имеет значение ‘конь’ (ДСЯЯ 72). Здесь мы опять сталкиваемся с любопытнейшим явлением – для ряда п.-мо. *morin*, эвенк. *морин*, кор. *маль* ‘лошадь’ мы не имеем тюркских параллелей, в то время как именно данные лексические единицы могут претендовать на то, чтобы быть рефлексом одного из ранних общеалтайских названий лошади в тюркских языках: если общетюркское *at* ‘лошадь’ хрестоматийно выводится из п.-мо. *aytamorin*, то оно является вторичным наименованием лошади, причем гипонимическим – названием одной из групп лошадей.

Тоф. *deys* ‘черная кровь, вытекающая из раны’ [5, с. 172] сравнивается с тув. *дес* ‘запекшаяся кровь’. Казалось бы, перед нами типичные редкие тюркские лексемы, которые до сих пор пользовались вниманием только у специалистов по отдельным тюркским языкам и группам языков. Однако имеются основания включать эти слова в гнездо, содержащее т.-ма. эвенк. *сэ:ксэ* ‘кровь’. эвен. *hэ:c* ‘запекшаяся кровь’ (ССТМЯ 2 1386-139а). Возможно,

к этому гнезду имеют отношение кирг. *сөл* ‘сукровица’ и як. *өлөх* ‘сгусток крови’ (Пек. 1977) (< *sölö k),

Тоф. *dolagana* ‘боярышник’ В.И. Рассадин сопоставляет с алт. *толоно*, шор. *толана* ‘шиповник’ и п.-мо. *dolugana* [5, с. 173]. То, что данная лексема заимствована из монгольских языков, не вызывает ни малейших сомнений, так как она имеет типичный монгольский суффикс названий растений *-gana*. Для истории данного слова – названия боярышника в монгольских и тюркских языках – крайне интересно як. *дблүсүбн* ‘боярышник’. Это слово с определенностью имеет монгольское происхождение – оно оформлено суффиксом *-sun*, но самое интересное заключено в том, что слово *dolusun отсутствует в как в письменных памятниках, так и в современных монгольских языках, и, если бы оно не попало в якутский язык, мы не могли бы даже предполагать его существования.

Тоф. *edirae* ‘кожемялка’ [5, с. 180] включается в ряд с тув. *эдирээ*, алт. *эдрек*, хак. *изрек* ‘кожемялка’, як. *этирик* ‘дугообразный скобель для кожи’. Данные слова имеют внешнее сходство с монг. *kedere* и эвенк. *кэдэрэ*, эвенк. *кэрдэ* ‘кожемялка’ (ССТМЯ I 443аб), которое не только оставалось без объяснения, но и тюркские параллели не привлекались к монголо-тунгусскому сравнению. Кажется, осталось без внимания специалистов и ойратское диалектное *edren* ‘скребок для выделки кожи’, сравниваемое с монг. *хэдрэг* и ойр. письм. *edereng* (МХНАТ II, 288) калм. *эдрн* ‘рубель’ (вид скребка для выделки кожи). Однако привлечение тюркских данных никак не объясняет странного исчезновения начального согласного в тюрко-монгольских параллелях, при том, что в тунгусо-маньчжурских языках эвенк. *кэдэрэ*: ‘кожемялка’, эвен. *кэрдэ*:, нег. *кэдэгэ*:, ороц., удэг. *кэдэ*, ульч. *кэдэрэку*, орок. *кэдэрэ*:, нан. *кэдэрэку*, ма. *кэдэргэ* ‘кожемялка’, с монгольскими и якутскими данными (но без тюркских) эти слова имеют не начальный **k^h*-, отпадающий регулярно в севернотунгусских языках, спорадически сохраняющийся в маньчжурском языке (регулярным явлением является для маньчжурского языка его утрата) и присутствующий только в южнотунгусских языках, а начальный *k-, характеризующийся стабильностью во всех тунгусо-маньчжурских языках. Загадка соотношения монгольского *хэдрэг* и ойратского *edren*, и, соответственно, тюркского *эдрек* находит свое разрешение в том, что, вероятнее всего, и в монгольских, и в тюркских языках эти слова и производящая их основа являются заимствованными – их источником должны быть самодийские языки: ср. ненецк. *пидер-ць* ‘мять кожу’. Из языков типа ненецкого (языков северносамодийской группы) это слово должно было попасть в тюркские языки, где имела место закономерная утрата инициального глухого смычного. Из языков южносамодийской группы или языка типа нганасанского, где имел место переход согласных *p > h*, являющийся аналогом

закона Рамстедта-Пелльо, это слово должно было попасть в монгольские, и, возможно, через посредство монгольских языков оно проникло в тунгусо-маньчжурские языки, если, конечно, последние не имели собственных непосредственных контактов с самодийцами.

Тоф. *onush* 'болото' было оставлено без параллелей вообще [5, с. 212]. Это слово, на наш взгляд, должно сравниваться с казах. *оппа* 'топкий, вязкий', кирг. *опкун* 'трясина', алт. *охпор* 'болото' (Р 1 1004), кюэр. *опкак* 'болото' (Р 1 1155), чув. *ушах* 'трясина', а также с эвенк. *омчик* 'топь, трясина, болото' (ССТМЯ 2 18а) и монг. *намаг* (? < *omnag ~ onmag), – последнее с точной словообразовательной параллелью для т.-ма. форм. Альтернативной ветвью развития производных от того же корня с другим суффиксальным оформлением является монг. *намарган* 'болото', дающее единственное основание для объяснения происхождения якутского *бадаран* 'болото' с метатезой согласных (правда, А.Е. Аникин связывает рус. сиб. диал. *бадаран* 'болото' и як. *бадаран* с тюркской глагольной основой *bat-* 'погружаться' [6, с. 107]). Пример интересен тем, что разнооформленные производные отыменные имена эффектно создают иллюзию разных слов в тюркских языках.

Такие фонетические соответствия, как тотальное выпадение общеалтайских преконсонантных согласных в тюркских языках уже на уровне общетюркского состояния, можно считать доказанными и они уже позволяют нам отличать общие тюрко-монгольские лексемы от разнонаправленных заимствований, формирующих вторичные лексические сходения. Некоторые колебания вокализма, на наш взгляд, связаны гетерогенностью оппозиции долготы и краткости гласных в тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языках, причем не удивительно, что долгие и краткие гласные для разных групп языков дают не квантитетные конвергенции, а разные качественные соответствия. Наконец, не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что многие фонетические соответствия внутри монгольских и тюркских языков не оказываются строго регулярными, а поправка на их нерегулярность позволяет обнаруживать параллели для таких слов за пределами тюркских и монгольских языков соответственно.

Литература

1. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – 912 с.
3. Бурькин А.А. Роль тюркских языков Алтая и Южной Сибири в исследовании родственных связей алтайских языков // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность (к 350-летию ойротской письменности). Материалы Межд. научн. конф. (5-7 октября 1998 г., г. Горно-Алтайск). – Горно-Алтайск, 1999. – С. 13-17.

4. Бурькин А.А. Общеалтайская реконструкция и перспективы изучения тюрко-монгольских параллелей // Востоковедение. 25 Филологические исследования. Межвузовский сборник. – СПб.: изд. СПбГУ, 2004. – С.18-28.
5. Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. – 251 с.
6. Аникин А.Н. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Изд.2-е, испр. и доп. – М.; Новосибирск: Наука, 2000. – 772 с.

Сокращения

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. – М., 1976.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

МХНАТ – Монгол хэлний Нутгийн аялгууны толь. Т.1-II. – Уланбаатар, 1988.

Пек. – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – СПб., Л., 1928.

Р – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1-IV. – СПб., 1888-1911.

Севортян – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т.1-6. – М., 1978-2006.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1-III. – Л., 1975-1977.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_034

А.Г. Шайхулов.

Башкирский государственный университет, г. Уфа

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ, КАЗАХСТАНА, СИБИРИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Золотоордынская цивилизация, как, впрочем, и российская, принципиально отличительная и от западно-европейской, и от азиатской цивилизации, имеет длительную историю. Если перелистать, хотя бы поверхностно, совершенно малую часть истории Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона, то очевидно, что он возник и развивался как динамическая система самых различных полиэтнических культур и цивилизаций, одни из которых вскоре погибали, а другие обнаруживают «замечательную жизнеспособность и перспективу на будущие века» [1].

В границах европейской части России от р. Оки до Южного Урала наиболее длительные и устойчивые этнокультурные связи между собой, как известно, имели финно-угорские (мари, мордва и удмурты), тюркоязычные (чуваши, татары и башкиры) и монголоязычные (калмыки) народы. Генезис, сложение и развитие цивилизации в пределах указанной территории явились, очевидно, результатом сложного взаимодействия равновременных в

хронологическом отношении этнических и культурных потоков, в том числе из Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана, с Северного Кавказа и позднее из различных районов северной и центральной России, которые впоследствии, по справедливому мнению исследователей (А.Х. Халиков, Н.А. Мажитов, Р.Г. Кузеев, Р.Г. Фахртдинов, Т.М. Гарипов и др.), были консолидированы в рамках Волжско-Камской Булгарии – первого государственного образования народов Среднего Поволжья и Прикамья, сформированного в X в н.э.

В пределах расселения и сложения специфических этнологических, антропологических и этнолингвистических черт этих народов очерчивается, конечно, довольно приблизительно, территория, представляющая, по нашему определению, «циркумуральский языковой союз» (сравн. «волгокамский языковой союз» – термин акад. Б.А. Серебренникова) [3]. Он, занимая определенную нишу и будучи частью общности ностратической семьи языков (куда входит, как известно, индоевропейская, афразийская, (сеμιто-хамитская), дравидская, картвельская, уральская и алтайская семья языков), выполняет тем самым функцию своего рода моста для перехода к евразийской проблематике, очерченной в заглавии данной статьи.

Целью данной работы является, как это явствует из обозначенной темы, выявление семантических гнезд в области самостоятельных и несамостоятельных односложных корневых основ и установление особенностей семантического развития и их идеографической характеристики на основе реконструкции лексических параллелей. В статье более подробно останавливаемся на анализе корневой основы ***ВӖ**, которая рассматривается нами на материале кыпчакских и огузских тюркских языков в контексте алтайского языкового общества.

Корневая основа ***bö** с засвидетельствованными рефлексамии ***bö**, ***pö**, ***mo**, ***mö**, ***bu**, ***bü** характеризуются следующими мотивационными признаками: 1. Нечто целое, полное, завершенное, совершенное: **бөт+(ен)** целый, нетронутый, единый, неповторяемый (т., б.); 2. Сгиб: место сгиба// угол// отделение// двойное// разделяться; 3. Сгиб: форма – наклонная, загнутая, сложенная вдвое // количество – из двойного в единичное // качество – мягкое, рыхлое, вялое: неуравновешенное, нестойкое.

Идеографическая характеристика корневой основы ***bö**, имеющий общие смысловые компоненты «нечто целое полное, завершенное» в тюркских языках Урало-Поволжья, в контексте алтайского языкового сообщества определяется такими познавательными категориями: познание (априори): бытие: **бө+т(лөк)** сущность (б.): форма: **бо+ж(ра)** круг, круглый (т.,б.), **бө+р(чөк)** круглый (т.,б.), **бө+т(ен)** целый, нетронутый, единый, неповторимый (т.б.), **бу+т(ас)** плотный, сплошной, непрерывный (як.), **бү+т(ен)** исправный (монг.), **бу+т(ун)** целый (ТМС), **бү+т(эр)** – кончить (ТМС); количество, размер, степень: **би+кочень**,

весьма (т.,б.), **бо+ж** нечто громоздкое, с неровной поверхностью (каз.), **бө+т(ү)** совершенный (о.), **бө+й(өк)** великий (т.б.), **бэ+д(үк)** тжс (МК).

Подтверждением приведенного служат односложные корневые основы, относящиеся к тематической группе:

1. Природа (живая: флора): **бо+р(чак)** горох и другие растения из семейства бобовых (т., б. ДТС), **пу+р(чак)** горошина (чув.), **буу+р(цаг)** горох (монг.), **бо+р(чо)** бобы (ТМС); **бө+р(гҗк)** лопух (б.диал.).

Лексические единицы, выражающие особенности представителей мира фауны, также относятся с вышеуказанным общим мотивационным признаком: **бу+а(з)** стельная (о корове), жеребая (о кобыле) (т., б.) ***bö+ү(ос)** зародыш у самки животного (халх.).

2. Человек (периоды жизни): **боз** молодой, юный нетронутый, девственный (каз.); внешний вид человека ***bo+d(lug) - bҗ+d(җn) - бу+й** – имеющий стан, рост; существо (ДТС), **бо+д(о)** своеобразный вид, физиономия (як.), **бо+д** предмет, существо, материя (бур., монг.).

3. Общество (человек в идеологической системе): **bo+d(un)** население, подданные, народ, люди (ДТС), **бү+д(үүн)** грубый, невежественный (бур., монг.), **бу+д(ун)** крупный (ТМС), **бу+д(укан)** глуповатый (ма.), **бэ+д(ун)** толстый (ма.), **бо+л(ау)**-богатеть.

4. Человек (как функциональная единица общества): **бу+л(ыш)**- помочь (т.,б.); **по+с** спрятаться, прикрываться (т., б.); **бө+гж** часть сережки (т.), **пу+к(ле)** кольцо (чув.), **бөө+ш(а)** обруч (Буд., 37), **бө+гж** кольцо, перстень (монг.), **бу+г(ааг)** тжс (бур.).

Лексико-семантическую парадигму сгиб (место сгиба; угол; отделение) раскрывают познавательные категории: форма **бө+к(ре)** кривой, изогнутый, согнутый (т.,б.), **пү+к** тжс (СФТЯ), **bü+k(ri)** кривой, изогнутый, горбатый (ДТС), **по+ч(мак)** угол (т.); порядок: **бо+л(а)** беспорядок (т., б.), **бо+л(ангыр)** мутный (т.), **бу+л(дыр)** нечто неясное, туманное (каз.).

Данное поле определяется односложными корневыми основами татарского, башкирского, чувашского и монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, относящимися к тематическим группам: «Природа: неживая»: **бо+к(тер)** подножье горы (каз.); **бо+л(ын)** луг, пойма (т.,б.), угол (ДТС), **бо+л(он)** угол (ТМС); «Живая природа (флора)»: **бо+т(ак)** ветвь, ветка (т.,б.), **бу+т** куст, кустарник (калм.), заросль (монг., халх.). Строение и особенности мира фауны также характеризуются общностью корневой основы ***bö** и семантического ингредиента «сгиб: место сгиба»: **бо+г(аз), бу+г(аз)** трахея, дыхательное горло (т., б.), ***bu+qaaq** > зоб птицы (ДТС).

Особенно ярко данная семантика выражается в подгруппе «Человек: внешний вид человека»: **бө+кре** горбатый (т., б.), **бө+г(төр)** горбатый, сутулый (монг.), **бу+к(б)** – сгорбиться (ТМС); «Человек (организм

человека)»:бу+w(ын) сустав, сухожилие, сочленение (т.,б.); **бо+г(аз)** горло (т., б.), **бу+г(ардак)** трахея (т.диал.), **ба+х(алдур)** (глотка, горло) (калм.), **бо+p(ба)** название сухожилия (ТМС).

Таким образом, в языковых картинах мира языков алтайской семьи можно выделить общее структурно-семантическое ядро, которое выражается не только наличием общих корневых основ, но и мотивирующих признаков, позволяющих объединить лексемы в когнитивные сферы и семантические гнезда и далее рассматривать их в рамках идеографической (тезаурсной) парадигматики.

В соответствии с установленными целями разработки, т.е. применительно к проблеме определения этнолингвистического характера языков Золотоордынской цивилизации в евразийском контексте, связанных на начальном этапе с выявлением односложных корневых основ в структуре общего словарного фонда тюркских, в частности – кыпчакских языков Волго-Камско-Уральского региона и идеографической и этнолингвистической их характеристики, в нашей работе применена идея, выдвинутая в свое время немецкими учеными-лексикографами Р. Халлигом и В. Вартбургом, переосмысление которой в настоящее время находит все больше сторонников.

Составленный нами универсалий для когнитивной (идеографической) классификации, который вполне может послужить и для ономазиологических и тезаурсных исследований на следующих этапах, (т.е. после выявления структурных парадигм односложных корней и основ исследуемых языков) состоит из четырех основных когнитивных сфер, которые располагаются в нашем синопсисе в следующей логической последовательности: **I. Познание. II. Природа** (неживая и живая). **III. Человек** (как живое физико-биологическое и разумное существо). **IV. Общество** (человек как общественное существо). При этом отметим, что предложенная нами строгая логическая последовательность расположения четырех когнитивных сфер объясняется указанной необходимой целенаправленностью в лексикологических и морфонологических исследованиях, в рамках близкородственных языковых семей.

Литература

1. *Кобищанов Ю.М.* Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России/ Ю.М. Кобищанов // *Общественные науки и современность.* – 1996. – №2. – С. 3-5.
2. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. – С.21.
3. *Серебрянников Б.А.* О некоторых отличительных признаках волкокамского языкового союза // *Языковые контакты в Башкортостане.* – Уфа. 1972. – С.5-7.
4. *Халиков А.Х.* Историка формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья Приуралья // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья.* – Казань, 1971.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА
В УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ЯКУТСКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ
В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛЕНЬЯ)**

Основными факторами, определившими изменения в русском языке исследуемого региона, являются длительность и долговременность якутско-русских языковых контактов. В связи с этим, заимствования охватывают разнообразные сферы жизни, быта, государственного устройства, экономической составляющей якутского общества XVIII – начала XXI вв.

Языковая ситуация в Якутии характеризуется как многокомпонентная, семиязычная, демографически неравновесная, коммуникативно-несбалансированная. В Республике Саха (Якутия) якутский и русский языки имеют государственный статус, провозглашен официальный статус пяти языков народностей Севера. Языковая ситуация (далее – ЯС) в приленских районах Якутии отражает республиканские показатели, но имеет свою уникальную специфику. ЯС в нашей республике мы рассматриваем на материале трех районов, расположенных на правом берегу реки Лена, где наиболее интересным и показательным для научного изучения является этноязыковое и этнокультурное взаимодействие русских старожилов и коренного населения, которые компактно проживают в небольших деревнях и селах, выше г. Якутска по течению р. Лены.

Приленские районы (Хангаласский, Олекминский, Ленский), расположенные вдоль главной артерии республики – р. Лены, представляют этноконтактные зоны, в которых наблюдаются интенсивные языковые взаимодействия и взаимовлияния. Возникновение земледелия, организация Витимско-Олекминского, позднее Иркутско-Якутского почтового тракта, открытие Ленских золотых приисков способствовали формированию полиэтнического состава данных районов.

В XVIII в. русскоязычное население было малочисленно по отношению к аборигенному населению. К тому же русские не всегда поселялись компактно. Профессор П.А. Слепцов считает, что русско-якутское двуязычие русских поселенцев было вызвано целым комплексом особых условий и причин. В числе основных причин указывается подавляющая численность якутского населения, «патриотизм якутов», который выражался в их упорной приверженности своим национальным обычаям и своему языку. Как отмечает

исследователь, «строй языка саха отличается стройностью, высокой упорядоченностью. Агглютинация, в свою очередь, («склеивание») пронизывает весь строй, все уровни языка, что делает его очень прозрачным, единообразным» [4, с. 464-469].

Исследователи Е.И. Убрятова, С.Е. Малов отмечали «удивительную стойкость тюркских языков» [5, с. 6]. Эти факторы и устоявшаяся традиция «толмачества» способствовали развитию русско-якутского двуязычия у русских поселенцев. Эта уникальная этноязыковая ситуация сохраняется в сельских приленских населенных пунктах Центральной Якутии и по сей день, появилась особая категория людей, состоявшая из потомков русских от браков с местными женщинами – *бааһынайдар* (*пашенные*).

С другой стороны, шло приобщение якутов русскому языку, большой вклад в которое внесла русская православная церковь. Приобщение местных жителей к православной религии содействовало сближению якутского и русского народов. Русская православная церковь культурно-просветительской деятельностью среди коренных народов Якутии занималась в основном на якутском языке. Это создание при приходах христианских церквей церковно-приходских школ, где преподавание богословских дисциплин в первый год было на родном языке, затем на русском. Для развертывания культурно-просветительской деятельности на якутском языке имелось существенное объективное основание. Таким основанием являлась функция якутского языка как языка межнационального общения почти на всей Восточной Сибири. Многие дореволюционные исследователи, в их числе Ф.П. Врангель, Н.С. Щукин, Р.К. Маак, А.Ф. Миддендорф и др. отмечали способность якутов ассимилировать своих соседей – эвенков, эвенов юкагиров и отчасти русских старожилов.

В дореволюционный период в Приленье сформировался обратный тип двуязычия – якутско-русский, им владели толмачи (из якутов), позднее сформировалась узкая прослойка якутской интеллигенции и небольшая часть населения, занимающаяся земледелием, огородничеством, извозом, торговлей, а также находящаяся в услужении у русских поселенцев. Олекминский район по праву можно считать районом формирования русского старожильческого населения, где в силу сложившихся благоприятных климатических, народно-хозяйственных, экономических и транспортных условий было сконцентрировано основное русское население дореволюционной России. Совместная трудовая деятельность, родственные связи русских с саха (якутами) и представителями малочисленных народов Севера создали благоприятные условия для языкового взаимодействия. Например, в Олекминском улусе в настоящее время мы наблюдаем якутско-русское, русско-якутское двуязычие, эвенкийско-якутско-русское трехязычие. Потомки русских поселенцев по

антропологическому типу представляют собой метисов и проживают в г. Олекминске, в наслегах Дабанский, Мачинский, Нерюктяйинский 1-й, Нерюктяйинский 2-й, Олекминский, Саняхтахский, Солянский, Троицкий, Урицкий, Хоринский, Чапаевский Олекминского района. В Хангаласском районе они также проживают в сельских населенных пунктах вдоль реки Лена, на месте бывших почтовых станций Иркутско-Якутского тракта. В результате различных социально-политических потрясений в постсоветский период исчезли многие ямщицкие деревни: Батамай, Ат-Дабан, Ой-Муран, Чуран, Крестях, Еловка, Мархачан, Березовская, Неленская, Кочегарово, Тинная, Инняхская, Нохтуйская.

Об уровне билингвистической ситуации свидетельствуют результаты социолингвистического обследования в приленских районах. Родным языком якутский признают 2,9% опрошенных потомков русских старожилов Олекминского района и 22,7% – русских Хангаласского района. Примечательно, что часть респондентов русской национальности Хангаласского района затрудняются в выборе родного языка, так как оба языка в этическом и функциональном плане для них равнозначны (табл.1). Потомки старшей возрастной группы русского старожильческого населения, проживающие в Центральной Якутии (в селах и деревнях Хангаласского района) плохо владеют родным языком –русским, они считают родным языком оба языка. Владеют якутским языком – 28,2 %, довольно свободно – 17,9 %, с затруднениями – 7,33 % (табл.1).

Таблица 1

Языковая компетенция лиц русской национальности,%

Владеют якутским языком	Олекминский район	Хангаласский район
Совершенно свободно	4,8	28,2
Довольно свободно	6,5	17,9
С затруднениями	5,0	7,33

* Результаты анкетного обследования 2014г.

Якутско-русский тип билингвизма используется якутским населением практически во всех сферах жизнедеятельности приленских районов в отличие от моноэтнических сельских улусов, за исключением семейно-бытовой сферы, где якутский язык обладает значительным приоритетом перед русским языком: дома с родителями используют родной язык 66,2 % – якутов Олекминского района, 73,5 % – Хангаласского и 85,9 % – якутов Намского районов. Исследователи различают *естественный и искусственный билингвизм (двуязычие)*. При этом естественный билингвизм представляет собой следствие взаимодействия людей, непосредственных носителей двух языков, в процессе их совместной практической деятельности. Необходимо отметить, что

овладение якутами вторым языком – русским в обследуемых улусах происходит в условиях стихийного естественного билингвизма.

К числу аборигенов Олекминского края относится эвенкийское население, сосредоточенное в Жарханском, Киндигирском, Тянском, Чаринском национальных наслегах. Одна из особенностей межэтнического общения проявляется в том, что эвенки находятся в значительном численном меньшинстве по отношению к народу саха, русскоязычному населению и поэтому интенсивность проявления ассимилирующих тенденций идет по нарастающей. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., в Олекминском районе считают родным язык якутский – 84% эвенка, перешли на русский язык – 10,2% эвенков [1, с. 95]. В языковой среде эвенков доминирует якутский язык, но эвенкийское население придерживается своих национальных традиций, обычаев, сохраняется традиционный образ жизни. Развивается оленеводство, аборигены края занимаются охотой, рыболовством, сохраняется традиционный образ жизни.

Не менее важное место в этнической структуре Олекминского района занимает татарская диаспора. Динамику численности татарской диаспоры можно проследить в следующих цифрах. По переписи 1989 г. в районе проживал 751 чел. татарской национальности, из них 72,3 % – проживали в городской среде, в сельской среде – 27,6 % чел. [1, с. 73]. Всероссийская перепись 2002 г. показала снижение численности татар в общей совокупности населения улуса на 0,8 %. Их численность в национальном составе Олекминского района составила в 2002 г. – 2,2 % [2]. По данным переписи 2010г. русские составляют – 45,6 % населения, якуты – 42,6 %, эвенки – 4,6 %, татары – 1,7 %. Татарское население, несмотря на преобладание в языковой компетенции русского языка, сохранило этнокультурную идентичность. Наблюдаются смешанные браки между якутами, русскими и представителями малочисленных народов Севера.

Интернациональный состав населения находит отражение в культурной жизни Олекминского района. Якуты, русские, татары, евреи, эвенки и другие народы более трех веков живут вместе, сохраняют свою самобытность, традиции. Надо отметить, что в районе наблюдается наиболее высокий в приленском регионе процент межнациональных браков.

В приленских селах, где активно функционирует якутско-русский и русско-якутский билингвизм, характерно явление макаронизма, т.е. разговорная речь потомков русских старожилов, якутов изобилует большим количеством вкраплений и цитаций из якутского языка и языков малочисленных народов Севера.

Необходимо отметить, что часть русских информантов, представителей старшего поколения, плохо владеют родным языком и вторым

функциональным языком – якутским. Переключение с одного кода на второй, интерферентные явления характерны для русских билингвов средней и старшей возрастной группы:

Паанабын кытта 50 сыл олорбуттара/ золотую свадьбу справляли. Нас трое было детей/ мальчиков не было/ все трое девочки/ я самая маленькая //

Переключение кода, интерферентные явления наблюдается и в некоторых песнях и частушках русского населения Ленского тракта, которые собрала исследователь русского фольклора Приленья О.И. Чарина[6, с. 52].

Симпатичнай девушканы

Олус, олус я люблю

Из-за этого, наверно,

Ночью я не сплю!

***

Если девушка не любит,

Трудно будет таптыырга

Надо сказать, что Н.Г. Самсоновым составлен словарь из лексических единиц якутского языка, достаточно распространенных в русской речи, в языке периодической печати, в других средствах массовой коммуникации, в текстах научной и художественной литературы. Словарь опубликован в 2012 г. [3].

Как видно из статей словаря Н.Г.Самсонова, лексические единицы из якутского и языков малочисленных народов Севера используются русскими по ряду следующих факторов:

1) Потребность в наименовании новой вещи, нового понятия, например *орон, остуол, сайлык* и т.п.;

2) Наличие в заимствующем языке сложившихся систем, обслуживающих ту или иную сферу жизни, например *чароит, нюрбусун, мундушка, кадеран* (эвенк. *кэдэрэ*) и т.п.;

3) Бытовые наименования, характеризующие быт, утварь, одежду, национальные блюда, например *ураса, балаган, буокан, бутугас, бырпах, кумыс, кылыһах, хотон* и т.п.;

4) Национально-культурная лексика: национальные праздники, танцы, музыкальные инструменты, например, *кылыһах, лонгдол* (хоровод с юкагир.) *олонхосут, осуохай* и т.п.;

5) Наименования, характеризующие традиционные религиозные верования якутов, малочисленных народов Севера, например *аал луук масс, айыы, айыысыт, алгыс, баянай, диэ-буо, дюнжюр, кутуруксут, олонхосут* и т.п.;

6) Наименования, характеризующие традиционный образ жизни якутов, например *балыксыт, булчут, суруксут* и т.п.;

7) Наименования, характеризующие терминологию государственного устройства: *бай, тойон, хотун, кумалан* и т.п.

Можно выделить два основных типа заимствованных слов нашего времени. 1) Первый тип – заимствования относительно старые, актуализированные в последние годы в связи с изменением политической и экономической системы России, принятием суверенитета в 90-ые годы XX в. В 90-е гг. приток заимствований из якутского языка в русский сильно увеличился, что было связано с изменениями в сфере политической жизни, экономики, культуры и нравственной ориентации якутского общества. Лексические единицы, характеризующие национальную символику, традиционные верования, традиционный образ жизни, предметы быта из нематериальной культуры коренных народов приобрели актуальность и были введены в оборот речевой деятельности русскоязычного населения.

2) Второй тип – заимствования новые, связанные с динамикой этнокультурных процессов, происходящих в Республике Саха (Якутия).

Лексические заимствования из якутского языка и языков коренных народов Республики Саха (Якутия) обогащают словарный запас русского языка и способствуют познанию мира, национальных особенностей народов, проживающих на одной территории.

Комплексное исследование этноязыковой ситуации в Приленье позволило сделать вывод о том, что современная языковая ситуация в обследуемых приленских улусах (районах) обусловлена социально-экономическими, культурно-историческими и этнолингвистическими условиями, возникшими в результате якутско-русских языковых контактов в дореволюционный период.

Литература

1. Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года. Национальный состав населения Якутской АССР – Якутск, 1990.
2. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – Якутск, 2005. – 77 с.
3. *Самсонов Н.Г.* Словарь заимствованных слов.– Якутск:Бичик, 2012.– 112 с.
4. *Слецов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания.– Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2008.
5. *Убрятова Е.И.* Очерк истории изучения якутского языка. – Якутск, 1945.
6. *Чарина О.И.* Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта). – Якутск, 1994.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗА ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЭВЕНКОВ, ЯКУТОВ И РУССКИХ

С целью сопоставительного исследования языкового сознания носителей языков, живущих в одном социуме, мы провели свободный ассоциативный эксперимент. Для этого нами выбраны 4 поселения. Основным языком общения (якутский или русский) в данных поселениях имеет свои особенности и может отличаться от норм литературного языка. Села удалены друг от друга, их население между собой не контактирует, и вследствие этого они находятся в разном языковом окружении: 1) с. Тяня – с преобладающим якутско-русским двуязычием, в школе преподается родной язык – эвенкийский; 2) с. Кутана – с преобладающим якутско-русским двуязычием, в школе преподается родной язык – якутский, эвенкийский язык изучается факультативно; 3) с. Кюпцы – преобладающее якутско-русское двуязычие, в школе преподается родной язык – якутский, эвенкийский язык не изучается; 4) с. Иенгра – преобладающее эвенкийско-русское двуязычие, в школе ведется преподавание родного эвенкийского языка.

Результаты эксперимента, касающиеся описания образа *Человека*, ранее были изложены в статье «Взаимодействие эвенкийского, якутского и русского языков на территории современной Якутии» [1]. В ней делается вывод о том, что при сопоставлении языкового сознания эвенков, якутов и русских выявлено большое количество соответствий и различий как в стратегиях ассоциирования, так и в содержаниях образов. Возможно, это может усложнять общение между людьми разных национальностей и разных мест проживания, и, возможно, это явление преодолевается лишь посредством образования, привитием навыков культуры речи, но это не является препятствием для сохранения и развития традиционных культур.

В связи с этим, для описания образа **Бэе** мы также рассмотрели ассоциативное поле (АП) таких слов, как **юкагир**, **эвэн** (эвен), **эвэнки** (эвенк), **яко** (якут), **луча** (русский), **чукча**, обозначающих людей разных национальностей.

У эвенков **Эвэнки** – это в первую очередь *человек/бэел/люди* (20%), остальные ассоциации обозначают их принадлежность к этой национальности (80%): *мы, народ, орон, национальность, язык, олени, эвенки, тайга, ороп, охотник, я, кочевники, агиду хавалдяри, ая, бабушка, би, бидерэн, дети тайги,*

дэвэйдэ, Иенгнэду, кэтэ, мало, много, нация, наш поселок, обычаи, праздник, род, со ая, танец, тонгус, упкат, шаман, этэечимнил, юрта. У якутов **Эбэнки** половину всех реакций (50%) составляют те, которые выражают сознание, что это другой народ, другая национальность, с другим укладом жизни и другим местом обитания: *омук* (национальность) 215; *норуот* (народ) 67; *тоңус* (тунгус) 57; *хоту* (север) 52; *таба* (олень) 50; *чукча* 37; *эбээн* (эвен) 27; *юрта* 17; *туундара* (тундра) 16; *юкагиир* (юкагир) 13; *аһыйах* (мало) 9, *сах* (якут) 6, *тыла* (язык), *хотугу норуот* (северная народность), *хоту дойду* (северный край), *хоту ому*к (северная национальность) 4 и др. Но присутствуют также реакции (4%), показывающие их принадлежность к человеку, человеческой общности: *киһи* (человек), *человек, дьон/дьоннор* (люди).

Далее рассмотрим АП слов, обозначающих национальности людей, живущих в непосредственном контакте с эвенками.

Образ **луча/нучча** (русский), как у эвенков (5%) *человек/бэе*, так и у якутов (8%), выражен в реакциях: *киһи* (человек), *киһитэ* (человек, принадлежащий этой национальности), *дьоно* (люди, принадлежащие к этой национальности), *русский, дьоннор* (люди) – это человек вообще. Затем следуют реакции, указывающие на то, что это человек «другой»: у эвенков – *русский* (28%), *национальность* (13%), *Россия, хунтул дуннэлдук* (с другой земли), *бидерэн эду* (живет здесь), *другая национальность и внешность, народ, русские люди, город*; у якутов – *омук* (национальность) (18%), *сах* (якут), *норуот* (народ), *Россия, кэлиһи* (приезжий), *национальность, Москва, кэлиһи киһи* (приезжий человек), *туора киһи* (чужой человек). У эвенков присутствуют реакции (4%), указывающие на то, что **Луча** (русский) – *гирки* (друг), *гость, соседи, друзья, учитель*. У якутов они составляют всего 1% – *табаарыс* (товарищ), *добор* (друг), *сосед*. По сравнению с этим наблюдением у якутов больше реакций, описывающих внешность **Нучча** (русского) (30%) – *күөх харах* (синие/зеленые глаза), *бааһынай* (смешанной национальности), *сырдык* (светлый), *мунну* (нос), *уһун* (длинный/высокий), *улахан мурун* (большой нос), *кыһыл* (красный), *сырдык баттах* (светлые волосы), *уһун мунну* (длинный нос), *манган* (белый), *халлаан күөх харах* (голубые глаза) и др. У эвенков таких слов немного – *белый, русский, рыжий, светлые глаза, гургакта* (борода или усы).

Образ **Яко** (якут) у эвенков опять же ассоциируется с человеком вообще *бэе/человек* (7%), с другой национальностью, другим народом – *якут/якуты* (30% и 17% соответственно), *луча* (русский), *русский, танец, якутский* и некоторыми оценочными характеристиками – *врач, гирки* (друг), *друзья, корова, кэтэвэ хавалдыра* (много умеют делать/работают), *лошади, мата* (гости), *много, мурун* (конь), *песня, родственники*. В языковом сознании якутов образ **Саха** – это также человек вообще *киһи* (человек) (13%); *киһитэ* (человек, принадлежащий к этой национальности); *дьоно* (люди, принадлежащие к этой

национальности); *ураанхай* (уранкай); *дьон* (люди), *уола* (парень, принадлежащий к этой национальности); *якут*, *кыыс* (девушка), *кыыһа* (девушка этой национальности), *бэйэ киһитэ* (свой человек), *эр киһи* (мужчина). У якутов образ **Саха** (якут) закономерно дает много ассоциаций, направленных на идентификацию самих себя (66%): *омук* (национальность), *норуот* (народ), *сирэ* (земля – якутская), *мин* (я), *биһиги* (мы), *тыла* (язык), *ыһыах* (ысыах – национальный праздник), *аймах* (родня), *саха сирэ* (земля якутская – Якутия), *кыараҕас харах* (узкие глаза), *национальность, саха* (якут), *абыйах* (мало), *народ, нация, бары бииргэ* (все вместе), *былаах* (флаг), *мин омугом* (моя национальность), патриот, *саха дьоно* (люди – якуты), *саха уола* (якут – парень), *хара харах* (черные глаза), *хомус* (варган), *мин норуотум* (мой народ), *мин сахабын* (я якут), *төрөөбүт дойду* (Родина), *этнос, я, язык, Якутия, якутка* и др.

Образ **Юкагир/Юкагиир** у эвенков – это прежде всего *человек/бэе/люди* (17%), у якутов также встречается реакция *киһи/дьон/дьоннор* (человек/люди) (3%). 32% ассоциаций у эвенков указывают на то, что это другие люди по национальности и месту проживания: *народ, север, гость, другая национальность, друзья, омук* (национальность), *самолет, северная народность, снег, тундра, хунгу дуннэ, язык*. У якутов подобные реакции составляют 44%: *омук* (национальность), *норуот* (народ), *чукча, хоту* (север), *тонус* (тунгус), *туундара* (тундра), *эбээн* (эвен), *таба* (олень), *ураһа/юрта, атын омук* (другая национальность), *абыйах* (малочисленный), *народ, национальность, саха* (якут), *хоту омук* (северная народность), *хоту киһитэ* (северный человек), *атын* (другой), *кыра омук* (малая народность), *эбэнки* (эвенк), *сүтэн эрэр омук* (исчезающий народ), *народность, юкагиир* (юкагир), *тундра, омук киһи* (человек другой национальности), *омук дьоно* (люди другой национальности) и др.

Образ **Чукча** у эвенков вызвал реакции: *человек/бэе* (25%) и *чукча* (3%), а у якутов 4% – *киһи* (человек), *чукча*. 30% реакций у эвенков относятся к описанию быта, национальной принадлежности и внешности чукчей: *тундра, чум, анекдот, ая* (хороший), *в чуме, долганин, земляк, иманна* (снег), *мир, народность Крайнего Севера, нарты, национальность, оленевод, Север, снег, собака, табак, тайга, узкоглазый, холод, человек на Севере, Чукотка, эру* (плохой), *эха* (глаза), *юрта*, а у якутов 43% подобных реакций: *омук* (национальность), *норуот* (народ), *хоту* (Север), *таба* (олень), *туундара* (тундра), *юрта/ураһа, кыараҕас харах* (узкие глаза), *тымныы* (холод), *абыйах* (мало), *анекдот, атын омук* (другая национальность), *балык* (рыба), *хоту дойду* (северный край), *чум, Чукотка, муора* (море), *однако, табаһыт* (оленовод), *түүлээх бэргэһэ* (меховая шапка), *хаар* (снег), *муус дьиэ* (ледяной дом), *сүтэн эрэр* (исчезающий), *хоту киһитэ* (северный человек), *хотулар* (северные, с

Севера), *ыраах* (далеко), *ыт* (собака), *этэрбэс* (меховая обувь на кожаной подошве) и др.

Образ **Эвэн/Эбээн** (эвен) вызвал у эвенков 9% реакций, относящихся к человеку вообще: *бэе/человек*, у якутов – 5%: *киһи* (человек), *человек с Севера*, *дьоннор* (люди). Реакции, относящиеся к национальной принадлежности, говорящие об отличительных чертах народа, особенностях быта у эвенков, составляют 25%: *олень, где-то, гирки* (друг), *другая национальность, икэн* (песня/танец), *как мы, малочисленный, нация, палатка, плохой, подруга, сосед, страна, Томпо, хэдьэ* (национальный танец), *эвэн* (эвен), *я, язык*. У якутов таких реакций 25%: *омук* (национальность), *хоту* (север), *тонус* (тунгус), *таба* (олень), *норуот*(народ), *Бытантай* (населенный пункт), *туундара* (тундра), *кыарабас харах* (узкие глаза), *юрта, национальность, тымныы* (холод), *кыра омук* (малая народность), *хоту дойду* (северный край), *һээдьэ* (национальный танец), *табаһыт* (оленовод), *тириш* (шкура), *тыла* (язык), *хотулар* (северные, с Севера), *ыраах* (далеко), *абыйах ахсааннаах омук* (малочисленный народ), *атын омук* (другая национальность), *балык* (рыба), *тон балык* (строганина), *эвен* и др.

Таким образом, чем интенсивнее и теснее связи контактирующих народов, тем больше общего в языковых сознаниях этих народов.

Литература

1. *Захарова Н.Е.* Взаимодействие якутского, русского и якутского языков на территории современной Якутии // Материалы II Региональной научной конференции с международным участием «Диалог культур Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации» (21-22 ноября 2017 г., Владивосток).
2. Ассоциативный словарь эвенкийского языка. – Электронный доступ: www.adictsakha.nsu.ru/dict Дата обращения 14.02.2017
3. Ассоциативный словарь якутского языка. – Электронный доступ: www.adictsakha.nsu.ru/dict Дата обращения 14.02.2017
4. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. – М.: РАН, Ин-т рус. яз., 1998. – 202 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_037

В.В.Ушницкий,

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА САХА В ИЯЛИ ЯНЦ АН СССР

Основатель института изучения якутского языка, литературы и истории, известный якутский поэт и партийный деятель П.А. Ойунский в качестве одной из главных поставил задачу исследования происхождения народа саха. В зас-

лугу П.А.Ойунскому можно поставить обращение к материалам эпоса олонхо как к важному источнику. Так, на основе интерпретации некоторых топонимов и антропонимов эпоса олонхо он выдвинул гипотезу об исходе предков саха из степей вокруг Аральского моря [с. 128–191]. Так, Араат Байҕал – обозначение южного моря богатырей «ураанхай-саха» в олонхо, отождествляется им с Аральским морем, предки Эллэя Аргын и Айаал – с казахским этнонимом *аргын* и *аялы* сибирских татар и т.д.

П.А.Ойунский попытался дальше развить гипотезу о связи саха с керейтским племенем *сахаэт*, выдвинутую известным казахским историком М. Тынышпаевым. В подтверждение своей версии он приводил параллели с монголами в мифологии, эпосе, языке, материальной культуре саха [12]. Следует указать, что керейтская версия происхождения саха опирается лишь на сходство этнонимов и не имеет опоры в археологическом и этнографическом материале.

Первую монографию, посвященную происхождению народа саха, выпустил в 1937 г. Г.В. Ксенофонтов. При решении этой задачи он использовал, в основном, огромный фольклорный материал наряду с историческим (востоковедческим). Автор подверг подробному научному анализу историографию вопроса, выделил теоретические подходы к решению этногенетических процессов. По его сложной теории, сначала происходило переселение на Вилюй уранхайцев (оронкон-ураныкааны), представляющих собой потомков отуреченных тунгусских племен и гуннов с примесью монголов и тюрок. Вторыми на Вилюй переселились в VII–VIII вв. скотоводы «гулигань» или «уч-курукан». Народ «саха» уйгурского происхождения – предки саха Центральной Якутии переселились на Лену из Прибайкалья в IX–XII вв. [9]. Тем самым утверждалась версия о раннем проникновении предков саха в различные районы Якутии, хотя при этом ее автор вступил в противоречие с данными исторической науки. Так, обычно считается, что вилюйские и северные саха появились в результате слияния потомков переселенцев из центральных улусов Якутии и местных автохтонных племен тунгусов и юкагиров. Г.В. Ксенофонтов отделяет вилюйских саха от центральных, приходя к выводу о преобладании в составе первых впоследствии обьякученных эвенков. Таким образом, он как бы связывает ранний этап этногенеза саха с проблемой проникновения и распространения эвенков по Якутии как пришельцев из более южных районов. Его выводы и гипотезы свидетельствуют о том, что автор был прекрасно знаком с трудами востоковедов своего времени. Например, он у них мог принять гипотезу, связывавшую хуннов с эвенками, или известие о бегстве последнего уйгурского кагана к племенам да-шивей, по мнению историков населявших территорию Южной Якутии [18, 1961].

Г.В. Ксенофонов сделал чрезвычайно много для изучения историографии происхождения саха, сбора фольклорных источников и высказал ряд смелых гипотез, не потерявших свою актуальность до наших дней. Например, автор уделял особое внимание племенам хори-тумат, ойрат, баргут [9].

Автором автохтонной теории, связывающей формирование саха с процессом медленного просачивания с юга (с территории Прибайкалья, а также верховья Амура) скотоводческих элементов и постепенной тюркизации местного населения, считается С.А.Токарев [15; 16]. Ему принадлежит заслуга переориентации направления поисков прародины саха на современную территорию обитания, где происходил процесс его этногенеза в результате слияния пришлых и местных элементов.

Известно, что в 1940 году С.А. Токарев защитил докторскую диссертацию «Общественный строй якутов в XVII-XVIII вв.». Но точной информации о работе С.А. Токарева в ИЯЛИ нет. П.П. Петров, сотрудник музея имени Г.П. Башарина, например, не установил факт его работы в институте. Он мог быть эвакуирован в Якутию в годы войны. Начав с этнографии тюркоязычных народов (алтайцев, хакасов, якутов), С.А. Токарев впоследствии заинтересовался социальной организацией и культурной историей австралийских аборигенов, индейскими народами, этнографией народов Зарубежной Европы, этногенезом, материальной и духовной культурой народов СССР. Такое многообразие научных интересов обуславливалось общепризнанным энциклопедизмом ученого.

Комплексный подход к решению проблемы происхождения саха первым применил академик А.П. Окладников. Он, как руководитель Ленской историко-археологической экспедиции, также имеет прямое отношение к работе Института. В мае 1947 года защитил в ЛГУ докторскую диссертацию «Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Русскому государству» (1947). В этой работе, посвященной древнему этапу истории Якутии, он использовал данные фольклора, языка, этнографии, археологии и иные. Ему удалось связать археологические памятники курумчинской культуры с предками саха, которых в средневековых письменных источниках называли курыканами или гулиганями.

А.П. Окладников практически во всех областях якутской этнографии и археологии был первооткрывателем – он является автором научной гипотезы о южном происхождении якутского эпоса олонхо, о преобладании монгольской лексики в якутских терминах оседлого скотоводства, социальной и общественно-политической сфер жизни саха, а также о тюркском происхождении их языка. Им были открыты скотоводческие поселения на средней Лене, названные культурой «малых домов» и «кыргыс-этехов». По

мнению автора, последняя волна предков саха, считавшая себя потомками Эллэя (кангаласцы), только в конце XV в. или в первой половине XVI в. с Верхней Лены вышла в район средней Лены. В трудах по этногенезу саха, особенно научно-популярных книгах в постсоветский период, можно встретить разные интерпретации основных положений его многочисленных статей и монографий по данному вопросу [14].

Горячим сторонником самодийской или аборигенной теории происхождения саха считается С.И. Николаев–Сомоготто. Он был профессиональным этнографом, объездившим все северные и южные районы республики, родным вилюйским районам была посвящена его кандидатская диссертация. Сам он закончил Среднеазиатский университет и прекрасно знал этнографию тюркских народов. Поэтому очень интересны его этнографические наблюдения о коренном отличии якутских обычаев и традиций от тюркских кочевых и полном совпадении с северными традициями.

Поэтому хотелось бы привести наиболее интересные этнографические наблюдения из его научных монографий, опубликованных только в 2009-2010 гг. под редакцией заведующего сектором истории ИГИиПМНС СО РАН Е.Антонова. У якутов до сих пор сохранились некоторые самодийские названия растений «ель» – *хады*, сравните якутское *харыйа*. Самодийское *харв* – «лиственница», в топонимике Якутии сохранились «Харба», «Харбалаах». Сосновую заболонь якуты называют “үөрэ” и “үөл”, в хакасско-кумандинском языках есть похожее слово “угре-урге”, означающее суп-похлебку. С этим словом С.И. Николаев сравнивает слово “е” *сосна* у лесных ненцев. Он предполагает, что у трех названных народов существовал самодийскоязычный этап истории, когда все они находились в прямом соседстве с носителями самодийского языка [11, с. 104-105].

Он подчеркивает, что по строганине из конины и жеребятины якуты оказались одинокими, но по строганине из рыбы и употреблению свежей сырой рыбы их ближайшие оказались близки к ним. Так, юкагиры и эвены доныне употребляют рыбу в виде строганины и талой свежатины [11, с. 86].

С.И. Николаев–Сомоготто в основном известен по публицистическим статьям, опубликованным в 90-е годы в республиканских газетах. Но эти статьи были опубликованы после выхода его на пенсию по инвалидности. Как видно из них, на формирование его взгляда на этногенез огромное влияние оказала яфетическая теория Н.Я. Марра. Согласно этой классовой теории, в основе языков лежит “первозык”. В качестве такого яфетического субстратного языка почти всех языков Сибири С.И. Николаев видел самодийские языки, относящиеся к уральской семье языков.

После А.П. Окладникова в 60-70-х гг. проблемой происхождения саха занимался еще один археолог, сотрудник ИЯЛИ И.В. Константинов. Его

исследование представляется комплексным, поскольку им предпринята попытка обобщить данные наук, имеющих отношение к изучению этногенеза саха. По его мнению, переселение саха на среднюю Лену происходило примерно в XV в. в виде довольно компактной группы, представлявшей вполне сложившуюся этническую общность. Им был сделан вывод о том, что саха и булагаты некогда составляли единое племя, разделившееся на две половины. Им приводятся антропологические и лингвистические материалы, согласно которым предки саха в Прибайкалье, проживая вместе с бурятами, испытывали взаимное влияние. Об этом, по его мнению, свидетельствуют также приводимые им фольклорные данные и параллели в материальной и духовной культуре [7; 8].

И.В. Константинову принадлежит также заслуга изучения «погребений с конем» на территории средней Лены, которые он связал с Усть-Талькинским и Сэгенутским могильниками Прибайкалья, изученными им в ходе экспедиционной поездки. По его утверждению, в Прибайкалье в эпоху монголов появились новые тюркоязычные племена, занесшие в бассейн верхней Лены обычай закапывать умерших вместе с конем [5, с. 196-197; 6, с. 182-184]. Таким образом, И.В. Константинов – первый советский ученый, предполагавший возможность связи этногенеза саха с племенами раннемонгольской эпохи. Но ему не удалось преодолеть и пересмотреть старый подход, целиком и полностью ориентирующий на прибайкальскую прародину саха. В этой связи особенно характерны его представления об истоках фольклорных сведений саха. Предания саха о туматах, сортолах, кыргысах он считал сложившимися в Прибайкалье, когда предки саха соприкасались с данными народами. Археолог И.Е. Зыков также отождествлял саха с курыканами. Поэтому этапы этногенеза саха он связывает с проблемой становления и распада курыканского объединения.

Начиная с трудов С.А.Токарева, в которых он предлагал искать местные корни этноса, не увлекаясь теорией образовавшегося на юге этноса, принято разделять якутских исследователей на сторонников местного и пришлого происхождения саха [15; 16]. Более фундаментально автохтонную теорию этногенеза саха разработал А.Н. Алексеев [1; 2].

Литература

1. *Алексеев А.Н.* Древняя Якутия. Железный век и эпоха Средневековья. Сер.: История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996.
2. *Алексеев А.Н.* К вопросу о происхождении якутского народа // Сб. науч. тр. Серия: Филология. – Якутск, 1994. – С. 66–67.
3. *Васильев Ф.Ф.* К вопросу об уральском компоненте в этнической культуре якутов // Этнос: традиции и современность. – Якутск, 1994. – С. 16–24.
4. *Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.

5. *Константинов И.В.* Захоронения с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). – Якутск, 1970. – С. 196–197.
6. *Константинов И.В.* Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – С. 182–184.
7. *Константинов И.В.* Происхождение якутского народа и ее культуры // Якутия и ее соседи в древности: Труды Приленской археологической экспедиции. – Якутск: Изд. ЯФ СО АН СССР, 1975. – С. 106–173.
8. *Константинов И.В.* Происхождение якутского народа и его культуры. 2-е изд., испр. – Якутск: Бичик, 2003.
9. *Ксенофонов Г.В.* Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. I. – Якутск: Бичик, 1992.
10. *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
11. *Николаев С.И.* Пища якутов (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2010. – 168 с.
12. *Ойунский П.А.* Саха уоскээбитэ // Чолбон. – 1928. – № 5-6. – С. 39-44.
13. *Ойунский П.А.* Якутская сказка, ее сюжет и содержание // Айымньылар. Т. VII. – Якутск. 1962. – С. 128–191.
14. *Окладников А.П.* История Якутской АССР. Т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству. – М.; Л.: Наука, 1955.
15. *Токарев С.А.* Происхождение якутской народности // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Т. 9. – М.; Л., 1941. – С. 58–62.
16. *Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1945.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_038

В.Е. Васильев,

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск

ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА *КЭРЭХ* И ЕГО ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

В этнографической науке вопросы традиционных верований и кровавых жертвоприношений народа саха достаточно подробно изучены, однако отдельные вопросы требуют углубленного исследования. Они могут пролить свет на принципиальные вопросы так называемого «чёрного» шаманизма и его отношения к «белой» вере саха.

Ранее мы писали о скифских корнях якутских жертвоприношений *кэрэх* [3, с. 88–92]. Так, рассмотрев источники, отражающие времена скифов и древних тюрков до этнографического прошлого бурят и якутов, мы предложили свой вариант предположения: якутские жертвоприношения *кэрэх* являются рудиментом (пережитком) древних обрядов мумификации почтенных

людей и священных животных, а позднее – ездовых коней и рабов, сопровождающих своих хозяев в иной мир. Эти традиции хорошо известны из истории Египта, Персии, Монголии и т.д.

Мы сопоставляем якутский термин *кэрэх* с персидским *керэһ*, *кэрэһ* ‘потерявший чувствительность, онемевший, окоченевший’ [6, с. 318], а также с таджикским *карахт* ‘мёртвый’ ‘мертвенный’ (перен.) [7, с. 310]. На языке хинди одним из значений термина *карак* является ‘скелет’ [9, с. 218]. Таким образом, индоиранское слово *кэрэх* могло означать ‘мертвец’, но раньше у ариев оно должно было обозначать ‘чистые кости’, ритуально очищенные от всякой плоти и сложенные в анатомическом порядке. Позднее значение термина расширяется до понятий ‘мумия’, ‘идол’, ‘статуя’, ‘жертвоприношение’.

Понятие скелета в отношении *кэрэх* даёт основание предположить, что здесь существует влияние культа умирающего и воскресающего зверя, кости которого погребались на лабазе или в пещере. Эти черты почтительного отношения к костям предков мы обнаруживаем в легендах о «рассекании» шамана, когда духи считали все кости будущего шамана и укладывали в гнезде шаманского дерева под присмотром матери-зверя в образе крылатого оленя или горного барана. Вполне логично допускать, что дух шамана при прохождении процедуры расчленения по суставам и поедания его плоти демонами сам принимал вид дикого зверя, а в более окультуренном варианте превращался в лохматого жеребца. Поэтому во время испытания молодой шаман пил ключевую «чёрную воду» и питался сырым мясом.

По полевым этнографическим материалам, полученным в Верхоянском улусе в 2011 г., в населённых пунктах Дулгалаах и Суордаах нами были зафиксированы семь мест жертвоприношений *кэрэх*. Они чудом не были уничтожены миссионерами и сохранились до наших дней [4, с. 125-129]. Стариков, знающих подробности старины, не осталось, поэтому мы были вынуждены ограничиться только фиксацией и описанием этих мест.

Наблюдения показали общую тенденцию упрощения жертв *кэрэх*, что было связано с христианизацией, завершённой в отдалённых уголках Якутии в XIX веке. Наиболее хорошо сохранившийся комплекс состоял из стрелки *куочай* в виде длинной доски до двух метров, в центре которой был укреплен череп коня. Стрелка остриём была направлена вверх в восточном направлении. Все остальные части были также ориентированы на восход солнца, иногда чуть отклоняясь на северо-восток или юго-восток. Однако от них сохранились или только сами черепа лошадей, или же только стрелки *куочай*. Таким образом, наблюдается устойчивость восточной ориентации всех этих комплексов жертвенных деревьев *кэрэх*.

Более ранние сведения, добытые якутскими этнографами С.И. Боло и А.А. Саввиным во время северной диалектологической экспедиции 1939–1940 гг., дают нам разнообразный материал, наводящий на размышления. Например, С.И. Боло из уст сказителя-импровизатора 2-го Кангаласского наслега Среднеколымского района записал сообщение: «Во время праздника Айыы ыһыаҕа ставят кэрэх – на стрелке *куонньар* с запада на восток вывешивают шкуру лошади, направив голову на восток. Духам абааһы (также) посвящается лошадь, тогда голову направляют на запад» [1, с. 37].

В другой записи, сделанной в Борогонском наслеге Оймякона, этот же фольклорист пишет следующее: «На одном дереве кэрэх устанавливают три стрелки. Две стрелки куочай указывают на запад и восток, а третий – на север. Об этом говорили, что восточный куочай направлен в Нижний мир, западный – в Верхний мир, а южный – в южную страну...» [2, с. 8-9].

Аналогичные сведения собрал и А.А. Саввин, который писал о том, что жертвенные деревья *кэрэх* в основном были ориентированы на запад. Однако в местности Суруксут унуоҕа («Могилы писаря»), в наслеге Кытаанах Чурапчинского района он обнаружил два жертвенных дерева, на которых указательные стрелки *куочай* были направлены в противоположные стороны – на восток и запад [8, с. 6]. При этом исследователь воздержался от каких-либо комментариев относительно характера этих жертвоприношений.

Более упрощенное представление о жертвоприношениях высказывал Э.К. Пекарский в своём «Словаре якутского языка». Он начал свой труд во время ссылки и опубликовал после революции [5, с. 1045–1046]. По мнению составителя словаря, кэрэх – это кровавое жертвоприношение скота особой масти для умилоствления гнёва злых духов, во время которого устраивалось пиршество. По утверждению отца Л. Попова, это пиршество считалось «величайшей святыней», ибо в нём принимали участие все присутствующие, а остатки мяса уносились домой для угощения родичей. Шкуру или чучело убитого животного вывешивали на дереве, под которым происходило камлание шамана. *Куочай кэрэх* – род жертвоприношения, когда шкуру с головой, рогами и копытами вешают на дереве и устраивают деревянный указатель дороги (куочай). В Вилюйском округе *кэрэх* – это подмости на трёх срубленных деревьях, на которые складываются или вешаются дары лесному духу. Отсюда очевидно то, что в интерпретации жертвы *кэрэх* автор учитывал авторитетное мнение христианских миссионеров, негативно относившихся к кровавым языческим жертвоприношениям.

Таким образом, под вопросом остаётся упоминание кровавых жертв, направленных божествам *айыы*, которые, по устойчивому мнению якутских исследователей, противились всяким видам жертв через обряд пролития крови.

Однако редкие факты, противоположные этому положению, не нашли в научной литературе внятного, приемлемого объяснения.

Наши данные наводят сомнение в абсолютной правоте утверждения о том, что жертвы *кэрэх* были адресованы исключительно демонам *абааһы*, так как восточное небо считается местом обитания добрых покровителей айыы. Но из этого ряда выпадает единичное сообщение оймяконских борогонцев, согласно которому на востоке живут нижние абааһы. Такие локальные данные могут отражать забытые особенности мифологии отдельных родов, которые островками ещё бытовали среди отдалённых групп саха как реликты древнего язычества.

Литература

1. *Боло С.И.* Записи по верованиям якутов бывшего Колымского улуса. 1940 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. 438. 37 л.
2. *Боло С.И.* Устное сообщение по местному историческому фольклору сказителя Л.С. Белолюбского. 1940 г. // Там же. Д. 395. 10 л.
3. *Васильев В.Е.* Скифские истоки якутских жертвоприношений «кэрэх» // Полярная звезда. – 1997. – № 4. – С. 88–92.
4. *Васильев В.Е.* Этнографические этюды Верхоянья // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – № 2(3). – С. 125–130.
5. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 1281 стб.
6. *Персидско-русский словарь*: В 2-х т. / Под ред. Ю.А. Рубинчика. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 848 с.
7. *Русско-таджикский словарь*. – М.; Сталинабад: Таджикгосиздат, 1949. – 880 с.
8. *Саввин А.А.* Верования якутов. 1937–1941 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 70. 347.
9. *Хинди-русский словарь*. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. – 1224 с.

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_039

В.Г. Попов,

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск

К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ ЯКУТСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ДЛИННОКЛИНКОВОГО ВИДА ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ ТИПА ЯТАГАН

Тема традиционной материальной культуры, в частности, военного дела якутов с позиции языка очень интересна и разнообразна, однако, в практическом плане изучена мало. В трудах О.Н. Бетлингга, Э.К. Пекарского, Ст. Калужинского, Н.К. Антонова, Г.В. Попова и других дается этимология отдельных слов, но значительная часть лексики по этой теме до сих пор не разработана. Поэтому пришлось погрузиться не только в мир лингвистических

исследований, но и в таинственный мир древних воинских искусств и воинской культуры саха, проводить этнографические изыскания по малоизвестным знаниям традиционной материальной культуры, незаслуженно обойденной вниманием специалистов-этнографов. В этнографии есть лишь один специальный труд по этой теме – это монография Ф.Ф. Васильева «Военное дело якутов» [3]. Есть определенные зарисовки по данной теме в материалах Саввина [14], хранящихся в Рукописном фонде ИГиИПМНС СО РАН. Все эти источники были проработаны нами. Автор также имеет статьи этнографического плана по теме [11, с. 105-112; 12, с. 57].

В данном сообщении мы подробно рассмотрим в сравнительном плане названия якутского традиционного ятагана, известного в прошлом как *кылыс* или *саадах кылыс*.

Кылыс является разновидностью однолезвийного длинноклинкового оружия якутов. В ходе многолетних исследований автором установлено, что *кылыс* представляется оружиеведами, этнографами, краеведами в пяти различных типах: 4 типа палаша и 1 тип ятагана. Перечислим некоторые наиболее интересные мнения, чтобы выявить наиболее точное определение понятия *кылыс*. Оружиевед Ф.Ф. Васильев, приводя примеры разновидности длинноклинкового оружия метровой длины типа *батас* с характерной геометрией клинка, считает их оружием типа *кылыс* [3, с. 96-98]. На самом деле, это *уһун дурба батас* ‘длинный массивный меч-батас’. В.Л. Серошевский называет однолезвийный палаш наиболее характерной для кылыса формы как «древний железный меч *болат*» [15, с. 381]. Однако из фольклорных материалов известно, что *болат* представлял собой обоюдоострый прямой меч, это не был палаш [1, с. 232; 7, стб. 494; 13, с. 387; 9, с. 146]. Мы согласны с мнением Ф.Ф. Васильева, который данный тип оружия относит к оружию типа *кылыс* [3, с. 96, 98; 12]. В Иркутском краеведческом музее, а также Эгвекинотском и Марковском филиалах музея «Наследие Чукотки» сохранились образцы якутских *кылыс*, аналогичные «*болат*» В.Л. Серошевского, однако с изогнуто-вогнутой формой клинка, как у турецких ятаганов [5, с. 144; 6, с. 153]. Ятаганские клинки сходной конструкции у енисейских кыргызов и их потомков хакасов назывались *хылыс* [2, с. 189].

Якутский *кылыс* имеет ряд характерных признаков. Перечислим некоторые из них. Это прежде всего характерная бутылкообразной формы полая рукоять, выемка при переходе с рукояти к лезвию клинка, ятаганной формы изогнутый клинок, характерный двойной орнамент в виде морской волны. То есть, якутский традиционный *кылыс* имеет два варианта, образцы которых имеются в музеях РФ:

1. Палаш с полой рукоятью характерной бутылкообразной формы с многочисленными насечками, имеющий на плоскостях клинка орнамент в виде двойной морской волны.

2. Ятаган с полой рукоятью характерной бутылкообразной формы с многочисленными насечками, имеющий на плоскостях клинка орнамент в виде двойной морской волны.

Теперь определимся с названиями.

Якут. *кылыс* > тюрк. *хылыч: др.-уйг., крх-уйг., ср.-уйг., чаг. *хылыч*, тур. *кылыч*, *кылыч*, туркм. *гылыч*, караим. *кылыч*, *кылыс*, казах. *гылыш*, кирг. *гылыч*, алт. *хылыш*, узб. *хылыч*, уйг. *хылыч*, *килич*, шор. *гылыш*, сан., койб. *хылыс*, чув. *хэм* ‘сабля; палаш; ятаган’ [10, с. 173]. Исследователи единодушно считают, что, возможно, слово образовано от *хыл*- ‘делать, изготавливать, создавать’, также звукоподражание *хыли-хыли* [13, с. 263; 4, с. 442; 7, стб. 1389; 16, с. 570]. Мы не можем согласиться с этой этимологией из-за большой отдаленности семантики сопоставляемых лексем. *Кылыс* можно сравнить с якут. *кылыа* ‘«волчий зуб» – когда у теленка или жеребенка вырастает острый зуб выше остальных’, казах. *кылау* ‘болезнь телят – длинный «волчий зуб»’, тув. *хылаа* ‘эмаль (зуба)’, также ср. туркм. *гылав*, якут. *кылаан* ‘лезвие, острие’ [17, с. 230; 8, с. 109], связанный, на наш взгляд, с др.-тюрк., тюрк. *хыл*, *кыл* ‘волос’ [4, с. 442]. В этом случае усматривается семантическое развитие «острие настолько тонкое, словно кончик шерстинки, пуха».

Кроме собственно термина *кылыс* в фольклоре используется иногда *саадах*, *саадах кылыс*. Это слово со значением ‘налучь, футляр для лука’ общеизвестно, широко распространено как в тюркских, так и монгольских языках в формах *саадак*, *садаг*, *садак*, *сабдак*, *сабадак*.

Обратим наше внимание на четвертое значение этого слова в словаре Э.К. Пекарского, а именно ‘старинное оружие разновидность батаса’ [7, стб. 2022]. Этот вид длинноклинкового оружия типа ятаган находился у всадника рядом с *саадах* (налучем), как собственно и турецкие ятаганы, и русские подсайдашные ножи всадник нередко прикреплял справа от седла у налучи. Мы видим непосредственную связь между турецким *ятаган* и якутским *саадах* (+ -н). В якутском языке тюркское анлаутное й- зачастую переходит в с- [8, с. 15-31]. Тем более, что турецкие ятаганы делились на *ятаган пчак* ‘короткий ятаган-нож’, *ятаган кылыч* ‘собственно ятаган’. Согласно устным сведениям краеведов и носителей традиционного кузнечного дела якутов, слово *саадах* встречалось чаще в сочетании *саадах кылыс*, т.е. буквально ‘ятаган, находящийся у налучи’. В таком случае якут. *саадах кылыс* вполне объясняет доселе неясную этимологию тур. *ятаган*.

В результате междисциплинарного анализа на стыке компаративистики и этнографии удалось не только впервые конкретизировать толкование видов

холодного оружия типа *кылыс*, но и провести этимологический анализ их названий, а также ввести в оборот новые, не учтённые прошлыми исследователями названия. Так, например, ранее *кылыс* считался длинным *батас*, однако нам удалось установить, что этот вид длинноклинкового оружия имеет S-образно изогнутый клинок и относится к типу ятаганов (клинков с вогнутым лезвием).

В ходе анализа выявлено, что слово *кылыс* относится к тюркскому пласту, а *саадак* является достоянием общей тюрко-монгольской лексики. Сопоставление якут. *саадах кылыс* с тур. *ятаган кылыч* объясняет также не вполне ясную в наши дни этимологию тур. *ятаган*.

Таким образом, проведённый анализ названий отдельно взятого вида длинноклинкового холодного оружия стал еще одним шагом к познанию одного из самых неразработанных областей этнографии – военной культуры одного из сибирских народов – якутов.

Литература

1. *Бетлингк О.Н.* О языке якутов. – Новосибирск, 1990. – 646 с.
2. *Бутанаев В.Я.* Вооружение и военное дело хакасов в позднем Средневековье // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, «Наука», 1981. – 230 с.
3. *Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. – Якутск: Якут.кн. изд-во, 1995. – 224 с.
4. *Древнетюркский словарь.* – Л., 1969. – 677 с.
5. *Нефёдкин А.К.* Военная культура чукчей (Середина XVIII – середина XIX в.). – СПб: «Лема», 2017. – 456 с.
6. *Нефёдкин А.К.* Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная книга. – М.: «Яуза», 2017. – 496 с.
7. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. (фотомех.). – М., 1959. – 3858 с.
8. *Попов Г.В.* Слова «неизвестного происхождения» якутского языка: Сравнительно-историческое исследование. – Якутск, 1986. – 148 с.
9. *Попов Г.В.* Этимологический словарь якутского языка. – Ч. I. – Буквы А-Дь. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с.
10. *Попов В.Г.* Этимологический словарь якутского языка. – Ч. II. — Буквы И-Л. – Якутск, 2012 (на правах рукописи). – 240 с.
11. *Попов В.Г.* Якутская батыя // Мир оружия: истории, герои, коллекции: Материалы Международной научно-практической конференции (22-23 октября 2015 г.). – Тула, 2015. – С. 105-112.
12. *Попов В.Г.* Были ли у якутов ятаганы? // «Якутск вечерний». – 2017. – 25 августа. – С. 57.
13. *Rasanen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Turksprachen. – Helsinki, 1969. – 533 + 136 s.
14. *Саввин А.А.* Вооружение древних якутов // Архив ЯНЦ СО РАН – фонд А.А. Саввина. – Оп. 12, д. 18, л. 1-93.
15. *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.
16. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика.* – М., 1997. – 800 с.
17. *Туркменско-русский словарь.* – М., 1968. – 832 с.

ОБЩЕЯКУТСКИЕ И ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К КОНЕВОДСТВУ

По поло-возрастным признакам, по масти лошадей, жеребцов, кобылиц и жеребят, по местам их постоянного пастбища якуты точно определяли, чей это конный скот, кому это богатство принадлежит. При этом, по неписанным законам жизни, они не трогали чужой скот. Крайне редкие случаи кражи строго осуждались, хотя они совершались из-за крайней нужды.

В статье представлен анализ названий конного скота по поло-возрастным признакам, масти, а также названий конной сбруи и упряжи, имеющие тюркские, монгольские и тюрко-монгольские лексические эквиваленты.

Поло-возрастные названия конного скота

кулун ‘жеребенок по первому году, в первую весну, в первое лето; жеребенок менее года’ [Пек., стб. 1210], соответствует др.-тюрк. *qulup* ‘жеребенок’ [ДТС, с. 465]. Диалектные названия: *ат обото* (усуй.), *учар кулун* (вил.) ‘новорожденный жеребенок’ [ДСЯЯ, I, с. 267]; *аһына* (ср.-кол.) ‘маленький жеребенок’ [ДСЯЯ, I, с. 52]; *куньньаачай* (ср.-кол.) ‘жеребенок’ [ДСЯЯ, I, с. 124]; *куньньаххай* (сакк.) ‘жеребенок’ [ДСЯЯ, I, с. 124]; *эмник кулун* ‘жеребенок-молочник, сосун’ [Пек., стб. 258]; *тугут* (уд.) – см. *ат обото*;

убаһа ‘жеребенок в первую зиму, годовалый’ [Пек., стб. 2968] по семантическому содержанию соответствует п.-монг. *ипауа* «жеребенок» [2, с. 332], хотя Н.К. Антонов сближает данное слово с тюрк. *йабаҕа, жабаҕа, чабаҕа* ‘жеребенок в первую по рождению осень’ [1, с. 29]; может быть, якут. *убаһа* – очень древнее слово, восходящее к пратюркскому **ulala* > обще-тюркское *alaša* ‘небольшая лошадь’ (этимологию см. в ЭСТЯ, 1974, с. 136) [см. 3, с. 89]. Диалектальным можно считать слово *даабыска* ‘жеребенок в первую зиму’, что соответствует п.-монг. *дауан* ‘жеребенок от 2 до 5 лет’, совр.-монг. *даага(н)* ‘годовалый жеребенок’ [ДСЯЯ, I, с. 83];

тый ‘жеребенок по второму году; двухлетний (двухгодовалый) жеребенок’ [Пек., стб. 2934] соответствует др.-тюрк. *taj* 1. ‘жеребенок’; 2. ‘молодой конь’ [ДТС, с. 527];

кытыт или *кытылыыр* ‘молодая кобылица до трех и четырех трав’; ‘жеребенок на четвертом году’ [Пек., стб. 1452] – слово с затемненной семантикой; Н.К. Антонов, однако, сближает данное название с древне-монг. *хидааман* ‘двухлетний жеребенок’ [1, с. 29]; может быть, *кытыт, кытылыыр*

– исконно якутские слова от *кытык* ‘причастность к чему-либо’ [ЯкутРС, с. 214];

соноѳос ‘молодой конь’: *атыыр соноѳос* ‘молодой жеребонок’, *соноѳос биэ* ‘молодая кобыла’ [см.: Пек., стб. 2279; ЯкутРС, с. 332]; Н.К. Антонов данное слово развивает из тюрк. *jont* ‘лошадь, табун лошадей’, ‘полудикая кобыла’ [1, с. 29], что находит поддержку в исследованиях Ст. Калужинского [см. 5, S. 212].

ат ‘конь, лошадь’ – широко распространенное в тюркских языках слово, известно им с древнетюркского времени, но его развивают из ирано-персидского *ayta~aqta* ‘мерин’. Это слово также обнаруживается в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [см. ЭСТЯ, 1974, с. 77-78].

атыыр ‘жеребец’, ‘не холощенный самец’;

биэ ‘кобыла’;

сылгы – общее собирательное название конского скота. Часто встречается *сылгы сүөһү* букв. ‘конный скот’; *хаардаах сылгы* (горн.) ‘конский молодняк свыше одного года’ [ДСЯЯ, I, с. 273].

В возвышенной поэтической речи встречаются *Күн Дьөһөгөй оѳолоро* ‘дети солнечного Божества, создателя и покровителя лошадей’ [см.: ЯкутРС, с. 132], *сыспай сиэллээх* ‘с длинноволокой гривой’ [см.: Пек., стб. 2494] и некоторые другие.

Отмечается много названий разновидностей крупных видов конного скота: *айаас ат* ‘не объезженный, не приученный к седлу или упряжке’ [ЯкутРС, с. 33]; *боотур ат* ‘агрессивно настроенный’; *дохсун ат* ‘горячая лошадь’, *дьоруо ат* ‘иноходец’: *курун дьоруо* ‘природный иноходец’, *уу дьоруо* ‘чистый иноходец’ [ЯкутРС, с. 132]; *сэлиик ат* ‘рысак’; *мөнүүк ат* ‘вздыбчивый’; *тэбиик ат* ‘лягающийся, пинающий’; *минэ ат* ‘ездовой’, *минэ биэ* ‘ездовая кобыла’ [ЯкутРС, с. 240]; *улгум ат* ‘хорошо идущий на поводу’, *чычаас ат* ‘смирная лошадь’ [Там же, с. 515].

Приведенные названия, кроме *Дьөһөгөй*, имеют тюркские параллели, свидетельствующие о том, что древние предки якутов отделились от основной тюркской стихии истыми коневодами и считали конное стадо основным богатством, экономическим капиталом племени саха [Об этимологических справках тюрк. *at* ‘лошадь, конь’, *adyir* ‘жеребец’, *begä* ‘кобыла’, *bäjtal* ‘кобылица (молодая)’, *jilqi* ‘табун (лошадей)’ см.: СИГТЯ, 2001, с. 441-445; ЭСТЯ, 1974, с. 107-108, 197-198; 1978, с. 36-37, 133-134; 1989, с. 281-282].

Масти коней и лошадей, кобыл и жеребцов:

аас ‘белый, сивый, желто-белый (о лошадях)’: *аас биэ* ‘белая кобыла’ [Пек., стб. 166];

ала ‘белобокий, белополосатый’: *ала атыыр* ‘пегий жеребец’, *ала ат* ‘пегий конь’, *ала биэ* ‘пегая кобыла’ [Пек., стб. 62];

араҕас ‘желтоватый’, ‘рыжий, красный’: *араҕас ат* ‘рыжая лошадь’, *үрүн араҕас ат* ‘игрений конь’; *сырдык араҕас ат* ‘соловая (изабеловая) лошадь’; *күдэн араҕас ат* ‘светлорыжий конь’ [Пек., стб. 127];

борон ‘серый и разные оттенки серого: серобледный, темно-серый’ (ср. *көбөлчөр, кэрэмэс*); о лошадях: ‘сивый, сиво-железный, гнедой, темно-гнедой’: *күөх борон ат* ‘темно-сивый конь’; *борон өгнөөх* или *кутуйах өгнөөх* ‘мышинного цвета’ [Пек., стб. 502];

боронкуо (бод.) или *суор хара* ‘вороной’ [ДСЯЯ, II, с. 51];

булур ~ *буулур* ~ *булуур* ~ *буулуур* ‘чалый, буланный’ (о масти лошади): *буулур биэ* ‘чалая кобыла’; *буулуур соноҕос* ‘чалый жеребец’ [Пек., стб. 549; ЯкутРС, с. 87]; литературным считается вариант *буулур*, а Э.К. Пекарский данное название считает монголизмом [Пек., стб. 569];

дьабыл: *сур дьабыл сылгы* ‘серая, (каурая) с черными пятнами на лопатках лошадь’; *көр дьабыл ат* ‘белая лошадь с мелкими едва заметными пятнами’; монголизм [Пек., стб. 770];

кэрэ ~ *көрө*: *кэрэ биэ* ‘белая черноносая, чернокопытная кобыла’; *саһыл кэрэ* ‘желтовато-рыжий’, *үүт кэрэ* ‘молочного цвета’; *кэрэ элэмэс* ‘половопегий’; *кэрэ дьабыл* ‘белобуланный’ и т.д. [см. Пек., стб. 1040];

Кроме того, *үүт кэрэ* в диалектах синонимизируется с *куобах кэрэ* (абый.), *кылбан кэрэ* (сакк.), *сурбуну кэрэ* (в.-кол.) [см. ДАЯЯ, I, с. 124, 136, 216];

кэрэмэс ‘темно-серый (о масти лошади)’: *кэрэмэс ат* ‘темно-серый конь’ [ЯкутРС, с. 222]; в среднеколымском говоре отмечен синоним *обулуонка* ‘темно-серый, черный с проседью, сиводушчатый’ [ДСЯЯ, I, с. 182];

көбөлчөр ~ *көбөрчөр* ~ *көбөтчөр* ~ *көбөчөр* и *көбөччөр* – вариант, принятый в качестве литературной нормы ‘серый и разные оттенки серого: темно-серый, серый как сталь’: *хара көбөлчөр биэ* ‘темно-серая кобыла’ [Пек., стб. 1122]; *көбөччөр* ‘серый с различными оттенками; сивый (о масти лошади)’: *көбөччөр ат* ‘сивый конь’; *хара көбөччөр биэ* ‘темно-серая кобыла’; *сырдык көбөччөр кулун* ‘светло-серый жеребенок’ [ЯкутРС, с. 175];

кугас ‘рыжий, красный’: *кугас биэ* ‘рыжая кобыла’; *кугас атыыр* ‘рыжий жеребец’; *хагдан кугас ат* ‘чалый конь’, *кугас ала биэ* ‘рыжеватая, рыжепегая, краснопегая кобыла’ [Пек., стб. 1191]; в говорах – *куочай кугас* (верх., татт.) ‘сильно рыжий’ [ДСЯЯ, I, с. 126], *тымтык кугас* (верх.), *бүтэй кугас* ‘одноцветно рыжий’ [ДСЯЯ, I, с. 254]; *дьэбин кугас* (у.-май.) ‘рыжий цвета ржавчины’ – о масти лошади [ДАЯЯ, I, с. 102];

кундуустаах (верх.), т.е. *кылдьылаах харахтаах* ‘с белыми ободками вокруг глаз’ – о масти лошади [ДСЯЯ, I, с. 123];

күөх: *күөх борон ат* ‘темносивая лошадь’; *күөх маџан ат* ‘совершенно белая лошадь’ (ср. *үүт маџан*) [Пек., стб. 1323];

күрэнг ~ *күрүг* ‘бурый, красноватый; соловой’; ‘серый, сивый’: *күрэнг ат* ‘бурый (соловой) конь’; *кыһыллыгы күрэнг* ‘красновато-бурый’; *харангатыны күрэнг* ‘темновато-бурый’; *туой күрэнг атыыр* ‘жеребец масти гнедо-бурый’; *күрэнг маџаас сылгы* ‘черно-пеганая лошадь’; *хара маџаас сылгы* [Пек., стб. 1327]; соответствует монг. *хүрэн* ‘коричневый, бурый’ [МонГОТ, с. 577];

мангаас ~ *маџаас*: *күрэнг маџаас сылгы* ‘черно-пеганая лошадь’; ‘белоголовая бурая лошадь’ ср. *хара маџаас сылгы* [Пек., стб. 1327]; ‘белоголовый, беломордный, белорылий (о животных)’; *араџас маџаас сылгы* ‘рыжая с белой головой кобыла’; *харданг (хагдан) маџаас* ‘беломордый, рыжий жеребец, бык’ [Пек., стб. 1500];

маџан ~ *манган*: *дылагыр манган* (кол.) ‘чисто белая лошадь’ [ДСЯЯ, I, с. 102]; *үүт маџан ат* ‘беломолочная лошадь’; *күөх маџан ат* ‘совершенно белая лошадь’ [Пек., стб. 1499]; *муус манган* = *үүт кэрэ* ‘ледовато белый’ [Пек., стб. 1523];

мэлдьэннээх 1. (канг., татт.) ‘с белой отметкой на храпе – о лошади’; 2. (верх.) ‘лошадь с черными пятнами в паху или на стегнах’ [ДСЯЯ, I, с. 169]; *мэлдьэннээх* ‘имеющий красноватый оттенок (на морде)’ [ЯкутРС, с. 247];

улаан о конских мастях: ‘мышистая или голубая, пепельного цвета’; ‘чалая, серко’; ‘буланая’; ‘соловая’: *улаан ат* ‘светло-серая, серенкая лошадь’; *сырдык улаан* ‘светлосоловая’; *саһыл улаан* ‘красносоловая’ (не совсем рыжая) [Пек., стб. 2994]; *куобах улаан* (сунт.) ‘белый’ – о масти лошади [ДСЯЯ, I, с. 124]; от п.-монг. *илауан* ‘красный’;

ураанньыктаах ‘имеющий белое пятно или белую полоску, с ... белым пятном или с ... белой полоской (на морде)’: *сүүһүгэр ураанньыктаах суорхара ат* ‘вороной конь с ... белой полоской на лбу’ [ЯкутРС, с. 441];

үрүмэтчи манган ат ‘что мотылек, белый конь’ [Пек., стб. 3178]; *үрүмэтчи манган ат* (поэт.) ‘конь – белый мотылек’ [ЯкутРС, с. 457];

хара: *хара ат* ‘вороная лошадь’, ‘вороной конь’ [Пек., стб. 3330]; *суор хара* ‘черный как ворон, вороной (о лошади)’ [Пек., стб. 2347]; диалектальное *могул* ~ *мобол* [ДСЯЯ, I, с. 159], но значение которого осталось не выясненным;

хонгор ~ *хоџор*: *хонгор биэ* ‘соловая кобыла’ [Пек., стб. 3490]; имеет тюрко-монгольские параллели [ДТС, с. 456; МонГОТ, с. 536];

чакырыас ~ *чокуруос*: *чакырыас харахтаах ат* (обус) ‘конь (бык) с белыми глазами’, вероятно, от п.-монг. *šakir* [см. Пек., стб. 3557, 3558];

чуобур ~ *чуогур*: *чуобур ат (биэ)* ‘пестрая или чубарая, в яблоках лошадь (кобыла)’ [Пек., стб. 3688]; *соһо чуобур биэ сылгы* ‘рыжеватая с белыми на задую яблоками кобыла’ [Пек., стб. 2290: статья *соһо*]; соответствует п.-монг. *šouхир* ‘пестрый’ [2, с. 255];

элэмэс ‘пегий, пеганый’: *элэмэс кытыт* ‘пегая кобылица’; *тимир элэмэс атыыр* ‘жеребец темно-серый (стальной масти) в белых пятнах’; *улаан элэмэс* ‘буланопегий, соловопегий’; *кэрэ элэмэс* ‘половопегий’ [Пек., стб. 242]; *элэмэс биэ* ‘пегая кобыла’ [ЯкутРС, с. 539].

Кроме того, встречаются и диалектные наименования мастей домашних животных:

суодайдаах сиэллээх (ср.-кол.), но значение названия не выяснено [ДСЯЯ, I, с. 214];

тыыркыннаах (верх.) ‘с узкой белой полосой на морде’ [ДСЯЯ, I, с. 255], что соответствует *ураанньыктаах*;

мангаарыйа (нюрб.) ‘беломордая’ [ДСЯЯ, II, с. 120], что соответствует *мангаас*;

хангалас (абый.), но значение названия не выяснено [ДСЯЯ, I, с. 279, см. статью *хангалас* 2];

хастырхай манган или *хастырхай мангаас* (верх.) ‘лысый, с ободками вокруг глаз и в белых чулках’ [ДСЯЯ, I, с. 284];

Таким образом, в лексике якутского языка и его говоров обнаруживаются свыше тридцати наименований конного скота по масти. Кроме того, встречаются многочисленные названия, обозначающие различные оттенки цвета шерсти коней, лошадей, жеребцов, кобыл и жеребят, что связано с особым вниманием якутов-коневодов, которое заслужил прекрасный конный скот *Дьөһөгөй обото*.

Следует также отметить, что вышерассмотренные названия рогатого и конного скота по возрасту и по масти имеют тюркские, монгольские и тюрко-монгольские лексические эквиваленты [см. 1, с. 29-35, 36-55]. Этот существенный момент позволяет допустить, что тюркоязычные племена, занимавшиеся разведением преимущественно конного скота, и монголоязычная группа людей, содержащая в основном рогатый скот, когда-то и где-то проживали совместно в течение довольно продолжительного времени.

Кроме того, можно выдвинуть версию, согласно которой монгольское скотоводство в древности развивалось под влиянием тюркского скотоводства, а якутское – под сильным влиянием монгольского скотоводства. Правомерность нашего суждения подтверждается наличием в терминах скотоводства и сенокосно-пастбищного хозяйства изрядного количества слов-терминов монгольского происхождения. Кроме того, у якутов сохранилось мифологическое представление о существовании божеств, имена которых этимологически связаны с монг. *монбол* ‘монгол’: *Манхалыын тойон* – дух вселенной (земли), создатель скота (рогатого); *ынахсыт хотун манган* *Манхалыын* – имя старухи-покровительницы телят; *Манхал* или *Монхол тойон* – божество скота [см. Пек., стб. 1525, 1576, 1590].

Но очевидно, что и тюрки, и монголы слывут как племена, испокон веков занимающиеся разведением конного и рогатого скота, что стало основным источником существования этих народов. В то же время древние предки якутов также содержали верблюдов и овец, о чем свидетельствуют сохранившиеся в лексиконе современного якутского языка термины *тэбиэн*: *хоро тэбиэн* ‘хоринский, монгольский верблюд’ [Пек., стб. 2611]; *хой*: *хой баһын туойума* ‘не молоть вздора’. Слово *хой* – широко распространенное в тюркских языках название [см. ЭСТЯ, 2000, с. 24-26], которое вступает в синонимическое отношение к рус. *баран*, что в русистике считается древним альпийским словом междометного происхождения [4, с. 123-124].

Названия конной сбруи и упряжи

Можно предположить, что предки якутов с самого начала были преимущественно коневодами-всадниками. Это подтверждается также названиями конной сбруи, которые преимущественно являются словами тюркского, якутского происхождения, так как имена *үүн* ‘узда, уздечка’, *тэһиин* ‘повод, поводья’, *сулар* ‘недоуздок’, *көнтөс* ‘повод, поводья’, *ынгыыр* ‘седло’, *холун* ‘подпруга’, *иһэнгэ* ~ *ингэһэ* ‘стремя’, *чаппараах* ‘чепрак’, *төргүү* ‘торока’ имеют тюркские лексические параллели. Приведенные названия конной сбруи не имеют интересных диалектных синонимов.

В составе данной терминологии сохранились некоторые древние названия: *үүн* ‘узедчка’, *тэһиин* ‘поводья’, *сулар* ‘недоуздок’, *көнтөс* ‘повод’, *быа* ‘веревка’ – слова тюркского происхождения. Наряду с этим появились новообразования: (*баттык*: *сыарба баттыга* ‘продольные скрепы саней’, *бас быата* ‘недоуздок’, *сис быата* ‘чересседельник’, *атах быата* ‘путы (для лошади)’, *түөс быата* ‘супонь (у хомута)’, *кулгаах быата* ‘гуж (у хомута)’ [см. ЯкутРС, с. 90, статью *быа* ‘веревка’], кроме того, *сыарба урабаһа* ‘импровизированные оглобли’ [ЯкутРС, с. 441]).

В данный лексикон давно проникли также некоторые монголизмы: *адаба*: *ат адабата* ‘колодка для коня’, *адарай* ‘дощатый настил (в дровнях, санях)’ [ЯкутРС, с. 32], *амабаччы* ‘самодельная удила’ [Там же, с. 40]; *сыарба* – от п.-монг. *ṣirγa* ‘сани’.

В названиях частей конной упряжи преимущественно встречаются русизмы: *хомуут* ‘хомут’, *дуга* ‘дуга’, *буоһа* ‘вожжи’, *сэдиэлкэ* ‘седёлка’, *олгуобуйа* ‘оглобля’; *бэдириэс* (лен.), *бэтириэс* (вил., сунт.) ‘подрез, подреза’ – от рус. *подрез* [ДСЯЯ, I, с. 80, 82]; отсюда у виллойских якутов существует название *бэтириэстээх сыарба* ‘сани с железными подрезами под полозьями’ [С.И.]; *доруобунньа*, *таһабас сыарбата* от рус. *дровни* [ЯкутРС, 1968, с. 148] – *дровни* «крестьянские сани без кузова для перевозки дров, леса или других грузов» [СРЯ, I, 1981, с. 447]; *кокуора һыарба* (абый.) ‘сани для лошади,

розвальни' [ДСЯЯ, I, с. 115], *коххуора сыарба* (верх.) 'сани для перевозки бревен' – от рус. диал. *кокора* 'ствол дерева с корнем' [ДСЯЯ, I, с. 115]; *күлээһэй сыарба* (нюрб.) 'сани для легкой езды' [ДСЯЯ, I, с. 134] – от рус. *гулящий*; *моло* (канг.), *молохо* (вил., в.-вил., сунт.) – от рус. диал. *волока*, *волокуша* для бревен [ДСЯЯ, I, с. 160]; *наарта* (эвф. кол., сунт.) 'сани' – от рус. *нарта*, *нарты* [ДСЯЯ, I, с. 172]; *косуорка* (сунт.) – от рус. *кошёвка* [ДСЯЯ, II, с. 86], которое в русской лексикографической практике толкуется как «широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые кошмой, рогожами и т.д.» [СРЯ, II, 1982, с. 117], по-своему якуты называют их *өйөнөрдөөх сыарба* 'сани со спинкой' [ЯкутРС, с. 284] и некоторые другие, позволяющие допустить, что якуты, испокон веков всадники, научились запрягать лошадей в сани у русских.

В заключение еще раз отметим, что у якутского скотоводства и коневодства довольно развитая терминология. Это особенно наблюдается в поло-возрастных названиях домашних животных, в названиях по внешним признакам, качествам, поведению и повадкам, которые были отмечены в результате их многолетней хозяйственной эксплуатации и визуального наблюдения.

Рассмотренные нами терминологические названия подтверждают, что якуты испокон веков были коневодами-всадниками. Они стали «саночниками» позднее, когда научились запрягать быков в сани у монголов средневекового периода, а лошадей – у русских с середины XVII века.

Однако современные промышленные, инженерно-технические и иные достижения постоянно вносят свои настойчивые коррективы: более привлекательными в наше время становятся автомобили, автобусы, самолеты, вертолеты, пароходы, поезда, трактора и другие транспортные средства. Но традиционное занятие якутов коневодство, скотоводство еще будут сохраняться многие годы.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 175 с.
2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкаского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. – М.: Наука, 1989. – 449 с.
3. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. – М.: Вост.лит., 2007. – 223 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. I (А – Д). – СПб.:Изд-во «Азбука», 1996. – 576 с.
5. Kalużyński St.Prace jacutoznawcze. – Warszawa, 1995. – 404 S.

Сокращения

ДСЯЯ I – Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.

- ДСЯЯ II – Диалектологический словарь якутского языка / Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- МонгОТ – Монгол орос толь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – 715 с.
- Пек. – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – СПб.: Изд-во АН СССР: Напечатано фото-механическим способом с I-го издания (1907 – 1930 гг.). – 1959. – 3858 стб. + VIII с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
- СРЯ – Словарь русского языка. – М.: Рус.яз. – М.-Л.: – Т I. – 1981. – 698 с.; Т. II. – 1982. – с.
- ЭСТЯ, 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
- ЭСТЯ, 2000 – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – 265 с.
- ЯкутРС – Якутско-русский словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. – 606 с.

Прочие сокращения

- абый. – абыйский говор
- букв. – буквально
- бод. – бодайбинский говор
- верх. – верхоянский говор
- вил. – виллойский говор
- в.-вил. – верхневиллойский говор
- в.-кол. – верхнеколымский говор
- др.-тюрк. – древнетюркский язык
- канг. – кангаласский говор
- кол. – колымский говор
- монг. – монгольский язык
- нюрб. – нюрбинский говор
- п.-монг. – письменно-монгольское
- поэт. - поэтическое
- рус. – русское
- рус. диал. – русское диалектальное
- сакк. – саккырырский поговор
- совр. – современный
- ср.-кол. – средне-колымский говор
- сунт. – сунтарский говор
- татт. – таттинский говор
- уд. – говор удских якутов
- у.-май. – усть-майский говор
- усуй. – усть-янский говор
- якут. – якутский язык

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ВЕРХОЯНСКОГО ГОВОРА В ТРАДИЦИОННОМ ПЕНИИ ЯКУТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

В период работы Е.И. Коркиной директором ИЯЛИ СО АН СССР в институте получило широкое развитие такое фундаментальное научное направление, как диалектология якутского языка. В данном аспекте ею написано большое количество научных трудов, в том числе монография «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (Новосибирск, 1992) [4]. Вербальная основа якутских народных песен также отражает диалекты якутского языка, поэтому диалектология является важной основой при изучении текстов традиционных песен народа саха. В традиционных песнях якутов наблюдается влияние диалектов того региона, в котором проживают исполнители.

Якутские филологи подробно исследовали локальные особенности говоров якутской речи. Ими выявлено, что «наиболее яркой диалектной особенностью якутской фонетики является аканье и оканье. Аканье – это произношение некоторых слов через негубные гласные *а, ы, ыа* (*хатын* ‘госпожа, хозяйка’; *харыа* ‘сажа’), а при оканьи эти же слова произносятся с губными гласными – *о, у, уо* (*хотун* ‘госпожа, хозяйка’; *хоруо* ‘сажа’). Кроме того, аканью сопутствует эканье – *э, и, иэ* (*элиэр* ‘здоровый’; *сэриин* ‘прохладно’), а оканью ёканье – *ө, ү, үө* (*өлүөр* ‘здоровый’; *сөрүһ* ‘прохладно’))» [1, с. 117]. По наблюдениям лингвистов, оканье преимущественно свойственно центральному говору, а аканье – диалекту якутов Верхоянского улуса. «В говорах якутов, живущих смешанными с эвенками, преобладает огубленный вариант произношения. Этот яркий факт говорит о том, что эвенки, переходящие на якутский язык, до сих пор сохраняют огубленный вариант произношения гласных, не допуская смешения неогубленного варианта произношения. Вместе с тем можно допустить, что, находясь в акающей зоне, эвены усваивают аканье, а эвенки находясь в окающей зоне, усваивают оканье. Но в других местах происходит такое же явление: там, где якуты живут смешанно с эвенками, в их говорах преобладает оканье, а там, где они живут с эвенами, преобладает аканье» [Там же, с. 120].

В якутском традиционном пении различное произношение гласных также зависит от того, к какой местности принадлежит исполнитель и носителем какого диалектного говора он является. В верхоянском говоре доминируют неогубленные варианты гласных. Данные диалектные особенности в полной

степени отразились в вербальном ряде верхоянских исполнителей. Так, в исполнении Д.А. Томской, представительницы Верхоянского улуса вместо распространенного в центральном регионе слова *дойду* ('родина') употребляется его акающий вариант – *дайды: мин сир дайды иччитэ* ('дух моей земли родины') в 40-й строке «Песни Сэркээн-Сэсэна» из олонхо «Үчүгэй Үөдьүгүэйэн, Куһаҕан Ходьугур» («Хороший Ёджюгюэйэн, Плохой Ходжугур»). Хотя уже в последней строке той же песни исполнительница употребляет обычный огубленный вариант данного слова: *субу дойду иччитэ буолабыан эбээт* ('вот этой родины духом ведь являюсь') [6, с. 271–275]. Таким образом, данное слово может равноправно функционировать в двух вариантах – акающем и окающем – у одного и того же исполнителя.

В вербальной части «Песни героя айыы» из олонхо «Эрэйдээх-Буруйдаах» в исполнении И.Х. Рожина [Там же, с. 254], представителя того же улуса, в предпоследней строке встречается слово *туоххынан*. Литературному якутскому языку свойственно употребление данного слова в варианте *туоххунан*. Обычно дифтонгу *уо* соответствует гласная *у*, а «соответствие *уо ~ у* встречается и в говорах якутов центральных районов, оно, несомненно, первоначально здесь и возникло» [1, с. 115]. В тексте песни данного исполнителя явно усматривается аканье, для которого предпочтительно употребление неогубленного варианта *ы* вместо *у*, что связано с влиянием эвенского языка. Верхоянский улус являлся исконной зоной обитания и расселения эвенов, чем и объясняется употребление неогубленного слова *туоххунан*.

Для якутского языка, в отличие от других языков, более характерна взаимозаменяемость согласных в зависимости от локальных особенностей говоров. Наиболее ярко это можно наблюдать при сравнении словесных текстов песен исполнителей Верхоянского улуса. Так, достаточно распространено варьирование сонантов *р* и *л*, например, в песне «Об охотничьей добыче» в исполнении С.Н. Слепцовой из Верхоянского улуса [5, с. 109–114]. Здесь в шестой строке вместо литературного *сүүрэллэр* ('бегают') исполнительница употребляет вариант *сүүлэллэр*, в котором согласная *р* заменяется на *л*: *коубахтары сүүлэллэр* ('зайцы бегают'). В 25-й строке «Песни Ёджюгюэйэна» из олонхо «Хороший Ёджюгюэйэн, Плохой Ходжугур» в исполнении Д.А. Томской из того же улуса литературное слово *баалларын* ('обитают') произносится как *баарларын*: *ханна баарларын* ('где обитают') [6, с. 271–275].

В якутском языке встречается взаимозаменяемость сонорных *р* и *л*, которая «поддерживалась когда-то внеязыковым влиянием – эвенкийским в особенности, поскольку в диалектах последнего давно зафиксировано соответствие *р ~ л*; либо взаимозаменяемость сонорных *р* и *л* связана с

некоторыми фонетическими и фonomорфологическими особенностями корня и основы слова: *көтөрдөр* ‘птицы’ – *көтөллөр* ‘летают’; *бэрдэр* – побуд. от *биер* ‘дать’, но *киллэр* побуд. от *киир* – ‘входить, заходить’» [3, с. 244–245]. В данном случае, когда к корню *баар* (‘есть’) добавляется аффикс множественного числа *-лар*, по литературным нормам языка слово должно звучать как *бааллар*, но в связи с взаимозаменяемостью *р* и *л* у Д.А. Томской оно звучит в варианте *баарлар*, когда *р* в корне остается во множественном числе без изменения.

Однако уже в той же песне в 26-й строке обнаруживается чисто локальная разновидность говора в слове *сылдьалларын* (‘прибыли’), которое в Верхоянском улусе произносится как *сылльалларын*, что обнаруживается и в тексте песни: *хантан сыльалларын* (‘откуда прибыли’).

Такое различие в произношении данного слова свойственно говорам якутского языка в связи с тем, что в *лдь-лдь-дьдь-льль* «сошлись два соответствия: *рдь-рьдь-дьдь* и *рдь-лдь-льдь-льль*, в основе ассимилятивного изменения которых лежат историческое чередование *л ~ р // р ~ л* и палатализация *р* и *л* перед аффиксальным *дь*, возникшим как следствие уподобления звуков *й* и *ч* перед сонорными ... *Сылдьар ~ сыльдьар ~ сыдьдьар ~ сыльльар* ‘ходит, навещает, существует’ этимологически связано с др.-тюрк. *йоры-* ‘идти, ходить, передвигаться’, которое соотносимо с якут. *сырыт-* ‘ходить, посещать, навещать’. Отсюда допустимо, что якут. *сырдьар* и *сылдьар* образованы от *йоры-* + *й-* + *-ар*. Неассимилированные варианты данного слова довольно характерны для речи горных, намских якутов, а ассимилированные – для языка остальных жителей Якутии. При этом интересно отметить, что *сыдьдьар* (<*сыддьар*) свойствен окающим говорам Таттинского, Чурапчинского и Мегино-Кангаласского районов, а *сылльар* (<*сылдьар*) – акающим говорам указанных районов» [Там же, с. 242–243]. Якуты Верхоянского улуса принадлежат группе акающих говоров, поэтому в тексте песни Д.А. Томской отразилась локальная особенность говора исполнительницы. Поскольку ассимилятивно-диссимилятивные процессы являются закономерностью якутского языка, то в данном случае действует языковой закон, когда «аффрикаты *ч* и *дь* обладают свойством ассимилироваться в согласные *с, й, т, р, л*. Особенно сильно подвержен изменению боковой *л*. При сочетании с аффрикатами *ч* и *дь* он палатализуется независимо от состава гласных слова ... В Аллаиховском районе ... записаны фразы, в которых обнаруживается сочетание *льль*: *Дьэ бугурдук үс сыл тобору сыльаллар* (вм. лит. *сылдьаллар*). ‘Ну вот, так они проходили три года’» [1, с. 106]. Таким образом, произношение слова *сылльаллар* распространено во многих акающих улусах Якутии.

Кроме того, в «Песне Ёджюгюйна» из олонхо «Хороший Ёджюгюйн, Плохой Ходжугур» в 28-й строке Д.А. Томская произносит *киттэн*

кииннээхтэрин вместо литературного *кимтэн кииннээхтэрин* ('из чьей пуповины произошли') [6, с. 271–275]. *М* относится к группе губно-губных согласных, *н* является переднеязычным согласным. При этом *м* и *н* по участию голоса и шума являются носовыми сонантами, а по способу образования – смычными согласными. В связи со сходством многих параметров образования этих согласных, в якутской речи иногда сложно определить на слух, когда произносится *м*, а когда – *н*. Вполне возможен вариант произношения данного слова с согласной *н*, так как «в середине слова *н* сочетается, по сравнению с носовыми сонантами *м* и *н*, с немногими согласными (*мн, нн, нд, нс, нт, нч*)» [2, с. 19], хотя согласная *м* также может сочетаться с глухой согласной *т* в виде *мт* в слове *кимтэн*. В этом случае используемое в песне слово в варианте *кинтэн* более созвучно удвоенному согласному *нн* последующего слова *кииннээхтэрин*, поэтому для благозвучия текста исполнительница использует именно такой вариант слова – *кимтэн*.

Таким образом, в традиционных песнях якутов Верхоянского улуса нашли отражение особенности локальных говоров якутов, проживающих в данном регионе Якутии. Исполнители в своих импровизациях употребляют слова с определенными особенностями, характерными для верхоянского диалекта. В целом, словесный текст песни отражает особенности верхоянского говора певца.

Литература

1. *Барашков П.П.* Фонетические особенности говоров якутского языка. Сравнительно-исторический очерк. – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 182 с.
2. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. – Ч. 2.: Консонантизм. – Якутск: Кн. изд-во, 1977. – 256 с.
3. *Иванов С.А.* Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. – Новосибирск: Наука, 1993. – 352 с.
4. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.
5. *Ларионова А.С.* Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов. – Новосибирск: Наука, 2000. – 152 с.
6. *Покидько Е.Б.* Тойук и его претворение в творчестве композиторов Саха (Якутии): дис. ... канд. иск. – Новосибирск, 2001. – 398 с. (Рукопись)

ЛОКАЛЬНЫЙ ЯКУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ЗАПИСЯХ ОЛЕНЕКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1959 Г.

Планомерное изучение диалектов якутского языка началось со времени организации Института языка и культуры при СНК ЯАССР (ныне ИГГиПМНС СО РАН). Материалы по говорам якутского языка вначале были собраны С.И. Боло и А.А. Саввиным во время первой комплексной экспедиции Института 1938-1941 гг. в вилюйских и северных районах Якутии. Языковеды Института после некоторого перерыва, в 50-е гг., начали систематическое изучение диалектов якутского языка. Как пишет известный якутский диалектолог М.С. Воронкин, с 1950 по 1965 гг. все якутоязычные районы республики – 29 из 32 – были охвачены фронтальным диалектологическим обследованием [2, с. 11]. Полевые работы начались с исследования центральных, западных и южных районов Якутии. К изучению языка якутов северных районов ученые приступили во второй половине 50-х годов. В связи с этим ежегодно стали организовываться диалектологические экспедиции. В 1956 г. П.С. Афанасьев и Н.В. Емельянов работали в Верхоянском районе, а Н.К. Антонов и Е.Н. Аммосова – в Среднеколымском. В 1957 г. языковедами были обследованы Абыйский (Н.К. Антонов), Аллаиховский (П.П. Барашков, Н.М. Заболоцкий), Момский (Е.И. Коркина) районы. В 1958 г. исследования проводились в Саккырырском (ныне Эвено-Бытантайском), Булунском (Е.И. Коркина, А.А. Билюкина, В.Д. Кривошапкина, А.А. Кузьмин), Жиганском (П.П. Барашков, Е.Е. Олесова) районах. В 1959 г. экспедиции были проведены в Анабарском, Верхоянском (Афанасьев П.С., Кривошапкина В.Д.), Оленекском (Коркина Е.И., Билюкина А.А., Заболоцкий Н.М.) районах ЯАССР [5; 6].

Прежде чем приступить к обзору материалов Оленекской диалектологической экспедиции 1959 г. (далее ОДЭ), нам бы хотелось остановиться на особенностях диалектологических экспедиций Института. Они, в целом, носили комплексный характер, поэтому участники полевых работ параллельно собирали материал еще по быту, традиционной культуре, истории и языку народа. Вклад диалектологических экспедиций в сбор материалов по якутскому фольклору еще не изучен. Обзор фольклорных материалов этих экспедиций, их оценка, систематизация, планомерное изучение в дальнейшем может стать основой развития локальных исследований в современной

якутской фольклористике. Сегодня введение их в научный оборот носит спорадический характер.

ОДЭ работала в составе трех человек под руководством младшего научного сотрудника Института Е.И. Коркиной. В качестве членов экспедиции были привлечены лаборанты А.А. Билюкина и Н.М. Заболоцкий. Экспедиция работала в течение 40 дней с 21 марта по 29 апреля 1959 г. по маршруту Желиндинский, Кирбейский, Оленекский, Суканинский, Эйикский наслега и стадо №4 Оленекского района ЯАССР.

Всего было опрошено 35 якутоязычных информантов (см.: Приложение 1. Список информантов по возрастным группам). Из них: эвенов – 2; якутов уроженцев из Верхневилуйского района – 5, Вилуйского – 1, Нюрбинского – 1. К работе были привлечены информанты в возрасте от 36 до 92 лет. Из них: до 40 лет – 4 чел., до 50 лет – 5 чел., до 60 лет – 5 чел., до 70 лет – 3 чел., до 80 лет – 5 чел., до 90 лет – 4 чел., до 100 лет – 3 чел. Возраст 7 человек в рассмотренных нами материалах не уточнен.

В результате полевых исследований под руководством Е.И. Коркиной было заполнено 35 анкет по изучению говоров якутского языка [1]. Кроме того, собран материал по диалектной лексике, истории, этнографии и фольклору Оленекского района, который ныне хранится в сброшюрованном виде под названием «Фольклорные материалы, собранные диалектологической экспедицией в Оленекском районе Якутской АССР в 1959 г.» [7]. Записи участниками экспедиции велись от руки карандашом и ручкой на отдельных листах формата А4. Они в архивном документе собраны воедино, сгруппированы по собирателям и обозначены как «Тетради» (см.: Приложение 3. Реестр материалов ОДЭ). В «Тетрадь №1» включены рукописные материалы Е.И. Коркиной (л. 3-46), в «Тетрадь №2» – записи А.А. Билюкиной (л. 47-146, 240-250), в «Тетрадь №3» – материалы Н.М. Заболоцкого (л. 147-239). Документ «Фольклорные...» открывается справкой «Краткие сведения об Оленекском районе» без указания автора (л. 1-2 об.). В работе ОДЭ технические средства не были использованы.

Во время ОДЭ фольклорные материалы были собраны всеми членами экспедиции. Так, по ходу работы с 18 информантами Е.И. Коркина зафиксировала три текста хосунного эпоса, один рассказ о Чучунаа и шесть народных песенных импровизаций. Песни-импровизации были зафиксированы от 39-летнего жителя местности «Күөх Булун» Суканинского наслега, члена колхоза им. Сталина Николая Даниловича Егорова. Собранный Е.И. Коркиной песенный материал является характерным для этой локальной группы. Один текст из этого материала включен нами в том «Якутские народные песни» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [8].

Второй участник экспедиции, А.А. Билюкина, в тот момент лаборант-фольклорист, работала с восемью информантами и зафиксировала 4 текста хосунного эпоса, две песни, четыре алгыса, семь рассказов, четыре предания, одну сказку, один чабыргах, 19 загадок. Ее находкой стал информант Афанасий Петрович Григорьев, 77 лет. От него А.А. Билюкиной удалось записать чабыргах и бытующий у северных якутов рассказ-небылицу о старике Гаса. Во время экспедиции А.А. Билюкиной удалось записать олонхо «Үс эбээн уола: Кыра уол Дьура Бөҕө» от уроженки Нюрбинского района. Сюжет этого олонхо в дальнейшем был включен в указатель Н.В. Емельянова «Сюжеты якутских олонхо» в раздел «Родоначальники племени ураанхай саха» [3; 4]. Кроме того, участником экспедиции была записана одна колыбельная песня.

Третий участник экспедиции – Николай Максимович Заболоцкий, в тот момент лаборант-языковед, в настоящее время известен как писатель под псевдонимом Чысхаан*. Во время экспедиции Н.М. Заболоцким было зафиксировано самое большое количество хосунного эпоса – 5 единиц, и загадок – 27 единиц. Кроме того, он записал 8 преданий, 3 сказки, 2 песни-импровизации и 2 шаманских алгыса [см.: Приложение 2. Таблица жанрового и количественного состава материалов ОДЭ по собирателям].

Таким образом, во время ОДЭ был собран значительный материал по фольклору, который обогатил коллекцию Рукописного фонда Архива ЯНЦ СО РАН. Предварительный просмотр собранного материала показывает бытование в Оленекском районе основных жанров общеякутского фольклорного фонда: олонхо, преданий, сказок, песен, алгысов, скороговорок-чабыргах, загадок (таабырыннар). Среди эпических жанров ведущей формой, судя по количеству их записи и распространенности, были старинные сказания о хосунах, которые зафиксированы в большей степени в группах северных и вилуйских районов Якутии. В районе бытование олонхо в прошлом информантами подтверждено [7, с. 77], но во время экспедиции был записан только один текст эпоса от олонхосута, который не был коренным жителем Оленекского района. Сказительница была уроженкой Нюрбинского улуса. В песенном фольклоре Оленекского района обнаружено широкое бытование песен импровизационного характера с речевой функцией. Среди рассказов доминируют сюжеты о Чучунаа, в сказочном фонде преобладают заимствованные легендарные сказки с христианскими персонажами о царе Соломоне, Христосе и Николе. В итоге следует отметить, что собранный в 1959 г. фольклорный материал в дальнейшем послужит основной базой для сравнительного исследования локальных особенностей якутского фольклора северо-западной зоны.

---

*К сожалению, его деятельность в Институте еще не изучена, в том числе его вклад в собирание якутского фольклора.

Литература

1. Анкеты по изучению говора якутского языка // РФ АЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 6. Ед.хр. 310.
2. *Воронкин М.С.* Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.
3. *Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.
4. *Мухомлева С.Д.* Эпос северных якутов-оленеводов: история собирания, издания и исследования // Традиционная культура. –2015. –№ 1. –С. 117-132.
5. *Сулейманов А.А.* Во имя сохранения родного языка: из истории академических экспедиций Е.И. Коркиной в арктические районы Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – №4 (21). – С. 59-63.
6. *Сулейманов А.А.* Деятельность Института языка, литературы и истории по исследованию якутского языка в арктических районах Якутии в 50-60-е годы XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2017. – №2 (22). – С. 209-218. [Электронный ресурс]. URL. http://vestospu.ru/archive /2017/ articles/20_2_2017.html (дата обращения: 09.12.2017).
7. Фольклорные материалы, собранные диалектологической экспедицией в Оленекском районе Якутской АССР в 1959 г. // РФ АЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 6. Ед.хр. 311 а. – 250 л.
8. Якутские народные песни. Отчет НИР, 1986 г. // РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Ед.хр. 294-295.

Приложение 1.

Список информантов ОДЭ по возрастным группам

До 40 лет – 4:

1. Дмитриева Мария Ивановна, 36 л.
2. Егоров Николай Данилович, 39 л.
3. Игнатъев Яков Христофорович, 39 л.
4. Тимофеев Петр Петрович, 20 г.р., 39 л.

До 50 лет – 4:

5. Коновалов Иван Саввич, 49 л.
6. Николаев Афанасий Титович, 41 л.
7. Семенов Иван Николаевич, 47 л.
8. Фадеев Николай Николаевич, 44 л.

До 60 лет – 5:

9. Долгунов Василий Яковлевич, 58 л
10. Николаев Николай Васильевич, 58 л.
11. Полуэктов Прокопий Ануфриевич, 54 л.
12. Семенова Пелагея (Мария) Васильевна, 55 л.
13. Христофоров Василий Семенович, 53 л.

До 70 лет – 3:

14. Боотулуу Евдокия Николаевна, 60 л.
15. Павлов Петр Григорьевич, 67 л.
16. Харитонова Аграфена Васильевна, 65 л.

До 80 лет – 5:

17. Афанасьевна? Анна Ивановна, 78 л.
18. Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.
19. Павлов Данил Федотович, 70 л.
20. Павлов Иннокентий Николаевич, 72 л.
21. Христофорова Варвара Ивановна, 77 л.

До 90 лет – 4:

22. Полуэктов Ануфрий Полуэктович, 81 л.
 23. Семенов Игнатий Семенович, 86 л.
 24. Сергеева Евдокия Христофоровна, 86 л.
 25. Христофоров Семен Степанович, 81 л.

До 100 лет – 3:

26. Николаева Христина Герасимовна, 98 л.
 27. Павлов Василий Васильевич, 91 л.
 28. Сергеев Василий Васильевич, 92 л.

Возраст не указан – 7:

29. Иванов Христофор Николаевич
 30. Иванова Елена Спиридоновна
 31. Кириллов Ион Николаевич
 32. Лукинов Степан Васильевич
 33. Николаев Матвей Константинович
 34. Христофорова Ульяна Васильевна
 35. Сергеева Мария Христофоровна

*Приложение 2***Таблица жанрового и количественного состава материалов ОДЭ по собирателям**

№	Собиратели	Фольклорные материалы												
		Информанты	ИМ	ЭМ	ЛМ	Олонхо	Хосунный эпос	Рассказ	Предание	Сказка	Песня	Алгыс	Загадки	Чабыргах
1.	Коркина Е.И.	18	12	3	6	-	3	1	-	-	6	-	21	-
2.	Билюкина А.А.	8	12	8	2	1	4	7	4	1	2	4	19	1
3.	Заболоцкий Н.М.	9	6	4	-	-	5	-	8	3	2	2	27	-
	Итого:	35	30	15	8	1	12	8	12	4	10	6	67	1

Приложение 3.
Полистный перечень материалов ОДЭ

Листы	Название	Жанры	Фиксатор	Информант	Дата записи	Место записи
1- 2 об.	Краткие сведения об Оленекском районе		?			
3-	Тетрадь №1. Оленекская диалектологическая экспедиция (далее ОДЭ). Март-апрель 1959 г.		Коркина Е.И.			
4-4 об.	Иирбит бөрөнү бултааһын	Этнографический материал (далее ЭМ)	Коркина Е.И.	Николаев Матвей Константинович	24.03. 1959	п. Оленек
5-6 л.	Аһыыр аспыт	Лексический материал (далее ЛМ), ЭМ	Коркина Е.И.	Николаев Матвей Константинович	24.03. 1959	п. Оленек
6 об.	Курустupuор Сэмэйикэн диэн оҕонньор...	Исторический материал (ИМ)	Коркина Е.И.			
7-7 об.	Тылга матырыяал	ЛМ	Коркина Е.И.			
8-9 л.	Олобум туһунан	ИМ	Коркина Е.И.	Лукинов Степан Васильевич		
9-12 л.	Краткие сведения о своей жизни. Тылга матырыяал	ИМ, ЛМ	Коркина Е.И.	Сергеева Евдокия Христофоровна, 86 л., Джелидинский наслег, к/х им. Сталина		
12 об.- 13	Тылга матырыяал	ЛМ	Коркина Е.И.	Сергеева Мария Христофоровна		
14-15	"Куонара нэһилиэгэр төрөөбүтүм..."	ИМ	Коркина Е.И.	Христофорова Варвара Ивановна, 77 л.		

15-16	"Бүлүүгэ Түг өрүскэ төрөөбүтүм..."	ИМ	Коркина Е.И.	Николаева Христина Герасимовна, 98 л.		
17-18	"Мин Мааймаҕа аҕатын ууһугар төрөөбүтүм..."	ИМ	Коркина Е.И.	Павлов Иннокентий Николаевич, 72 л., Джеллиндинский наслег, к/х им. Сталина		
19-20 об	Үнкээбил хоһуун туһунан	Фольклорный материал (далее ФМ): хосунный эпос	Коркина Е.И.	Павлов Иннокентий Николаевич, 72 л., Джеллиндинский наслег, к/х им. Сталина	28 марта 1959	п. Джелинда
21	Тылга матырыяал	ЛМ	Коркина Е.И.	Дмитриева Мария Ивановна, 36 л.		
21-22	"Ийэм саха кыһа, аҕам - эбэнки..."	ИМ	Коркина Е.И.	Христофоров Василий Семенович, 53 л.	28 марта 1959	
23	Тылга матырыяал	ЛМ	Коркина Е.И.	Николаев Николай Васильевич, 58 л.		
24-25	"Быыкаа эрдэхпинэ..."	ИМ	Коркина Е.И.	Семенова Пелагея (Мария) Васильевна, 55 л.	31 марта 1959	Джеллиндинский наслег, к/х им. Сталина
26-26 об.	"Ускуолаҕа букатын үөрэммэтэҕим..."	ИМ	Коркина Е.И.	Николаев Афанасий Титович, 41 л.		
27	Кырс ааһа: Рисунук карандашом	Эм	Коркина Е.И.			
28-29 об.	"Бастаан табаарыстыба саҕаттан..."	ИМ	Коркина Е.И.	Полуэктов Прокопий Ануфриевич, 54 л.	2 апреля 1959	

30-32 об.	Үнкээбил уонна Чиинкэрэ хоһууттар	ФМ: хосунный эпос	Коркина Е.И.	Фадеев Николай Николаевич, 44 л.		
32 об. - 33 об.	Таабырыттар	ФМ: загадки, 21 ед.	Коркина Е.И.	Фадеев Николай Николаевич, 44 л.		
34	"1937 с. 1948 с. Диэри булчутунан сылдыбытым..."	ИМ	Коркина Е.И.	Игнатъев Яков Христо- тофорович, 1920 г.р.		Джелин динский наслег, к/х им. Сталина
35	"Бииргэ төрөөбүт биһиги 10-тан тахса этибит..."	ИМ	Коркина Е.И.	Павлов Петр Григорьевич, 67 л.		Суканин ский наслег, к/х им. Сталина
36-38	Үрэн хоһуун туһунан	ФМ: хосунный эпос	Коркина Е.И.	Павлов Петр Григорьевич, 67 л. ?		
39-40	Кучунаа	ФМ: рассказ	Коркина Е.И.	Павлов Данил Федотович, 70 л.		Суканин ский наслег, к/х им. Сталина
41	Харабынан ыалдыбыт дыхтар Уудьаба ыллаабыта үһү	ФМ: песня- импрови- зация	Коркина Е.И.	Егоров Николай Данилович,	12 апреля 1959	Суканин ский наслег, к/х им. Сталина
42	Ырыа: Морсоо огото	ФМ: песня- импрови- зация	Коркина Е.И.	Егоров Николай Данилович, 39 л.	12 апреля 1959	Суканин ский наслег, к/х им. Сталина
43	Эмээхсиннээх офонньор биир билсэр дыхтардаах эбит. Онно бараары ыллаабыт	ФМ: песня- импрови- зация	Коркина Е.И.	Егоров Николай Данилович, 39 л.	12 апреля 1959	Суканин ский наслег, к/х им. Сталина
44	Таптал ырыата	ФМ: народная песня	Коркина Е.И.	Егоров Николай Данилович, 39 л.	12 апреля 1959	Суканин ский наслег, к/х им. Сталина

45	Анаабырга Амыдыкаан диэн балыксыт оҕонньор олорбут. Ол оҕонньор Улуута диэн кыыһа ыллаабыт үһү.	ФМ: песня- импрови- зация	Коркина Е.И.	Егоров Николай Данилович, 39 л.	12 апреля 1959	Суканин ский наслег, м. Күөх Булун
46	Ырыа: Көнөөркөлөөн убайдааным...	ФМ: песня- импрови- зация	Коркина Е.И.	Егоров Николай Данилович, 39 л.	12 апреля 1959	12 апреля 1959
47	Тетрадь №2. Оленекская диалектолого- фольклорная экспедиция. Март- апрель 1959 г.		Билюкина А.А.			
48-53	"Мин олобум" (<i>Тыл уонна этнография матырыйааллара</i>)	ИМ, ЭМ	Билюкина А.А.	Семенов Игнатий Семенович, 86 л., эвенк		Джелин- динский наслег
53 об.- 54 об.	Һучунаа	ФМ: рассказ	Билюкина А.А.			
55-58	Дьүкээбил - хоһуун	ФМ: хосунный эпос	Билюкина А.А.		26 марта 1959	пос. Джелин да, к/х им. Сталина
59-59 об.	Таабырыннар	ФМ: загадки, 7 ед.	Билюкина А.А.		26 марта 1959	пос. Джелин да, к/х им. Сталина
60-62	Оһох...: (<i>тылга матырыйааллар</i>)	ЛМ			26 марта 1959	пос. Джелин да, к/х им. Сталина
63	Көпүгээй дьонноро, булчут алгыһа	ИМ, ЭМ	Билюкина А.А.		26 марта 1959	пос. Джелин да, к/х им. Сталина

64-69	Үнхээбил	ФМ: хосунный эпос	Билюкина А.А.	Сергеев Василий Васильевич, 92 л., уроженец Вилюйского р-на	28 марта 1959 г.	
69-73	Булунга, Баржаа диэки, бандииттар тура сылдыбыттар...	ИМ	Билюкина А.А.	Сергеев Василий Васильевич, 92 л., уроженец Вилюйского р-на		
73	Булт туһунан	ЭМ	Билюкина А.А.	Сергеев Василий Васильевич, 92 л., уроженец Вилюйского р-на		
74	Алгыс	ФМ: алгыс	Билюкина А.А.		28 марта 1959 г.	
75-76	Булт туһунан	ЭМ	Билюкина А.А.	Полуэктов Ануфрий Полуэктович, 81 л.	28 марта 1959 г.	
76-77	Былыр нуучча сириттэн Биэгиэчип диэн нуучча тахса сылдыбыта	ИМ, ФМ: рассказ	Билюкина А.А.	Полуэктов Ануфрий Полуэктович, 81 л.	28 марта 1959 г.	
78	Һучунаа/Тыгын һериитэ/Алгыылар	ФМ: рассказ, предание, алгыс,	Билюкина А.А.		28 марта 1959 г.	
79-80	Колхоз тэриллээтэ/Эмп/Аба аһы	ИМ, ЭМ, ФМ: легендарный рассказ	Билюкина А.А.		28 марта 1959 г.	
81-96 об.	Үс эбээн уола: (олонхо)	ФМ: олонхо	Билюкина А.А.	Иванова Елена Спи- ридоновна, уроженка Нюрбинского р-на		

97	Мин олохпуттан	ИМ	Билюкина А.А.	Харитонова Аграфена Васильевна, 65 л.		
98	Һучунаа	ФМ: рассказ	Билюкина А.А.	Харитонова Аграфена Васильевна, 65 л.		
99	Алгыс	ФМ: алгыс	Билюкина А.А.			
100	Таабырыннар	ФМ: загадки, 10 ед.	Билюкина А.А.			
101	Эмп	ЭМ	Билюкина А.А.			
102- 103	Танара Аана	ИМ	Билюкина А.А.	Христофо- рова Ульяна Васильевна	10 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Комму низм"
104- 115	Мин олохпуттан	ИМ	Билюкина А.А.	Григорьев Афанаси й Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Комму низм"
116- 122	Дьон олобун хайтах олоруохтаахтарын...	ИМ	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Комму низм"
123- 136	Үрэн-хоһуун	ФМ: хосунный эпос	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Комму низм"
136- 137	Наамай үрэх кэннитигтэн Олооду диэн киһи олорбута...	ИМ, ФМ: предание	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Комму низм"
137- 139	Өтөөр буолтун кэннинэ манна кинээстэр тэриллибиттэрэ	ИМ, ФМ: предание	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Комму низм"
139- 140	Алгыс	ФМ: алгыс	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Комму низм"
140- 141	Һучунаа	ФМ: рассказ	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Комму низм"

141-144	Гаһа оҗонньор	ФМ: анекдотический рассказ	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Коммунизм"
145-146	"Былыр манна олон икки баай киһи оҗолорун ыал онороллор"	ИМ, ФМ: предание	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Коммунизм"
146	Чабырҕах	ФМ: чабырҕах	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х им. Сталина
147	Тетрадь №3. Оленекская диалектологическая экспедиция. Март-апрель 1959 г.		Заболоцкий Н.М.			
148-149	Список записей сделанных мной по Оленекскому району за период с 21 марта по 21 апреля 1959 г. (Содержание)		Заболоцкий Н.М.			
150-150 об.	Олобун кэпсээниттэн	ИМ	Заболоцкий Н.М.	Христофоров Семен Степанович, 81 л.	28 марта 1959 г.	
151-152	Былыргы сэхэн: Үрэн туһунан кэпсээн	ФМ: хосунный эпос	Заболоцкий Н.М.	Христофоров Семен Степанович, 81 л.	26 марта 1959	4-е стадо в лесу
153-158 об.	Курустуос уонна Ньукуола айаннара: Остуоруйа	ФМ: легендарная сказка	Заболоцкий Н.М.	Христофоров Семен Степанович, 81 л.	26 марта 1959	
159-160	Дьэһизэй туһунан	ИМ, ФМ: предание	Заболоцкий Н.М.	Боотулуу Евдокия Николаевна, 60 л.		
161-161 об.	Мин олобум (кылгастык)	ИМ	Заболоцкий Н.М.	Афанасьевна? Анна Ивановна, 78 л, эвенка	28 марта 1959 г.	Кирбэй

162	Сказки и легенды на исторические темы, записанные со слов Кириллова Ионы Николаевича, гр. Оленекского района, Кирбейского наслега, 59 л.		Заболоцкий Н.М.			
	Вложенная Записка с адресом					
163-176	Үрэн хоһуун	ФМ: хосунный эпос	Заболоцкий Н.М.	Кириллов Ион Николаевич	3 марта	Кирбэй
176 об.	Һаамайдар	ФМ: предание	Заболоцкий Н.М.	Кириллов Ион Николаевич		
177-180	Майааттар	ФМ: предание	Заболоцкий Н.М.	Кириллов Ион Николаевич		
180-185	Бааһынай уола: Остуоруйа	ФМ: сказка	Заболоцкий Н.М.	Кириллов Ион Николаевич		
186-188	Һочукаалар тустарынан	ФМ: предание	Заболоцкий Н.М.	Кириллов Ион Николаевич	1 апреля 1959	
188-189 об.	Итии дойдуга бара сылдыбыт ойууттар	ФМ: предание	Заболоцкий Н.М.	Кириллов Ион Николаевич	1 апреля 1959	
190-199 об.	Солумуон Саар: Остуоруйа	ФМ: легендарная сказка	Заболоцкий Н.М.			
200-203	Һаамай омуктар: Турукааннары кытта сибээстэһии	ФМ: предание	Заболоцкий Н.М.	Семенов Иван Николаевич, 1912 г.р.. Уроженец Верхневиллюйского р-на. С 1939 г. живет в Оленекском р-не	3 апреля 1959 г.	Кирбэй

204-205	Хоһууттар сағанаағы киһи араҕаһа	ЭМ	Заболоцкий Н.М.	Семенов Иван Николаевич, 1912 г.р.. Уроженец Верхневиллойского р-на. С 1939 г. живет в Оленекском р-не	3 марта? 1959	Кирбэй
206-211	Бандьыттар: Воспоминания из периода гражданской войны	ИМ	Заболоцкий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллойского р-на. Прибыл в 25 л.	7 апреля 1959 г.	Эйик
212 об.	Майааттар	ФМ: предание	Заболоцкий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллойского р-на. Прибыл в 25 л.	8 апреля 1959 г.	Эйик
212 об. - 212	Үнкээбил туһунан	ФМ: хосунный эпос	Заболоцкий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллойского р-на. Прибыл в 25 л.	8 апреля 1959 г.	Эйик
213-213 об.	Эйиккэ буоспа кэлэ сылдыһыта	ФМ: предание	Заболоцкий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллойского р-на. Прибыл в 25 л.	8 апреля 1959 г.	Эйик

214	Ойуун түөрэжин алгыһа	ФМ: шаманский алгыс	Заболоц- кий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллой ского р-на. Прибыл в 25 л.	8 апреля 1959 г.	
215	Ойуун Эһэкээнниир ырыата: алгыһа	ФМ: шаманский алгыс	Заболоц- кий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллой ского р-на. Прибыл в 25 л.	8 апреля 1959 г.	
216- 217	Сага Дьыл ырыата	ФМ: народная песня	Заболоц- кий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллой ского р-на. Прибыл в 25 л.	8 апреля 1959 г.	
218- 219	Өлөөнүөктүүр эбэм	ФМ: народная песня	Заболоц- кий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллой ского р-на. Прибыл в 25 л.	8 апреля 1959 г.	
220- 224	Үрэн туһунан	ФМ: хосунный эпос	Заболоц- кий Н.М.	Павлов Василий Васильевич, 1866 г.р. Уроженец Верхневиллой ского р-на. Прибыл в 1956	10 апреля 1959	

225-231	Өлөн хоһуун	ФМ: хосунный эпос	Заболоц- кий Н.М.	Коновалов Иван Саввич, 49 .Уроженец Верхневиллой ского р-на. Прибыл в 1937 г.	15 апреля 1959 г.	
232- 233об.	Якутские загадки	ФМ: загадки, 27 ед.	Заболоц- кий Н.М.	Христофоров С.С., Тимофеев Петр Петрович, 20 г.р., Верхневиллойск ?	26 марта 1959 г., 1 апреля 1959 г.	4-е стадо в лесу
234	Нарты: Рисунок карандашом	ЭМ	Заболоц- кий Н.М.			
Лист без номера	Нарты: Рисунок карандашом	ЭМ	Заболоц- кий Н.М.			
236- 237 об.	Ээйик күөл уонна кини олохтоохторо	ИМ	Заболоц- кий Н.М.	Долгунов Василий Яковлевич, 58 л. Уроженец Верхневиллой ского р-на. Прибыл в 25 л.	8 апреля 1959 г.	
238- 239	Ээйик дьоно	ИМ	Заболоц- кий Н.М.	Павлов Василий Васильевич, 1866 г.р. Уроженец Верхневиллой ского р-на. Прибыл в 1956	7 апреля 1959 г.	
239	Былыргы киһи унуоҕа	ЭМ	Заболоц- кий Н.М.	Иванов Хр. Ник. , бригадир мт фермы	10 апреля 1959 г.	мест- ность "Кумаар- даах"
240	Чабырҕах: Бүтүүтэ (Начало см. на с. 146)	ФМ: чабырҕах	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х им. Сталина

240	Ырыа: Туундара булчуга	ФМ: народная песня	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х им. Сталина
241	Таабырын	ФМ: загадки, 2 ед.	Билюкина А.А.	Григорьев Афанасий Петрович, 77 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х им. Сталина
242-243	Һучунаа, абааһы: остуоруйалар	ФМ: предания, сказка	Билюкина А.А.			
243	Чычыпка	ЭМ	Билюкина А.А.			
244	Оһох: Рисунок карандашом	ЭМ	Билюкина А.А.			
245	Бээбэкэйдээн ыллыыллар	ФМ: народная песня	Билюкина А.А.			
247-248	Тылга матырыйааллар	ЛМ	Билюкина А.А.	Харитоновна Аграфена Васильевна, 65 л.	13 апреля 1959 г.	Оленек, к/х "Коммунизм"
249-250	Өлөөн хоһуун туһунан: Салҕааһына	ФМ: хосунный эпос	Билюкина А.А.	Коновалов Иван Саввич, 49 л. Уроженец Верхневиллойского р-на. Прибыл в 1937 г.		

DOI 10.25693/978-5-902198-39-0_043

Ж.В. Бурцева,

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск

ЛИТЕРАТУРА МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ: КОНЦЕПТ КОЧЕВЬЕ

Актуальность научной проблемы исследования «северного текста» обусловлена тем, что Север как субъективный образ восприятия и интерпретации реального географического пространства лежит в основе северной литературы, значит, так или иначе всей литературы Якутии. Север – это не просто среда обитания, а суровое место для испытания и выживания

избранных людей, имеющее свои правила и законы. Природа здесь требует от человека почитания ее первозданной чистоты и признания своей власти, что является базисным фактором как для возникновения национальной и ментальной специфики носителей культуры, так и особенного подхода к осмыслению сущности северной литературы.

Северный текст в литературе Якутии стал наиболее репрезентативен именно во II половине XX века, обусловлен и сформирован литературными и внелитературными факторами, раскрывается во всех семиотических системах; его смысловым ядром служит литература малочисленных народов Севера, а именно, определенные тексты, образуемые на основе характерной тематики, ключевых образов-концептов и символических мотивов.

Север в литературе Якутии может быть представлен как своего рода региональный синтетический текст, который, несмотря на различные смысловые оттенки, все же содержит определенный общий смысл (или своего рода «сверхсмысл»), на основании которого может быть выявлена многоплановая система знаков, реализуемая в тексте. Под литературой малочисленных народов Севера понимается множество своеобразных художественных систем, имеющих в своей основе как различные культурно-мировоззренческие, историко-социальные, историко-генетические корни, так и территориальное, контактно-типологическое, этноментальное единство. В этой связи можно утверждать, что северный текст в большей степени явление не тематическое, а ментальное, поскольку оно отражает особый вариант национальной картины мира, образует свое мифопоэтическое пространство. Детерминирующие признаки северного текста заключены в основных идейно-тематических, лейтмотивно-образных, жанровых, пространственно-временных особенностях поэтики художественных текстов.

Аспектами описания образа Севера в художественных текстах могут быть культурная, материальная, историческая сферы, мифы и предания, душевные внутренние состояния героев, пространственно-временные характеристики, образы географического пространства и региональная идентичность как в индивидуальном творчестве, так и в контексте национальной культуры.

Основной темой в северной литературе является природная сфера, этим определяется ее типология, определяемая как взаимоотношение природы и человека (противопоставление природы человеку и цивилизации, власть природы над человеком, роль климатических условий в борьбе за выживание человека, климатические, метеорологические и ландшафтные особенности,

местность, специфические северные явления: кочевой образ жизни, оленеводство и др.).

Концепт «кочевье» рассматривается как одна из базовых категорий, в которой синтезировались основные национально-культурные образы, темы, мотивы и проблемы, обусловленные этническим самосознанием северных народов. Кочевье – это своеобразная социально-культурная система, культурный тип, связанный со специфическим образом жизни, мировоззрением, ценностями.

В современном Большом толковом словаре русского языка концепт «кочевье» определяется через глагол «кочевать»: 1. Переходить, переезжать с места на место со своим жильем и имуществом, вести кочевой образ жизни. Кочующие племена. 2. Передвигаться стадами или стаями с места на место. Кочевать в поисках корма. 3. Разг. Переезжать из одного места в другое, часто менять местожительство. Кочевать по чужим людям (не иметь своего дома). 4. Находить применение во многих местах или много раз. Эта цитата кочует из статьи в статью. 5. Неодобр. Перемещаться из одного места в другое, не находя должного применения. Документы кочуют из папки в папку [1].

В словаре В.И. Даля глагол «кочевать» имеет следующее определение: «Кочевать – вести со всем семейством и хозяйством своим жизнь бродячую, неоседлую; переходить со стадами с места на место, ради подножного корма, перенося с собою и разборное жилье свое, кошемную кибитку, кожаный чум, цыганский шатер, или устраивая себе жилье из жердей коры, лапника и пр.» [2].

В целом, в словарях дефиниции глагола «кочевать» связаны прежде всего понятием «движения», «передвижения», «перемещения».

Кочевье северных народов отличается от кочевья степных народов прежде всего потому, что северные кочевники приспособляются к таким условиям, которые кажутся невероятными для жизни человека.

Содержание понятия «кочевье» в северной литературе Якутии заключается не только в географических, территориальных признаках, сложнейших климатических условиях, но и в символических смыслах, заложенных еще в историко-культурной памяти народа. Так, например, концепция творчества А.Н. Кривошапкина, известного эвенского писателя, строится на взаимоотношении севера и человека, на поиске гармоничной модели бытия человека и природы. При этом автор подчеркивает иерархию этих отношений, которая заключается в том, что человек подчинен силам

природы, и от него требуется невероятная сила духа и осознание своих корней, чтобы выжить в северных условиях.

Сам писатель родился в тундре, поэтому органическую связь с природой он впитал с детства, вместе с традициями далеких предков. Автор сам признался в своей первой трилогии «Кочевье длиною в жизнь»: «Жизнь моя похожа на длинное, длинное кочевье по неизведанным тропам, по крутым склонам величественных гор Верхоянского хребта. Сегодня я весь в кочевье. Только не знаю, когда остановка...» [4, с. 54].

Автор в этом смысле предстает носителем культуры кочевья и ключевых ментальных образов, как представитель незамкнутого динамического пространства. Автобиографический нарратив становится основой художественной интерпретации действительности, способом художественной репрезентации авторской концепции памяти.

Основные характеристики кочевья могут быть сведены к следующим определениям: кочевье – это традиционный образ жизни, способ познания жизни и себя, испытание, поиск самовыражения и свободы, опасность, смерть. Например: «Кочевка кажется бесконечной. С первыми летними теплыми днями начался комариный разгул. Наше кочевье сильно осложнилось. Олени еле бредут. Мы сами ходим еле-еле. Мяса давно нет. Основная еда у нас чай да лепешки» [4, с. 71]. Или: «Летом в тайге благодать. Кочевье на оленях имеет свою особую прелесть. Оно неповторимо. Желание как можно скорее увидеть местность нового стойбища будило во мне ненасытное любопытство. Кочевье, конечно, дело хлопотное» [4, с. 58].

В основе произведений А. Кривошапкина, как неоднократно подчеркивали критики, лежит национальный образ мира. Именно он является организующим и сюжетообразующим стержнем как одного конкретного произведения, так и всего творчества в целом. Для осмысления болевых точек автор обращается к таким культурологическим дихотомиям, как природа и цивилизация, природа и человек, естественность традиционной культуры и пагубность современного общества. Основным конфликтом автор видит в утрате былой связи человека с природой, в том, что племена северных этносов постепенно забывают свою органическую связь с естественной средой обитания.

Миф как форма художественного сознания пронизывает все творчество писателя. Так, в повести «Уямканы идут на север», в романах «Золотой олень», «Кочевье длиною в жизнь», «Оленные люди» и других центральной мифологемой является образ оленя, который не просто связан с традиционным кочевым образом жизни. Прежде всего, олень – очень

древний священный символ для северных народов, олицетворяющий источник жизни, силу и благородство, отвагу и чистоту. Мифопоэтическая природа произведений сочетает в себе два аспекта: диахронический и синхронический, при этом рассказ о прошлом становится средством объяснения и познания настоящего.

В романе «Золотой олень» поднимаются проблемы нравственности, возрождения традиций, судьбы будущих поколений, экологии, бережного отношения к природе. Писатель создает контраст между современным обществом, его ценностями и главным героем Айняри, возвышающимся над трагическими противоречиями времени. Рисуя образ благородного белого оленя Гялтане как полноправного сознательного героя романа, тонко раскрывая его внутренний мир, психологию, красоту, автор задает вопрос своему современнику: «Продолжится ли род Гялтаня и будет ли он согревать жизнь будущих поколений эвенов?!» [3, с. 205].

*Как ты жил, мой народ?
Как ты выжил – здесь,
В белой мгле, в голубом аду?
Всем смертям вопреки,
Всем врагам назло.
Как в столетьях выстоять мог?*

(«Мой народ») [6, с. 79].

Таким образом, важнейшей характеристикой литературы малочисленных народов Севера Якутии является мифопоэтичность художественного пространства, притчеобразность, создание оригинальной системы мифологем, интерпретация таких фольклорных и этнических пластов национального сознания, где еще живы элементы мифологического мирозерцания.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – 912 с.
3. Кривошапкин А.Н. Золотой олень. – Якутск : Кн. изд-во, 1990. – 455 с.
4. Кривошапкин А.Н. Кочевье длиною в жизнь. – Якутск: Бичик, 2000. – 332 с.
5. Кривошапкин А.Н. Оленные люди. – Якутск: Бичик, 2013. – 341 с.
6. Кривошапкин А.Н. Песни севера: Стихи. – Якутск: Бичик, 1995. – 79 с.
7. Кривошапкин А.Н. Уямканы идут на Север: Повесть / Пер. с эвен. В. Крупин // Полярная звезда. – 1986. – № 6. – С. 14.

**ЖИЗНЬ И СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ
В ИСТОРИКО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ
Е.П. НЕЙМОХОВА «АЛАМПА»**

В самом широком смысле историко-биографическая проза предстает как история жизни выдающейся личности, как художественное воссоздание связи личности и эпохи. В свое время А. Толстой высказался, что основным в историческом романе является «становление личности в эпохе».

Актуальность исследования историко-биографического романа как нового явления в аспекте традиций и новаторства определяется динамикой жанрового развития якутской романистики во второй половине XX – начале XXI вв. Черты жанра художественной биографии проявились еще в первых романах якутской литературы: «Молодежь Марыкчана» С.С. Эрилик-Эристина, «Весенняя пора» Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, «Судьба» Н.Г. Золотарева-Якутского. Появление к концу XX века романов И. Гоголева-Кындыла «Манчаары», В.С. Яковлева «Тыгын Дархан», трилогии Н.А. Лугинова «По велению Чингисхана», романа Е.П. Неймохова «Алампа» стало свидетельством нового уровня развития историко-биографического жанра. Хотя ряд указанных произведений не уместается в рамки историко-биографического романа, в них существенна биографическая основа.

В литературном наследии Е. Неймохова особое место занимают произведения о людях творческого труда. Все они имеют биографическую основу: «Взлет» – повесть об оперной певице Антониде Долгуновой, «Схватка» об известных спортсменах, документальные повести о Д.П. Коркине и М.К. Гавриловой и др. В центре произведений – яркие представители якутской интеллигенции, для которых труд, прежде всего, есть творчество. Биографическую основу имеет и первый исторический роман «По лезвию ножа» («Быһах биитинэн», 2005) [3]. Трагизм братоубийственной гражданской войны показан на примере судьбы Семена Михайлова, известной исторической личности того времени.

В романе «Алампа» широко и глубоко показан процесс «становления личности в эпохе», жизнь и судьба великого писателя в исторически переломную эпоху первых десятилетий XX века. Своеобразие сюжетно-композиционного построения романа обусловлено воссозданием многогранной личности творца, художественное время в произведении определено

биографической основой: выделены определяющие вехи судьбы писателя. Как пишет автор, «жизнь и ход времени неразделимы», этот принцип определил ритм повествования. Кроме того, реалистическое повествование пронизано символическими мотивами. Так, рождение великого писателя предсказывает мотив сна: «Тыл иччитэ уол оѳо тѳрѳѳтѳ» («родился властитель слова, языка») [1, с. 24].

Судьба послала испытания будущему писателю с раннего детства: не зная родительской любви, он растет в чужом доме, тяжелая болезнь, повседневный рутинный труд в хозяйстве. Приемные родители научили главному – умению трудиться. Для формирования личности будущего писателя значимо ближайшее окружение. Самое светлое воспоминание детства – учеба, чтение. В первой книге реалистично, порой в лирическом ключе, показана история детства и юности: страсть к учебе, всепоглощающая любовь к художественному слову. Живя у брата, учителя Василия, он впервые знакомится с произведениями русской классической литературы, и его навсегда пленили Пушкин, Лермонтов, Чехов. Впоследствии, вслед за ними, Алампа определил свое творческое кредо: писать правду жизни.

Определяющее влияние на становлении личности молодого Алампа оказывает мир окружающей природы. Еще в ранних произведениях Е. Неймохов предстает как мастер реалистического пейзажа, дар живописания еще более полнокровно раскрывается в романе. В многочисленных пейзажных описаниях природы, в разные времена года, предстает геокультурный образ родного края, во многом определивший формирование эстетического чувства, истинного патриотизма.

Концептуален центральный природный образ алааса («алаас барахсан»), наполненный глубоко лирического чувства. Недаром писатель впоследствии подписывался, называя себя «сын алааса» («алаас оѳото»). Ощущая себя истинным сыном родной природы, Алампа с болью в сердце принимает ее участь. Видя сломленную лиственницу, он плачет, уподобляя ее своей судьбе.

В романе часто показаны живые картины природы родного края, полные звуков и разнообразия цвета, таково, например, описание зенита летнего цветения природы («Сайынны күн алааһын үрдүнэн») [1, с. 11]. Родная природа навеивает мысли о вечности жизни, о непрерывном круговороте бытия, о прекрасном. Иной колорит отличает описание природы в последние дни поэта: поздняя осень, серое небо, тяжелые тучи. В трагические дни своей жизни Алампа всегда мысленно обращается к родному алаасу, всей душой стремясь в родные места.

В годы жизни Алампа на Крайнем Севере, в Булуне, природа предстает в ином ракурсе. Геокультурный образ северного мира более всего характеризует бесконечная белоснежная тундра «Тула туналыяр...» [1, с. 179].

Показывая будни северного народа – эвенов, писатель подчеркивает неистребимую силу жизнелюбия в этих экстремальных условиях. Интернационализм писателя-гуманиста проявляется в его искреннем участии в судьбах людей: он и здесь ведет культурно-просветительскую работу, открывает школу, ставит спектакли: «нет большей радости, чем делать доброе людям» (*перевод автора – А. М.*) [1, с. 163].

В романе прослежен весь жизненный путь паренька из глухой деревни, рождения в нем призвания творца. С переезда в Якутск для молодого Анемподиста начинается особая полоса жизни, полная новых открытий, новых встреч. Самая светлая страница его жизни – любовь к Евдокии, женитьба, первые годы семейной жизни. В поэзии Алампа подчеркнуты ее красота, женственность, незаурядность натуры. Хотя их жизнь не сложилась, Алампа сохранил трепетные чувства к возлюбленной, до последнего дня ждал встречи с ней. Эта большая любовь выразилась лирически проникновенно в его стихах, ставших народной песней.

Духовная, творческая биография писателя показана изнутри, психологически углубленно. Основной прием психологического анализа в романе – внутренний монолог, благодаря чему раскрывается удивительно цельная, многогранная натура героя.

Е. Неймохов раскрывает процесс творческого труда, рождение замысла новых произведений. Именно творческий труд спасает Алампа в самые трагические дни его жизни: и тогда, когда его предал самый близкий человек, и когда по ложному доносу он как «враг народа» отбывал ссылку в Архангельской области.

В историко-биографическом жанре особое значение приобретает авторская позиция. Автор и главный герой духовно близки, главное для них обоих – творить, служить своим даром народу. Молодой Алампа находится в гуще культурно-просветительской жизни. Он убежден в огромной живительной силе образования и культуры: «Не погибнет народ, получивший доступ к образованию и культуре» (*перевод автора – А. М.*) [1, с. 404]. Он – один из руководителей просветительского общества «Саха омук», участвует в издании первых газет на якутском языке, первого журнала «Чолбон», является основателем национального театра драмы.

Структуру романа отличает кольцевая композиция, сюжет основан на канве воспоминаний. Безнадежно больной писатель в последние дни мысленно

обозревает свою жизнь и подвергает нравственно-философской переоценке все, что прошло сквозь сердце творца.

Повествовательная ткань произведения многопланова: монологи, диалоги, лирические отступления. Порой речь автора приобретает звучание эпического слога народных сказаний, чему способствуют устойчивые эпические формулы: «дүрбүөннээх аартыгар турбута» («много трудный, тревожный путь»), «иннинэн сирэйдээх, икки атахтаах» (эпическое определение человека), «аллаах ат сыарҕатыгар олорон» («быстрого коня судьбы») и подобные.

Лирические отступления, являясь средством выражения авторской позиции, акцентируют опорные мотивы философской концепции романа: чаще всего они обращены к родной природе – алаасу, это и лирическое отступление о долине Туймаады, о городе Якутске. Геокультурный топос город предстает как символ творения, средоточия энергии народного духа.

Писатель в творческом процессе живет жизнью своего героя. В лирических отступлениях голос автора и голос героя сливаются воедино. Так звучат слова благодарности творческому труду: «Оо, айар үлэ барахсан...» [1, с. 188] («Оо, благословенно творчество...») (*перевод автора – А.М.*). Именно с творчеством автор и герой связывают понятие настоящего счастья.

Философское содержание произведения определено концептуальными вопросами, которые главный герой ставит перед собой: «В чем смысл жизни?»; «В чем цель творческого труда?»; «Что остается после нас?»

Устами героя Е. Неймохов высказал свое творческое кредо: писательский труд всегда основан на правде жизни, именно в этом он видел величие классических произведений литературы.

Роман-диалогия народного писателя Якутии Е.П. Неймохова «Алампа» – это духовная биография целого поколения прогрессивной якутской интеллигенции начала XX в. Страницы романа овеяны живым дыханием времени, в основе реалистического повествования – суровая правда истории. Историко-биографическая основа произведения пронизана философскими раздумьями о жизни, о предназначении человека.

Автор творчески использовал возможности нового времени, когда стали доступны многие архивные документы. Основываясь на обширном материале исторической эпохи, он воссоздал живые, неповторимые характеры. Главное, что сближает представителей интеллигенции, это беззаветное служение родному народу, культурно-просветительская деятельность.

Роман отличает широта воссоздания социально-исторического фона времени, разветвленная система персонажей. Судьба прогрессивной якутской

интеллигенции прослежена в лице таких исторических деятелей, как П. Ойунский, М. Аммосов, И. Барахов, Г. Ксенофонтов и др. Многие герои романа в 20-30-е годы прошлого века были заклеены как «враги народа» и репрессированы. Особое место в системе героев романа принадлежит представителям близкого окружения Алампа – людям творческого труда: писателям, артистам, первым ученым. Своим литературным наставником Алампа признает великого Кулаковского, дружба с которым помогла его творческому самоопределению.

Важно отметить, что представители интеллигенции показаны не только через воспоминания главного героя, но еще и приемом «самораскрытия», в беседах, в диалогах. Отличительная особенность творческой манеры писателя – углубленный психологизм, изображение характера изнутри.

В беседах А.Е. Кулаковского с Алампа раскрывается его подвижническая натура, преклонение перед творческим гением народа, создавшим олонхо. Проникновенно показаны мужество, духовная сила Кулаковского в его последние дни, в борьбе с жестоким недугом.

В структуре повествовательной ткани произведения важен интертекст: воссозданию широкой картины исторической эпохи способствует и документ: приказы, постановления и т.п. Реалистическая достоверность письма Е. Неймохова обусловлена и умелым использованием художественной детали, несущей большую смысловую нагрузку. Дыхание времени отражено не только в документах, но и в конкретных деталях быта, семейных отношений, жизненного уклада народа. Роман отличает богатый литературный язык, что отмечают ведущие исследователи якутского языка [5].

Умело сочетая документ и художественный вымысел, писатель создал реалистически полнокровный, психологически проникновенный роман о судьбе целого поколения интеллигенции, о жизни и судьбе великого писателя, творчески продолжив на новом этапе лучшие традиции якутского классического романа: Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, Н.Г. Золотарева-Якутского, С.П. Данилова, В.С. Яковлева-Далана и пр.

Якутская литература обогатилась высокохудожественным произведением о судьбе великого писателя. Роман «Алампа» – не только историко-биографический, но и философский.

Мысленно обзрев всю свою жизнь, Алампа убеждается: он выбрал единственно правильный путь, посвятив себя служению родному народу, его просвещению и культурному развитию. Его наследство будущим поколениям – это его произведения, зовущие к светлому, прекрасному. Ответ на главный

философский вопрос о предназначении человека дан в финале романа, когда он завещает свои творения родному народу.

Литература

1. *Неймохов Е.П.* Алампа: роман в 2-х кн. – Якутск: Бичик, 2006. кн.1. – 272 с.
2. *Неймохов Е.П.* Алампа: роман в 2-х кн. – Якутск: Бичик, 2009. кн.2. – 424 с.
3. *Неймохов Е.П.* Быһах биитинэн. По лезвию ножа. – Якутск: Бичик, 2005. – 400 с. (на якут.яз.).
4. *Огорокова В.Б.* Олох үйэлээх хапсыһыы (Жизнь борьба). Жизнь и творчество народного писателя Е.П. Неймохова. – Якутск: Изд-й дом СВФУ, 2005. – 328 с.
5. *Филиппов Г.Г.* Образ основного героя романа «Алампа» // Роль творчества народного писателя Якутии Е.П. Неймохова в развитии современной якутской прозы. – Якутск: Изд-й дом СВФУ, 2010. – С.15-22.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ

Л.И. Кычкина.

*магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Алексеев И.Е.*

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА ДОКТОРА, ПРОФЕССОР Е.И. КОРКИНАҒА АНАММЫТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ҒЫҒЫННЫҚТАРЫ ҒЫРЫТЫ

Ғығыннықтар сыаллара: саха тылын үөрэтээччилэр уонна чинчийээччилэр ситиһиилэрин пропагандалааһын, саха тылыгар анаммыт үлэлэргэ информационнай база оһоһулуута, кэлэр көлүөнэҕэ учуонайдар кылааттарын тиэрдии. Бу сыалы ситиһэргэ оччоттон-баччаҕа диэри Национальнай библиотека кыраайы үөрэтэр салаатын библиографтарын былааннаах үлэлэрэ ытыллар.

Ол курдук, 1978 сыллаахха А.С. Пушкин аатынан өрөспүүбүлүкэтээҕи библиотека кыраайы үөрэтэр салаатын библиограба В.Н. Павлова хомуйуутунан «Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук Е.И. Коркина» диэн ааттаах научнай көмө ығыннык оһоһулан тахсыбыта [2]. Манна 81 библиографической суруйуу киирбитэ.

1963 сылтан күн бүгүнүгэр диэри Национальнай библиотека «Кэм-кэрдии кэрэ-бэлиэ тиһиктэрэ» («Календарь знаменательных и памятных дат») диэн мэкһиэлиир ығынныгы таһаарар, ол чэрчитинэн «Якутия–1997» халандаарга талыллан Е.И. Коркинаҕа анаммыт 40 библиографической суруйуу киирбит [1].

Онтон 2007 сыллаах халандаарга маныха эбии 14 библиографической суруйуу киллэриллибит [4].

Кэлинни кэмнэ, 2009 сыллаахха, Саха Республикатын Президенин иһинэн Тыл бэлиитикэтин сэбиэтин эппиэттээх сэкэрэтээрэ, филологической наука кандидата Р.Р. Жиркова уонна норуодунай суруйааччы С.А. Попов-Тумат «Профессор Евдокия Иннокентьевна Коркина 90 сааһыгар аналлаах таһаарыы» диэн ааттаан, учуонай олобун лоскуйдарыттан тиһиллибит кинигэ бэлэмнээн бэчээттэспиттэрэ [5]. Кинигэбэ Саха Республикатын П.А. Ойуунускай аатынан Государственной бириэмийэ лауреата, култуура үтүөлээх үлэһитэ краевед-библиограф В.Н. Павлова хомуйбут ыйынньыга киирбитэ (197 ахсааннаах библиографической суруйуулаах).

Саха тылын историятыгар, саха тылын чинчийбит учуонайдарбытыгар аналлаах академик, филологической наука доктора, профессор П.А. Слепцов уонна Национальной библиотека кылаабынай библиографа Н.А. Ханды «Якутский язык» диэн икки чаастаах фундаментальной библиографической ыйынньыктарынан [8] бу үбүлүөйдээх сылы илии тутуурдаах, өттүк харалаах көрүстүлэр. Үлэ икки чаастан турарыттан 1 чааһа (1692-1957 сс.) – филологической наука доктора Н.Е. Петров аспиранныы сылдьан 1958 с. хомуйан таһааттарбыт ыйынньыгын саналыы көннөрөн эбэн таһааһын (реконструкциялааһын), 2 чааһа 1958–2010 сс. тылга бэчээттэнэн тахсыбыт үлэлэри хабаан тиһилиннэ. Ыйынньыкка Евдокия Иннокентьевна 1947-1999 сыллар усталарыгар суруйбут, эрдээктэрдээбит рукопистара, кинигэлэрэ, ыстатыйалара киирдилэр. Е.И. Коркина илиинэн суруллубут «Формы прошедшего времени глагола в якутском языке» диэн кандидатскай диссертацията РНА СС Гуманитарнай чинчийии уонна хотугу аҕыйах ахсааннаах омуктар проблемаларын институтун илиинэн суруллубут үлэлэр пуондаларыгар харайыллан сытар. Уопсайа ыйынньыкка Е.И. Коркина бэчээттэспит 75 докумуона киирдэ, ол иһигэр 59 библиографической суруйуу – учуонай монографиялара, хомуйан онорбут уонна эрдээктэрдээбит үлэлэрэ, ону тэнэ 17 ыстатыйата.

Профессор, РФ наукатын үтүөлээх деятелэ Е.И. Коркина 2000 с. бэйэтин оморбут олобун, үлэлээбит үлэтин түмүктүүр курдук «Коротко о прожитой жизни» диэн автобиографической кинигэ суруйан таһаартарбыта [3]. Бу кинигэбэ 197 библиографической суруйуу киирбит.

1963-1984 сс., уопсайа 21 сыл устата, бар дьон ытыктабылын ылан, үйэлээби айан Гуманитарнай чинчийии институтун дириэктэринэн үлэлээбитэ. Учуонай төрөөбүтэ 95 сылыгар анаан үлэлээбит коллектива «Сырдык кэриэһигэр сүгүрүйэн туран» диэн ахтыылардаах кинигэни 2012 сыллаахха

хомуйан, бэлэмнээн таһаарбыта [6]. Библиографической суруйууларын институт библиотекатын сэбиэдиссэйэ Е.А. Васильева бэлэмнээбит.

Е.И. Коркинаҕа ыйынныктар оноһуллаллара – бу саха тылын биир биллиилээх чинчийээччитин үлэлэрэ билинни грамматика, диалектология үөрэҕэр төрүт үлэлэр буолалларын туоһута.

Ыстатыйалары суруйуутун ЫБСЛКС обкомун бааһынай ыччатын отделын сэбиэдиссэйинэн улэлии сылдьан саҕалаабыт эбит. «Куоталаһыыны конкретнайдык саҕалыахха» диэн «Кыым» хаһыакка 1944 с. муус устар 14 күнүгэр бэчээттэпит. Ол курдук үөрэх миниистирин солбуйааччынан үлэтиир кэмигэр туһааннаах тиэмэлэргэ хаһыакка суруйар эбит. Холобур: «Государство аҕалыы кыһамныта» диэн ыстатыйата «Эдэр коммунист» хаһыакка 1954 с. бэс ыйын 1 күнүгэр тахсыбыт.

Тыл, литература уонна история институтугар үлэҕэ киириэҕиттэн суруйар тиэмэтэ, биллэн турар, тыл тула буолбута. Үлэлэрэ хаһыаттарга эрэ буолбакка, научнай ыстатыйалар хомуруунньуктарыгар тахсан барбыттара. Ол курдук 1958 с. «Труды Якутского филиала» хомуруунньукка «Формы прошедшего времени» ыстатыйата тахсыбыта. Мантан саҕаламмыта кини туохтуурдары дириг хорутуулаахтык чинчийиитэ. Ити кэмнээҕи ыстатыйалара кини туохтуурга үс монографияны суруйарыгар бигэ тирэх буолбуттара.

Е.И. Коркина диалектолог, түөлбө тылы чинчийээччи быһыытынан эмиэ биллэр. Ол курдук элбэх улууска сылдьан хас эмэ диалектологической экспедиция отчуотун онорбута, ыстатыйалары уонна биир биллэр-көстөр «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» диэн монографияны суруйбута. Үлэ хайдах сайдан испитин, матырыйаал хомуллуутуттан монография буолан тахсыар диэри туох-ханнык ыстатыйалар суруллубуттарын маннык ыйынныктартан киһи билэр уонна дэбигис булар, туһанар.

Маны таһынан кини саха тылын бастакы үөрэхтээхтэрин, этнографияны, фольклору чинчийбит дьоммут туһунан диригник хорутан үөрэппитэ. Холобур, С.А. Новгородов туһунан «Первые шаги якутской письменности» уонна М.Н. Андросова-Ионова «Олонхолоор, ырыалар, этнографической ыстатыйалар» диэн кинигэлэри бэлэмнээн бэчээттэппитэ.

Билинни кэмнэ наука хайа баҕарар хайысхатыгар чинчийээччилэр үлэлэрин сааһылааһын уонна кэлэр ыччакка тиэрдии тыһаан турар боппуруос буолар. Ол иһигэр саха тылын үөрэппит аҕа көлүөнэ дьоммут биобиблиографической ыйынныктарын бэлэмнээн таһаарыы улахан туһалаах.

Литература

1. Докторов П. 80 лет со дня рожд. Е.И. Коркиной // Якутия-1997: календарь знаменат. и памят. дат. – Якутск, 1997. – С. 106-111.

2. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук Е.И. Коркина: биобиблиографический указатель / [сост. В.Н. Павлова]. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 16 с.
3. Коркина Е.И. Коротко о прожитой жизни. – Якутск, 2000. – 119 с.
4. Попова Н.И. 90 лет со дня рождения Е.И. Коркиной, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора филологических наук, профессора // Якутия-2007: календарь знаменательных и памятных дат. – Якутск, 2007. – С. 188-191.
5. Профессор Евдокия Иннокентьевна Коркина: 90 сааһыгар аналлаах таһаарыы. – Дьокуускай, 2009. – 61 с.
6. Сырдык кэриэнигэр сүгүрүйэн туран: хомуурунньук. – Якутск, 2012. – 231 с.
7. Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия): биобиблиогр. справ. – Якутск, 2005. – 288 с.
8. Якутский язык: библиогр. указ. – Якутск, 2017. – Ч.1: (1692–1957 гг.); Ч. 2: (1958–2010 гг.) (рукопись).

О.А. Лугинова,

аспирант ИГиИПМНС СО РАН,

рук. Ефимова Л.С.

ТЕРМИНЫ ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ ЯКУТОВ: ЫТАРҔА ‘СЕРЬГИ’ (по материалам «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского)

Женские украшения, как и другие элементы культуры, тесно связаны с историей народа. С момента своего появления человек стремился ко всему прекрасному. Со временем эстетический вкус превратился в неотъемлемую часть человеческой культуры. Наравне с развитием ювелирного искусства и язык украшений стал богаче. В результате в лексическом фонде различных языков образовались термины, относящиеся к женским украшениям. Достаточно разнообразны термины женских украшений и в якутском языке.

Женские украшения довольно глубоко изучены с этнографической и исторической стороны. В результате этих исследований установлено, что художественная обработка серебра якутам была известна еще в XVII веке и даже ранее, но тогда она сводилась лишь к изготовлению в небольшом количестве колец и сережек. Зато широко были распространены медные украшения и отделка медью [9, с. 11].

Сведения о женских украшениях якутов также приводятся в записях первых исследователей-путешественников. Одно из наиболее ранних литературных упоминаний о якутских женских украшениях принадлежит польскому военнопленному Адаму Каменскому-Длужику [4, с. 126]. Женские

украшения были описаны участниками Камчатской экспедиции (Г.Ф. Миллер, Я.И. Линденау, И.Г. Гмелин и др.). В первой половине XVII в. при описании женской и мужской одежды упоминаются серебряные и медные перстни, серьги, гривны, шейные украшения, косоплетки. Хотя эти работы носили описательный характер, внимание исследователей уделялось общим приметным деталям украшений. В XIX в. женские украшения фрагментарно отражены в работах А.Ф. Миддендорфа, Н.С. Щукина, В.В. Радлова. Названия женских украшений довольно подробно описаны в фундаментальном труде Р.К. Маака «Вилуйский округ Якутской области», написанном по результатам экспедиции 1854 г. [4]. В монографии В.Л. Серошевского «Якуты. Опыт этнографического исследования» в разделе «Ремесло и искусство» частично упомянуты термины женских украшений (например: *сюрах*, *бэггэк* и др.) [13, с. 371-376].

В советский период благодаря археологическим раскопкам интерес к изучению материальной культуры якутов усилился. Художник-этнограф М.М. Носов, основываясь на материалах Е.Д. Стрелова, опубликовал две статьи, где описываются различные женские украшения. В своих работах он поставил задачу зафиксировать, помочь сохранить и пропагандировать традиционные отрасли народного декоративно-прикладного искусства. Женские украшения включены в разделы «Одежда и другие изделия из мягкого материала, их украшения» и «Изделия из твердого материала (дерево, береста)» [4, с. 136], к иллюстрациям даны пояснения. Частичное упоминание о женских украшениях имеется также в работах И.В. Константинова [5] и др. Одним из первых исследователей, который изучил якутское ювелирное искусство наиболее подробно, является Ф.М. Зыков [4]. В его работе «Ювелирное искусство якутов» раскрыта история изучения данного вида искусства народа саха и его основные особенности. В монографии А.И. Гоголева «Якуты: проблема этногенеза и формирование культуры» впервые сделана попытка сравнительно-сопоставительного анализа украшений тюркских народов [3]. Значительный вклад в изучение женских украшений якутов внес А.А. Саввинов. Он привел примеры некоторых традиционных украшений (серьги, кольцо, браслет, пояс) в сравнительно-сопоставительном плане с языками алтайцев, бурятов, казахов, киргизов, монголов, тувинцев, туркменов, татаров, узбеков и хакасов [12, с. 137]. По его мнению, к числу неразработанных проблем относятся вопросы терминологии женских украшений. Он пишет, что в литературе недостаточно освещены традиционные наименования украшений, многие исконно национальные их названия еще не введены в научный оборот, хотя

представляют собой ценный материал для изучения памятников материальной культуры.

С культурологических позиций символика женских украшений якутов раскрыта в исследовании С.В. Никифоровой [7]. В данной работе определена функциональная значимость символики украшений в традициях якутской культуры. Из числа современных исследователей отмечаем работу К.М. Яковлевой. Ее работа «Классификация украшений народов алтайской культурной общности» [16] посвящена комплексному исследованию традиционных украшений народов алтайской культурной общности, проживающих в Сибири. Приведенными научными трудами исчерпывается историография женских украшений якутов. Получается, что данной проблемой в основном занимались первые исследователи истории и этнографии якутов.

В данной статье будет рассмотрен лексический состав одного из знаковых видов женских украшений – *ытарба* ‘серьги’. В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского этот термин раскрыт достаточно широко. Якутское слово *ытарба* ‘серьга, сережка, серьги’ имеет тюркское происхождение и сравнивается со словами *сырба, ызырба, исарба, ісірба* [10, стб. 3642]. Якутские *ытарба* отличаются разнообразием форм и видов, которое достигается вариациями силуэта, орнамента и формы.

Термины женских украшений, в основном, состоят из 2 и более слов или компонентов. По нашему мнению, рассматриваемые лексемы являются составными терминами. Е.И. Оконешников замечает, что «бесспорной синтаксической значимостью в языке саха обладают двучленные образования типа сложных терминов и составных терминов» [11].

В «Словаре якутского языка» нами найдены 22 термина, относящиеся к якутским серьгам. Их можно объединить в несколько групп. Так, в первую группу мы отнесли 4 термина, в составе которых отображен материал изготовления (*дьэс ытарба, хоруонка ытарба, урун көмүс ытарба, кыһыл көмүс ытарба*).

Например, термин *хоруонка ытарба* ‘бусовые серьги’ [10, III, стб. 3842] обозначает тип серег, который считается наиболее древним [12]. Термин состоит из 2 компонентов – *хоруонка* и *ытарба*. Первое слово *хоруонка* от русск. *корельки*. В якутском языке *хоруонка* ‘корельки, бусы, бисерь’ [10, стб. 3517] обозначает материал изготовления. В каждом термине серёг имеется слово *ытарба* ‘серьга, сережка, серьги’, который представляется как основное “ядерное слово” (термин Оконешникова Е.И.). В результате лексикализации двух лексем образовался новый термин – *хоруонка ытарба* ‘бусовые серьги’,

которое можно определять как составной термин, обозначающий серьги, изготовленные из корельков и бусин.

Вторую группу составляют термины, называющие данный вид украшений по форме. Таких терминов найдено всего 6. В их состав включены термины, обозначающие серьги в форме растений. Например, термин *сарбынньах ытарҕа* состоит из двух компонентов. В термине, кроме ядерного слова, имеется слово *сарбынньах*. Оно происходит от глагола *сарбий-* “вырезать” с помощью аффикса *-ньах*. Слово *сарбынньах* имеет 2 значения: “1) вырезка, образующая зубцы; зубчатый узор у женщин и девушек поперек спины через лопатки в виде трапециевидных серебряных пластинок с закругленными зубчиками; 2) рябина” [10, III, стб. 2103]. В «Большом толковом словаре якутского языка» указано два значения данного слова: “1. Туох эмэ кытыыта биир тэнник ойута быспыт курдук кэрдиистэммитэ, кэрдиис ойуута – ‘ровные зубчатые края чего-л.’; 2. 1) туох эмэ салаата, чорбоҕо, сарадаҕа – ‘ответвления, ветви, разветвленность чего-л.’; 2) *аат.* талахха майгынныыр синньигэс умнастаах, сүүмэбинэн үүнэр кытархай отоннордоох сэбирдэхтээх мас – ‘лиственное дерево с плодами в виде пучка оранжево-красных ягод, рябина” [14, VIII, с. 274-275]. Следовательно, термин *сарбынньах ытарҕа* обозначает вид сережек с круглыми висюльками.

К третьей группе названий серег, в составе которых имеются слова, отображающие предметы обихода, относим 4 термина (*күрдьэх ытарҕа, көлөөскө ытарҕа, хабыр хобо ытарҕа, көндөй хобо ытарҕа*). К примеру, двухкомпонентный термин *күрдьэх ытарҕа* ‘лопатообразные серьги’. Первое слово *күрдьэх* ‘лопата’ можно сравнить с тюрк. *күрэк*, бур. *күрзэ* “лопата”. Оно образовано от глагола *күрт* с помощью аффикса *-ах* и обозначает “лопату; широкую лопату для сгребания снега” [10, II, стб. 1330]. В результате сочетания слов *күрдьэх* и *ытарҕа* образовался термин *күрдьэх ытарҕа*, обозначающий вид серег в форме лопаты.

Четвертая группа – термины, в составе которых отображены части тела почитаемого животного (коня) или анатомии человека» (*сиэл ытарҕа, хоолдьук ытарҕа, сүһүөх ытарҕа*). Например, термин *сиэл ытарҕа* ‘серьги- грива’ также состоит из двух слов. Первый компонент *сиэл* имеет 2 значения: “1) сылгы уонна сорох кыыл саалыттан (моонньун үөһээ кырыытыттан) аллараа намылыччы үүнэн түһэр кыл түүтэ – ‘грива’)” [14, VIII, с. 472]; “2) порода длинной травы, растущей на кочках” [10, III, стб. 2187]. Из этого следует, что термин *сиэл ытарҕа* обозначает вид серег в форме гривы лошади.

Пятая группа – термины, обозначающие общее название серег. К данной группе отнесены термины, обозначающие общее название *ытарҕа* ‘серьги’, их

всего – 2 (*сыакар, иэмэх*). Например, *сыакар* обозначает “маленькие серьги в Восточно-Хангаласском улусе”. Данный термин имеет тунгусское происхождение и заимствован из эвенкийского языка *секар* или *секан*. В эвенкийском языке слово *секан* обозначает “ушная раковина; серьга” [15, с. 347]. Это объясняется тем, что по историческим данным, в Восточно-Хангаласском улусе обитали тунгусские племена [8].

Шестая группа – термины, обозначающие части серег. В результате анализа материала «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского найден только один термин, относящийся к данной группе. Это термин *иэмэх* ‘верхняя часть серьги, вдеваемая в ухо’ [10, I, стб. 895]. При дальнейшем исследовании надеемся пополнить термины данной группы, поскольку *ытарба* имеет свою особенную конструкцию и части.

Таким образом, как показал языковой материал, *ытарба* (серьги) имеет много разновидностей по сравнению с другими якутскими украшениями и является частью определенной системы женского убранства у народа саха. Это говорит о многообразии и богатстве языка, тонком ювелирном вкусе, таланте якутского народа. Всего в данной работе анализу подверглись 22 термина, включенные в группу терминов *ытарба* ‘серьги’.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1) термин *ытарба* и его разновидности в основном образованы с помощью словосочетания, от заимствованных слов, называющих форму и материал, из которых изготовлены серьги;

2) ряд приведенных терминов, называющих разновидности *ытарба*, имеют тюркское происхождение, напр.: *салаа ытарба* ‘ветвистые серьги’, *кыһыл көмүс ытарба* ‘золотые серьги’ и др.;

3) термины, обозначающие разновидности серег, имеют также монгольско-бурятское происхождение, напр.: *күөгү ытарба* ‘серьги в виде медных или серебряных дудочек’, *иэмэх* ‘ушное кольцо в серьге’ и др.;

4) большинство терминов представляют собой сложное словосочетание, состоящее из двух-трех слов. Практически в каждом термине, кроме терминов группы, обозначающей общее название серег, имеется ядерное слово *ытарба*, которое занимает замыкающую позицию в словосочетании.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971.
2. Антонов Н.К. О якутских металлургических терминах // Полярная звезда. – 1977. – №6. – С. 108-109.
3. Гоголев А.И. Якуты: проблема этногенеза и формирование культуры. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993.

4. *Зыков Ф.М.* Ювелирные изделия якутов. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1976.
5. *Константинов И.В.* Материальная культура якутов XVIII века. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971.
6. *Маак Р.К.* Вилюйский округ Якутской области. 2-е изд. – М.: Яна, 1994.
7. *Никифорова С.В.* Символика женских украшений в традиционной культуре якутов: автореф. дис. ...канд. культурологии. – СПб, 2003.
8. *Николаев С.И.* Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. – Якутск, 1964.
9. *Носов М.М.* Художественные бытовые изделия якутов XVIII – начало XX веков. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1988.
10. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. 3-е изд-е. – СПб.: Наука, 2008. – Т. I., Т. II., Т. III.
11. *Оконешников Е.И.* Лингвистические аспекты терминологии языка Саха (на материале общей и отраслевой лексикографии). – Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004.
12. *Саввинов А.И.* Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX века: историко-этнографическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2001.
13. *Серошевский В.Л.* Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. – М.: Московская типография №2 Министерства информации и печати РФ, 1993. – С. 371-376.
14. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 13-ти томах. – 2004-2017.
15. Эвенкийско-русский словарь. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
16. *Яковлева К.М.* Классификация украшений народов алтайской культурной общности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2011.

О.Н. Аммосова

*магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Дмитриева Е.Н.*

ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ «МАС» В СОВРЕМЕННОМ ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью настоящей статьи является выявление и определение гиперо-гипонимических отношений слов лексико-семантической группы «мас» в современном якутском языке. Задача работы состоит в том, чтобы проанализировать лексические и фразеологические единицы лексемы «мас», выбранные из лексикографических источников якутского языка.

В словаре лингвистических терминов дается следующее определение: «гипонимия – вид системных отношений в лексике: связь слов по линии «общее и частное», отражение родо-видовых отношений между явлениями действительности. Например: животное и собака, тигр, олень; звук и шорох,

звон, треск; двигаться и бежать, шевелиться, прыгать; цвет и красный, синий, черный. Слово с более широким содержанием называется гипероним, соотнесенное с ним слово более узкого содержания – гипоним: посуда (гипероним) – тарелка, чашка (гипонимы)» [3, с. 71].

Поскольку основным объектом гипонимических отношений выступает слово, представляется необходимым дать его определение: «Слово – основная семантическая единица языка, которая обозначает понятие, за которым стоит класс явлений или индивидуальные явления. Слова закрепляют в памяти и передают знания и опыт людей» [3, с. 423].

Рассмотрим особенности проявления данных отношений на примере лексемы «мас». Лексема «мас» выделяется на основе определенных признаков, которые объективированы семами ‘многолетнее растение’, ‘с одревесневшим главным стеблем (стволом)’, ‘ветвями’, ‘образующими крону’.

В «Большом толковом словаре якутского языка» лексема «мас» рассматривается как существительное (*аат.*) и имеет 3 значения: “1. Дерево (*древесное растение*). *Хойуу мастаах тыа. Отонноох мастар. Маһы кэрт.*) 2. Строительный лес (*бревна и другие лесоматериалы*); дрова, заготовленные для топки (*бревна, поленья и т. д.*). *Батараактар артыаллаһан, иккилии-үстүү дьукаах олорор дьизэлэрин мастарын сырса-сырса кэрдэн кэбистилэр.* П. Ойуунускай. 3. Лес. *Кыыл кыһынын маска тахсар, сайынын муора арытыгар киирэр.* Далан” [1, с. 237].

Основа существительного образует прилагательное, имеющее одно значение “деревянный”: *Мас дьизэ. Мас күрдэһ. Мас кытыйа.* А также 25 единиц составных слов, которые обозначают конкретный предмет или понятие. Например: “*аргы мас* (горизонтальная перекладка для сушки и подвешивания чего-либо); *арынах мас* (вывороченное с корнем накренившееся дерево); *баттык мас* (костыль); *дьизэ маһа* (бревна, предназначенные для постройки дома); *ис мас* (защитный сруб в могиле из лиственничных плах, деревянный склеп); *кыс мас* (место во дворе для распилки, рубки и укладки дров); *кыстык мас* (заготовленные на зиму дрова); *кэрэх мас* (дерево, на которое вешали шкуру жертвенного животного); *мас арыыта* (растительное масло); *мас көтөрө* (лесная дичь); *мас кыстыыр* (место во дворе для распилки дров; место в доме для складывания поленьев); *мас кыыла* (дикий северный олень, обитающий в лесной полосе); *мас кэрдээчи* (лесоруб); *мас ойуун* (юла, волчок); *мас сыыһа* (щепка); *мас тардыһыы* (якутский национальный вид спорта); *мас туруйата* (лесной журавль); *мас усса* (бесплодная, нерожающая женщина); *мас ууһа* (столяр); *мас үөнэ* (древесница (личинка бабочки); *мас*

урумэччитэ (шелкопряд сибирский); *олох мас* (табурет, стул); *тас мас* (защитный сруб для гроба из плах)” [1, с. 240-242].

Кроме того, слово «мас» входит в состав фразеологических единиц якутского языка. В «Якутско-русский фразеологический словарь» А.Г. Нелунова включены 26 единиц фразеологии со словом «мас». Например: “**мас акаары** – недоумок, идиот, набитый дурак, глуп как пробка. *Букв.* Дурак [*как*] дерево; **Мас көнө** – непритворный, бесхитростный; простодушный; правдивый; простой, прямой; **Мас курдук** – непременно, обязательно, беспрекословно; **Мас-таас курдук** – твердо, решительно, категорично, как отрезать (сказать); **Мастаах дойдуга** – ни с кем не уживаться; **Мас тас диирин уйбат** – вспыльчивый, раздражительный; **Мас тосторуанан I** – очень быстро, (убежать, умчаться); **Мас тосторуанан II** – грубый, несдержанный; **Мас төрөөн** – неподвижно, как вкопанный (стоять); **Мастыы бат** – отказаться наотрез; **Мастыы тардыс** – тягаться с кем-л. на равных; **Мас<хайдыбытыны>көнө** – наивно-простодушный (человек); **Мас чаакы буол** – болтаться без дела; **Мас чонкуйан хаалбыт** – совершенно обеднеть, остаться без крова; **Маһын ииктэтэр** – осенняя оттепель (когда с деревьев смываются листья, хвоя и капает растаявший снег); **Мас атахтаах уу** – вода, через которую можно пройти только на лодках, плотках и по мосткам; половодье; **Мас аччык** – голодный; **Мас диэм суоҕа** – не побоюсь, найду как ответить; **Маска баппат баҕана атах** – бессовестный человек, непристойного поведения; **Маска баппат балай акаары** – отпетый дурак; **Маска охсон кэбиспит** – заканчивать, тратить, расходовать до конца; **Маска оҕус, маска тэбээбит** – исчерпать все запасы пищи, остаться ни с чем; **Маска уймамнат гына** – безрассудно, так, что своих не помнит; **Маска умһамнат мэник** – отчаянный шалун, сорванец” [4, с. 8-11].

Лексико-семантическая группа «мас» включает ряд слов, объединенных гиперо-гипонимическими отношениями: слово «мас» выступает в роли гиперонима (слова с широким значением, выражающего общее, родовое понятие), а названия конкретных деревьев: *тиит* (лиственница), *бэс* (сосна), *харыйа* (ель), *хатын* (береза), *тэтин* (осина), *тирэх* (тополь), *сиһик* (ольха), *үөт* (ива), *иирэ* (ива речная, белотал), *сибиир сылааба* (сосна сибирская, кедр), *сылаахтынгы болбукта* (кедровый стланик), *ылаах* (пихта), *кытыан* (можжевельник) [2, с. 435; 5] – гипонимами (слова с более узким значением, обозначающие подчиненное, видовое понятие).

Проведенный нами анализ лексемы «мас» позволяет заключить, что гиперо-гипонимические отношения охватывают значительную часть словарного состава языка. Они являются самыми распространенными

парадигматическими связями слов, так как охватывают разнообразие значений, понятий слов в якутском языке.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.
2. Кулаковский А.Е. Научные труды / подг. к печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 145 с.
3. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
4. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. – Т.2. – 420с.
5. Тимофеев П.А. Деревья и кустарники Якутии / отв. ред. А.П. Исаев. – Якутск: Бичик, 2003. – 64 с.

А.Е. Божедонова,

*магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Малышева Н.В.*

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОПИСЫВАЮЩИЕ МАСТИ ЛОШАДИ В ЯКУТСКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ С ВОСТОЧНО-ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ (ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОНОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ)

Целью данной статьи является выявление якутско-монгольских лексических параллелей в сравнительном плане с восточно-тюркскими языками, а также определение их лексико-семантических и фоноструктурных особенностей. Предметом исследования являются имена прилагательные, описывающие масти лошади.

Общее количество имен прилагательных, описывающих масти лошади, в якутском языке составило 179 основ, в монгольском – 83, киргизском – 57, хакасском – 54, тувинском – 50, алтайском – 18.

Из выявленных в якутском языке имен прилагательных, описывающих масти лошади, количество лексических параллелей в других языках выглядит следующим образом: в тувинском – 4 [1/3/0] (2%), алтайском – 5 [1/2/2] (3 %), хакасском – 7 [1/5/1] (4%), киргизском – 7 [2/4/1] (4 %).

Монгольские лексические параллели в других языках наблюдаются следующим образом: в алтайском – 5 [0/3/2] (6%), хакасском – 2 [1/1/0] (2,4%), тувинском – 2 [1/0/0] (2,4%), киргизском – 4 [1/2/1] (5%).

В отношении якутского языка наблюдаются следующие фонетические явления:

в тувинском языке:

- соответствие согласного в анлауте: [x ~ k]: як. *хара* ~ тув. *кара*;
- выпадение ауслатного согласного элемента [с]: як. *араҕас* ~ тув. *сара*;
- сохранение согласных [л] в инлауте: як. *ала* ~ тув. *ала*.

в алтайском языке:

- сохранение монофтонгов в первом слоге: [уу ~ уу]: як. *буулуур* ~ алт.

буурыл;

- соответствие согласных в анлауте: [x ~ k]: як. *хара* ~ алт. *кара*

в хакасском языке:

- соответствие инлаутного согласного [ɣ ~ x]: як. *чуоҕур* ~ хак. *чохыр*.

в киргизском языке:

- соответствие вокального элемента в ауслaute [э ~ ө]: як. *күрэн* ~ кирг.

күрөң;

- соответствие согласных в анлауте: [x ~ k]: як. *хара* ~ кирг. *кара*

В отношении монгольского языка наблюдаются фонетические явления:

в тувинском языке:

- соответствие согласных в анлауте: [x ~ k]: монг. *хар* ~ тув. *кара*.

в алтайском языке:

- соответствие согласных в анлауте: [x ~ k]: монг. *хара* ~ алт. *кара*;
- соответствие согласных в анлауте: [x ~ k]: монг. *хүрэн* ~ алт. *күрэн*.

в хакасском языке:

- соответствие согласных в ауслaute: [н ~ ң]: монг. *хүрэн* ~ алт. *күрэн*;
- сохранение анлаутных согласных: [x ~ x]: монг. *хар* ~ хак. *хара*.

в киргизском языке:

- соответствие консонантных ауслaute: [р ~ з]: монг. *бор* ~ кирг. *боз*;
- соответствие согласных в анлауте: [x ~ k]: монг. *хара* ~ кирг. *кара*

Без фоно-семантических изменений в сравнении с якутским языком остались формы: тув. *ала*; алт. *сур*; хак. *хара*, *ала*; кирг. *сур*, *ала*. В монгольском языке по отношению к алтайскому, тувинскому, хакасскому, киргизскому языкам не наблюдаются аналогичные формы с абсолютными совпадениями фоно-структуры и лексического значения слов.

Устойчивость лексических значений основ якутского языка в других языках представляется следующим образом: в тув. – 4 (100%): як. *ала*

‘белобокий’ // тув. *ала* ‘1) пегий 2) полосатый, пестрый’, як. *араҕас* ‘соловый’ // тув. *сарыг-* ‘1) желтый 2) соловый’, як. *хара* ‘вороной’ // тув. *кара* ‘вороной’, тув. *сара* ‘соловый’ // як. *араҕас* ‘соловый’; алт. – 5 (100%): як. *сур* ‘мышастый’ // алт. *сур* ‘мышастый’, як. *хара* ‘вороной’ // алт. *кара* ‘вороной’, як. *араҕас* ‘соловый’ // алт. *сары* ‘соловый’, як. *буулуур (бурул)* ‘чалый’ // алт. *буурыл* ‘чалый’, як. *чуоҕур* ‘чубарый’ // алт. *чоокыр* ‘чубарый’; хак. – 5 (71%): як. *көбөччөр* ‘сивый’ // хак. *көк-* ‘1) серый (мышастый) 2) сивый’, хак. *сарыг* ‘соловый’ // як. *араҕас* ‘соловый’, як. *тураҕас* ‘гнедой’ // хак. *торыг* ‘гнедой’, як. *хара* ‘вороной’ // хак. *хара* ‘вороной’, як. *араҕас* ‘соловый’ // хак. *сараат* ‘соловый’; кирг. – 6 (86 %): як. *көбөччөр* ‘сивый’ кирг. // *көк* ‘(о масти) серый’, як. *ала* ‘пестрый’ // кирг. *ала* ‘пестрый, пегий’, як. *күрэн* ‘бурая’ // кирг. *күрөң* ‘бурый’, як. *хара* ‘вороной’ // кирг. *кара-* ‘1. чёрный; вороной’, як. *тураҕас* ‘гнедой’ // кирг. *тору* ‘гнедой’; як. *буулуур (бурул)* ‘чалый’ // кирг. *буурул* ‘чалый’. Незаметным лексическим изменениям подверглись следующие основы: хак. *чохыр* “пегий, пестрый”, кир. *сур* “голубой”. Данные основы обозначают одну масть, но различаются оттенками.

В монгольском языке устойчивость лексических значений в других языках отмечается таким образом: тув. – 2 (100%) основах: монг. *бор* ‘серый, сивый’ // тув. *бора* ‘серый, сивый’, монг. *хар* ‘вороной’ // тув. *кара* ‘вороной’; алт. – 5 (100%) основах: монг. *хара* ‘вороной’ // алт. *кара* ‘вороной’, монг. *күрэн* ‘бурый’ // алт. *күрэнг* ‘бурый’, монг. *хээр* ‘гнедая’ // алт. *кер* ‘гнедая’, монг. *цоохор* ‘чубарый’ // алт. *чоокыр* ‘чубарый’, монг. *бууральморь* ‘чалый’ // алт. *буурыл* ‘чалый’; хак. – 2 (100%) основах: монг. *хар* ‘вороной’ // хак. *хара* ‘вороной’, монг. *хүрэн* ‘бурый’ // хак. *күренг* ‘бурый’; кирг. – 4 (100%) основах: монг. *бор* ‘серый, сивый’ // кирг. *биз* ‘серый, сивый’, монг. *хүрэн* ‘бурый’ // кирг. *күронг* ‘бурый’, монг. *хара* ‘вороной’ // кирг. *кара* ‘вороной’, монг. *бууральморь* ‘чалый’ // кирг. *буурул* ‘чалый’. В монгольском языке лексические изменения не наблюдаются.

Основные выводы:

1. По сравнению с восточно-тюркскими языками, незаметные семантические изменения наблюдаются в якутском языке, в монгольском языке все основы сохраняют лексическое значение слов.

2. Устойчивость фоноструктуры основ отмечается: а) в отношении якутского языка в восточно-тюркских языках в 9 основах; б) в отношении монгольского языка в восточно-тюркских языках в 1 основе.

3. Фоно-семантический анализ выявляет, что алтайские элементы наиболее близки к якутскому и монгольскому языкам; отдаленную позицию к монгольскому языку занимает хакасский язык, к якутскому – тувинский язык.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. – М., 2001.
2. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974.
3. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь: в 2-х кн. – М., 1965.

А.К. Прокопьева,

доцент ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск,

А.М. Захарова,

магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова

ОБРАЗНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С ИМПЛИЦИТНЫМ СРАВНЕНИЕМ В СОСТАВЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ* (на материале олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» П.А. Ойунского)

В настоящей статье мы попытаемся раскрыть одно из художественно-образительных средств сравнений в героическом эпосе народа саха – образные прилагательные с имплицитным сравнением в составе словосочетаний.

Фольклорист Г.У. Эргис писал, что многие сравнения, уподобления и метафоры в олонхо заимствованы из мира окружающей природы, скотоводчества и охотничьего быта [5, с. 204].

Для определения данного словообразовательного способа выражения сравнения исследователь Васильев Ю.И. использует термин «способ основосложения», и указывает, что при помощи данного способа в якутском языке образуются сложные компаративно-интенсивные прилагательные [1, с. 37]. Автор отмечает: «Суть этого способа состоит в том, что существительное, представляющее эталон сравнения, непосредственно примыкает слева к названию признака – модулю сравнения, выраженному прилагательным». Также автор делит на две группы сочетания, образованные способом основосложения: сочетания, в которых в роли второго компонента (модуля сравнения) выступают названия цветов, и сочетания, в которых в аналогичной роли выступают названия качеств, признаков кого-то или чего-либо [Там же].

Л.Н. Харитонов такой способ выражения сравнения называет парными сочетаниями, которые «по значению соответствуют русским сложным прилагательным типа снежно-белый, пепельно-серый» [4, с. 133].

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке Госзадание-2016. Регистрационный номер 34.3377.2017/ПЧ.

В примере *үүт манган халлаан* ‘что молоко, белое небо’, где *үүт* ‘молоко’ – эталон сравнения, *манган* ‘белый’ – модуль, *халлаан* ‘небо’ – объект сравнения: *үс хартыгастаах / үрдүк үүт манган халлаан* [3, с. 24] ‘трехъярусное белое небо’ [2, с. 17], букв: ‘высокое трехъярусное, что молоко, белое небо’. Слово *үүт* ‘молоко’ использовано для подчеркивания, усиления значения модуля.

Похожее сравнение неба есть в следующем примере *үрүмэ долгуннаах* ‘волны с пенкой’, где волны неба сравниваются с пенкой молока: *үс хартыгастаах / үрүмэ долгуннаах / үрдүк маџан халлаан* [3, с. 74] ‘на трехъярусном своде, / где облака гуще белого каймака’ [2, с. 56], букв: ‘трехъярусное, что волны с пенкой, высоченное белое небо’.

Следующие два примера направлены на описание масти лошадей: *Үрүмэччи маџан аттаах / Үрүг Уолан* [3, с. 84] ‘на мотыльково-белом коне / Юрюнг Уолан-богатырь’ [2, с. 65]; *Ньэлбэн Айыыһыт / үүт кэрэ биэ буолан* [3, с. 38] ‘белой, как молоко, / кобылицей оборотясь’ [2, с. 27]. В первом примере *үрүмэччи маџан аттаах* ‘с белым, что мотылек, конем’, где *үрүмэччи* ‘мотылек’ – эталон сравнения, *маџан* ‘белый’ – модуль, *ат* ‘конь’ – объект сравнения. Во втором примере *үүт кэрэ биэ* ‘белая, как молоко, кобыла’ *үүт* ‘молоко’ употреблено для усиления значения масти *кэрэ* ‘белый’.

Образное выражение *көмүс уйа* ‘как золото гнездо’ используется для описания очага Сабыйа Баай Хотун: *Ньэлбэн Айыыһыт / көмүс уйаларын / өрөкүйбүтүнэн кэлэн / өнгөйөн көрдө* [3, с. 38] ‘Ньэлбэн Айысыт прискакала к урочищу первых людей, / прынула на дыбы, / глянула в их золотое жилье’ [2, с. 27].

Немало примеров найдено на образные прилагательные, применяемые при описании внешности героев. Приведем пример описания внешности девицы из нижнего мира *түптэ кутурук* ‘хвост как дымокур’, *дэгиэ тарбах* ‘пальцы как крючки’, где эталоном сравнения выступают *түптэ* ‘дымокур’ и *дэгиэ* ‘рыболовное орудие в виде большого крючка’, объектом сравнения – *тарбах* ‘палец’ и *кутурук* ‘хвост’: *абааһы кыыһа / ар-татай, / арбах сарай, / дэлэм ытыс, / дэгиэ тарбах, / түптэ кутурук, / түтүм тэллэх, / үөnnээх өттүк, / үс сиринэн бөкчөгөр* [3, с. 28] ‘отвратительная обличьем своим / подземная ворожея, / в косматых растрепанных волосах, – / голова, как сарай / из ветвистых жердей, / сырая от кровавой росы, / крюкастые когти, / дымный хвост, / с тройным горбом на спине’ [2, с. 19]. Олонхосут, сравнивая хвост с дымокуром, описывает вертлявость и неуловимость девицы из нижнего мира, пальцы ее корявые как крючок.

В якутском героическом эпосе «Дьулуруйар Ньургун Боотур» встречаются сочетания, в которых в роли второго компонента выступают названия цветов. В наших примерах модулем выступает цвет *хара* ‘черный’ в описаниях окрестности старика Хаан Хандыгана и Эрбэс Боотура: **Хандалы хара тыа** ‘черный лес, что кандалы’, где эталон сравнения – *хандалы* ‘кандалы’, модуль – *хара* ‘черный’, объект – *тыа* ‘лес’: *хандалы хара тыа хаххалаах* / Хаан Хандыҕан оҕонньор [3, с. 97] ‘скрытый за черной / чащобой лесной / Хаан Хандыган-исполин’ [2, с. 74]. Второй пример: **тумул хара тыа** ‘черный лес что мыс’, **даркы хара тыа** ‘черный лес что груда’, где эталон сравнения – *тумул* ‘мыс’ и *даркы* ‘груда’, модуль – *хара* ‘черный’, объект – *тыа* ‘лес’: *адаар хара тыа / атаастаах, / тумул хара тыа / тусаһалаах, / тэнкэ хара тыа / тэлгэһэлээх, / даркы хара тыа / даллаах, / баай хара тыа / балаҕаннаах / Эргэнэ хара тыа иччитэ, / Эригир харах, Эрбэс Боотур!* [3, с. 97] ‘твой широкий алас – / высокий лес, / твой скотный двор – / дремучий бор, / твой коровий варок – / обгоревший лог, / дверь твоя – / лесной бурелом, / твой богатый дом – / вся тайга кругом, / летняя твоя ураса – / лиственные леса’ [2, с. 74].

В тексте встречаются и примеры, описывающие ребенка как физически активного и смелого: **Кылыс дыгый оҕо** ‘ребенок грациозный как ‘нож’, где эталоном сравнения выступает *кылыс* ‘нож’, модуль – *дыгый* ‘грациозный’, объект – *оҕо* ‘ребенок’: *тустуук уол миэхэ баар, / Сыыдам атах / Сыссыык оҕо миэхэ баар, / Кылыһыт бэрдэ / Кылыс дыгый оҕо миэхэ баар* [3, с. 316] ‘у меня есть такой борец, / что если за руку схватит кого, – / руку с плечом оторвет, / у меня самый быстрый мальчик-бегун, / у меня самый легкий парень-прыгун, / у меня – знаменитый небесный скакун’ [2, с. 246]. **Таас-килиэ оҕо** ‘ребенок как камень’, где эталон сравнения – *таас-килиэ* ‘камень’, объект – *оҕо* ‘ребенок’: *Адьына Сизэр хотунтан / Тобус ый хонугун / Толорбокко эрэ / Иирээн энэрдэнэн, / Илбис төрүттэнэн, / Ийэтин иһиттэн / Таас-килиэ оҕо / Таралыйа түһээт...* [3, с. 24] ‘задолго до девятилунной поры / из чрева прекрасной хотун, / расторгнув утробу ее, / одержимо неистовством бунтовским, / выкатилось каменное дитя, / звонко, отрывисто хохоча, / пронзительно крича’. В этих примерах ребенка сравнивают с грациозным якутским ножом и твердым камнем. В эпосах жизнь ребенка, начиная с утробы матери, гиперболизируется, например, *биир хоноот биирдэннэ, икки хоноот иккилэннэ* ‘через день исполнился один год, через два исполнилось два года’.

Таким образом, образные прилагательные с имплицитным сравнением в составе словосочетаний в олонхо П.А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун

Боотур» встречаются часто, они используются для образного описания различных признаков предметов.

Литература

1. *Васильев Ю.И.* Способы выражения сравнения в якутском языке. – Новосибирск, 1986. – 109 с.
2. Ньургун Боотур Стремительный: якутский героический эпос / воссоздал на основе нар. сказаний П. Ойунский; пер. на рус. яз. В. Державин. – Якутск. Кн. изд-во, 1975. – 432 с.
3. *Ойуунускай П.А.* Дьулуруйар Ньургун Боотур. – Дьокуускай, 2003. – 544 с.
4. *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология / под ред. Н.К. Дмитриева. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 312 с.
5. *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

Т.А. Сидорова

*магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Ефремов Н.Н.*

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (в сопоставлении с монгольским языком)

Статья посвящена описанию группы звукоподражательных (далее ЗП) глаголов якутского языка в сопоставлении с аналогичными глаголами монгольского языка. Материалом для данной работы послужили словарные статьи «Большого толкового словаря якутского языка», где представлена наиболее употребительная изобразительная лексика (ЗП и образные слова). Они приводятся с соответствующей грамматической характеристикой, что способствует системному исследованию данного основополагающего пласта изобразительной лексики.

Актуальность выбранной темы определяется тем, что ЗП глаголы якутского языка, как одна из уникальных структурно-семантических разновидностей якутского глагола, заслуживают специального исследования. ЗП глаголы якутского языка образуются от звукоподражающих корней, представляющих собой подражание звукам окружающей среды и голосам, и являющихся “особым пластом экспрессивной лексики якутского языка” [15, с. 114].

Структура и семантика ЗП слов в тюркских языках привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных тюркологов. Исследование данной

проблемы получило освещение в трудах Н.И. Ашмарина [2], Н.К. Дмитриева [13], А.Н. Щербака [22] и других.

В якутском языкознании исследование ЗП слов как самостоятельного разряда глагола было начато Л.Н. Харитоновым [18; 19; 20]. С.Д. Егинова в своей монографии указала, что Л.Н. Харитонов “раскрыл специфику образной глагольной лексики, положил начало плодотворному исследованию фономорфосемантических изменений и генезиса образных глаголов в морфологическом, лексическом и этимологическом аспектах” [14, с. 10].

Образные и ЗП слова в якутском языке представляют собой широкий пласт лексики с изобразительной семантикой. Они являются уникальным явлением системы языка саха, неповторимой находкой художественного, образного описания действительности [1, с. 99]. В других тюркских языках подобный лексический пласт не получил широкого развития, он характерен только в монгольских языках [Там же, с. 100].

В нашей статье на основе трудов Л.Н. Харитонova даётся описание группы ЗП глаголов якутского языка с элементами сопоставления с монгольским языком. Основным сопоставительным материалом послужили словарные статьи «Большого академического монгольско-русского словаря» в 4-х томах. В нём глаголы монгольского языка даются в форме причастия будущего времени и переводятся на русский язык в основном глаголами несовершенного вида, за исключением тех случаев, когда несовершенный вид отсутствует [3, с. 24].

В якутском языке ЗП глаголы образуются двумя способами: аналитическим и морфологическим.

Первый способ – аналитический: ЗП слово + служебный глагол *гын-* ‘делать’ / *диэ-* ‘говорить’. Это активный способ словообразования, так как с помощью данного способа образуется большое множество ЗП глаголов. Примеры:

пал гын ‘издавать шлепающий звук (о чём-л. мягком и мокром, падающем на какую-л., обычно твёрдую, поверхность) [8, с. 509]. В монгольском языке препозитивному компоненту этой формы соответствует ЗП слово **пал** ‘шлёп, бух, бултых (звукоподражание при падении чего-л. в жидкость)’ [5, с. 52];

тас гын ‘издать резкий сухой звук, треск, хруст (о ломающихся, разрываемых и т.п. предметах)’ [10, с. 282] – *монг.* **тас** ‘звукоподражание треску, стуку’ [5, с. 197];

пас гын ‘резко громко хлопнуть’ [8, с. 510] – *монг.* **пас (пас пис)** ‘звук громкого выстрела или взрыва (звукоподражание сильному, короткому и резкому звуку)’ [5, с. 53].

По значению эти глаголы делятся на глаголы однократного и повторного звучания.

Второй способ – аффиксальный: ЗП слово + аффикс.

-баа (-ырбаа), -даа (-ырдаа). ЗП глаголы с данными аффиксами обозначают раздельно-краткое звучание. Видовое значение раздельной краткости в основном выражается элементом **-ыр**, обозначающим дополнительный призвук к основному звуку, воспроизводимому корнем. Ср.: **түрдүргээ** ‘стучать чем-л. по плотной мягкой поверхности, производя характерные звуки, хлопнуть (напр., по твёрдой коже)’ [11, 282] – *монг.* **түрдхийх** ‘стукнуть’ [5, 64]; **хардырбаа** ‘хрустеть, хрипеть, скрипеть негромко’ [12, 397] – *монг.* **хард хийх** ‘издавать треск, скрежет, хруст; трещать, хрустеть, скрежетать; издавать звуки ударами палочек по музыкальному инструменту’ [6, 54]. Аффикс **-ырбаа** является самым распространенным аффиксом при образовании ЗП глаголов.

-бынаа (-гынаа), -кынаа, -ылаа. ЗП глаголы с этими показателями обозначают равномерно-длительное звучание:

хаабынаа ‘издавать глухой непрерывный рокочущий шум’ [12, с. 72] – *п.-монг.* **хангина** ‘звучать, бряцать, шуметь’ [12, с. 72];

ханкынаа ‘издавать характерные звуки, похожие на крики гусей’ [12, с. 308] – *монг.* **хангинах** ‘звенеть, брякать, бряцать, бречать; шуметь, грохотать’ [6, с. 39];

суугунаа ‘шуршать, шелестеть’ [9, с. 198] – *монг.* **цуугинах** ‘кричать, ругаться, скандалить; спорить ссориться с криком, шуметь, поднимать крик, браниться; выкрикивать’ [6, с. 277];

түнкүнээ ‘издавать гулкие звуки, катясь сверху вниз (о чём-л. большом или полом, пустом предмете)’ [11, с. 255] – *монг.* **дүнгэнэх** ‘гудеть, прогудеть, перекатываться, глухо греметь; издавать глухой звук; раздаваться гулко’ [4, с. 87].

Глаголы с аффиксами **-гыраа (-ыгыраа), -кыраа, -дъыгыраа, -дъыгынаа (-чыкынаа), -й** обозначают учащенно-длительное звучание:

баккыраа ‘густым голосом сильно плакать, реветь (напр., ребёнок)’ [16, с. 144] – *монг.* **бархирах** ‘кричать, орать, реветь, голосить, стенать, вопить, горланить’ [3, с. 234];

суккураа ‘издавать лёгкий шум, шорох (напр., о чём-л. сыплющемся, струящемся) [9, с. 110] – монг. **сурхирах** ‘свистеть (о стреле в полёте)’ [5, с. 134].

дьярдыгынаа ‘издавать громкий частый дребезжащий звук; говорить дребезжащим голосом’ [17, с. 319] – монг. **даржигнах** ‘дребезжать; дрожать’ [4, с. 38];

тардыгынаа ‘производить трескучий, грохочущий шум, тарахтеть’ [10, с. 263] – монг. **тарчигнах** ‘дребезжать, трещать; стучать, шелестеть (о бумаге)’ [5, с. 196];

хардыгынаа ‘издавать бурлящие, клокочущие звуки (напр., при затруднённом, сдавленном дыхании)’ [12, с. 400] – монг. **харчигнах** ‘скрежетать зубами, скрипеть, хрустеть; трещать (о чём-л. металлическом)’ [6, с. 62].

При морфологическом анализе необходимо учитывать тот факт, что звуковой состав ЗП слов в целом подчиняется фонетическим закономерностям каждого отдельно взятого языка, а структура соответствует давно сформировавшимся моделям [21, с. 28].

Из ЗП глаголов образуется парные ЗП глаголы. Ср.: **дарылаа** ‘издавать равномерный дребезжащий звук, громко дребезжать’ [17, с. 113] и **дарылаа-дурулаа** ‘издавать громкий дребезжащий звук’ [17, с. 113].

Некоторые ЗП слова различаются гласными звуками, входящими в их фонологическую структуру.

Например, консонантная модель Д-Р-Л-: **дирилээ** ‘издавать непрерывный громкий дребезжащий звук (напр., шум мотора, двигателя)’ [17, с. 118]; **дорулаа** ‘издавать громкое, равномерное, звонкое дребезжание, похожее на звук “дорр”’ [17, с. 171].

Вышеприведенные ЗП глаголы являются словесными воспроизведениями определенных звуков, производимых предметами в результате дрожащих, вибрирующих действий, движений. Вариант модели Д-Р-Л- **дирилээ** в большей степени передает непрерывный шум работающего мотора, двигателя. Второй вариант этой модели воспроизводит образ равномерного звучания в виде открытого громкого дребезжания.

Приведенные в нашей работе ЗП глаголы якутского языка имеют определенные структурно-семантические соответствия в монгольском языке. Сопоставительное изучение ЗП глаголов в этих языках позволяет установить не только сходства, но и выделить те уникальные признаки обсуждаемых ЗП слов, чем и определяются их системные особенности в рассматриваемых языках.

Литература

1. *Афанасьев П.С.* Современный якутский язык. Лексикология. – Якутск: ЯГУ, 1996. – 192 с.
2. *Ашмарин Н.И.* Основы чувашской мимологии (о подражательных словах в чувашском языке). – Казань: изд-во Чув. нац. организации, 1918. – 10 с.
3. Большой Академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. В 4-х т. Т. 1. А-Г. – М.: Academia, 2001. – 520 с.
4. Большой Академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. В 4-х т. Т. 2. Д-О. – М.: Academia, 2001. – 536 с.
5. Большой Академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. В 4-х т. Т. 3. Æ-Ф. – М.: Academia, 2001. – 440 с.
6. Большой Академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. В 4-х т. Т. 4. Х-Я. – М.: Academia, 2002. – 532 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка / Отв. ред. П.А. Слепцов. В 15-х т. Т. 4. К. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка / Отв. ред. П.А. Слепцов. В 15-х т. Т. 7. Нь-П. – Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с.
9. Большой толковый словарь якутского языка / Отв. ред. П.А. Слепцов. В 15-х т. Т. 9. С: сөллөй-сээн. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с.
10. Большой толковый словарь якутского языка / Отв. ред. П.А. Слепцов. В 15-х т. Т. 10. Т: т-төһүүлээ. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.
11. Большой толковый словарь якутского языка / Отв. ред. П.А. Слепцов. В 15-х т. Т. 11. Т: төтөллөөх-тээтэннээ. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.
12. Большой толковый словарь якутского языка / Отв. ред. П.А. Слепцов. В 15-х т. Т. 13. Х. – Новосибирск: Наука, 2016. – 639 с.
13. *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 608 с.
14. *Егинова С.Д.* Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). – Новосибирск: Наука, 2014. – 232 с.
15. *Николаева А.М.* Средства выражения экспрессивности в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2014. – 132 с.
16. Толковый словарь якутского языка / Отв. ред. П.А. Слепцов. В 15-х т. Т. 2. Б. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
17. Толковый словарь якутского языка / Отв. ред. П.А. Слепцов. В 15-х т. Т. 3. И-Дь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
18. *Харитонов Л.Н.* Неизменяемые слова в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1943. – 84 с.
19. *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1954 – 312 с.
20. *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Наука, 1960. – 312 с.
21. *Хусаинов К.Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232 с.
22. *Щербак А.М.* Очерки сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). – Л.: Наука, 1987. – 149 с.

И.Ю. Васильев,

ст.преподаватель ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова

К.Т. Кириллина,

МОБУ ЯГНГ, г. Якутск

ФОНО-СТРУКТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЯКУТСКО-ТУРЕЦКИХ СООТВЕТСТВИЙ В НАЗВАНИЯХ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

В результате проведенного анализа якутско-турецких соответствий в названиях растительного мира мы выделили 4 группы: 1) основы, совпадающие по форме и значению; 2) основы, имеющие фонетические изменения без семантических сдвигов; 3) основы, имеющие фонетические изменения и некоторые семантические различия; 4) основы, подвергшиеся наиболее сильным изменениям. Рассмотрим их более подробно.

1. Основы, совпадающие по форме и значению

Структура VC

тур. **ot** ‘трава’ [14, с. 694] // як. **ot** ‘1) трава, былина, былие, произрастание, злак, зелье; 2) стог сена, зарод; 3) остожье’ [6, стб. 1894-1895], ср. тур. диал. **ot** ‘1) трава; корм (для скота); 2) лекарство, снадобье; порошок для лечения глаз; 3) яд; 4) безвкусный’ [7, с. 481-482], др.-тюрк. **ot** ‘трава, зелень’ [4, с. 373; 13, с. 443-444], ‘трава’ [5, с. 405].

Структура CVCVVCV

тур. **sökü otu** ‘сераделла’ [14, с. 788] // як. **sökü** ‘нечистый, сорный, негодная сорная трава в лесу или на поле; деревянистая трава; кочка, высокая кочка; кочковатое место, кочкарник’ [6, стб. 2301].

2. Основы, имеющие фонетические изменения

без семантических сдвигов

Структура CVC

тур. **sap** ‘1) ножка, стебель, стебелек, черенок; 2) ручка, рукоятка, древко, черенок’ [14, с. 751] // як. **up, uk** ‘1) ручка, рукоятка, колодка, оправа, черен, черенок (ножа, кузнечного молота, пальм и т.д.); цепник, цеповище; грабловище; 2) стебель’ [6, стб. 2987-2988].

Структура VCVC

тур. диал., осм. **öläñ** ‘1) трава; 2) лужайка; луг; 3) пастбище’ [7, с. 528] // як. **ölöñ** ‘вид болотной травы из рода осоки; пырей’ [6, стб. 1933], ср. др.-тюрк. **öläñ** ‘лужайка’ [4, с. 383].

Структура CVCVC

тур. **çiçäk** ‘цветок’ [14, с. 189; 11, с. 120] // як. **čäčik** ‘цветок’ [6, стб. 3613], ср. др.-тюрк. **čečäk** ‘цветок; соцветие, метелка’ [4, с. 143]; 2) тур. **čimän** ‘1) зелень, трава, мурава; дерн; 2) луг, лужайка, газон’ [14, с. 192] // як. **siräm, sirääm, siriäm, sirän** ‘особый вид трубчатой травы, растущей на еланиях (алаас) по берегам озер’ [6, стб. 2240; 11, с. 102].

тур. **sakiz** ‘[древесная] смола; белая благовонная смола; жевательная смола’ [14, с. 746] // як. **ias** ‘смола; сера, швак, живица’ [6, стб. 3750]; 2) тур. **sögüt, sögüt** ‘ива’ [14, с. 788; 11, с. 126] // як. **üöt** ‘ива, тальник, талина; тальник болотный; чернотал’ [6, стб. 3161], ср. др.-тюрк. **sögüt** ‘дерево’ [4, с. 510].

тур. **diräk ayaži** ‘тополь’ [14, с. 234], **diräk** ‘столб, опора’ [11, с. 134] // як. **tiräq, täräq** ‘1) тополь, благовонный тополь; 2) пихтовое дерево; 3) осина’ [6, стб. 2679-2680], ср. тур. диал. **täräk, tiräk, tirak** ‘тополь’ [9, с. 205-206], др.-тюрк. **teräk** ‘тополь’ [4, с. 553], **toyraq** ‘тополь’ [4, с. 571].

тур. **kamiš** ‘1) тростник; камыш; 2) соломинка (для коктейля и т.п.)’ [14, с. 504] // як. **qomus, qamis** ‘камыш’ [6, стб. 3293], ср. тур. диал. **kamuš, gamiš, gämış** ‘1) камыш, тростник; 2) лук-порей’ [10, с. 249], др.-тюрк. **qamiš** ‘тростник, камыш; заросли тростника, камыша’ [4, с. 415; 13, с. 259], **qamiš** ‘камыш’ [5, с. 411], **qamuš** ‘тростник, заросли тростника, камыша’ [4, с. 419], ‘камыш’ [4, с. 416; 5, с. 410].

Структура CVCCVC

тур. **sojmuk** ‘1) внутренний слой сосновой коры, которую употребляют для жевания; 2) срезы на дереве для получения внутреннего слоя сосновой коры’ [14, с. 787] // як. **sutuga, sutuka** ‘мягкая, легко отделяемая кора (лыко) ивы, тальника и т.д.; ивовая (тальниковая) кора, ивовое (тальниковое) лыко; лыко’ [6, стб. 2374].

тур. **japрак** ‘лист, листок’ [14, с. 911] // як. **säbirdäq** ‘лист; древесный лист; листок; хвоя, иглистый лист ели; отрасль (виноградной лозы)’ [6, стб. 2144], ср. тур., осм. **jariryän**, тур. диал. **japрак, jarpah, jariryän** ‘1) лист; страница; слой (теста); 2) долма, сделанная из листьев; 3) лепесток’ [12, с. 130-131], др.-тюрк. **jalbiryaq, jalpiryaq, jariryaq** ‘лист, лепесток’ [4, с. 228, 230, 236], **jaruryaq** ‘лист, лепесток’ [4, с. 237; 13, с. 746], **jaburyaq** ‘лист’ [5, с. 382].

Структура CVCVCCV

тур. **tabulga** ‘таволжник’ [14, с. 835, 816] // як. **tamalyän** ‘1) таволга (трава), дикий чай; 2) растение из семейства лютиковых’ [6, стб. 2544], ср.

др.-тюрк. **tavilyuč, tavılqu** ‘таволга’ [4, с. 542], **tabılqu** ‘таволга, спирея’ [4, с. 526].

3. Основы, имеющие фонетические изменения и некоторые семантические различия

Структура VCVC

тур. **özäk** ‘1) центр, главный узел; 2) диал. косточка, зерно, ядро, зернышко, семечко’ [14, с. 707] // як. **öhöq** ‘кровяной (кровоавый) сверток, сгусток, сгусток крови’ [6, стб. 1977], ср. осм. **özük** ‘1) сердцевина арбуза; ядро 2) мозг; 3) центр, середина; 4) дыхание; 5) семечко; зерно; зернышко; косточка; росток у луковичных растений’ [7, с. 509], др.-тюрк. **özäk** ‘кровеносный сосуд, шейная артерия’ [4, с. 395; 13, с. 472].

Структура CVCVC

тур. **başak** ‘1) колос; 2) оставшиеся [на поле] колосья, осыпавшиеся [в саду] плоды (после сбора урожая); 3) уст. шпиль’ [14, с. 100] // як. **bañaq** ‘1) детородный уд; 2) наконечник стрелы; 3) восклицание испуга, частов соединении тасах’ [6, стб. 392], ср. тур. диал. **başak, başşak, başša, başax**, осм. **başak** ‘1) колос; 2) железный шпиль (на крыше); 3) то, что остается после сбора хлеба, плодов; окурок’ [8, с. 89-90], др.-тюрк. **başaq** ‘наконечник, острие (стрелы, копья)’ [4, с. 87; 13, с. 73], **başyaq** ‘головка бедренной кости’ [4, с. 87].

тур. **kajın** ‘бук лесной’, **kajın ayağı** ‘бук’ [14, с. 525] // як. **qatın** ‘1) береза, березовое дерево; белая береза; 2) березник’ [6, стб. 3408-3409], ср. тур. диал. **kajın**, осм. **kain** ‘1) береза; 2) бук лесной’ [10, с. 213-214; 11, с. 122], др.-тюрк. **qajın** ‘береза’ [4, с. 407; 13, с. 285], **qazın** ‘береза’ [4, с. 404].

тур. **likän** ‘1) лишайник; 2) мед. лишай’ [14, с. 589] // як. **ilayan** ‘суставчатая трава без листьев’ [6, стб. 3779; 1, с. 22].

Структура CVCVCC

тур. диал. **yumurt** ‘рябина’ [12, с. 283] // як. диал. **šimiriit, šimiriit mas** ‘черемуховое дерево’, як. диал. **šimiriit, šimiriit, šimiriit** ‘черемуха’ [3, с. 221; 2, с. 161, 170].

4. Основы, подвергшиеся наиболее сильным фонетическим изменениям

Структура CVC

тур. **dal** ‘сух. ветвь’ [14, с. 206] // як. **talaq** ‘тал, тальник, талина, кустарная ива, верба’ [6, стб. 2536], ср. тур. диал., осм. **dal** ‘1) ветка, ветвь; рога; 2) дерево; балки, толстые жерди в потолке; 3) вышивка (на полотенце, платке и др.’ [9, с. 130-131], др.-тюрк. **dal** ‘ветвь, ветка’ [4, с. 158].

Структура VCVC

тур. **aƣač** ‘дерево’ [14, с. 28] // як. **mas** ‘дерево на корню и срубленное, как строительный материал; бревно, кряж, лесина; бревно стены; дреколье, палка, прут; дрова’ [6, стб. 1531], ср. тур. диал. **avač, aƣaš, aƣič** ‘1) дерево; 2) дерево, лес (материал для разных целей)’ [7, с. 71-72], др.-тюрк. **aƣač, jïƣač** ‘дерево’ [5, с. 391].

Структура CVCV

тур. **čali** ‘колючий (тернистый) кустарник; куст; [частый, густой] кустарник; мелкая заросль; хворост, хворостина; заросли, кустарник’ [14, с. 165] // як. **čallaq** ‘толица лиственничного дерева к корню; ветвистое (развесистое) дерево’ [6, стб. 3562], тур. **čali** ‘кустарник, мелкая заросль; куст; хворост, хворостина’ [11, с. 110].

Структура VCCVC

тур. диал. **urluk** ‘семья; семена’ [7, с. 604] // як. **ulluruk** ‘мужское и женское семья’ [6, стб. 3004], ср. др.-тюрк. **urī** ‘сын, мужское потомство’ [4, с. 614].

Структура VCCVC

тур. **ardič** ‘можжевельник обыкновенный’ [14, с. 62] // як. **arčī** ‘1) отдаление от какого-либо предмета тлетворных действий, шаманское освящение для изгнания злых духов [посредством окуривания] пучком зажженных лучинок, преимущественно из дерева, разбитого громом; 2) самый предмет (пучок лучинок из дерева, разбитого громом, огонь, береста и пр.), употребляемый при окуривании с целью освящения чего-либо или служащий орудием проявления чьей-либо сверхъестественной силы’ [6, стб. 153], ср. тур. диал. **ardäč, arduč, ardunč** ‘можжевельник обыкновенный’ [11, с. 129], др.-тюрк. **artuč** ‘можжевельник’ [4, с. 57; 5, с. 360; 13, с. 38].

Структура CVCVC

тур. диал. **dinäk** ‘ствол дерева с высохшими ветвями’ [9, с. 280] // як. **töŋürgäs** ‘корень дерева; пенек срубленного дерева, пень, обрубок’ [6, стб. 2775].

тур. **čatal** ‘развилина, развилистый ствол, разветвленный сук; рогуля, рогатина, рогатка; подпорка с развилкой наверху; развилина, развилка, разветвление; ответвление, вилка (для еды)...’ [14, с. 172] // як. **satanaq** ‘столб для привязывания лошадей, коновязь; вешалка, столб, на котором оставлены сучья для вешания вещей, вешалка для лыж, для ведер со сметаной; вертикальный столб урасы’ [6, стб. 2128; 1, с. 92].

тур. **kabuk** ‘1) кора, корка, кожица; 2) скорлупа, шелуха’ [14, с. 492] // як. **qatirik** ‘кора, корка; древесная кора; что-либо чешуйчатое, чешуя, рыба чешуя’ [6, стб. 3411; 11, с. 106-107], ср. осм. **kabik, kabuk**, тур. ист. **kabug**, тур. диал. **gabik, gavih, gabuk, gobuk** ‘кора (дерева), кожица; кожюра (плода), корка; скорлупа’ [10, с. 168].

тур. **tohum** ‘семя, семечко; зерно’ [14, с. 864] // як. **tuoraq, tuoraq** ‘шишка древесная (сосновая, еловая и проч.); почка (у растения); колос; зерно, семя’ [6, стб. 2827-2828].

тур. **soyan** ‘1) лук; 2) луковица (растений)’ [14, с. 782; 11, с. 141] // як. диал. **soyoon** ‘жесткий, непитательный – о сене’ [3, с. 210], **soqoŋ** ‘неважный, плохой’ [3, с. 212], **hoqqoŋ** ‘грубый, несочный – о траве; худой; ненасытная жадность’ [3, с. 228; 1, с. 22], ср. др.-тюрк. **soyan, soyun** ‘лук’ [4, с. 506-507].

тур. **čiläk** ‘земляника, клубника’ [14, с. 192; 11, с. 140] // як. **tiŋiläq, tigiläq, tiliŋäq, tiläq** ‘пята, пятка; задки (у торбасов, сапогов); мясистая часть ладони; лодыжка’, **kiis (saarba, it) tiŋiläyä** ‘княженика, трава и ягоды’, **kiis tigiläyä** ‘костяника’, **it tigiläyä** ‘морозика’ [6, стб. 2676; 1, с. 22].

Структура CVCCV

тур. **čirpi** ‘обрезанные ветви деревьев, сучья’ [14, с. 188] // як. **süpraq** ‘мелкий тальник’ [6, стб. 2472].

Структура CVCCVCV

тур. **tämräyi** ‘1) наскальный мох; лишайник; 2) прыщ, волдырь, лишай’ [14, с. 847] // як. **töbürüön** ‘накожная болезнь, лишай, род местной сыпи’ [6, стб. 2760], ср. тур. диал. **tämräk, dämrägü, tämrägü, tämräki, dämrägi, dämräji, tämräji, dämuravi, dämrävi, tämriyä, tämrijä, dämräyä, dämrä:, dämrä, tämrä, dämirönü, dämiröjü**, осм. **tämräji** ‘1) лишай; вид кожного заболевания; экзема; 2) летучий огонь (детская болезнь); 3) лечащий кожные болезни’ [9, с. 190], ср. др.-тюрк. **temrägü** ‘лишай’ [4, с. 551].

Таким образом, в данном исследовании выявлено 29 якутских именных основ названий растительного мира, имеющих соответствия в турецком языке.

Фоносемантическая характеристика лексических параллелей представляется следующим образом: 1) основы, совпадающие по форме и значению – 2; 2) основы, имеющие фонетические изменения без семантических сдвигов – 9; 3) основы, имеющие фонетические изменения и некоторые семантические различия – 5; 4) основы, подвергшиеся наиболее сильным фонетическим изменениям – 13 единиц.

Из 12 рассмотренных структурных типов наибольшее количество параллелей выявлено в структуре CVCVC. По количеству входящих эти

структуры лексических единиц образуют следующую убывающую последовательность: CVCVC – 14 (48%), VCVC – 3 (10%), CVC, VCCVC, CVCCVC – по 2 (6,8%), VC, CVCV, CVCCV, CVCVCC, CVCVVCV, CVCVCCV, CVCCVCV – по 1 (3,4%).

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971. – 176 с.
2. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.
3. Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
4. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
5. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
6. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – СПб., Пгр., Л., 1907-1930. – 3858 с.
7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву ‘Б’. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
9. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘В’, ‘Г’ и ‘Д’. – М.: Наука, 1980. – 395 с.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘К’, ‘Қ’. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – Новосибирск: Наука, 2001. – 822 с.
12. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’ / отв. ред. Э.В. Севортян; ред. Л.С. Левитская, Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1989. – 292 с.
13. Atalay B. Divanü lügat-it-Türk dizin: Endeks. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 1943. – 885 s.
14. Türkçe-Rusça Sözlük. – Moskova, 1977. – 966 s.

Е.М. Бурцева

магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Алексеев И.Е.

САХА УОННА ТЫЫБА ТЫЛЛАРЫГАР ИККИ СУҢҮӨХТЭЭХ ДАБААҤЫН ААТТАРГА АҤАБАС ДОРҔООН ИҤИЛЛЭР УРАТЫТА

Норуот сүрүн уратыта кини сангарар саната, төрүт тыла буолар. Тыл – норуот олоҕо, уруккутун, билингитин, кэлэр кэмин кэрэһитэ. Тыллары бэйэ-бэйэлэрин кэккэлэһиннэрэ тутан, кинилэр уратыларын, майгыннаһар өрүттэрин

булан, уруулуу омултар төрүттэрин быһаарыахха сөп. Хас омул ахсын майгыннаһар тыллар дорҕооннорун тутула атын, уратылаах буолар. Саха уонна тыыба тыллара дорҕооннорун тутулунан майгыннаһар өрүттэрэ үгүс. Ол курдук, саха уонна тыыба тылын аһаҕас дорҕооннорун эспэримениэнниир үлэ быһыытынан кэккэлэтэ тутан туспа ырытыы сиһилии бытыллыбатах. Ол иһин Н.Д. Дьячковскай аатынан Санарыыны чинчийэр киин анал тиэмэни былан үөрэтиитэ билинни кэмнэ тоҕоостоох. Ону тиэмэҕэ сыһыаран, чинчийиигэ көмө буолар матырыяалы ырытан тэннээһин ньыматынан бу үлэ сурулунна.

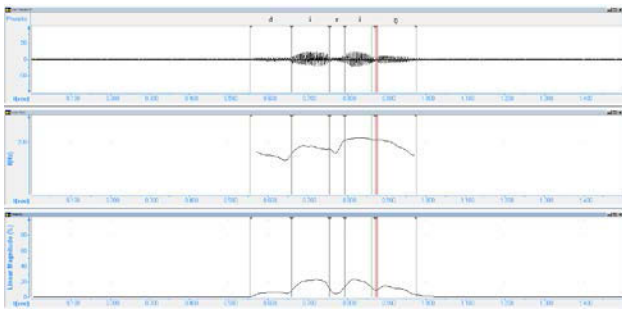
Билинни саха тылыгар 20 аһаҕас дорҕоон баар: 8 кылгас (*и, ү, ы, у, э, ө, а, о*), 8 уһун (*ии, үү, ыы, уу, ээ, өө, аа, оо*) уонна 4 дьуптуон (*иэ, үө, ыа, уо*) [3, с. 19; 2, с. 39]. Онтон тыыба тылыгар 24 аһаҕас дорҕоон баар: 8 кылгас (*и, ү, ы, у, э (е), ө, а, о*), 8 уһун (*ии, үү, уу, ээ (ее), өө, аа, оо*) уонна 8 фарингализованнай (*аь, үь, ыь, уь, эь (еь), өь, аь, оь*) [7, с. 620-626; 5; 6, с. 12-30; 4, с. 9-49].

Саха уонна тыыба аһаҕас дорҕоонноро фонема быһыытынан бэйэ-бэйэлэригэр түөрт бэлиэнэн утарыта турсаллар: кылгастарынан уонна уһуннарынан, илин-кэлин этиллиилэринэн, кыараҕастарынан-киэннэринэн, уос кыттарынан-кыттыбатынан [3, с. 19; 1, с. 10].

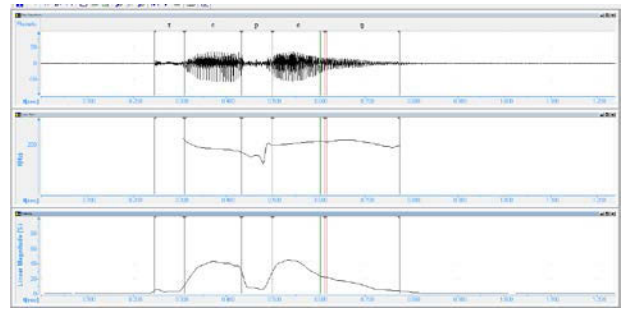
Саха уонна тыыба тылларыгар этиллиилэринэн уонна суолталарынан маарынныыр 82 (41 паара) икки сүһүөхтээх даҕааһын аат үлэ матырыяалынан буолла. Сүһүөх тутулунан икки тылга иккиэннэригэр сөп түбэсир тутуллаах тыллар бааллар: *аҕа* (А-БА) – *акаа* (А-БА); *ытык* (А-БАБ) – *ыдыг* (А-БАБ); *дохсун* (БАБ-БАБ) – *дошкун* (БАБ-БАБ) уо.д.а. Талыллыбыт 82 тыл иһигэр 7 сүһүөх тутулунан араастаһар тыл (бөлөҕө) баар, ол курдук: А-АБ (1), А-БА (3), А-БАБ (12), АБ-БАБ (10), БА-БА (2), БА-БАБ (27), БАБ-БАБ (27). Speech Analyzer сананы чинчийэр анал көмүүтэр бырагырааматын көмөтүнэн дорҕооннор акустическай уратылары – төһө уһуннаахтара, үрдүктээхтэрэ, күүстээхтэрэ – ырытылынна.

1. Дорҕоон устата

Аһаҕас дорҕоон уһуна дорҕоон тус хаачыстыбатыттан тутулуктаах. Ол курдук, холобур, кылгас кыараҕас у дорҕоон саха тылыгар *кутмас*: у уһуна – 52 мс, кылгас киэн *о* дорҕоон тыыба тылыгар *кордук*: о уһуна – 127 мс; кылгас кыараҕас *и* дорҕоон уһуна саха тылыгар *дирик*: $и^2$ – 77 мс (инт. №1 көр), кылгас киэн *е* дорҕоон тыыба тылыгар *терен*: $е^2$ уһуна – 113 мс (инт. №2 көр)

инт. №1

инт. №2

Аһаҕас дорҕоон устатыгар тыл сүһүөбүн тутула эмиэ улахан оруоллаах. Сүһүөх аһаҕас БА буоллаҕына, аһаҕас дорҕоон уһуннук этиллэр, өскөтүн сабыылаах АБ буоллаҕына, төттөрүтүн кылгыыр. Холобур, саха тыл. *тунгуй* (БА-БАБ): у₁ уһуна – 62 мс, тыыба тыл. *дунгуш* (БАБ-БАБ): у₁ уһуна – 47 мс.

Саха уонна тыыба тылын кылгас кыараҕас уос аһаҕас дорҕоонноро усталара тэн кээмэйдээх. Холобур, саха тыл. *буурул*: у уһуна – 86 мс, тыыба тыл. *буурул*: у уһуна – 85 мс; саха тыл. *өһнөөх*: ө уһуна – 82 мс, тыыба тыл. *өһнүүг*: ө уһуна – 80 мс.

Саха тылыгар дьуптуонунан, тыыба тылыгар уһун аһаҕас дорҕоонунан бэриллибит тылларга тыыба уһун аһаҕаһын устата саха дьуптуонунааҕар уһуна бэлиэтэннэ. Холобур, саха тыл. *тыастаах*: ыа уһуна – 270 мс, тыыба тыл. *дааштыг*: аа уһуна – 281 мс; саха тыл. *уохтаах*: уо уһуна – 357 мс, тыыба тыл. *ооктаг*: оо уһуна – 476 мс.

2. Дорҕоон үрдүгэ

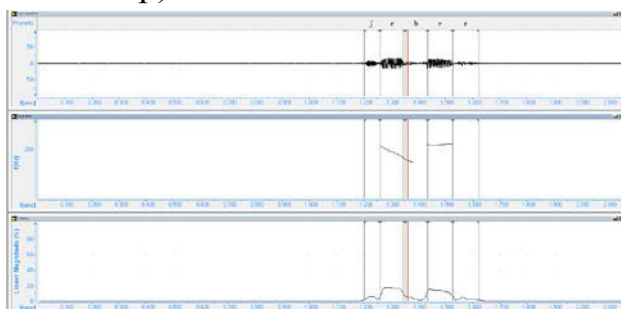
Дорҕоон үрдүгэ тыаһы таһаарар эттик бириэмэ кэрчигэр төһө түргэнник имиллэннииринэн быһаарыллар. Саха тылын аһаҕас дорҕооннорун үрдүгэ үксүгэр өрө тахсар, имиллэннээһин элбэхтик оноһуулар, онтон тыыба тылын дорҕооннорун үрдүгэ төттөрү намтыыр, саха аһаҕас дорҕооннорунааҕар тыыба аһаҕастарыгар имиллэннээһин аҕыйахтык оноһуулар. Холобур, саха тыл. *дохсун*: о үрдүгэ тахсыылаах – 215-282 Гц, тыыба тыл. *дошкун*: о үрдүгэ түһүүлээх – 178-171 Гц; саха тыл. *бэргэн*: э₁ үрдүгэ тахсыылаах – 230-265 Гц, тыыба тыл. *мерген*: е₁ үрдүгэ түһүүлээх – 171-164 Гц.

Сүһүөх саҕалананытыгар турар бүтэй дорҕоонтон аһаҕас дорҕоон үрдүгэ тутулуктаах:

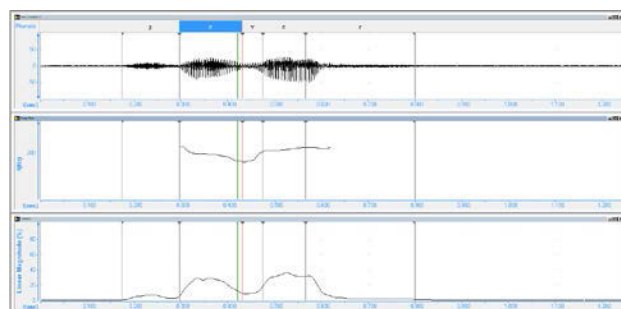
- ньиргиздээх / ньиргизэрэ суох. Аһаҕас дорҕоон иннигэр ньиргизэрэ суох бүтэй дорҕоон турар буоллаҕына, дорҕоон үрдүгэ намтыыр, онтон ньиргиздээх бүтэй дорҕоон турар буоллаҕына, үрдүүр. Холобур, саха тыл. *дьүдэх*: ү үрдүгэ – 219-228 Гц, тыыба тыл. *чүдөк*: ү үрдүгэ – 212-207 Гц;

- бэлэс *h* / тыл иннинээҕи *ж*. Саха тылын бэлэс *h* дорҕоонун кэнниттэн турар аһаҕас дорҕоон намтыыр эбит буоллаҕына, тыыба тыл иннинээҕи *ж* дорҕоонун кэнниттэн турар аһаҕас дорҕоон үрдүгэ өрө тахсар. Холобур, саха тыл. *хоһуун*: уу үрдүгэ – 250-232-240 Гц, тыыба тыл. *кожуун*: уу үрдүгэ – 191-200 Гц;
- тыл ортотунааҕы *ч* / тыл иннинээҕи *ш*. Саха тылын тыл ортотунааҕы *ч* кэнниттэн турар аһаҕас дорҕоон уонна тыыба тылын тыл иннинээҕи *ш* дорҕооннор кэннилэриттэн турар аһаҕас дорҕоон үрдүктэрэ иккиэннэригэр намтыылара бэлиэтэнэр. Холобур, *чэбэр*: *э*₁ үрдүгэ – 205-185 Гц (инт. №3 көр), тыыба тыл. *шевер*: *е*₁ үрдүгэ – 284-185 Гц (инт. №4 көр).

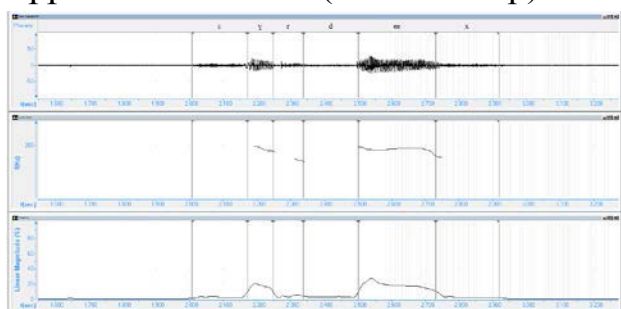
инт. №3

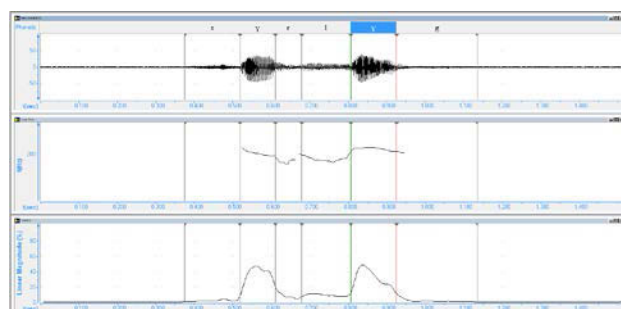
инт. №4

3. Дорҕоон күүһэ

Саха уонна тыыба тылларыгар аһаҕас дорҕооннору сангарарга дорҕоон күүһэ, имиллэннээһин далааһына улаатан, күүһүрэн баран мөлтүүр. Холобур, саха тыл. *өһнөөх*: *ө* күүһэ – 5-18-17%, тыыба тыл. *өһнүг*: *ө* күүһэ – 14-23-17 %; саха тыл. *сүрдээх*: *ү* күүһэ – 12-20-14 % (инт. №5 көр), тыыба тыл. *сүрлүг*: *ү*₁ күүһэ – 14-47-36 % (инт. №6 көр).

инт. №5

инт. №6

Саха тылын кылгас аһаҕас дорҕооннорун күүһэ тыыба аһаҕас дорҕооннорунааҕар үрдүк. Холобур, саха тыл. *кытыы*: *ы* күүһэ – 42 %, тыыба тыл. *кыдыг*: *ы*₁ күүһэ – 33%; саха тыл. *ыраах*: *ы* күүһэ – 39 %, тыыба тыл. *ырак*: *ы* күүһэ – 24 %.

Ити курдук, саха уонна тыыба тыллара, уруулуу түүр тыллара буолалларын быһыытынан, аһаҕас дорҕооннорун хаачыстыбалара сүрүннээн

майгыннастар да, сүхүөх тутулуттан, ханнык бүтэй дорѳоон турарыттан тутулуктанан уратылардаах буолар.

Литература

1. *Бичелдей К.А.* Гласные тувинского языка в потоке речи. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Отв. ред. Е.И. Убрятова. – М.: Изд-во “ПАИМС”, 2002. – 200 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М., 1982.
3. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч. I. Вокализм. – Якутск, Кн. изд-во, 1971.
4. *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М., 1961. – 472 с.
5. *Исхаков Ф.Г.* Тувинский язык. Материалы для научной грамматики. Очерк по фонетике. – М.-Л., 1957.
6. *Кунаа А.Ч.* Звуковая система современного тувинского языка. – Кызыл, 1957.
7. *Сат Ш.Ч.* Тувинский язык (краткий очерк). Тувинско-русский словарь. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 721 с.

Я.А. Егорова,

магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Сорова И.Н.

САХА ТЫЛЫГАР АРААС ИЭЙИЛЭЭХ ТЫЛЛАРГА АҤАҤАС УОННА БҮТЭЙ ДОРѳООН ДЭГЭТ СУОЛТАЛААХ КӨРҮН УЛАРЫЙЫТА

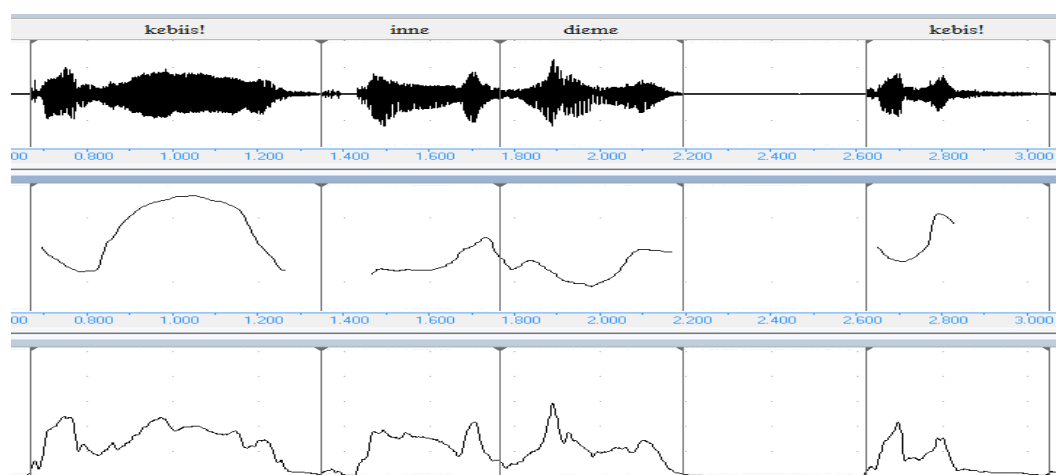
Дэгэт суолталаах көрүн уларыыйы этиллэр санаа, тыл араас толбонун, санарааччы иэйиитин эгэлгэтин көрдөрөр хайысхалаах. Туһулуу быһыытынан араас күүрээन्नээхтик таптаан, эйэргээн, мөнгөн, хомуруйан киһини ынырыыга, долгуйуу дэгэттээх ыйытыы этиигэ, тыл суолтатын күүһүрдэр тыл хатыланыытыгар, сөбүү, үөрүү, соһуйуу, абарыы, о.д.а. араас иэйиилээх тылларга, этиилэргэ дэгэт суолтаны ылынан аһаҥас дорѳоон көрүн уларыыйыта ордук чаастатык уонна арылхайдык кылгас аһаҥас дорѳооннорго көстөр. Ол курдук, араас иэйиилээх этиилэргэ аһаҥас уонна бүтэй дорѳоон көрүн уларыыйыларын көрүөбүн.

Соһуйуу: **Кэбиис!** *Иннэ диэмэ!* (кыараҥас кылгас аһаҥас дорѳоон уһуур). **Алдьаттаа,** *бу оҕо* (кылгас киэн аһаҥас дорѳоон уһуур). Үөрүү түгэнигэр: **Ийэм кэллиэ!** (киэн аһаҥас дорѳоон дьуптуонунан солбуллар). Сөбүү: **Кыраһыабайыын!** (кылгас кыараҥас аһаҥас дорѳоон уһуур). *Уу, бу дьуэ үрдүгүн* (кыараҥас кылгас аһаҥас дорѳоон дьуптуонна уларыыйар). Долгуйуу:

Бүгүгнү күн **уһунуон** (кыараҕас кылгас аһаҕас дорҕоон дьуптуонна солбуллар). **Кэбиэс**, **ыалдьыма добор** (кылгас кыараҕас аһаҕас дорҕоон дьуптуонна уларыйар). Абарыы: **Мин эйиэхэ эппитим буолбаат** (кылгас киэн аһаҕас дорҕоон уһуур). **Быйыл ыһахпыт эрдэ буолар үһүө-ө** (кылгас кыараҕас аһаҕас дорҕоон дьуптуонна кубулуйар, дьуптуон сыыйа кэниир).

Бүтэһик сүһүөх кылгас аһаҕас дорҕооно уһун аһаҕаска, дьуптуонна уларыйар, сыыйа кэниир буолан, устата икки-үс төгүл улаатар. Онтон ордук иэйиилээх, күүрүүлээх тыллар аһаҕас дорҕооннорун усталара көрүг уларыыыта суох тыллар аһаҕастарынааҕар икки-үс да төгүл уһуур, холобур, **кэбиис** диэн тыл 678 мс этиллибит, онтон уһун аһаҕас **ии** дорҕоон 321 мс ылар, көрүг уларыыыта суох **кэбис** диэн тыл 428 мс, кылгас аһаҕас **и** дорҕоон 60 мс усталаах (Инт.1).

Инт.1.

Мань таһынан, айымньы геройун санатын кэпсэтии тылыгар чугаһатан, суруйааччылар сана аллайыыны хото тутталлар, дэгэттээн көрүг уларыталлар (**иэхэйбиэн**, **һуу-уу**, **айакабыын**, **пыа**).

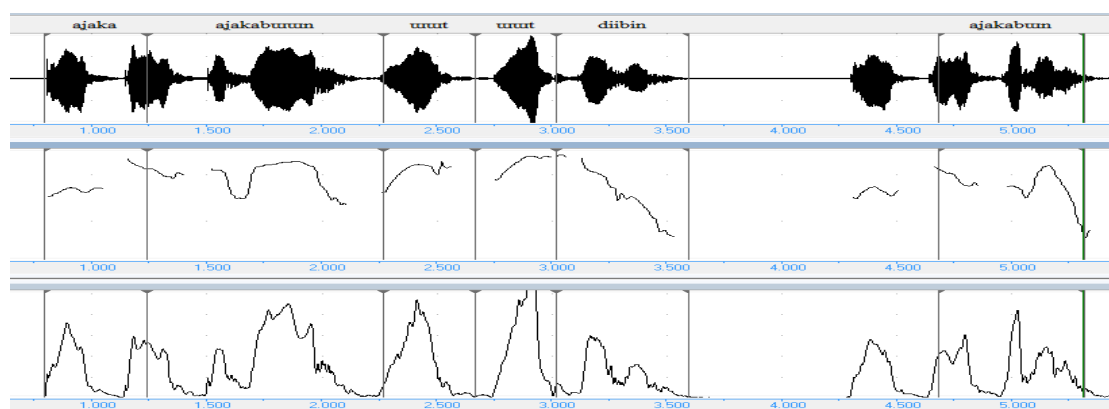
Холобур: **Оок-сиз-ээ**, **да бу добор** (дьиктиргээһини, дьиибэргээһини биллэрэр сана аллайыы дьуптуона сыыйа кэниир). **Һуу-у**, **бу туох буолла?** (куттаны арааһын көрдөрөр сана аллайыыга кыараҕас уһун аһаҕас дорҕоонно кылгас кыараҕас аһаҕас дорҕоон эбиллэр). **Айкабыын**, **наһаа кыраһабай** (кылгас кыараҕас аһаҕас дорҕоон уһуур). **Айыы-айа**. **Айыы-айа ситим эмиэ ыарыйда** (ыарыы араас дьайыытын көрдөрөр, кылгас кыараҕас аһаҕас дорҕоон уһуур). **Па** сана аллайыы эмиэ олус киэнник туттуллар, араас дэгэттээх иэйиини – астыммат буолууну, мыныыны, сиргэниини, кэлэйиини – тиэрдэр: **Пахый!** **Бу сүлбэ дуо?** (АА СК 257). **Пыы!** **Уолаттары көрө-көрө абааһы көрөбүг** (ВЯ К 125). **“Пахый, суруксута суох баҕайы эбиккин дии”** – дии

санаата Туораах (К ТА 138). *Пахай даҕаны, оһоҕостоох дьахтарга дылы кубарыйа сылдыһан дуо?* (ВЯ К 128) [3, с. 176].

Пахый, эмиз хойутаабыннын (астыммат буолуу, мыныныны көрдөрөр, кыараҕас аһаҕас дорҕоон дьуптуонунан солбуллар). *Пахый, төлөпүнүм алдьанна* (кыараҕас аһаҕас дорҕоон дьуптуонна уларыяр). *Абытмай, олус итии буолбут* (тымныыга тонон, итииэ буһан сана аллайыны көрдөрөр, кылгас киэн аһаҕас дорҕоон дьуптуонунан солбуллар). *Чээ-э чэ, аргый* (кыһыны, абаны, кыйаханыны бэлиэтиир, киэн уһун аһаҕас дорҕоонно кылгас киэн аһаҕас дорҕоон эбиллэр). *Уһун айантан сөрүү-сөн* буоллум (сылайыныны көрдөрөр сана аллайы, кылгас кыараҕас аһаҕас дорҕоон уһуур). *Оо, абаккабын, саатар көмөлөс* (кыһыны, абаны, араас кыһырыныны көрдөрөр, кылгас кыараҕас уһуур).

Бүтэһик сүһүөх көрүн уларыһылаах аһаҕас дорҕоон күүһэ ордук үрдүк көрдөрүүлээх, холобур, *айакабын* диэн тыл этиллиитин күүһэ 38-2-47-10-90-57-70-29-2 %, онтон *айакабын* 45-32-60-2-64-14-43-27-18-6 %-на тэннэхэр. Дорҕоон күүһүн үрдүк кэринэ ордук күүскэ долгуйуу, сөбүү, үөрүү, соһуйуу, абарыы, о.д.а. ураты иэйиилээх тылларга, этиилэргэ көстөр, 104 %-на тийэ улаатар. Оттон бу холобурга 2 %-тан 70, 90 %-на диэри халбанныыр (инт. 2).

Инт. 2

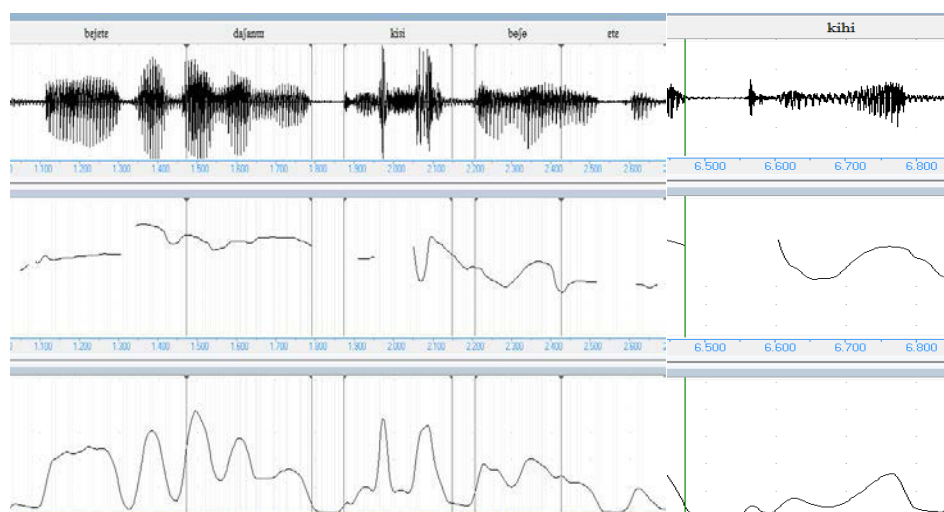

Бүтэй дорҕоон дэгэт суолталаах көрүн уларыһытын анаан ким да чинчийбэтэх, ол гынан баран биирдиилээн ырытылар бааллар. Ол курдук, П.П. Барашков «Фонетические особенности говоров якутского языка» диэн үлэтигэр *с* – быһылыыр, тыл иннинээҕи, ньиргизэрэ суох бүтэй дорҕоону нууччалыы *ш* бүтэй дорҕоонунан солбуйан араас иэйиилээх (күүскэ долгуйуу, сөбүү, үөрүү, абарыы) этиилэри көрдөрөр, холобур, *сөбүү: Киши бөбө 'Ну и человек', башаам киһи үчүгэй киһини хайбаан, убаастаан этии, абаашы киһи, оо, дьэ абаашы киши 'Ну и скверный человек'* диэн күлүү гынан этиини көрдөрөр [1, с. 67].

Өскөтүн П.П. Барашков *с* – быыһылыыр, тыл иннинээҕи, ньиргизэрэ суох бүтэй дорҕоон *ш* бүтэй дорҕоонунан солбулларын көрбүт эбит буоллабына, Е.И. Убрятова араас иэиилээх тылларга бэлэс быыһылыыр, ньиргиздээх *h* бүтэй дорҕоон ньиргизэрэ суох *с* бүтэй дорҕоонно уларыйан киһини күлүү-элэк гынан, түһэрэн этиини тиэрдэрин бэлиэтиир. Холобур, ...*бэйэтэ даҕаны киси бөбө этэ* (АА КК 59). *Эй, кусаҕан сүөсү, ханна оробуотайдыыр кэмгэ кэлэн... күлүгээнниир...* (АА КК 141). Маннык дорҕоон уларыйан этиллиитэ булгуччулаах буолбатах, ол эрэн этиигэ киирэн бу уларыйыы киһиэхэ иэиини тиэрдэр: Холобур, *Оо, киси! Ылан тэбээн да биэрбэт!* (АА А 151) [5, с. 268].

Дорҕоон үрдүгэ бүтүүтүгэр үксүгэр түһүүлээх буолар, холобур, *киси* диэн тыл дорҕоонун үрдүгэ: 113-103-133-121 ГЦ. *Киһи* диэн бүтэй дорҕооно уларыйыыта суох туонун уларыйыыта кыра таһымнаах: 123-104-124-114 ГЦ, м.3 -м.3-м.2. Дэгэт суолталаах көрүн уларыйыылаах *киси* диэн тыл киһини күлүү-элэк гынан этии иэиитигэр *h* – быыһылыыр, бэлэс дорҕооно, ньиргиздээх бүтэй дорҕоон *с* – быыһылыыр, тыл иннинээҕи, ньиргизэрэ суох бүтэй дорҕоонно уларыйан, ураты интэнээссийэни ылынан, саҕалананытыгар м.2 таһымна түһүү уонна тахсыы көстөр, онтон бүтэнигэр м.2 таһымна түһүү бэлиэтэнэр (Инт. 3).

Инт. 3

Бүтэй дорҕоон дэгэт суолталаах көрүн уларыйыыта эбиискэҕэ уонна сана алайыыга эмиэ көстүөн сөп. Ол курдук, «Частицы в якутском языке» диэн Н.Е. Петров үлэтигэр, чопчу дэгэт суолтаны көрдөрөр диэн быһаарбат эрэри *х* уонна *к* – төлөрүйэр, ньиргизэрэ суох бүтэй дорҕоонно хохулаһыларынан холобурдары бэлиэтиир, *аххан* диэн эбиискэҕэ күүһүрдэн этэн *х* – төлөрүйэр, тыастаах, ньиргизэрэ суох, тылчаан бүтэй дорҕоон хохулаһар, оттон *бэйэккэтэ* диэннэ *к* – төлөрүйэр, тыл кэннинээҕи, ньиргизэрэ суох бүтэй дорҕоон эмиэ эбиллэн биэрэр. Холобур: Куһаҕан *аххан тыас харк*

гынарын кытта: «Сизэтэ!» – диэн часкыйда (ХС 1969 X 56). Хайа, эн бэйэккэлээх тугу эмэ билэринг буолаарай?(ПО II 25) [4, с. 80, 96].

Түмүктээн эттэххэ, араас иэйиини тиэрдэр дорҕоон дэгэт суолталаах көрүҥ уларыыыта кэпсэтии тылыгар үгүстүк бэлиэтэнэр. Кылгас кыараҕас, киэн аһаҕас дорҕоон уһаан, дьуптуонна уларыян, кыараҕас аһаҕас дорҕоон дьуптуонна кубулуйуута, дьуптуон сыыйа кэнгээһининэн, бүтэй дорҕоонго *h* – быһылыыр, бэлэс дорҕооно ньиргиздээх *c* – быһылыыр, тыл иннинээби, ньиргизэрэ суох бүтэй дорҕоонго уларыыытынан, сана аллайыыга хоһулаһынан бэриллэн ураты араас иэйии интэнээссийэтин ылынар.

Литература

1. Барашков П.П. Фонетические особенности говоров якутского языка. – Якутск, 1985.
2. Дьячковской Н.Д. Саха билинни тыла. Фонетика. – Дьокуускай, 2000.
3. Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке. – Новосибирск, 1999.
4. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. – Якутск, 1978.
5. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2006.

Л.В. Портнягина

магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Алексеев И.Е.

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В ЯКУТСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Целью настоящей работы является определение экспериментально-фонетическими методами акустических параметров словесного ударения якутского и хакасского языков.

Словесное ударение – это выделение одного из слогов фонетического слова по какому-либо параметру или комплексу параметров. Потенциальными характеристиками ударения в общей фонетике принято считать показатели квантитативности, интенсивности, тональности и напряжённости [3, с. 258-267], которые в отдельных языках сочетаются между собой в различных комбинациях.

В данной работе применена комплексная методика, включающая как субъективные методы аудитивного наблюдения автора и учета показаний информантов, так и методы экспериментально-фонетического исследования.

Регистрация экспериментального материала на электронные носители осуществлялась с использованием диктофона, последующая обработка данных – с помощью специальной компьютерной акустической программы OnlineAudioCutterи SpeechAnalyzer. По результатам фонемной сегментации и последующей обработки акустических показателей будут выявлены количественные параметры просодических коррелятов ударения: частоты основного тона (ЧОТ), длительности, формантной структуры гласных и интенсивности слогаобразующего гласного.

В якутском языке ударение постоянное. Как отметил О.Н. Бетлингк в своем труде «О языке якутов», ударение в якутском языке всегда падает на конечный слог слова. То же встречал также и Миддендорф [1].

Например, хак. *аргыс* ‘товарищ, попутчик’ ~ як. *аргыс* (ГС-СГС ~ ГС-СГС).

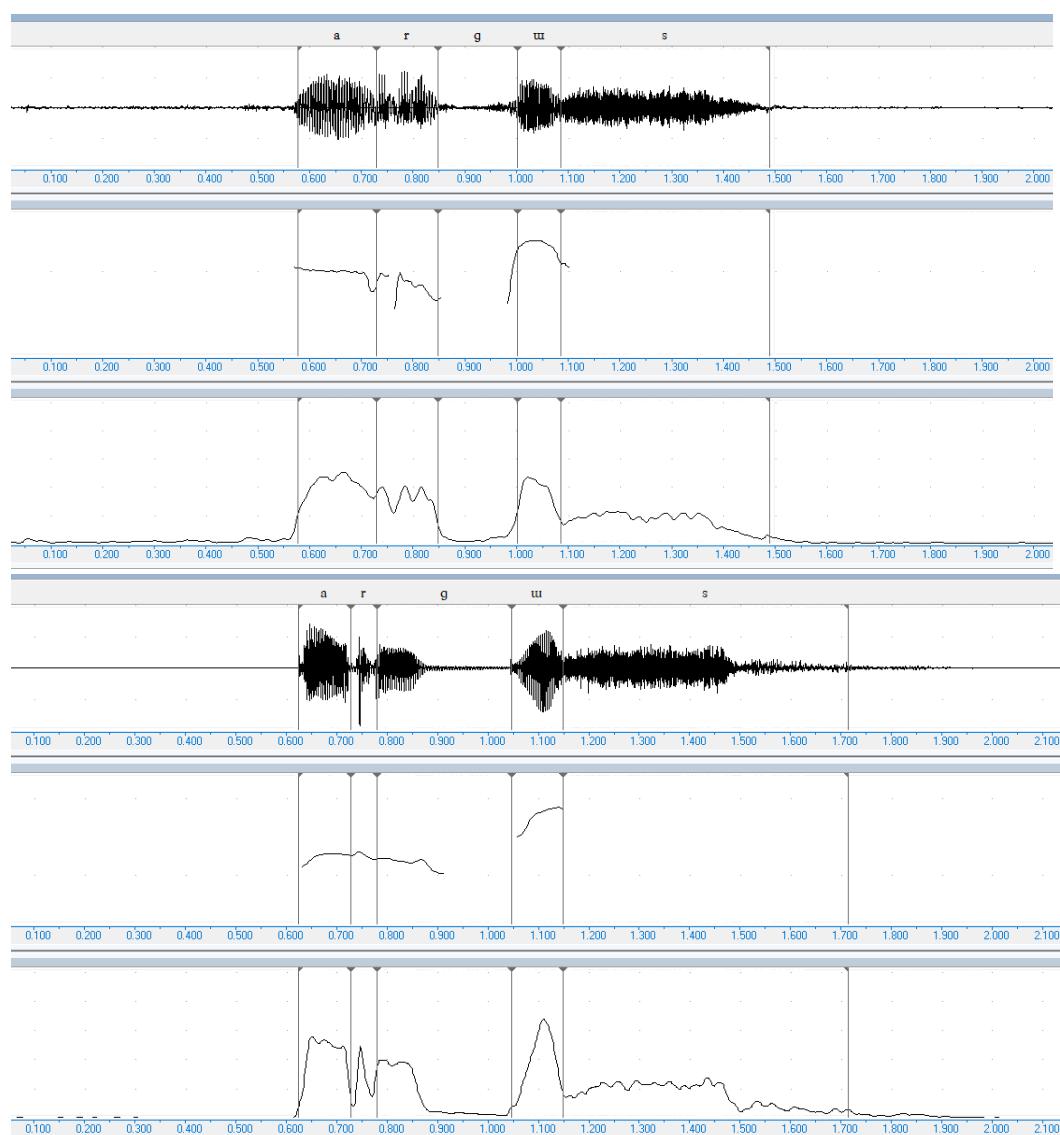

Рис.1. Интонограмма (хак. *аргыс* ‘товарищ, попутчик’ ~ як. *аргыс*)

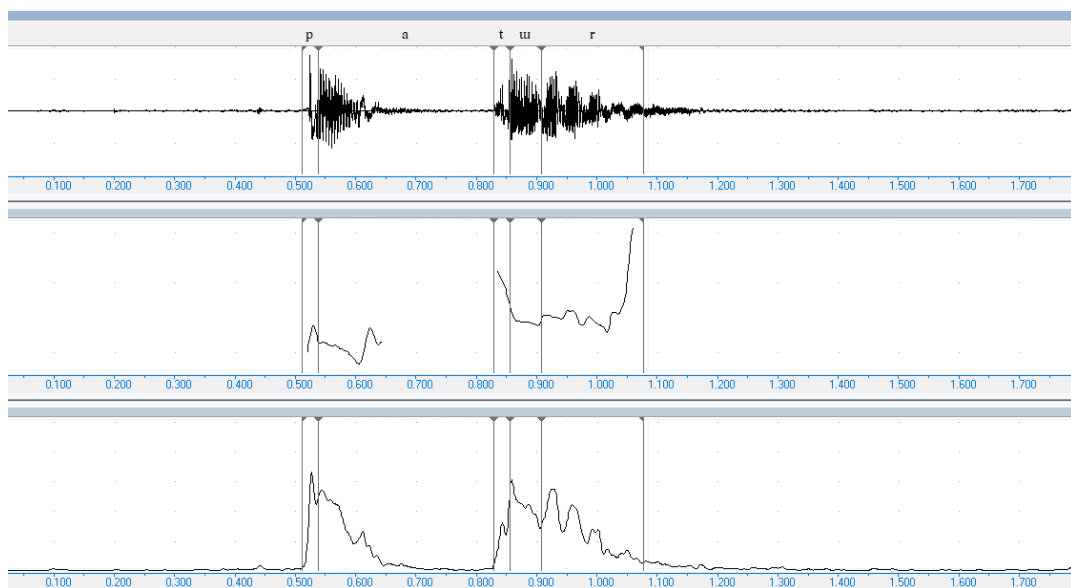
Длительность произнесенного хак. *аргыс* 57 мс, тональность составляет 202-179-197-185-170-237-208 Гц, движение ч.о.т. – нисходяще-восходяще-нисходяще-нисходяще-восходяще-нисходящее, интервал составляет от -м.3 до -ч.4-б.2. А длительность як. *аргыс* равна 108 мс, тональность 211-224-214-203-249-287 Гц (Рис.1).

По итогам анализа выявлено, что словесное ударение в якутском языке тонально-динамическое и падает на конечный слог.

В труде Л.Н. Харитонов «Современный якутский язык» отмечено, что не нужно смешивать ударение с долготой гласного [5, с. 55]. Ударение основывается на силе и высоте тона, а долгота основывается на длительности произношения гласного. Но долгий гласный может быть в любой части слова, а ударение падает на последний слог.

В некоторых словах ударные гласные якуты заменяют долгими гласными или дифтонгами. В данном случае широкий гласный удлинняется долгими гласными *a ~ aa*.

Например, хак. *патыр* ‘богатырь’ ~ як. *баатыр* (СГ-СГС ~ СЃ-СГС).

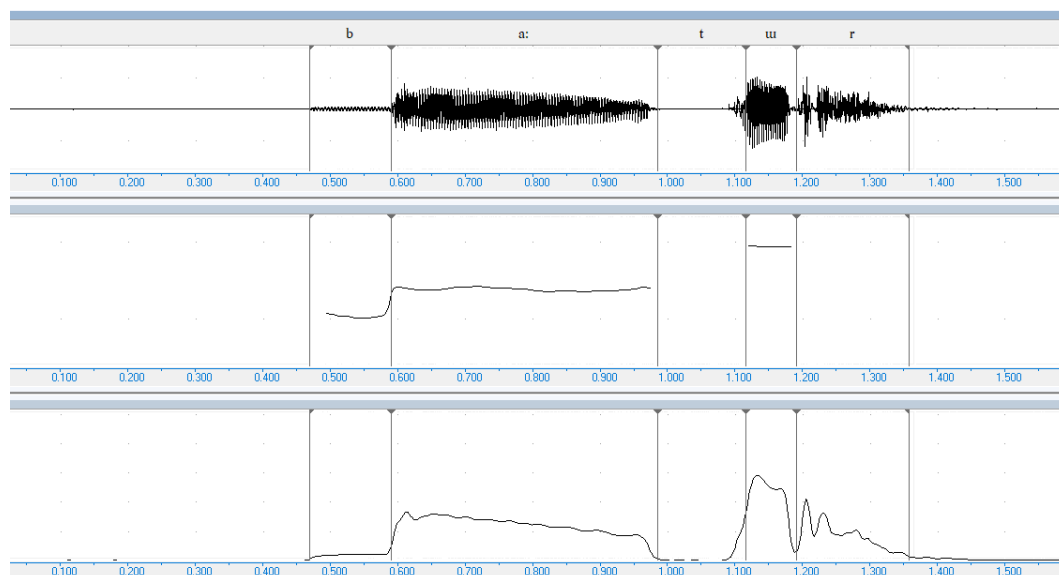
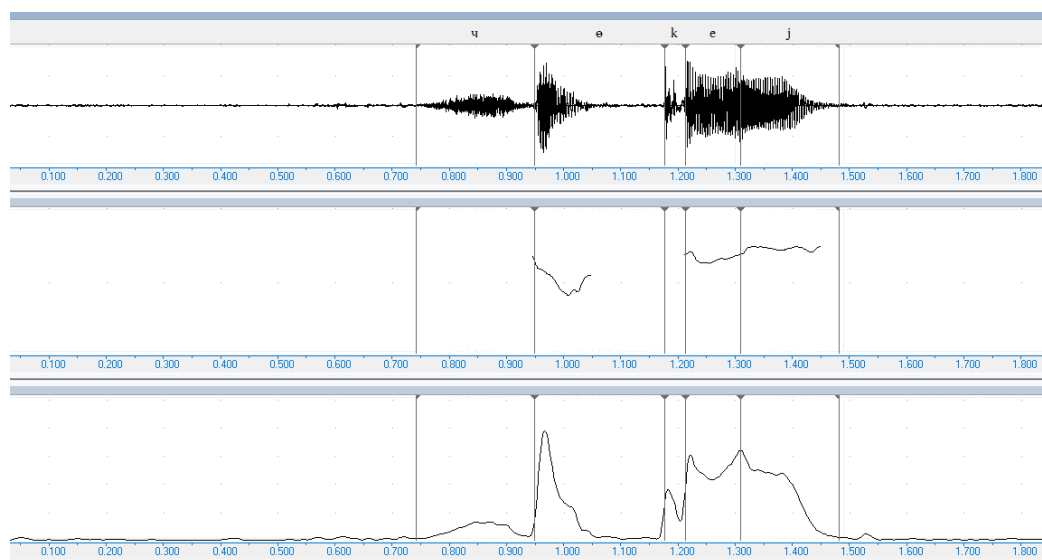

Рис.2. Интонограмма (хак. *патыр* 'богатырь' ~ як. *баатыр*)

Длительность хак. *патыр* равна 56 мс, при этом долгота *a* – 16 мс, тональность слова составляет 208-234-187-229-212-317-240-233-255-247-225-253-391 Гц, движение ч.о.т. – восходяще-нисходящее. А длительность як. *баатыр* 88 мс, при этом долгота *aa* – 29 мс, тональность – 205-235-293 Гц, движение ч.о.т. – восходяще-восходящее, интервал составляет от -б.2 до -б.3.

Также гласный заменяется на дифтонг *ö* ~ *yö*.

Например, хак. *чөкей* 'сметана' ~ як. *сүөгэй* (СГ-СГС ~ СГ₁-СГС).

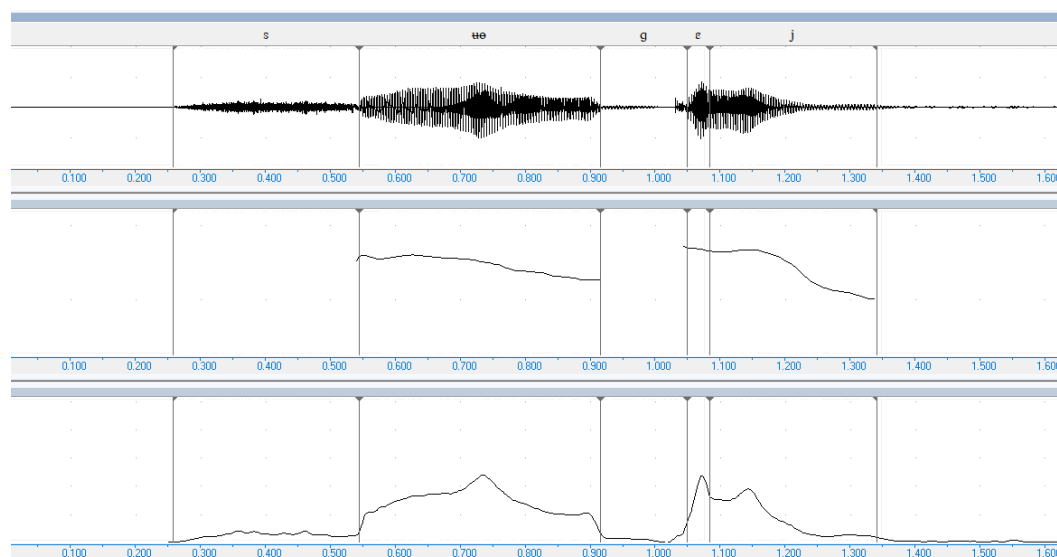

Рис.3. Интонаграмма (хак. *чөкөй* 'сметана' ~ як. *сүөгэй*)

Здесь мы видим замену узкого краткого гласного на дифтонг, поэтому длительность увеличивается в два раза. Длительность хак. *чөкөй* составляет 73 мс, при этом долгота $\ddot{o}$ – 22 мс, тональность 226-187-208-237-223-243 Гц, движение ч.о.т. – нисходяще-восходяще-восходяще-нисходяще-восходящее, интервал составляет от -м.3 до -б.2. А як. *сүөгэй* имеет длительность 108 мс, при этом долгота $y\ddot{o}$ – 37 мс, тональность 254-223-266-222-202, движение ч.о.т. – нисходяще-восходяще-восходяще-нисходящее, интервал составляет от -б.2 до -м.2 (рис. 3).

Таким образом, по результатам фонемной сегментации и последующей обработки акустических показателей выявлены количественные параметры просодических коррелятов ударения: ЧОТ, длительности, формантной структуры гласных и интенсивности слогаобразующего гласного.

Литература

1. *Бетлингк О.Н.* О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
2. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч. 1. Вокализм. – Якутск, 1971. – 189 с.
3. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. – М., 1979. – 312 с.
4. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2006.
5. *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Фонетика и морфология. – Якутск: ЯкГиз, 1947. – 313 с.

Н.В. Гүлєва,

магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Филиппов Г.Г.

«ТОЙОН ДЬАҒАРЫМА» ОЛОНХОҒО ХАНЫ ТЫЛ ТУТТУЛЛУУТА

Саха тылыгар аан маннай ханы тылга Е.И. Убрятова үлэлээбитэ. 1948 сыллаахха тахсыбыт «Парные слова в якутском языке» диэн улахан ыстатыйалаах. Кини ханы тылы араас өрүттээхтик чинчийбитэ, сүрүн балаһыанньаларын ыйбыта [3, с. 187].

Бу үлэбэ В.М. Новиков-Күннүк Уурастырап «Тойон ДьаҒарыма» олонхотугар көстөр ханы тыл сана чааһын, этии чилиэнин быһыытынан уратытын, истиил өттүнэн толорор оруолун кэтээн көрдүбүт. Олонхо тиэкиһигэр, хатыланан туттулларын ааҕан туран, уопсайа 372 ханы тылы буллубут.

Булбут тылларбытын сүһүөбүнэн уратыларын ырытарбытыгар Р.А. Берберова үлэтигэр олобуран, тэн уонна уратылаһар сүһүөхтээх ханы тыл диэннэ араардыбыт [1, с. 112]. Ырытыы көрдөрөрүнэн, тэн сүһүөхтээх ханы тыл уратылаһар сүһүөхтээх тыллардааҕар быдан элбэх эбит. Тэн сүһүөхтээх ханы тыл – 71%, оттон уратылаһар сүһүөхтээх – 29%. Уратылаһар сүһүөхтээх ханы тыл 11 араастаах. Ол арааһыттан үгүстүк туттуллубут икки уонна үс сүһүөхтээх ханы тыл ахсаана – 39, уопсай ахсаантан 36% буолар.

Ханы тыллар бэйэлэрэ анал миэстэлээхтэр эбит. Холобур, *танас-сан* диэн тыл. Сүһүөбүнэн ырытыыга бу тыл уратылаһар сүһүөхтээх ханы тылга киирсэр. Ол эбэтэр уратылаһар сүһүөхтээх ханы тыллар миэстэлэрин кыайан атастаспаттар. Оттон тэн сүһүөхтээх ханы тыллар, холобур, *ийэ-аба, аба-ийэ, хардары-таары* атастаһахтарын сөп. Маннык ханы тыл миэстэтин атастаһар буолан аллитерацияны үөскэтэргэ киэнник туттуллар.

Ханы тыллар иккиэннэрэ суолталаах, биир тыла суолтата суох уонна икки тыла иккиэннэрэ суолтата суох, тус-туспа туттуллубат диэн үс арааска араасаллар. Ол иһиттэн ырытар олонхобутугар иккиэннэрэ суолталаах ханы тыл ахсаана 288 эбит. Оттон биир тыла суолтата суох уонна икки тыла иккиэн туспа туттуллубат ханы тыл аҕыйах. Биир тыла суолтата суох, холобур, *ини-бии, көр-нар, туора-маары*. Икки тыла иккиэн суолтата суох ханы тылларга *сүнсүк-сансык, суй-сай, олбу-солбу* диэн киирэллэр. Суолталаах тыллар эмиэ хардары-таары миэстэлэрин уларытыһаллар, оттон биир тыла суолтата суох эбэтэр икки тыла иккиэн суолталара суох буоллаҕына, атастаһар кыахтара суох эбит. Холобур, *хардары-таары* диэн тылга *таары* туспа туттуллубат, оттон

суй-сай диэннэ тыллара иккиэн тус-туспа туттуллубаттар. Субу курдук ханыы тыллар туспа сокуоннаахтара көстөр.

Е.И. Убрятова бэлиэтиринэн, ханыы тыллар хайа баҕарар санга чааһа буолаллар [3, с. 189]. «Тойон Дьаҕарыма» олонхоҕо аат тыл 30%, даҕааһын аат 27%, туохтуур 21%, сыһыат 12%, санга аллайыы 7%, ахсаан аат 1%. Онон аат тыл уонна даҕааһын аат үгүс эбит диэн түмүк оноробут. Ханыы тыллар икки тыла иккиэннэрэ сыһыарыыны ылынан ханнык баҕар атын санга чааһа буолаллара көстүбүтэ. Холобур, *от-мас* диэн аат тыл *-лаах* сыһыарыы көмөтүнэн ханыыласпыт даҕааһын ааты үөскэтэр. Ону таһынан ханыы тыл хомуур суолтаны үөскэтэр, ол ордук аат тылга көстөр: *от-мас, ийэ-аҕа, иһит-хомуос, сир-уот* уо.д.а. Сиһилиир суолтаҕа сыһыакка көстөллөр: *анаан-мүнээн, тизэрэ-маары, суй-сай* уо.д.а. Быһаарар суолталаах ханыы тыллар даҕааһын буолаллар: *дьоллоох-соргулаах, айыылаах-харалаах, инсэлээх-мэнэгэйдээх* уо.д.а. Санга аллайыы эмоцияны көрдөрөр суолталаах: *ыар-татай, бабат-татай, иэхэй-чуохай* уо.д.а. Туохтуур хамсааһыны-хайааһыны көрдөрөргө туттуллар: *өлбөт-сүппэт, бараатар-хайаатар, батыгыраата-битигирээтэ, түһэр-көтөр* уо.д.а.; оттон ахсаан аат хомуур суолтаны биэрэр: *биэс-алта, үһүн-түөрдүн, уонун-сүүрбэтин, аҕыс-сэттэ* уо.д.а.

Ханыы тыл хайа баҕарар этии чилиэнэ буолар кыахтаах. Быһаарыы быһыытынан туттуллуута – 49%, буолуу сиһилиитэ – 28%, толоруу – 14%, туһаан – 5%, миэстэ сиһилиитэ – 2%, кэм сиһилиитэ уонна кэпсиирэ – 2%. Этии чилиэнинэн наардааһынга ханыы тыл ордук элбэхтик быһаарыы оруолун толорор эбит диэн түмүккэ кэлэбит. Ол ханыы тыл олонхоҕо үксүгэр даҕааһын аат буоларын кытта ситимнээх. Ону таһынан буолуу сиһилиитэ эмиэ элбэх эбит. Олонхо тиэкиһигэр үгүстүк биир уустаах этии чилиэнин быһыытынан туттуллар.

Ханыы тыл хайа эйгэҕэ быдан элбэхтик, хойуутук туттуллубутун көрүөбүн. Холобур, айылҕаҕа сыһыаннаах ханыы тыллар: *алаас-сыһыы, мастыын-оттуун, хаарын-мууһун*; үөһүнэ-көйүүргэ: *былаҕай-быттаах, кымаар-бырдах, кыымаайы-ньаалаҕай*; киһи майгытыгар: *тыллаах-өстөөх, ыы-дьаар тыллаах, инсэлээх-мэнэгэйдээх*; киһи этигэр-сиинигэр: *илии-атах, бастаах-атахтаах, тыллаах-сыһаах*; киэргэлгэ уонна симэххэ: *кириэстээх-кирибинньиктээх, манньыаттаах-баҕахтаах* о.д.а. Эйгэлэринэн наардааһынга киһиэхэ сыһыаннаах эйгэҕэ уопсайа 33 ханыы тыл баар эбит, ордук киһи этигэр-сиинигэр сыһыаннаах тыл элбэх – 14 (43%). Айылҕаҕа сыһыаннаах тыл уопсай ахсаана – 25. Ол курдук киһиэхэ сыһыаннаах эйгэ тыллара туттуллууларынан быдан элбэхтэр эбит.

Истиил өттүнэн ыллахха, ханы тыл үрдүк истиили үөскэтэр. Холобур, кэккэлэтии этиигэ: *Илбээн-холбоон* симииччэхээн онорон, *Аймаан-саймаан* матааччахаан онорон [2, с. 152]. Уус-уран быһаары быһыытынан: *Адъыыр-бадьыыр* түүлээх, *абыыр-бабыыр* тынырахтаах халлаан атыыр баргый кыыла [2, с. 112]. Күүркэтэн этиигэ: Тумул хара тыа *туллан-хайдан* түһэн иһэрин курдук [2, с. 241]. Аллитерацияны үөскэтэргэ туттуллар эбит:

Муннаах-быһылааннаах,
Мутуктаах-силистээх,
Сэттээх-сэлээннээх,
Силлиэлээх-боллоолоох
Куһаҕан күн үүннэбэ [2, с. 212]

Көстөрүн курдук, ханы тыл истиили онорор ньыма быһыытынан туттуллуута киэн эбит.

Онон бу ыстатыйаҕа «Тойон Дьаҕарыма» олонхо тиэкиһигэр көстөр ханы тыл туттуллуутун уратытын көрдүбүт. Анал миэстэлэринэн ырытыы көрдөрөрүнэн, тэн сүһүөхтээх ханы тыл уратылаһар сүһүөхтээх тыллардааҕар быдан элбэх эбит. Саҥа чааһын быһыытынан туттуллууларынан аат тыл (30%) уонна даҕааһын аат (27%) үгүс эбит диэн түмүк оноробут, оттон этии чилиэнин быһыытынан ордук быһаары буолар эбит (49%). Эйгэлэринэн наардааһынга киһиэхэ сыһыаннаах эйгэбэ киһи этигэр-сиинигэр сыһыаннаах тыл элбэх (43%). Олонхоҕо ханы тыл истиил ньымаларыгар кэккэлэтии этиигэ, аллитерация, уус-уран быһаарыы, күүркэтэн, омуннаан этиигэ туттуллууларын кэтээн көрдүбүт. Уус-уран быһаарыыга киэнник туттуллан көстөр эбит диэн түмүккэ кэлэбит.

Литература

1. *Берберова Р.А.* Слоговой состав парных слов в русском и крымскотатарском языках // Культура народов Причерноморья. – 2004. – №51. – С. 112-114.
2. *Новиков В.М.* – *Күннүк Урастыыран.* Тойон Дьаҕарыма: Олонхо. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1959.
3. *Убрятова Е.И.* Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011.

О.С. Данилова,

студентка ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,

рук. Прокопьева А.К.

ДРАМАТИЧЕСКОЙ АЙЫМНЫЫГА ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ ТУТТУЛЛУУТА (С. Ермолаев–Сиэн Өкөр «Алаас ортотугар соботох бэс» дырааматынан)

Парцелляция (этии бысталаныыта) (франц. *parcelle* – частица, өлүүскэ) – истиилистикэ ньымаларыттан биирдэстэрэ, биир синтаксической тутуллаах этиини өлүүскэбэ анаан араарыы буолар. Парцелляция икки өлүүскэттэн турар: бастакыта – сүрүн чааһа (базовая часть), иккиһэ – парцеллят. Бу икки чаастар булгуччу туочуканан араарыллаллар.

Кожина М.Н. этии бысталаныытын маннык быһаарар: «Парцелляция – стилистический прием, состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах или фразах. Фраза, в которой реализуется структурно господствующая часть предложения, называется базовой (основной); фраза, в которой реализуется структурно зависимая часть предложения (отчлняемая часть), называется парцеллятом. Базовая часть и парцеллят образуют парцеллированную конструкцию» [3, с. 279].

Парцеллят этиигэ рема оруолун толорор, санга сонун информацияны илдэ сылдыар. И.С. Волков парцеллят реманан бэриллэрин маннык быһаарар: «Парцелляция является одним из способов введения новой информации – ремы. Рема, присутствующая в базовой части, получает продолжение и возникает в усиленной форме в парцелляте, который, благодаря пунктуации, становится самостоятельным и усиливает экспрессию в высказывании» [1, с. 208].

С.Ермолаев-Сиэн Өкөр «Алаас ортотугар соботох бэс» дырааматыгар гражданской сэрии кэмигэр Дьоппуон сиригэр күрээн барбыт икки саха киһитэ төрөөбүт дойдуларын ахтан аймаһыйаллара, төннө сатыыллара ойууланар.

Сэмэн Ермолаев бу дырааматын тыла-өһө олус иэйиилээх, күүрээннээх. Манна ааптар дьоруойдар ис санааларын, иэйиилэрин хамсааһынын истиил араас ньыматынан – күүһүрдүү, ыйытыы этиилэринэн, градациянан, инверсиянан, парцелляциянан – аабааччыга тириэрдэр. Парцелляция ньымата дырааманы ордук тупсарар, дьоруой иэйиитин, күүрээнин толору арыйар.

Дыраамаба судургу, холбуу этиилэр тэнинэн парцелляцияланаллар. Этии араастарынан ылан көрүөбүт.

1. Судургу этии. Судургу этии бысталаныытыгар холобуру көрүөбүң. Холобур: СИЛИП. *Ол биһиги тиһэх көрсүһүүбүт этэ... Арыылаах тангаратын дьыэтигэр* [2, с. 292]. Манна парцеллят дьоруойдар бу идеологической утарыта турсуулар, мөккүөрдэрэ буолбут сирин чопчулуур, куһаҕан быһылаан ити сиргэ тахса сыспытыттан дьаарханыы баарыгар болҕойор.

Парцелляцияламмыт судургу этиигэ Силип санатыгар долгуйууну, мунчаарыыны истэбит:

✓ ЫЛДБАА. *Мин кинилэри эндэппэккэ билэбин. Хаһыларынан* [2, с. 291];

✓ СИЛИП. *Оттон... мин кэпсээбитим диһ... Алааһым туһунан... Уонна алааһым ортотугар үүммүт бэс туһунан...* [2, с. 303];

2. Баһылатыылаах холбуу этии (БХЭ). Айымньыга төрүөт, толоруу, быһаарыы, тэнниир, кээмэй уонна сорук салаа чаастар парцелляцияланан туттуллалара быһаарылынна. Онон БХЭ бысталаныытыгар парцеллят буолар салаа чааска улахан болҕомто ууруллар, манна иэһии күүрээһэ түмүллэр. Маны холобурдарга көрүөбүң:

1 холобур. Төрүөт салаа чаастаах БХЭ.

СИЛИП. Мин кэнники кэмнэ наар санаан тахсабын ээ... Ити тоҕо биһиги манна кэлиэхпитин эрэ кытта ити иэдээн тахсыбытай диэн... Өр толкуйдаатым... Уонна дьэ биллим...

ЫЛДБАА. Тоҕо?

СИЛИП. Ити барыта Дьылҕа Хаан Тойон биһиэхэ соруйан ытар... Соруйан... Тоҕо диэтэххэ биһиги айыыбыт-харабыт баһаам элбэх... [Дьылҕа Хаан Тойон биһиэхэ кыһыһар]. (Дойдуларын бырахтылар диэн...) [2, с. 289].

Бу тизкискэ дьоруойдар тоҕо маннык иэдээннэ тиксибиттэрин толкуйдууллара көстөр. *Дойдуларын бырахтылар диэн...* парцеллят манна ураты оруолу оонньуур, Силип айыыларга итэбэйэрин, итэбэллээбин көрдөрөр, маны таһынан кини улахан патриот буоларын арыһар.

2 холобур. Сорук салаа чаастаах БХЭ.

ЫЛДБАА (ылар). Чэ, оттон... [Эн бэйэбэр эмизэ кутун]. (Сурукпут дьоммутугар тийэрин туһугар). Чэ... (Охсуһуннараллар. Иһэллэр.) [2, с. 287].

Бу сорук БХЭ-бэ парцеллят Ылдьаалаах Силип Кытайга ыһпыт суруктара тийэригэр эрэллэрин көрдөрөр.

3 холобур. Толоруу салаа чаастаах БХЭ.

ЫЛДБАА. Тоҕо үгэргигин!.. Эн ону умна оҕустунг дуо? [Суох, мин ону хаһан да умнуом суоҕа!] (Хайдах дьоннуон балыксыттары эргэ мотуордаах онгочолоругар олорсон Аян туманнаах кытылыттан тэйбиһпитин...) [2, с. 288].

Толоруу салаа чаастаах БХЭ-бэ Ылдьаа иэйиитин күүрээнэ, кыһырыгыта көстөр. Этии сүрүн чааһа көһөр туохтуурунан бэриллибитэ тынааһыны үөскэтэр, парцеллякка дьоруой күүстээх иэйиитин тиэрдэригэр көмөлөһөр: *Суох, мин ону хаһан да умнуом суоҕа!* Манна парцеллят Ылдьаа сатаан умнубат ыарахан түгэнин бэлиэтиир: *(Хайдах дьоппуон балыксыттарын эргэ мотуордаах ончолоругар олорсон Аян туманнаах кытылыттан тэйбиппитин...)*.

4 холобур. Быһаарыы салаа чаастаах БХЭ.

[Бу айанныыр харчыбыт этэ дии!] *[Өйдүүгүн дуо?]* *(Дойдубутугар айанныыр!..)* [2, с. 303]. Быһаарыы салаа чаастаах БХЭ-бэ Ылдьаа бу ханнык харчы буоларын быһаара сатыыра көстөр.

Бу этиини уларыттааха, маннык халыып этии үөскүүр: *(Дойдубутугар айанныыр)* *[харчыбыт этэ дии!]*. Ол гынан баран бу түбэлтэбэ иэйээнэ мөлтүүр.

5 холобур. Тэнниир салаа чаастаах БХЭ.

[Оттон Кумано-мару хаһыта отой атын...] *(Ынах ыанныыйан кэлэн мабырыырын курдук)* [2, с. 291]. Манна дьоруой дойдутун ахтара, санаарҕыыра тэнниир БХЭ-нэн бэриллибит.

6 холобур. Кээмэй салаа чаастаах БХЭ.

[Бу тулуурдаахтарын, бу сүрэхтээхтэрин...] *(Киһи сөбүөх эрэ курдук...)* [2, с. 305]. Бэриллибит этии бысталаныытыгар дьоруой Дьоппуон омук хайдах курдук үлэһитин хайҕыырын, сөбүөрүн тиэрдэригэр туттуллар.

Парцелляттаммыт БХЭ-лэр дыраама тынааһыныгар (кульминациятыгар) ордук туттуллаллар, бу дьоруойдар иэйиилэрин күүрээнин күүһүрдэр, долгуйууларын бэлиэтиир, инникигэ эрэллэрин көрдөрөр.

3. Уустук тутуллаах баһылатыылаах холбуу этии (УТБХЭ). УТБХЭ хас да парцелляттаах буолуон сөп. Манна дьоруойдар ис санааларын арыллытын көрөбүт. Долгуйуу, санааны бигэргэтии, кэтэһии, абарыы көстөр:

1 холобур. Утуу-субуу тутуллаах УТБХЭ.

СИЛИП. Ылдьаа..,

ЫЛДЬАА. Тугуй?

СИЛИП. [Мин кэнники кэмгэ наар санаан тахсабын ээ...] *(Ити тоҕо биһиги манна кэлиэхпитин эрэ кытта)* *(ити иэдээн тахсыбытай диэн...)* *Өр толкуйдаатым... Уонна дьэ биллим...* [2, с. 289].

Манна Силип санааҕа түһэн олорор кэмигэр толкуйун, мунчаарыытын этии сүрүн чааһыгар көрөбүт: *[Мин кэнники кэмгэ наар санаан тахсабын ээ...]*. Этии парцеллята икки тус-туһунан суолталаах этииттэн турар: манна кэм уонна

төрүүт суолталар тобо маннык иэдээн тахсыбытын быһаара сатыылларын арыяллар.

2 холобур. Биир уустаах УТБХЭ.

СИЛИП (ботугуруур). Алаас ортотугар соботох бэс. Аны билигин эн миэнэбин эрэ, кимиэнэ да буолбатаххын... Айыы Тойон Танарам, дойдубар эргиллэн кэлэр күннээх эбиннин... [Аны мин эйигиттэн хаһан да арахсыам суоҕа...] (Туох да буоллун), (хайа да иэдээн буоллун), (өлөрөбүт да диэтиннэр...) [2, с. 300].

Бу этии сүрүн чааһыгар Силип алааһын бэһиттэн хаһан да арахсыбатын туһунан этэр: *[Аны мин эйигиттэн хаһан да арахсыам суоҕа...]*. Манна этии бысталаныыта уратытык туттуллар: *(Туох да буоллун), (хайа да иэдээн буоллун), (өлөрөбүт да диэтиннэр...)*. Бу парцеллякка туттуллар салаа чаастар ис хоһоонноро градацияланан иһэллэр, күүһүрэн, дирингээн иһэр суолталаахтар.

Онон, Сэмэн Ермолаев – Сиэн Өкөр «Алаас ортотугар соботох бэс» дырааматыгар парцелляция ордук элбэхтик БХЭ-гэ туттуллара бэлиэтэннэ. Дыраамаҕа УТБХЭ-бэ парцелляцияланыытыгар туттуллар чаастар градацияланыылара этиини ордук диринэтэллэр. Парцеллят туспа рема өлүүскэтэ буолан, дьоруойдар уйулҕаларын күүстээх изйиилэрин, күүрээһинэрин, долгуйууларын, санаарҕабылларын арыяр.

Литература

1. Волков И.С. Коммуникативно-семантические маркеры парцелляции высказывания // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. – 2015. – № 1 (75). – С. 205-212.
2. Ермолаев С.Е. – Сиэн Өкөр. Алаас ортотугар соботох бэс. – М.: Издательство Айыына, 2000. – 366 с.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

С.Б. Кларова,

аспирант ИГиИПМНС СО РАН,
рук. Ефремов Н.Н.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА (на материале текста «Олонхо» в самозаписи А.Я. Уваровского)

В статье рассматриваются основные особенности перевода на русский язык изобразительных – звукоподражательных – слов якутского языка на

материале «Олонхо» в самозаписи А.Я. Уваровского. Перевод этого олонхо на русский язык выполнен В.И. Рассадиным.

Изобразительная лексика (глаголы) якутского языка в монографическом плане исследована Л.Н. Харитоновым [8; 9]. Ранее в работах С.В. Ястремского [10], А.Е. Кулаковского [4] и других были даны первые сведения об этих словах. В фоносемантическом аспекте данные слова изучены Л.А. Афанасьевым [1].

Изобразительные слова подразделяются на образные и звукоподражательные.

Звукоподражание представляет собой условное приблизительное обозначение средствами языка звуков окружающей среды. Таким является, например, звуковой комплекс (*тыаһы үтүктэр тыл*) *ньир* – звук отдаленного грома, сильного сотрясающего удара [3, с. 366]. От звукоподражательного корня *дапт*, который в современном языке самостоятельно не употребляется, образован звукоподражательный глагол *дабдыгыраа* – учащенно и громко застучать, барабанить (о дожде) [8, с. 268].

Неизменяемые звукоподражательные слова по значению делятся на две большие группы: 1) обозначающие голоса (т.е. звуки, производимые голосовым аппаратом), 2) обозначающие другие звуки [3, с. 367].

Прежде чем перейти к анализу примеров из рассматриваемого переводного текста, остановимся на основных терминах и понятиях переводоведения, которые будут использоваться в нашей работе.

В переводоведении для общей характеристики результатов переводческого процесса используются термины, обозначающие разновидности перевода: *адекватный перевод*, *эквивалентный перевод*, *точный перевод*, *буквальный перевод* и *свободный (вольный) перевод*.

В якутско-русском и русско-якутском переводе употребляется ряд приемов – различные замены: синонимичные, замена литературным языком, замена антонимами и т. п., смысловая замена; прибавление слов; удаление слов (опущение); изменение формы слова; изменение порядка предложения.

В качестве переводческого способа выделяются контекстуальные соответствия, которые подразделяются на единичные и множественные. Единичное соответствие – это наиболее устойчивый постоянный способ перевода, при котором наиболее полно воспроизводится значение переводимого. Единичные соответствия встречаются, главным образом, при переводе терминов, собственных имен, географических названий, а также некоторых обиходных слов и словосочетаний. Множественное соответствие –

это несколько регулярных способов перевода, выбор между которыми определяется условиями контекста.

Звукоподражательные слова в образце якутского героического эпоса “Олонхо”, записанном зачинателем якутской литературы Афанасием Яковлевичем Уваровским [7], переведены на русский язык с помощью следующих способов:

1. **Соответствие смысла звукоподражательного слова.** Примеры: *Барылыыр бар тыалаах* [7, с. 9] – живой **рокочущий** лес. *Барылаа* – производить слитный глухой раскатистый звук, рокотать (о воде) [2, т. 2, с. 222]. *Рокотать* – издавать рокот (< рокот – однообразный раскатистый звук [5, с. 630]);

хаампыт хаппыт кырдала хабырыта барар [7, с. 9] – сухая равнина, по которой зашагает, **трескается**. *Хабырыта бар-* – трескаться, лопаться (напр., о коже) [2, т. 13, с. 171];

турбут тон сирэ тобулута барар [7, с. 9] – земля, на которую ступит, **проваливается насквозь**. *Тобулу* – насквозь (напр., протыкать, пробивать) [2, т. 10, с. 407];

Кылыгыраһа тураллар [7, с. 10] – **бряца** погремушками костюмов. *Кылыгыраа-* – звякать, звенеть при ударе друг о друга (обычно о мелких металлических предметах) [2, т. 5, с. 242]. *Бряцать* – издавать, производить звенящие звуки [5, с. 59];

Нир-нир этин эппит [7, с. 14] – глухо **прогрохотал** гром. *Ньир* – подражание звуку, напоминающему нарастающий или отдаленный раскат грома [2, т. 7, с. 112]. *Грохотать* – производить грохот [5, с. 131];

Дабдыр-дабдыр самыыр түспүт [7, с. 14] – **сильнее** стал идти дождь. *Дабды:* *дабды самыыр* – дождь крупными каплями; *дабдыр* – шум, стук дождя, бьющегося редкими каплями, например, по жестяной крыше, палатке [2, т. 3, с. 74-75]. *Сильный* – значительный (по величине, степени) [5, с. 660];

Кыыкынаан-кыыкынаан [7, с. 14] – **скрипя-поскрипывая**. *Кыыкынаа* – протяжно скрипеть [2, т. 5, с. 418];

Тэлибирэһэ тураллар [7, с.14] – **шелестящими** листьями. *Тэлибирээ-* – трепетать, дрожать, развеиваться на ветру (напр., листья) [2, т. 11, с. 467]. *Шелестеть* – издавать легкий шорох [5, с. 820]. В «Большом толковом словаре якутского языка» данное слово дано без пометы звукоподражательный глагол, а в тексте олонхо оно переведено русским глаголом со звукоподражательным значением;

Сибигинэһэ туралларын курдук [7, с. 9] – тихо **шепчутся** друг с другом. *Сибигинэй-* – говорить шепотом, шептать; говорить на ухо [2, т. 8, с. 336]. *Сип*

– подражание легкому свистящему звуку «си», произносимому путем выдувания воздуха между зубами; *сип гын-* – сообщить кому-л. о чем-л. тихо тайком, шепнуть [Там же, с. 417].

2. В некоторых случаях имеет место такой прием перевода, как опущение слова: **Хардыргыыр** хахай кыыллаах [7, с. 9] – с изображением льва (опущение звукоподражательного причастия *хардыргыыр*). Глагол *хардырбаа* (от *харк* или *харт*; ср. монг. *хар-хур* – подражание хрусту) имеет значение ‘издавать хруст или хрипы; похрустывать, похрипывать’ [8, с. 279]; хрустеть, хрипеть, скрипеть негромко [2, т. 13, с. 398]. Букв. перевод: С изображением похрипывающего льва.

Топ гына *силлээн* [7, с. 12] – (стоят), **поплеывая шумно** (отсутствует адекватное образное значение звукоподражательного глагола *топ гына*). *Топ гын-* – издавать, производить звук, возникающий при падении чего-л. легкого, мелкого на твердую поверхность (напр., плевка, капли, ягоды) [2, т. 10, с. 467].

3. **Смысловая замена.** Приём смыслового развития заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, лексически связанным с ним словом.

Курулуур *куурун тыалаах* [7, с. 9] – сухой шумящий лес (эквивалентный перевод, смысловая замена). *Курулаа* (от *кур*) – производить сильный бурлящий, клопочущий шум (о проливном дожде, о бурном потоке и т.п.) [8, с. 270]; издавать непрерывный сильный глухой шум, напоминающий громкий шорох, шуршание [2, т. 4, с. 532]

Күлүбүрэччи тыгар (*ый*) [7, с. 16] – **светит ярким пламенем** (эквивалентный перевод, смысловая замена, множественные соответствия). *Күлүбүрээ* – шумно воспламеняться, бурно разгораться [8, с. 270]; алеть, пламенеть, развеваясь, трепеща на ветру (напр., о красном флаге) [2, т. 4, с. 612]

Чыбырбаччы (*аттаах киһи сиэллэрэн кэлэн*) [7, с. 17] – словно издаваемый ледоколом при колке льда звук. *Чыбырбаа* (от *чыл*) – производить повторно резкий отрывистый писк или свист, ощущать колющие боли [8, с. 283]; *чыбырбаччы* – пронзительно, резко (*бить копытом*) [2, т. 14, с. 263].

Туруйа уһуутуур [7, с. 9] – **подкурлыкивает** серый журавль (эквивалентный перевод, смысловая замена, множественные соответствия). *Уһуутаа-* (по-видимому, от подражания шуму *һуу* или *уһуу*) – шумно выдохнуть из глубины, истошно завопить [8, с. 278]; производить похожий на тяжелый вздох звук, ухать (напр., о птицах) [2, т. 12, с. 323].

Как видно из анализа, при переводе на русский язык якутских звукоподражательных слов, использованных в тексте рассматриваемого олонхо, применены различные способы перевода: *смысловая замена, единичные*

соответствия, множественные соответствия, эквивалентный перевод, замена частей речи, опущение, добавление слов, добавление слова с использованием парных слов.

Из указанных способов перевода, на наш взгляд, наиболее подходящими являются добавление слов и смысловая замена. Подобные различные способы перевода на русский язык обсуждаемых типов якутских слов обусловлены тем, что в русском языке нет полноценных функциональных эквивалентов якутским звукоподражательным словам, которые всегда были бы представлены изобразительными словами. Нужно отметить, что при переводе на русский язык текста данного олонхо В.И. Рассадина постарался дать наиболее точные, подробные переводы якутских звукоподражательных слов, использованных в нем.

Литература

1. *Афанасьев Л.А.* Фоносемантика основ образных слов якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1993.
2. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. – Т. 1-14. – Новосибирск: Наука, 2004-2017.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982.
4. *Кулаковский А.Е.* Научные труды. – Якутск, 1979.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1972.
6. *Петрова Т.И.* Тылбаас уопсай теорията. – Дьокуускай, 2007.
7. *Уваровский А.Я.* Олонхо. – Якутск, 2010.
8. *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. – М., Л., 1954.
9. *Харитонов Л.Н.* Видовые формы глагола в якутском языке. – М., Л., 1960.
10. *Ястремский С.В.* Грамматика якутского языка. – М., 1938.

С.А. Харайданова

аспирант ИГиИПМНС СО РАН,

рук. Ефремов Н.Н.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВРЕМЕНИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В.С. ЯКОВЛЕВА-ДАЛАНА «ГЛУХОЙ ВИЛЮЙ»)

В данной статье анализируются особенности перевода сложноподчиненных предложений времени с якутского языка на русский на материале текста повести В.С. Яковлева-Далан «Глухой Вилюй». Повесть была переведена Л. Либединской [6].

В якутском языке под сложноподчиненными предложениями подразумеваются сложные предложения, предикативные части (единицы) которых соединяются между собой теми же способами связи, какими сочетаются компоненты подчинительных словосочетаний, то есть при помощи примыкания, управления, согласования, изафета [3, с. 14].

Обсуждаемые конструкции представляются в виде полипредикативных конструкций (ППК). ППК означает «род, к которому принадлежит и сложное предложение, и конструкции, в разных отношениях отклоняющиеся от эталонного представления о сложном предложении, но содержащие как минимум два предикативных звена» [4, с. 4]. ППК по форме составляющих их частей – по характеру связи частей – подразделяются на синтетические (собственно-синтетические и аналитико-синтетические) и аналитические. Аналитико-синтетическими ППК называются конструкции, сказуемое зависимой части которых замыкается служебными словами – послелогоми, органически входящими в его состав [2, с. 30].

В данной статье рассматриваются временные ППК / СПП с послеложными показателями, то есть аналитико-синтетические построения и способы их перевода в русском языке на материале указанной повести.

В якутском языке по способу сочетания со знаменательным словом выделяются примыкающие, управляющие и изафетные послелогии. К послелогам, которые участвуют в образовании временных СПП, относятся *тухары, устатын тухары, сабана, ыла, кытта, кытары, быыһыгар, икки ардыгар, иннинэ, кэннэ, устатыгар, диэри, дылы, аайы* и др. Конструкциями с данными послелогоми выражаются отношения одновременности и разновременности. Отношение одновременности подразделяется на полную и частичную одновременность, при разновременности различается следование и предшествование [1, с. 728-733].

Ниже приводится анализ особенностей перевода обсуждаемых конструкций с послелогоми *диэри, кэннэ, ыла, былаһын тухары* на русский язык на материале исходного и переводного текстов данной повести.

СПП с послелогом *диэри* – СПП с союзом *пока*: *Ол эрэри кыыл табалар кыарабас өрүһү төһө өр гынан туоруохтарай, хаһан дьон мустуохтарыгар диэри күүтэн туруохтара суоҕа диэн, кини ол санааттан төлөрүйбүтэ* ‘Но дикие олени – быстрые звери, что им узкая речка, не станут они дожидаться, **пока люди соберутся** на охоту’. Послелог *диэри* ‘до, пока’, оформляя зависимую часть ППК одновременности, участвует в выражении ограничительной одновременности, при которой указывается конец совершения главного события. Зависимая часть характеризуется

аспектуальным значением длительности. В русском языке СПП с союзом *пока* выражается также отношение ограничительной одновременности.

Моносубъектная ППК с *диэри* – ППК с союзом *до того как*: *Бакамда абата, бэйэтэ дабаны, кини уола дабаны Үс Бэлиэлээх хоһуун аатын ылыахтарыгар диэри сир-сири кэрийбэхтээбиттэрэ ахан, өлө-өлө тиллибиттэрэ, тимирэ-тимирэ күөрэйбиттэрэ* ‘Отец Бакамды, сам он и сын его Юрэн, **еще до того как** удостоились звания хосуунов – удальцов с Тремя Отметинами (а три отметины означали, что признаны они главными в своем племени) немало побродили по земле, не раз были обречены на гибель и воскресали, не раз тонули и выплывали’. ППК с *диэри* выражает такое предшествование, при котором совершение зависимого события означает окончание совершения главного события. ППК со крепой *еще до того как* передается аналогичная же синтаксическая семантика.

ППК с *диэри* – ППК с противительным союзом *но*: *Кимиэхэ да сытан биэримэ: өлүөххэр диэри өстөөхтөрдүүн өлөрсөн баран, өс кыайтарыаххар диэри кырыыстаахтаргын кытта кыдыйсан баран кырбастан!* ‘Ни перед кем не ложись, сложа руки: умри, но **до последнего мига** убивай врагов, пусть неминуемо поражение, сражайся **до конца!**’ Данное предложение с *диэри* выражает предшествование, при котором совершение зависимого события означает окончание совершения главного события. Такие конструкции не имеют близкого синтетического аналога. Зависимая предикативная единица (ЗПЕ) *өлүөххэр диэри* переведена с помощью непредикативной структуры с предлогом **до последнего мига**, т.е. множественным соответствием, выбор которого определен условиями и смыслом контекста.

СПП с *кэннэ* – СПП с *когда*: *Ыкса киэхэ, барыта бүппүтүн кэннэ, соботох хаалбыт тиһэх тордоххо манган таба тангастаах уонна хара бэкир киһи көтөн түспүттэрэ* ‘Поздно вечером, **когда все было кончено**, в один из тордохов влетели двое: человек в дохе из белой оленьей шкуры и высокий смуглый воин’. В контексте приведенного предложения представлено отношение одновременности (следования). ППК с *кэннэ* нередко выражается такое отношение следования, которое может быть конкретизировано определенными лексико-грамматическими показателями. В данном случае мы можем отметить единичное соответствие – это наиболее устойчивый и постоянный способ перевода данной единицы исходного языка, используемый во всех (или почти во всех) случаях ее появления в оригинале и в этом смысле относительно независимый от контекста.

Саас дьэ кэллэ диэбит кэннэ итии күннэр эмиэ тымныынан солбуллубуттара, силлиэ-буурба ытыллыбыта: мөлдьөгөйдөртөн хаары

хастаан куула сирдэргэ, аппаларга-хотоолорго халыннык тибэн дьаптайбыта ‘**Когда казалось, что** весна уже прочно завладела землей, теплые дни вдруг сменились морозными, завыла, заметалась пурга, злой ветер сметал с холмов и пригорков снег, слой за слоем напластовывая его в оврагах, низинах, лощинах’. Данное СПП характеризуется безличным ЗПЕ и выражает также отношение следования. Конструкция ... *диэбит кэннэ* переведено структурой *когда казалось, что*.

СПП с зависимым сказуемым, выраженным причастием на *-быт* в сочетании с частицей *эрэ* и послелогом *кэннэ* – СПП с *пока*: *Дьахтардаах эр киһи балачча уһуннук олорбуттарын эрэ кэннэ Даҕанча төрөөбүтэ*. ‘... и все же довольно долго прожили они, **пока** родился у них Даганча’. В данном примере для передачи отношения следования используется ППК с *кэннэ*, которое конкретизировано усилительно-выделительной частицей *эрэ*. В переводной фразе ЗПЕ имеет иное лексико-семантического наполнение, нежели ЗПЕ якутского высказывания (ср.: *Дьахтардаах эр киһи балачча уһуннук олорбуттарын эрэ кэннэ* и **пока** родился у них Даганча), и отношение актуализированного следования передано контекстуально.

СПП с *ыла* – СПП с *той поры, как*: *Арай соботох уолун кэлэн умса ууран барыахтарыттан ыла, кини кэтит санныгар уон алта төгүл кырыа хаар түһэн ууллубутун, уон алта сыл аасытын бэрт үчүгэйдик билэр* ‘Одно лишь помнил прекрасно: вот уже шестнадцать раз падал на его широкие плечи снег, падал и таял, шестнадцать лет минуло с той поры, **как был** убит его единственный сын’. Конструкцией с *ыла* выражается такое отношение следования, при котором указывается начальная граница совершения главного события.

Мэлмэнэйдээх Илээнки кубулуҕаттара кинилэри туматтар сүрүн түөлбэлэриттэн араарыахтарыттан ыла тусна баран даҕаны түптээн-таптаан олох диэн олордугар дуо? ‘Разве жили они спокойно с **тех пор, как** в незапамятные времена оторвались от родной неведомой земли’. Послелогом *ыла* выражено отношение следования. В переводной фразе *Илээнки кубулуҕаттара, туматтар* опущены, так как понятие соответствия в рамках частной теории перевода тесно связано с понятием ситуативного контекста, который определяет выбор того или иного соответствия при переводе или отказ от использования известных соответствий. В данном случае, конкретные лица заменены на имя числительное *они*.

Фразеологически связанная конструкция с *сабана* – СПП с *когда*: *Кинилэр умналларын сабана, биһиги өйдүүрбүт сабана буоллун!* ‘Пусть сбудется месть, **когда** враги уже забудут о ней, а ты **помни!**’ Данными конструкциями

передается отношение простой одновременности. В структуре и семантике переводной фразы определенные изменения помогают писателю опираться на своеобразные структуры, которые представляют собой один из характерных особенностей стиля художественного текста.

СПП с *былаһын тухары* – СПП с *когда*. Бакамда дьонуттан быстан туһунан олорбутун **былаһын тухары** биир эмэ сыл өлөр куттала суох олорбуттарын өйдөөбөт ‘Ни одного года не припомнит Бакамда, **когда бы не витал** над ними страх мести’. В этой ППК с послелогом *тухары* подчеркивается длительность и конец совершения главного события.

Таким образом, как показывает выбранный материал, рассмотренные временные конструкции якутского языка при переводе на русский язык в основном сохраняют исходные синтаксические значения. Средства выражения подобных значений в исходном и переводимом текстах различные, что обусловлено особенностями якутского и русского языка, являющимися разносистемными языками, а также связано с сюжетными особенностями текста, который характеризуется событиями этносоциального плана.

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
2. Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. – Новосибирск: СО РАН, 1998.
3. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Ч.2. Кн.1, 2. – Новосибирск: Наука, 1976.
4. Черемисина М.И., Бродская Л., Горелова Л. и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск: Наука, 1984.
5. Яковлев В.С.-Далан. Тулаайах оҕо / Сост. Д.Е. Васильева, Н.Е. Винокуров-Урсун. – Якутск: Изд-во “Бичик”, 2005.
6. Яковлев В.С.-Далан. Глухой Вилюй / Пер. на русс. Л. Либединской. – М.: Изд-во “Современник”, 1986.

Научное издание

**ЕВДОКИЯ ИННОКЕНТЬЕВНА КОРКИНА: БИОГРАФИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
НАУЧНОГО И ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ**

Сборник научных статей

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1

Тел: +7 (411) 236-14-49

Официальный портал: www.igi.ysn.ru

ISBN 978-5-902198-37-6

9 785902 198376